

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Ноябрь
Декабрь

7-2023

Современная **ЕВРОПА**

ISSN 0201-7083

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

7 (121) декабрь 2023 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,
С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬАНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

BUTORINA O. EU Trade with China: the Problem of Scarcity • **BABYNINA L.** The Model of Interaction of the European Union with Partner Countries: Swiss Experience • **TIMOFEEV P., KHARITONOVA E., KHOROLSKAYA M.** Europe in Search of New Foreign Policy Strategies: German, French and British Think Tanks' Approaches • **ENTINA E.** Methods of Improving the Competitiveness of EU Space Activities • **SHISHELINA L.** Dynamics of the Political Situation in the V4 Countries Against the Background of the Special Military Operation • **RUSAKOVA M.** Emerging and Recurrent Problems in Hungary and Poland's Conflicts with Brussels • **VEDERNIKOV M.** Czech-Taiwan Relations: a Turn to the East? • **GUDEV P.** Freedom of Navigation in the Baltic (Risks and Challenges for the Russian Federation) • **BELOV V.** German-Chinese Economic Relations in the Context of Current Geopolitical Challenges • **KONDRATIEVA N.** Convergence of the Welfare of EU Countries in the Context of Integration: Hypothesis Testing • **ROGINKO S., ABANINA I., OGLOBLINA E.** The Role of Small and Medium Enterprises in the Development of High-Tech Production in the European Union • **PLYUSNIN R., SKRIPKA I., LESNOY D.** EU Interests in Northern Europe and the Arctic: Challenges for Russia • **NIKIPORETS-TAKIGAWA G.** UK-Japan Strategic Partnership in Defence and Security • **LUNKIN R.** Social Inequality: Modern Risk Society • **KOLESOV D.** Approaches to Inequality in EU Social Policy • **SINDEEV A. A.** Gromyko and Security Policy: Contours of Helsinki • **EREMIN D.** Italian Military Presence in the Adriatic-Ionian Macregion • **SCHOLARLY LIFE**

INHALT

BUTORINA O. EU-Handel mit China: Problem des Defizits • **BABYNINA L.** EU-Modell der Zusammenarbeit mit Partnerländern: Schweizer Erfahrung • **TIMOFEEV P., KHARITONOVA E., KHOROLSKAYA M.** Europa auf der Suche nach neuen außenpolitischen Strategien: Ansätze der deutschen, französischen und britischen Thinktanks • **ENTINA E.** Steigerung der Wettbewerbsfähigkeit der Raumfahrtaktivitäten in der EU • **SHISHELINA L.** Dynamik der politischen Lage in V4-Ländern vor dem Hintergrund der Speziellen Militäroperation • **RUSAKOVA M.** Aufkommende und wiederkehrende Probleme in ungarischen und polnischen Konflikten mit Brüssel • **VEDERNIKOV M.** Tschechisch-taiwanese Beziehungen: Wende nach Osten • **GUDEV P.** Freiheit der Navigation in der Ostsee (Risiken und Herausforderungen für Russland) • **BELOV V.** Deutsch-chinesische Wirtschaftsbeziehungen angesichts der gegenwärtigen geopolitischen Herausforderungen • **KONDRATIEVA N.** Konvergenz des Wohlstandes der EU-Länder bei der Integration: Test der Hypothese • **ROGINKO S., ABANINA I., OGLOBLINA E.** Rolle der kleinen und mittleren Unternehmen in der Entwicklung der Spitzentechnologien in EU • **PLYUSNIN R., SKRIPKA I., LESNOY D.** Interessen der EU in Nordeuropa und der Arktis: Herausforderungen für Russland • **NIKIPORETS-TOKUGAWA G.** Britisch-japanische strategische Partnerschaft im Bereich der Sicherheit und der Verteidigung • **LUNKIN R.** Soziale Ungleichheit: Gegenwärtige Risikogesellschaft • **KOLESOV D.** Ansätze zur Ungleichheit in der EU-Sozialpolitik • **SINDEEV A. A.** Gromyko und Sicherheitspolitik: Helsinki Merkmale • **EREMIN D.** Italienische Militärpräsenz in der Makroregion Adria-Ionisches Meer • **WISSENSCHAFTLICHES LEBEN**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Буторина О.В. Торговля Евросоюза с Китаем: проблема дефицита5

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Бабынина Л.О. Модели взаимодействия ЕС со странами-партнерами:
опыт Швейцарии 21

Тимофеев П.П., Харитонова Е.М., Хорольская М.В. Европа в поисках
новых внешнеполитических стратегий: подходы аналитических
центров Германии, Франции и Британии 35

Энтина Е.Г. Методы повышения конкурентоспособности
космической деятельности ЕС 49

Шишелина Л.Н. Динамика политической ситуации в Вишеградских
странах на фоне СВО 64

Русакова М.Ю. Старые и новые противоречия в конфликте Венгрии
и Польши с Брюсселем 76

Ведерников М.В. Чешско-тайваньские отношения: поворот
на Восток? 86

Гудев П.А. Свобода судоходства на Балтике (*Риски и вызовы*
для Российской Федерации) 98

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Белов В.Б. Германо-китайские экономические отношения в условиях
актуальных геополитических вызовов 111

Кондратьева Н.Б. Сближение благосостояния стран ЕС в условиях
интеграции: проверка гипотезы 127

Рогинко С.А., Абанина И.Н., Оглоблина Е.В. Роль малых и средних
предприятий в развитии высокотехнологичных
производств в ЕС 139

<i>Плюснин Р.М., Скрипка И.Р., Лесной Д.С.</i> Интересы ЕС в Северной Европе и Арктике: вызовы для России	153
---	-----

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Никипорец-Такигава Г.Ю.</i> Британо-японское стратегическое партнерство в области обороны и безопасности	165
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

<i>Лункин Р.Н.</i> Социальное неравенство в современном обществе риска ...	176
<i>Колесов Д.И.</i> Подходы к неравенству в социальной политике ЕС	192

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Синдеев А.А.</i> А.А. Громыко и политика безопасности: контуры Хельсинки	205
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Ерёмин Д.П.</i> Итальянское военное присутствие в Адриатико-Ионическом макрорегионе	215
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научная конференция США и Европейский союз в меняющемся мире 19-21 октября 2023 г., г. Томск	225
--	-----

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 339.5 339.9

ТОРГОВЛЯ ЕВРОСОЮЗА С КИТАЕМ: ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА¹

© 2023 БУТОРИНА Ольга Витальевна

чл.-корр. РАН, доктор экономических наук

Заместитель директора по научной работе, Институт Европы РАН.

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

E-mail: butorina@ieras.ru

Поступила в редакцию 23.10.2023

После доработки 10.11.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. Китай является первым по импорту и третьим по экспорту торговым партнёром Европейского союза. По итогам 2022 г. традиционный для ЕС дефицит увеличился до 400 млрд евро, а обсуждение этой проблемы вышло на самый высокий политический уровень. Цель данной статьи – выявить причины несбалансированности торговли между ЕС и Китаем. Объектом анализа выступают потоки товаров; источником данных служит статистика UNCTADstat в долларах США. Проведенный анализ показал, что уже к 2000 г. совокупный импорт стран ЕС из Китая почти вдвое превышал по стоимости экспорт. На протяжении всех последующих лет отрицательного сальдо Евросоюза составляло 50–70% стоимости его импорта. Происходившее в 2009–2020 гг. движение к большей сбалансированности было прервано и обращено вспять событиями 2021–2022 гг. Главными долгосрочными причинами дефицита торгового баланса ЕС в торговле с Китаем являются: ускоренный рост импорта и высокая концентрация экспорта на поставках из Германии (до ½ стоимости) и еще 3–4 стран при малых экспортных усилиях со стороны остальных государств-членов. Причиной резкого роста дефицита ЕС в 2022 г. стало сужение внутреннего спроса в КНР, а также его перераспределение между производственным и личным потреблением в пользу последнего. Тезис о том, что неблагоприятная деловая среда в Китае является основным препятствием для экспорта из стран ЕС, не находит статистического подтверждения, поскольку в 2000–2020 гг. поставки европейских товаров в КНР росли более высокими темпами, чем в другие регионы мира.

¹ Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, международная торговля, экспорт, импорт, торговый баланс, дефицит

DOI: 10.31857/S020170832307001X

EDN: rybpyq

Китай как партнёр Евросоюза

По данным 2022 г. в совокупной торговле Евросоюза товарами (без услуг) Китай занимал первое место по импорту и третье по экспорту; в общей сложности по стоимости товарооборота Китай находился на втором месте среди партнёров ЕС. На Китай приходится 9% товарного экспорта ЕС за пределы объединения и 21% импорта из третьих стран (то есть извне Единого внутреннего рынка). По некоторым группам товаров ЕС имеет весьма высокую зависимость от поставок из Китая. Так, его доля в импорте всех обработанных товаров составляет 34%, в импорте машин и транспортного оборудования – 41% (в том числе в закупках офисного и телекоммуникационного оборудования – 56%, электрооборудования – 52%), в импорте текстиля – 38%. Европейский союз являлся первым по значению партнёром Китая как по всему товарообороту, так и среди стран-поставщиков товаров на китайский рынок. Среди направлений китайского экспорта Евросоюз располагается на втором месте, следуя с минимальным отрывом сразу за США¹.

Со стороны ЕС торговые связи с Китаем регулируются в настоящее время двумя основными политическими документами. Оглашенное в марте 2019 г. совместное сообщение Европейской комиссии и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности о перспективах двусторонних отношений рассматривает Китай в качестве стратегического партнёра, а также системного и технологического конкурента. Хотя обе стороны, согласно букве документа, представляют друг для друга стратегически важные рынки, особую озабоченность ЕС вызывает проводимая Китаем государственная политика поощрения национальных чемпионов и ограничения доступа иностранных компаний на внутренний рынок. Брюссель ставит задачу развивать экономическое сотрудничество с КНР на условиях взаимной выгоды и баланса интересов [European Commission, 2019].

Основные цели и принципы общей торговой политики ЕС на период до 2030 г. изложены в сообщении Европейской комиссии от 18 февраля 2021 г. Среди главных причин нарастания глобальной неопределенности первой назван процесс глобализации и связанные с ним технологические сдвиги, а второй – ускоренное развитие Китая, который в силу своих амбиций и модели государственного капитализма уже «существенно изменил мировой экономический и политический порядок» [European Commission, 2021].

¹ European Union, Trade in goods with China. European Commission, Directorate General for Trade. 19-04-2023. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_china_en.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

Как известно, торговая политика государств-членов Евросоюза полностью передана на наднациональный уровень и находится в компетенции его руководящих органов. В ней, согласно рассматриваемому документу, Евросоюз намерен руководствоваться принципом «открытой стратегической автономии». Он должен обеспечить способность ЕС «совершать выбор и формировать окружающий мир посредством лидерства и вовлеченности согласно своим стратегическими интересами и ценностями». Данный принцип включает три элемента: жизнестойкость и конкурентоспособность, устойчивость и справедливость, самоутверждение и основанное на правилах сотрудничество¹.

В торговле с Китаем Евросоюз намерен развивать и применять в автономном режиме инструменты, необходимые для защиты его важнейших интересов. Декларируется готовность органов ЕС добиваться уменьшения негативных внешних эффектов, которые возникают из-за действующей в КНР системы государственного капитализма, а также побуждать правительство Китая принимать на себя больший объем обязательств в сфере международной торговли [European Commission, 2021].

Ожидалось, что развитию сбалансированных отношений (в первую очередь, лучшему доступу европейских компаний на китайский рынок) будет содействовать Всеобъемлющее инвестиционное соглашение², хотя оно и не охватывало вопросы торговли. После шести лет переговоров в декабре 2020 г. стороны достигли принципиального соглашения и перешли к процедуре экспертизы. Однако соглашение не было ратифицировано по вине европейской стороны [Исаченко и др.; Виноградов, 2022: 360]. После визита председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен в Пекин в апреле 2023 г. стало ясно, что тема соглашения снята с повестки дня.

Отношения сторон в области торговой политики содержат ставший традиционным набор претензий. Брюссель считает, что китайские компании получают государственные субсидии и прибегают к несправедливой конкуренции как на внутреннем, так и на внешних рынках. Пекин критикует ЕС за необоснованное применение антидемпинговых процедур. Обе стороны с переменным успехом подают жалобы в ВТО [Носов, 2018].

4 октября 2023 г. Европейская комиссия инициировала антидемпинговое расследование в отношении поставляемых из КНР электромобилей, производители которых, как считается, получают государственные субсидии. Если факт будет доказан, за ним последует введение антидемпинговых пошлин, поскольку сектор «обладает огромным потенциалом для будущей конкурентоспособности» Евросоюза и его «лидирующих позиций в зеленой индустрии» [European Commission,

¹ В оригинале: resilience and competitiveness; sustainability and fairness; assertiveness and rules-based cooperation. В русскоязычной литературе «resilience» и «assertiveness» также переводятся как «резильентность» и «ассертивность»; оба термина вошли в экономический лексикон из психологии.

² EU-China Comprehensive Agreement on Investment. Levelling the playing field with China. European Parliament Briefing. International Agreements in Progress. European Parliament Research Service (EPRS). Author: Gisela Grieger. March 2021. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/679103/EPRS_BRI\(2021\)679103_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/679103/EPRS_BRI(2021)679103_EN.pdf) (дата обращения: 15.10.2023).

2023а]. В ответ правительство КНР запретило с 1 декабря 2023 г. экспорт графита без специальной лицензии. Страна контролирует 61% мирового рынка этого минерала, критически важного для производства батарей, в том используемых в электрокарах.

Рассматривая проблему торговых противоречий, китайские исследователи стремятся поместить ее в широкий контекст. На примере США они доказывают, что любые попытки ограничить импорт из Китая неминуемо отражаются на объемах встречного, экспортного потока. Отсюда делается вывод, что протекционистские меры усугубляют дефицит торгового баланса противоположной стороны и наносят больший вред американской экономике, чем экономике других стран. Попутно возникают общие отрицательные эффекты: растут риски для мировой экономики, нарушаются сложившиеся цепочки поставок, тормозятся инвестиции, подрывается доверие бизнеса [Pui Sun Tam, 2019; Чжэн Вэй, 2020].

Динамика дисбаланса

За последнюю четверть века торговые связи Европейского союза с Китаем многократно расширились, что явилось отражением ускоренного развития экономики Китая и радикального повышения степени её открытости. С 1995 г. по 2022 г. экспорт стран ЕС (в его нынешнем составе) увеличился в долларовом выражении¹ почти в 13 раз, тогда как импорт из Китая вырос в 23 раза. За этот же промежуток времени вся международная торговля стран ЕС (включая потоки между государствами-членами объединения) увеличилась не более, чем в четыре раза (Табл. 1). На протяжении исследуемого периода по своим динамическим характеристикам отчётливо выделяются четыре периода.

На первом этапе (1995–2002 гг.) новое руководство КНР во главе с Цзян Цзэмином видело в Евросоюзе партнёра, сотрудничество с которым будет способствовать модернизации национальной экономики и подъёму уровня жизни. После распада СССР возрастала роль ЕС как балансира отношений Китая с Соединёнными Штатами. Брюссель также проявлял заинтересованность в развитии отношений с Китаем, хозяйственные успехи которого начинали влиять на мировую хозяйственную конъюнктуру. В 1996–1998 гг. КНР и ЕС заключили соглашение в сфере интеллектуальной собственности и высшего образования, установили режим регулярных встреч на высшем уровне. В ноябре 2001 г. Китай присоединился к ВТО [Виноградов, Лушник: 2017].

¹ Здесь и далее автор опирается на статистику ООН, а именно на данные UNCTADstat и Comtrade. Выбор в их пользу (и отсюда показателей в долларах США), а не в пользу статистики Eurostat (и показателей в евро), имеет два обоснования. Первое – возможность сравнивать динамику торговых потоков стран ЕС с аналогичной динамикой Китая, что нельзя сделать по базе Eurostat. Второе – значительное (на 20%) снижение курса евро к доллару на протяжении 2021–2022 гг. (с 1,23 на 05.01.2021 до 0,97 на 30.09.2022), что затрудняет статистическое обнаружение самого факта падения экспортных поставок из ЕС в Китай, тогда как анализ этого явления имеет ключевое значение для объяснения причин взрывного роста торгового дефицита Евросоюза.

Таблица 1

Торговля товарами стран ЕС-27 с Китаем в 1995–2022 гг.

	Стоимость, млрд долл.					Средние годовые темпы, %			Прирост 2022/2020
	1995	2003	2008	2020	2022	1995-2002	2003-2008	2009-2020	
Экспорт в КНР	19	44	108	230	243	7,2	19,7	7,1	1,053
Импорт из КНР	32	107	361	489	722	12,9	27,6	4,7	1,475
Весь экспорт	1956	2851	5478	5475	7153	2,7	13,9	2,3	1,306
Весь импорт	1863	2738	5591	5156	7467	2,7	15,3	1,9	1,448

Примечание: по методологии UNCTADstat, за все периода данные отражают торговые потоки стран ЕС в его современном составе 27 государств-членов.

Источник: данные и расчет по UNCTADstat, International merchandise trade/ Trade value and volumes, total trade and share; Trade structure/ merchandise trade matrix in thousands US dollars, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 10.10.2023).

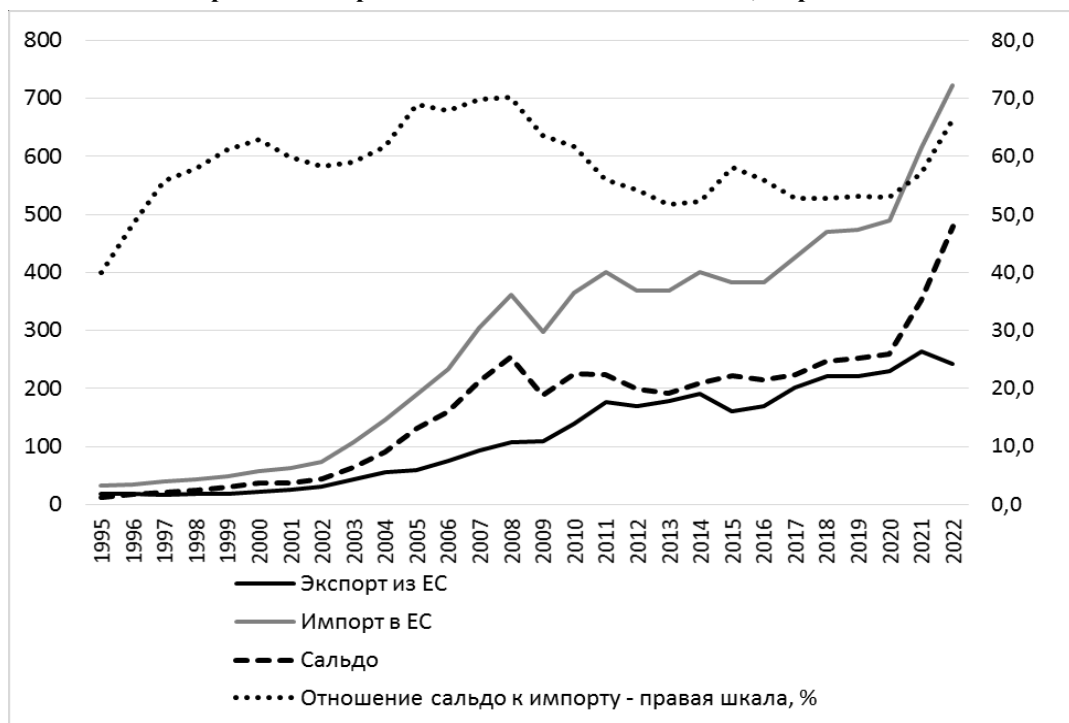
Хотя ежегодные объёмы двусторонних поставок были невелики и исчислялись десятками миллиардов долларов, а доля Китая не превышала 2-3% всей внешней торговли стран ЕС, импорт из Китая уже тогда рос гораздо быстрее, чем европейский экспорт. Отношение отрицательного сальдо ко всей стоимости ввозимых из КНР товаров поднялось с 40% в 1995 г. до 63% в 2000 г. (Рис. 1).

На втором этапе (2003–2008 гг.) темпы роста мирового ВВП, всей мировой торговли и международных потоков капитала существенно повысились. Общий экспорт и импорт стран ЕС ежегодно прирастала на 14–15%. Зато поставки в Китай в среднем увеличивались на 20% в год, а закупки китайских товаров – на 28% в год. Вследствие этой разницы на конец 2008 г. отрицательное сальдо Евросоюза в торговле с Китаем превысило психологически значимый рубеж в 250 млрд долл. (примерно столько составлял ВВП Португалии). Относительная величина дефицита в товарной торговле с Китаем уже несколько лет находилась на уровне 70% от стоимости импорта.

В октябре 2006 г. Европейская комиссия приняла сообщение об отношениях с Китаем. Документ признавал, что, хотя компании и потребители стран ЕС «получают выгоду от конкурентоспособных цен китайских ресурсов и потребительских товаров», растущий импорт из Китая осложнил задачу адаптации экономики ЕС к процессу глобализации. Брюссель призывал правительство КНР выполнить и перевыполнить обязательства перед ВТО с задачей «продолжить открытие своего рынка, чтобы создать возможности для компаний ЕС». Евросоюз заявлял о готовности оказывать давление на Китай, чтобы тот прекратил запрещенное субсидирование своих предприятий, реформировал банковскую систему и либерализовал торговлю сырьём. Комиссия обещала приложить «значительные усилия для оказания помощи компаниям, ведущим бизнес с Китаем, в частности малым и средним предприятиям, одновременно призывая их «уважать стандарты достойного труда» [Commission of the European Communities, 2006].

Рисунок 1

Торговля товарами ЕС и Китая в 1995–2022 гг., млрд долл.

Источник: данные и расчет по UNCTADstat, International merchandise trade/ Trade value and volumes, total trade and share; Trade structure/ merchandise trade matrix in thousands US dollars, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 10.10.2023).

Начало третьему этапу (2008 – 2020 гг.) положил мировой финансовый кризис. По итогам 2009 г. импорт Евросоюза из КНР упал на 64 млрд долл., или на 8%. Экспортные поставки показали большую устойчивость и удержались на прежней отметке. Хотя в 2010 г. импорт из Китая достиг предкризисного уровня, в последующие несколько лет он пребывал в состоянии близком к стагнации. Очередной подъем начался во второй половине 2010-х гг.; по итогам 2020 г. стоимость ввезенных из Китая товаров превысила уровень 2016 г. на 28%, что соответствовало приросту одного года в докризисный период.

Европейские компании стремились извлечь пользу из растущей ёмкости внутреннего рынка Китая, чему способствовала активная антикризисная политика китайского руководства. С целью преодоления последствий глобальной рецессии в начале 2009 г. Пекин объявил о введении стимулирующих мер на сумму до 600 млрд долл. Страна стала быстро наращивать производство стали, цемента и алюминия, что привлекло на её рынок поставщиков сырья. Далее Китай стал ведущим мировым получателем иностранных инвестиций, оттеснив с этой позиции традиционного лидера в лице США [Lavery, 2023].

Поскольку ЕС поставляет в Китай в основном готовую и высокотехнологичную продукцию, определенные риски для европейских компаний появлялись вследствие оглашенного в 2015 г. плана «Сделано в Китае 2025». Разработанная под руководством премьер-министра Ли Кэцзяна программа ставит задачу ускорить переход от трудоёмкого производства на высокотехнологичное. Предполагается, что к 2025 г. до 80% китайского рынка бытовой электроники, машин и оборудования и химической продукции будет занято китайскими компаниями. Они также будут удовлетворять до 70% внутреннего спроса на основные высокотехнологичные компоненты.

Открывались и новые возможности. Когда в 2018 г. Вашингтон начал торговую войну с Китаем, ценовая конкурентоспособность американских товаров снизилась. Ситуацией поспешили воспользоваться крупные европейские компании, такие как французский Airbus и гиганты немецкого автопрома. Так, количество проданных на китайском рынке в 2018 г. автомашин Audi и Mercedes Benz увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 13%, а BMW – на 21% [Виноградов и др., 2019].

За девять лет – с 2009 г. по 2018 г. – экспорт стран ЕС в Китай удвоился. Активный рост промышленного производства и приток в страну иностранных инвестиций стимулировали спрос на инвестиционные товары, в первую очередь машины и оборудование, которые стабильно составляют 50–60% экспорта стран ЕС в КНР. На данном временном отрезке темпы роста европейского экспорта почти вдвое превышали темпы роста импорта. Благодаря этому отрицательного сальдо Евросоюза стабилизировалось. К началу третьего десятилетия XXI в. его абсолютная величина находилась на том же уровне, что и в 2008 г., а отношение дефицита к импорту снизилось с 70 до 53%.

Однако за этими сводными цифрами на уровне отдельных стран скрывались два требующих исследования факта. Во-первых, у всех без исключения государств-членов ЕС состояние баланса в торговле со всем внешним миром было существенно лучше, чем в торговле с Китаем. Во-вторых, происходившее улучшение общего торгового баланса у одной группы стран в той или иной мере захватывало торговлю с Китаем, а у другой никак в ней не проявлялось. Например, переход Польши к профициту во всей внешней торговле (включая партнёров по ЕС) не отразился на связях с Китаем, где экспортная выручка по-прежнему покрывает менее 10% расходов на импорт. В плачевном состоянии находится баланс расчётов с Китаем у Греции: её платежи за ввезенные китайские товары превышают поступления от продаж в 20 раз (Табл. 2).

У экспорта из Евросоюза в Китай есть важная особенность – он осуществляется из крайне узкого круга стран. Причем внутри этого узкого круга не только лидирует, но и стабильно доминирует Германия. На протяжении последних двух десятилетий она неизменно давала половину всех поставок из ЕС на китайский рынок. По итогам 2020 г. доля Германии составляла 48%, на втором месте с долей 9% располагалась Франция¹. Далее с долями по 5–7% у каждой следовали Нидерланды, Италия и Ирландия. Вместе на эти пять стран приходилось 76% поставок из ЕС в Китай. Доли по 2–4% имели: Австрия, Бельгия, Дания, Испания и Швеция. Остальные 17 государств-членов ЕС практически не участвовали в освоении китайского рынка.

¹ Данные о географической структуре торговли стран ЕС с Китаем за 2020 г. представляются более показательными, чем за последующие два года, когда динамику потоков искажал восстановительный рост после пандемии, а затем сдвиги в структуре внутреннего спроса Китая.

Таблица 2

Отношение сальдо торгового баланса отдельных стран ЕС к стоимости их импорта во всей торговле и в торговле с Китаем в 2000–2022 гг., %

	2000	2008	2010	2015	2020	2021	2022
Австрия всего	-6,5	-1,6	-4,1	-2,1	-1,8	-7,6	-8,9
Австрия-КНР	-61,0	-62,4	-48,3	-59,1	-61,6	-38,3	-43,3
Германия всего	11,0	22,0	19,4	26,2	18,0	15,1	5,5
Германия-КНР	-49,0	-44,4	-31,1	-23,1	-18,2	-27,6	-44,6
Греция всего	-64,9	-71,5	-58,2	-39,0	-37,1	-38,8	-41,3
Греция-КНР	-95,6	-95,9	-88,9	-91,1	-77,2	-85,7	-94,8
Италия всего	0,7	-3,4	-8,2	11,2	17,1	8,5	-4,7
Италия-КНР	-66,7	-72,8	-70,2	-63,1	-60,2	-59,4	-71,8
Испания всего	-26,2	-33,1	-22,2	-9,5	-5,5	-9,5	-15,2
Испания-КНР	-88,3	-89,5	-85,9	-81,5	-72,1	-75,1	-84,1
Польша всего	-35,3	-18,4	-10,3	-1,6	4,7	-0,4	-5,4
Польша-КНР	-93,1	-92,4	-90,1	-90,2	-91,7	-93,3	-93,6
Франция всего	-3,3	-14,0	-14,3	-11,3	-15,9	-18,2	-24,5
Франция-КНР	-69,2	-70,8	-70,2	-61,6	-51,5	-41,2	-51,8

Источник: данные и расчет по UNCTADstat, International merchandise trade/ Trade value and volumes, total trade and share; Trade structure/ merchandise trade matrix in thousands US dollars, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 10.10.2023).

Возможности экспорта в Китай тесно связаны с инвестициями и с участием в глобальных цепочках создания стоимости. Так, для Германии из 11 млн автомобилей, которые немецкие автоконцерны производят за рубежом, почти половина выпускается в Китае. Производитель полупроводников компания Infineon направляет в Китай треть производимой продукции. Несколько производственных комплексов в Китае имеет химический концерн BASF. Согласно проведенному в начале 2020 г. опросу среди немецких промышленных предприятий, 81% респондентов указали, что их компании прямо или косвенно зависят от китайских поставок [Зарицкий, 2021].

Европейские прямые инвестиции в Китай имеют высокую концентрацию по странам происхождения. По данным исследовательской группы *Rhodium Group*, на протяжении последних лет от 1/3 до 1/2 всех поступающих в КНР из Европы прямых иностранных инвестиций направлялось из Германии. Ещё 10–20% поступало из Великобритании, примерно 10% – из Франции и от 5 до 20% – из Нидерландов (за исключением 2019 г., когда их доля поднялась до 44%). Доля всех остальных вместе взятых стран Европы в редкие годы превышала 30%¹. Из этого следует, что возможности наращивания экспорта из ЕС в Китай ограничены потенциалом небольшой группы стран, а, точнее, их транснациональных корпораций.

¹ The Chosen Few: A Fresh Look at European FDI in China. Kratz A., Barkin N. and Dudley L. September 14, 2022. URL: <https://rhg.com/research/the-chosen-few/> (дата обращения: 15.10.2023).

Четвертый период, о котором пойдет речь в следующем параграфе, начался в 2021 г., когда мир вышел из острой фазы пандемии Covid-19 и сопровождавших её локдаунов. Судить о его экономической природе можно будет не раньше, чем через год-два. Сейчас же мы видим спонтанное прерывание благоприятных для ЕС тенденций 2010-х гг.

Хотя по итогам 2020 г. вся глобальная торговля, а также товарные потоки стран Евросоюза сократились на 7%, их товарообмен с Китаем проявил редкую устойчивость и не показал понижительной динамики. Начавшийся в 2021 г. восстановительный рост гораздо сильнее проявился в импорте, чем в экспорте. Итоги следующего года шокировали. Импорт в долларовом выражении увеличился на 17%, а экспорт упал на 8%, что стало причиной образования у ЕС колоссального отрицательного сальдо.

Кризис: истоки и перспективы

7 августа 2023 г. в интервью газете *Financial Times* заместитель председателя Европейской комиссии, отвечающий за вопросы торговли, Валдис Домбровскис сообщил, что за последние два года дефицит ЕС в торговле с Китаем удвоился и приблизился к «ошеломляющей» сумме 400 млрд евро. Брюссель настаивал, чтобы Пекин снизил импортные барьеры, поскольку степень открытости рынков с китайской стороны не соответствует степени их открытости со стороны Евросоюза¹.

Действительно, отрицательное сальдо ЕС в торговле с КНР увеличилось с 260 млрд долл. в 2020 г. до 480 млрд долл. в 2022 г., то есть общая прибавка составила 220 млрд долл. На какие страны ложится ответственность за этот негативный сдвиг? Наибольший прирост дефицита показали Германия (67 млрд долл.), Нидерланды (36 млрд долл.), Италия (25 млрд долл.) и Испания (20 млрд долл.) Ещё по 9–13 млрд долл. добавили Бельгия, Чехия и Польша. В общей сложности их прирост дефицита составил 180 млрд долл., или свыше 80% от общей для Евросоюза суммы. Довольно хорошо показала себя Франция: её отрицательное сальдо увеличилось за два года на 5,5 млрд долл. – ненамного больше, чем у Греции и Словении, население которых соответственно в 6 и в 30 раз меньше французского.

За два года в большинстве стран ЕС стоимость импорта из Китая возросла в 1,5–2,0 раза, тогда как экспорт в общей сложности увеличился на 5% (в результате прироста 2021 г. и снижения 2022 г.) Причем импортные потоки отдельных государств–членов развивались более синхронно, чем экспортные. Коэффициент вариации (рассчитанный как отношение среднеквадратичного отклонения прироста 2020 – 2022 гг. к среднему арифметическому показателю по всем 27 странам) составил 0,26 по импорту и 0,31 по экспорту. Экспорт из Австрии, Финляндии, Франции, Италии, Ирландии увеличился за два года в 1,2–1,3 раза. Экспорт из Германии, Нидерландов и Чехии, Польши и Португалии остался практически на том же уровне. Экспорт из Испании упал на 10%, из Швеции, Бельгии и Болгарии – на 15–20%, поставки из Греции сократились вдвое, а из Литвы – втрое.

¹ EU trade chief to push China on barriers to exports. Commissioner Valdis Dombrovskis hopes to address ‘very unbalanced’ ties after surge in Chinese imports. Andy Bounds and Sam Fleming, *Financial Times*, August 7, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/23057678-fc62-42aa-93dc-dd1752f723d3> (дата обращения: 10.15.2023).

Эксперты Банка Финляндии объясняют эту разницу структурным сдвигом в композиции внутреннего спроса Китая, а именно – постепенным сокращением производственного спроса и ростом потребительского. Как следствие, доля в китайском импорте промышленного сырья, металлов, машин и оборудования имеет тенденцию к снижению, тогда как спрос на продукцию сельского хозяйства, продукты питания и потребительские товары увеличивается. Ожидается, что среди стран еврозоны от этой перегруппировки особенно проиграют Германия, Финляндия и Италия, зато выиграют Испания и Ирландия [Simola, 2023].

Под этим углом зрения тезис В. Домбровскиса о том, что Китай должен обеспечить лучший доступ европейским компаниям на свой внутренний рынок, и о том, что именно воздвигаемые Пекином барьеры для экспорта являются главной причиной «ошеломляющего» роста дефицита ЕС, требует более взвешенной оценки. Есть основания полагать, что поставки из стран ЕС в Китай медленно развивались в 2021 г., а потом обрушились в 2022 г. не из-за явного или скрытого протекционизма китайских властей, а из-за эволюции структуры совокупного внутреннего спроса. Она же стала естественным следствием общего замедления темпов роста китайской экономики, накопления в ней избыточных производственных мощностей, исчерпания потенциала строительного бума. Теперь основным драйвером хозяйственного развития должен стать рост доходов населения, а не государственные расходы на создание инфраструктуры и производственных мощностей, как это было в предыдущие два десятилетия.

Данное предположение требует проверки на статистическом материале – путём сравнения динамики всего импорта Китая и его импорта из стран ЕС. По итогам 2022 г. общий импорт Китая увеличился с 2284 до 2716 млрд долл., или на 1,2%. Показатель, прямо скажем, скромный, особенно на фоне 30-процентного прироста в 2021 г. Из всех крупных товарных групп в 2022 г. рост закупок отмечался только в части топлива – на 33% вследствие роста мировых цен. Ввоз продукции обрабатывающей промышленности сократился на 7%, машин и оборудования – на 10%, в том числе электронного – на 15%.

За этот же год экспорт из стран ЕС в Китай продукции обрабатывающей промышленности уменьшился на 7%, машин и оборудования – на 8%, в том числе электронного – на 5%. Иначе говоря, по всем обработанным товарам поставщики из стран ЕС оказались точно в таких же условиях, как поставщики из других стран мира. При этом европейские экспортёры машин, оборудования и транспортных средств испытали на себе даже меньшее давление сжимающегося внутреннего спроса Китая, чем их конкуренты из третьих стран.

Говоря о снижении импорта КНР в 2022 г., следует помнить, что к этому времени экономика страны уже была основательно ослаблена затяжной борьбой с пандемией. Новые вспышки инфекции и новые локдауны в Шанхае и в 70 других крупных городах усугубили ситуацию. Несмотря на стимулирующие меры правительства, ресурсов для хозяйственного подъёма явно не хватало. По итогам 2022 г. прирост ВВП Китая составил 3% против ожидавшихся 5%, а в 2023 г. страна по-прежнему находясь на этапе восстановления [Цыплаков, 2023]. В целом период, когда экономика Китая демонстрировала чрезвычайно высокие темпы роста, завершился. Это признают и китайские, и зарубежные эксперты [Цай Фан, 2023: 364; Михеев,

Луконин, 2023; Garcia-Herrero, 2023; Gros, 2023]. Поэтому произошедшее в 2022 г. снижение несырьевого импорта КНР (как из всех стран мира, так и из Евросоюза), может быть не единичным эпизодом, а началом новой тенденции.

Более детальное изучение китайского импорта машин и оборудования подтверждает вывод о наличии тесной связи между импортными потребностями Китая и объёмами ввоза из ЕС. В части электрогенераторного оборудования, машин специального назначения и металлообрабатывающего оборудования (группы 71, 72 и 73 Стандартной международной товарной классификации – СМТК) поставки из ЕС снизились в той же мере, что и из всех стран мира. Ввоз из ЕС канцелярских машин, автомобилей и прочих электрических машин показал меньшее снижение. Только в группах летательных аппаратов и прочего промышленного оборудования китайский импорт из ЕС упал сильнее, чем из всех регионов мира¹ (Табл. 3).

Полученные результаты согласуются с выводом специалистов аналитического центра Брегель (Bruegel). Их исследование показало, что условия, в которых оперируют европейские компании в Китае, не являются менее благоприятными, чем в других странах со средним уровнем доходов. Более того, качество деловой среды в Китае по многим показателям соответствует среднему уровню стран ОЭСР, то есть промышленно развитых. И хотя по заявлениям западных политиков иностранный бизнес страдает от административного произвола китайских властей, большинство опрошенных фирм заявили, что они не ощущают дискриминации. Даже наоборот, в ряде ситуаций власти относятся к зарубежному бизнесу более доброжелательно, чем к отечественному [Dadush and Weil, 2021]. По утверждению китайских официальных лиц, страна намерена и дальше открываться по отношению к внешнему миру, улучшать деловой климат и обеспечивать равные условия для национальных и зарубежных операторов [Shi Yan, 2023].

Главным источником обострения проблемы несбалансированности торговли ЕС и Китая стало именно торможение европейского экспорта. Импортные потоки из КНР росли в 2022–2020 гг. с той же скоростью, что и из всех регионов мира, включая торговлю между государствами-членами ЕС. Но поставки в Китай показали гораздо меньший прирост, чем общий экспорт Евросоюза, – соответственно +5% и +31% за два года (Табл. 1). Наибольшие трудности с началом пандемии и после ее окончания возникли у поставщиков машин и оборудования. За один только 2022 г. стоимость экспорта данной группы товаров упала на 11 млрд долл.

Тем удивительнее, что в ходе визита В. Домбровскиса в Китай в сентябре 2023 г. тема поставок машин и оборудования (кроме медицинского) не поднималась. Упор был сделан на облегчении доступа на китайский рынок производителей косметики, детского питания и медицинского оборудования. Также обсуждалась тема поставок сырья, в том числе критически важных видов [European Commission, 2023b].

Очевидно, что благоприятные условия для экспорта в Китай косметики и детского питания (будь они созданы) не решит проблему несбалансированности дву-

¹ К ней относятся: холодильное и нагревательное оборудование, насосы, погрузочно-разгрузочное оборудование, неэлектрические машины и механическое оборудование, подшипники, краны и клапаны, передаточные валы).

сторонней торговли. Вероятно, руководство ЕС смирилось с неизбежным сокращением китайского импорта инвестиционных товаров и теперь старается расчистить поле для экспорта потребительских товаров массового спроса и медицинской техники (что важно на фоне старения населения в КНР). Ставка делается на крупные компании, такие как французские *L'Oreal* и *Danone*, нидерландская *Ausnutria* и расположенные в Ирландии заводы по производству детских смесей. Китайский рынок косметики быстро и пока безостановочно растет, а страна вместе с Гонконгом потребляет половину всего экспорта детского питания из ЕС.

Таблица 3

**Импорт Китаем отдельных видов машин и оборудования
в 2022 – 2021 гг., млн долл.**

Товарная группа	Весь импорт			Импорт из ЕС		
	2021	2022	Δ, %	2021	2022	Δ, %
Энергогенераторные машины и оборудование (71)	25358	24319	-4,1	8105	7642	-5,7
Машины специального назначения (72)	71700	61387	-14,4	16532	14163	-14,3
Машины для обработки металлов (73)	9728	8701	-10,6	3172	2984	-10,5
Прочее промышленное оборудование (74)	58766	52409	-10,8	24631	20717	-15,9
Канцелярские машины и оборудование для обработки данных (75)	137095	74278	-45,8	2507	1507	-39,9
Прочие электрические машины и их детали (77)	582059	133909	-77,0	36357	23486	-35,4
Автомобили (78)	86300	80801	-6,3	43196	42148	-2,4
Прочее транспортное оборудование (79)	17292	13029	-24,6	10078	6890	-31,6
в т.ч. Летательные аппараты и их детали (792)	13013	10886	-16,3	8889	6494	-26,9

Примечание: в скобках приведены коды товарных групп по Стандартной международной торговой классификации ООН, Четвертый пересмотренный вариант 2008 г. Группа 76 – телекоммуникационное и звукозаписывающее оборудование – исключена из выборки по причине резких колебаний годовых объемов поставок.

Источник: UNCTADstat, International merchandise trade/ Trade structure/ merchandise trade matrix in thousands US dollars, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 10.10.2023).

Судя по данным за первое полугодие 2023 г., состояние торгового баланса Евросоюза с Китаем несколько улучшилось. Экспорт фактически остался на уровне предыдущего года и составил 122 млрд долл., а импорт уменьшился на 14% до 283 млрд долл. Таким образом отношение отрицательного сальдо к абсолютной величине импорта снизилось до 57%¹.

¹ База данных Comtrade.

* * *

С конца 1990-х гг. торговля товарами между Европейским союзом и Китаем развивалась более высокими темпами, чем вся внешняя торговля ЕС, включая поставки между государствами членами. Результатом стало повышение доли Китая в географической структуре как экспорта, так и импорта всех без исключения стран ЕС. При этом до мирового финансового кризиса 2008 г. импортный поток рос значительно быстрее, чем экспортный, что привело к образованию у ЕС крупного и устойчивого отрицательного сальдо.

В период 2009–2020 гг. темпы роста импорта стран ЕС из Китая резко снизились, что положительно отразилось на относительной величине торгового дефицита. Проблема вновь обострилась, когда после окончания пандемии Covid-19 страны ЕС возобновили массовые закупки в Китае, а их экспорт натолкнулся на снижение внутреннего спроса, особенно на инвестиционные товары.

Тезис о том, что система государственного капитализма и административные барьеры затрудняют деятельность европейских компаний на китайском рынке, не находит статистического подтверждения. На протяжении 1995–2020 гг. экспорт из ЕС в Китай рос быстрее, чем во все другие регионы мира, включая поставки внутри ЕС. Однако начавшийся переход КНР к более низким темпам роста ВВП может изменить это соотношение и стать причиной долгосрочного обострения проблемы несбалансированности двусторонней торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борох О.Н., Ломанов А.В. (2020) Китайский путь реформ в условиях глобализации *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 6. С. 66–75. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75.

Виноградов А.О. (2022) О некоторых особенностях отношений государств Европейского союза с КНР на современном этапе. В кн.: Бабаев К.В., Лукин А.В. (отв. ред.) *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022*. Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва. 432 с. С. 356–365. DOI 10.48647/ISSA.2023.97.55.001.

Виноградов А.О., Зацепенко А.Ю., Сафронова Е.И. (2019) США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Т. 24. № 24. С. 187–206. DOI: 10.24411/2618_6888_2019_10011

Виноградов, А.О., Лушник М.О. (2017) К истории формирования отношений КНР-ЕС. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Т. 22. № 22. С. 352–368. DOI 10.24411/9785-0324-2017-00023.

Зарицкий Б.Е. (2021) Германия-Китай: партнеры, конкуренты или системные соперники? *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 2. С. 16–28. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-2-16-28.

Исаченко Т.М. Медведкова И.А., Крючков Р.В. (2022) Всеобъемлющее инвестиционное соглашение между ЕС и КНР: проблемы заключения и поиск баланса интересов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 38. № 1. С. 26–64. DOI 10.21638/spbu05.2022.102.

Михеев В.В., Луконин С.А. (2023) Кризис-содержащие факторы развития КНР. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 5. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33

Носов М.Г. (2018) ЕС и Китай: торговля или стратегия. *Современная Европа*. № 6(85). С. 5–18. DOI 10.15211/soveurope620180517.

Цай Фан (2023) *Чему учат 40 лет реформ и открытости в Китае*. Китайская академия общественных наук. Перевод с китайского Чэнь Айжу. Весь Мир, Москва. 368 с.

Чжэн В. (2020) Внешнеторговая деятельность КНР. *Российский внешнеэкономический вестник*. № 1. С. 104–109.

Цыплаков С.С. (2023) Экономическая политика Китая в 2022 г. В кн.: Бабаев К.В., Лукин А.В. (отв. ред.) *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022*. Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва. 432 с. С. 109–121. DOI 10.48647/ISSN.2023.97.55.001.

Dadush, Uri and Weil, Pauline (2021) How difficult is China's business environment for European and American companies? *Bruegel Policy Contribution*, No. 12/21.

Commission of the European Communities (2006) China: Closer partners, growing responsibilities. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Brussels, 24.10.2006. COM(2006) 632 final.

European Commission (2019) EU-China – A strategic outlook. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council. Strasbourg, 12.3.2019. JOIN(2019) 5 final.

European Commission (2021) Trade Policy Review – An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 18.2.2021. COM(2021) 66 final.

European Commission (2023a) Commission launches investigation on subsidized electric cars from China. Press release. Brussels, 4 October 2023.

European Commission (2023b) EU calls for greater market access and fair competition at EU-China High-Level Dialogue. Press release, Brussels, 25 September 2023.

Garcia-Herrero, Alicia (2023) Can Chinese growth defy gravity? *Brugel Policy Brief*, June 20.

Gros, Daniel (2023) The Real Problem with China's Economy. *Project Syndicate*, September 11.

Lavery, Scott (2023) Rebuilding the fortress? Europe in a changing world economy, *Review of International Political Economy*. DOI: 10.1080/09692290.2023.2211281

Shi Yan (2023) China – EU relations: Making steady progress amidst great challenges and embracing new prospects through joint efforts. Xu Bu (Ed.) *The CIIIS Blue Book on International Situation and China's Foreign Affairs (2021/2022)*. China Institute of International Studies. P. 204–218.

Simola, Heli (2023) Consumed in China – Rebalancing China's demand and Chinese imports. *BOFIT Policy Brief*. No. 5. Bank of Finland Institute for Emerging Economies, 14 March.

Tam, Pui Sun (2020) Global impacts of China-US trade tensions. *The Journal of International Trade and Economic Development*. Vol. 29, Issue 5. doi.org/10.1080/09638199.2019.1703028

EU Trade with China: the Problem of Scarcity

The article was prepared within the project «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation» supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

O.V. Butorina*Corresponding Member of RAS, Doctor of Sciences (Economics)**Institute of Europe, Russian Academy of Sciences**11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009***E-mail:** butorina@ieras.ru

Abstract. For many years, the European Union had run sizable deficits in its trade with China, before it increased up to almost 400 billion euros in 2022. This article has a twofold objective. First, it analyses the dynamics of EU balance of trade deficit with China relying on data by UNCTADstat in US dollars. Second, it investigates the reasons of its persistence and a sharp boost in 2022. The results suggest that the ratio of EU deficit to its imports from China declined from up to 70% between 2000 and 2008 to nearly 50% in the 2010-th thanks to the higher rates of European exports to China compared with its imports. Nevertheless, Germany alone continued to account for ½ of EU exports to China. A large group of EU Member States improved their overall trade balances in the 2010-th but showed little progress in doing so in their trade with China. In dollar terms, EU exports of manufactured goods to China fell by 7% in 2022 that was in line with the total drop of China's imports. By comparing China's total imports of machinery and transport equipment (SITC 7) with its imports from the EU we find that European exporters have come under less pressure from contracting Chinese import demand than producers from other regions. Altogether, the sharp rise of EU deficit in its trade with China in 2022 occurred due to the declining domestic demand in China and its shift from investment to private consumption. The notion that the overall state of the business environment in China constrains EU exports needs more accurate empirical verification, since from 2000 to 2020 European merchandise exports to China developed at a much higher rate than to the rest of the world.

Key words: European Union, China, international trade, exports, imports, trade balance, trade deficit.

DOI: 10.31857/S020170832307001X

EDN: rybpyq

REFERENCES

Boroh O. N., Lomanov A.V. (2020) Kitajskij put' reform v usloviyah globalizacii [The Chinese way of reforms in the context of globalization]. *World Economy and International Relations*, 64(6), pp. 66–75. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75. (In Russian).

Vinogradov A.O. (2022) O nekotoryh osobennostyah otnoshenij gosudarstv Evropejskogo soyuza s KNR na sovremennom etape [About some features of the relations of the states of the European Union with the PRC at the present stage]. In: Babaev K.V., Lukin A.V. (Eds.) *Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura 2022*. Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 356–365. DOI 10.48647/ICCA.2023.97.55.001. (In Russian).

Vinogradov A.O., Zaklepenko A.Yu., Safronova E.I. (2019) SSHA, Kitaj i VTO: posledstviya amerikano-kitajskogo torgovogo konflikta dlya mirovoj trgovli [The USA, China and the WTO: the consequences of the US-China trade conflict for world trade]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*, 24(24), pp. 187–206. DOI: 10.24411/2618_6888_2019_10011 (In Russian).

Vinogradov A.O., Lushchik M.O. (2017) K istorii formirovaniya otnoshenij KNR-ES [On the history of the formation of China-EU relations]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*, 22(22), pp. 352–368. DOI 10.24411/9785-0324-2017-00023. (In Russian).

Zarickij B.E. (2021) Germaniya-Kitaj: partnery, konkurenty ili sistemnye soperniki? [Germany-China: partners, competitors or systemic rivals?]. *World Economy and International Relations*, 65(2), pp. 16–28. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-2-16-28. (In Russian).

Isachenko T.M. Medvedkova I.A., Kryuchkov R.V. (2022) Vseob"emlyushchee investicionnoe soglasenie mezhdru ES i KNR: problemy zaklyucheniya i poisk balansa interesov [Comprehensive Investment Agreement between the EU and China: problems of concluding and finding a balance of interests]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, 38(1), pp. 26–64. DOI 10.21638/spbu05.2022.102. (In Russian).

Miheev V.V., Lukonin S.A. (2023) Krizis-soderzhashchie faktory razvitiya KNR [Crisis-containing factors of China's development]. *World Economy and International Relations*, 67(5), pp. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33 (In Russian).

Nosov M.G. (2018) ES i Kitaj: torgovlya ili strategiya [EU and China: trading or strategy]. *Sovremennaya Evropa*, 6(85), pp. 5–18. DOI 10.15211/soveurope620180517. (In Russian).

Caj Fan (2023) *Chemu uchat 40 let reform i otkrytosti v Kitae* [What 40 years of reforms and openness in China teach]. Kitajskaya akademiya obshchestvennyh nauk. Translated from Chinese by CHen' Ajzhu. Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Chzhnen V. (2020) Vneshnetorgovaya deyatel'nost' KNR [China's foreign trade activity]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, 1, pp. 104–109. (In Russian).

Cyplakov S.S. (2023) Ekonomicheskaya politika Kitaya v 2022 g. [China's Economic Policy in 2022]. In: Babaev K.V., Lukin A.V. (Eds.) *Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura 2022*. Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 109–121. DOI 10.48647/ICCA.2023.97.55.001. (In Russian).

Dadush, Uri and Weil, Pauline (2021) How difficult is China's business environment for European and American companies? *Bruegel Policy Contribution*, 12/21.

Commission of the European Communities (2006) China: Closer partners, growing responsibilities. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Brussels, 24.10.2006. COM(2006) 632 final.

European Commission (2019) EU-China – A strategic outlook. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council. Strasbourg, 12.3.2019. JOIN(2019) 5 final.

European Commission (2021) Trade Policy Review – An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 18.2.2021. COM(2021) 66 final.

European Commission (2023a) Commission launches investigation on subsidized electric cars from China. Press release. Brussels, 4 October 2023.

European Commission (2023b) EU calls for greater market access and fair competition at EU-China High-Level Dialogue. Press release, Brussels, 25 September 2023.

Garcia-Herrero, Alicia (2023) Can Chinese growth defy gravity? *Brugel Policy Brief*, June 20.

Gros, Daniel (2023) The Real Problem with China's Economy. *Project Syndicate*, September 11.

Lavery, Scott (2023) Rebuilding the fortress? Europe in a changing world economy, *Review of International Political Economy*. DOI: 10.1080/09692290.2023.2211281

Shi Yan (2023) China – EU relations: Making steady progress amidst great challenges and embracing new prospects through joint efforts. Xu Bu (Ed.) *The CIIS Blue Book on International Situation and China's Foreign Affairs (2021/2022)*. China Institute of International Studies, pp. 204–218.

Simola, Heli (2023) Consumed in China – Rebalancing China's demand and Chinese imports. *BOFIT Policy Brief*, 5. Bank of Finland Institute for Emerging Economies, 14 March.

Tam, Pui Sun (2020) Global impacts of China-US trade tensions. *The Journal of International Trade and Economic Development*, 29(5). doi.org/10.1080/09638199.2019.1703028

УДК 321.8; 327.7

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕС СО СТРАНАМИ-ПАРТНЕРАМИ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ

© 2023 БАБЫНИНА Людмила Олеговна

Кандидат политических наук

Отдел исследований европейской интеграции

Центр политической интеграции, Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

E-mail: lbabynina@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.10.2023

После доработки 12.11.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. За последние десятилетия Евросоюз сформировал несколько форматов интеграции с третьими странами, которые рассматриваются как варианты внешней дифференциации. ЕС стремится упорядочить отношения с партнерами, увязывая доступ на свой внутренний рынок с обязательствами динамической адаптации их национального законодательства к нормам и правилам ЕС. Данные действия можно рассматривать через различные теоретические рамки: европеизацию, дифференциацию, институционализм, внешнее управление. Целью статьи стало изучение особенностей отношений Швейцарии и ЕС на современном этапе, обусловленных отказом альпийской республики от проекта двустороннего Институционального соглашения, которое предполагало углубление институциональной структуры и большую автоматизацию в имплементации права ЕС в национальное право Швейцарской конфедерации. Отказ руководства страны от ратификации соглашения подтверждает, что идея сохранения национального суверенитета и принципа прямой демократии для Швейцарии оказались важнее, чем экономические выгоды от интенсификации интеграции с ЕС. Таким образом, с учетом опыта Соединенного Королевства, не каждый из близких партнеров ЕС готов поступиться своими национальными полномочиями в обмен на получение выгоды от более глубокого доступа на рынок ЕС, что во многом связано с внутренними традициями и экономическим потенциалом государств–партнеров.

Ключевые слова: Европейский союз, Швейцария, билатеральные отношения, внешняя дифференциация, Институциональное соглашение, «привилегированное» партнерство, эквивалентное законодательство, динамические соглашения, суверенитет

DOI: 10.31857/S0201708323070021

EDN: rydncx

Теоретические рамки взаимодействия ЕС с третьими странами

Выход Соединенного Королевства из ЕС и попытки найти новый оптимальный формат двусторонних отношений возродили академический и практический интерес к моделям взаимодействия Союза с близкими или «привилегированными» партнерами, у которых имеется в различной степени свободный доступ на внутренний рынок ЕС. Отношения включают «интенсивные формы сотрудничества» и интеграцию, институционализированные механизмы управления ими, а также принятие странами-партнерами ограниченного набора нормативных актов ЕС и их доступ к институтам или агентствам ЕС для участия в выработке решений [Gstöhl and Phinnemore, 2021]. Исследователи рассматривают такие модели в категориях внешней дифференциации, внешнего управления, институционального подхода или европеизации/де-европеизации стран–партнеров, причем в зависимости от теоретической рамки число исследуемых моделей может меняться.

Форматы «привилегированного» партнерства были созданы как форма внешней дифференцированной интеграции из-за различий в возможностях и желании стран-соседей ЕС присоединиться к нему в качестве полноправных членов. В категорию «привилегированных» партнеров обычно не включают страны-кандидаты на вступление, поскольку они должны принять полный свод *acquis communautaire* и не могут выбирать, к каким проектам ЕС присоединяться, а к каким нет [Gstöhl and Phinnemore, 2019]. Логично предположить, что форматы внешней дифференциации появились, поскольку постоянно расширяющийся внутренний рынок ЕС становился все более привлекательным для близких соседей объединения, которые по тем или иным причинам не хотели передавать национальные полномочия на наднациональный уровень в том же объеме, что и государства-члены ЕС (или хотели вернуть их на национальный). В результате появились форматы частичного доступа на Единый рынок, которые тесно увязаны с объемом принятого законодательства Союза и взятыми на себя обязательствами со стороны стран–партнеров.

Внешнее управление со стороны ЕС предполагает относительно «высокую степень институционализации и выходит за рамки чисто добровольных и односторонних решений третьих стран подражать нормам ЕС» [Lavenex, 2011]. В зависимости от полноты принятия норм ЕС и его надзора за их имплементацией и выполнением С. Лавенекс выделяет несколько уровней организационного включения стран–партнеров в структуру принятия решений ЕС – от почти «равнозначного членству» до статуса наблюдателя. В орбиту Евросоюза попадают не только «при-

вилегированные» партнеры, но и страны–кандидаты на вступление или участники Политики соседства.

Европеизация стран–партнеров происходит, в первую очередь, через включение в национальное законодательство норм и правил ЕС, а также через поддержку внешнеполитических решений ЕС или участие в проектах в рамках ОПБО. Европеизации в разной степени подвержены «привилегированные» партнеры ЕС, страны–кандидаты на вступление в Союз, участники политики соседства и государства, заключившие с Евросоюзом продвинутые торговые соглашения. Здесь большое значение имеет юрисдикция Суда ЕС, его возможность отслеживать и толковать принимаемые решения, а также надзорные институты и механизмы разрешения споров. Одновременно можно наблюдать процессы деевропеизации у близких партнеров ЕС, которые связаны с желанием дистанцироваться от норм и правил Евросоюза под эгидой возвращения полномочий на национальный уровень. Такие процессы в разной степени интенсивности наблюдаются в Соединенном Королевстве, Турции, в отдельных случаях у государств–членов.

Институциональный подход также широко применяется при анализе отношений третьих стран с ЕС, в особенности это актуально для «привилегированных» партнеров, имеющих общие институты и механизмы взаимодействия [Icoz and Martin, 2021]. Очевидно, что чем более институционализировано сотрудничество, тем больше у ЕС рычагов влияния на третьи страны, особенно если оно основано на принятии норм и правил ЕС, а контролирующие органы Союза могут отслеживать их имплементацию и применение. Наиболее продвинутом в институциональном плане в настоящее время выступает формат Европейского экономического пространства (ЕЭП).

С практической точки зрения Европейский союз тесно увязывает расширение доступа на свой внутренний рынок для третьих стран с соблюдением ими правил Единого рынка и сопутствующих норм ЕС. Главным элементом расширения такого доступа ЕС видит дальнейшую институционализацию отношений, особенно там, где они основаны хотя бы частично на *acquis communautaire* [Fossum et al, 2019]. Можно согласиться с утверждением, что модели внешней дифференцированной интеграции создавались ЕС, скорее, «специально» и *ad hoc* [Altay, 2021], чем исходя из общего структурированного плана. Однако в последнее десятилетие Евросоюз последовательно проводит политику, направленную на оптимизацию подобных отношений. ЕС все чаще пытается обеспечить однородность внутреннего рынка через заключение соглашений, которые позволяют динамично адаптировать законодательство третьих стран к постоянно изменяющимся нормам Союза, их единообразной интерпретации, а также осуществлять независимый надзор и судебное правоприменение [Gstöhl, 2015]. Логичным следствием данного подхода стали переговоры с близкими партнерами об обновлении или пересмотре форматов взаимоотношений.

Швейцарская модель

Швейцарскую модель, построенную на системе двусторонних соглашений, которые охватывают взаимодействие в конкретных областях и в значительной степени учитывают интересы альпийской республики, называют «прагматичным била-

терализмом» [Lavenex, 2011, Eckert, 2022]. Выстраивание существующей структуры отношений не было заранее продуманным планом, скорее, шло по принципу *ad hoc* [Kaddous, 2019]. Хотя часто данную модель характеризуют как статичную, сложившаяся билатеральная система имеет определенные элементы динамизма, который, впрочем, ЕС не читает достаточным.

Еще в 1972 г. ЕЭС и ЕАСТ, куда входит Швейцария, подписали соглашение об отмене пошлин в двусторонней торговле промышленными товарами¹. После создания Единого внутреннего рынка (ЕВР) в ЕС стороны решили распространить действие четырех свобод на страны ЕАСТ, результатом данного решения стало соглашение о создании Европейского экономического пространства. Однако на референдуме в Швейцарии соглашение было отклонено. Исследователи небезосновательно полагают, что причины отказа в присоединении к ЕЭП и последующим отзыве заявки на вступление в ЕС лежат в институциональных особенностях устройства Швейцарской конфедерации. Верховенство Суда ЕС и подчинение правилам ЕВР воспринималось значительной частью общества как ограничение национального суверенитета и ограничение принципа прямой демократии [Юданов, 2002; Vahl and Grolimund, 2006; Crespo, 2017]. С другой стороны, Швейцарии, находящейся в центре Европы и тесно связанной экономически со странами ЕС, было необходимо получить свободный доступ на рынки Союза, пусть и в ограниченном виде. Поэтому Федеральный совет Швейцарии выступил за ведение двусторонних переговоров с ЕС по условиям взаимодействия в отдельных секторах экономики. Результатом такого подхода стало заключение двух пакетов соглашений в 1999 и 2004 гг.²³.

Соглашения первого пакета связаны так называемым положением гильотины, которое предусматривает их совместное действие. То есть при отмене одного из них перестают действовать и остальные шесть [Бабынина и др., 2015]. В данном принципе можно усмотреть определенный рычаг давления на Швейцарию со стороны ЕС, что проявилось после референдума 2014 г. об ограничении свободы передвижения. Кроме двух основных пакетов соглашений, к настоящему времени было подписано более 120 второстепенных, в том числе в сфере ОПБО и юстиции и внутренних дел. Таким образом, рамки двусторонних отношений были существенно расширены и вышли за пределы чисто экономических аспектов [Kaddous, 2019].

Имеющиеся соглашения обеспечивают Швейцарии секторальный доступ на внутренний рынок ЕС, частично в каждой из «четырех свобод», при этом ни одна из свобод не реализуется в такой же степени, как в ЕС [Jenni, 2018]. Наиболее либерализовано свободное передвижение рабочей силы, в этой сфере законодательство сторон наиболее схоже. Во многом это обусловлено тем, что Соглашение о

¹ Agreement of 22 July 1972 between the Swiss Confederation and the European Economic Community, OJ 1972 L 300.

² В Швейцарии соглашения 1999 г. были приняты на референдуме в 2000 г., а пакет 2004 г. ратифицировал парламент страны в 2004 г., при этом одобрение сотрудничества в рамках шенгенской и дублинской систем прошло через референдум в 2005 г.

³ Часто в научной литературе их обозначают как “Bilaterals I”, “Bilaterals II”. Подробный анализ соглашений см.: Vahl, M. and Grolimund, N. Integration without Membership – Switzerland’s Bilateral Agreements with the European Union. Brussels: CEPS. 2006.

свободе передвижения¹ основано на принципе недискриминации, а ЕС внимательно отслеживает соблюдение прав граждан, и законодательство в данной сфере обновляется в Швейцарии регулярно. Соглашение носит смешанный характер, поскольку сторонами подписания выступили не только ЕС и Швейцария, но непосредственно государства-члены. Поэтому при каждом последующем расширении ЕС и Швейцария, и вновь вступившие в ЕС государства, должны были ратифицировать его расширение и обновление.

Благодаря соглашению 1972 г. о свободной торговле промышленными товарами и ряду соглашений из пакета 1999 г. (о взаимном признании оценок соответствия, о государственных закупках и о торговле переработанными сельскохозяйственными товарами²), торговля товарами между двумя сторонами осуществляется практически беспрепятственно. Но поскольку Швейцария не входит в таможенный союз ЕС, к ней не применяются некоторые важные принципы ЕВР, в частности принцип взаимного признания, впервые провозглашенный Судом ЕС в кейсе Кассис де Дижон [Jenni, 2018]. Свободное движение капитала между сторонами не либерализовано. Свободное передвижение услуг между ЕС и Швейцарией сильно ограничено. Имеется соглашение о страховом секторе 1992 г.³ и соглашение о государственных закупках из пакета 1999 г.⁴ Но у ЕС и Швейцарии отсутствует соглашение о доступе последней на рынок финансовых услуг Союза, поэтому альпийская республика не может использовать принцип паспортизации. В данной сфере Евросоюз оставляет за собой право признавать или не признавать в одностороннем порядке швейцарское законодательство эквивалентным своему. Такой механизм также может рассматриваться в качестве меры давления на швейцарскую сторону. В частности, в 2018 г. Комиссия не продлила признание эквивалентности финансового законодательства с целью добиться ратификации Институционального соглашения.

Особенностью билатерального подхода стало отсутствие в большинстве сфер автоматического обновления законодательства Швейцарии в соответствии с изменяющимся законодательством ЕС. В отличие от динамичного характера ЕЭП, обеспечивающего постоянную имплементацию новых правовых актов Союза государствами ЕАСТ, входящими в него, соглашения, заключенные со Швейцарией, статичны, поскольку они устанавливают объем необходимой нормативной адаптации только на момент их заключения [Lavenex, 2011]. Исключения составляют соглашения о воздушном транспорте, об участии страны в Шенгенской и Дублинской системах, в которых предусмотрено динамичное обновление законодательства в соответствии с изменениями норм ЕС. В двусторонних соглашениях ЕС и Швейца-

¹ Agreement between the European Community and its Member States, of the one part, and the Swiss Confederation, of the other, on the free movement of persons. OJ 2002 L114. Volume 45, 30 April 2002.

² OJ 2002 L114. Volume 45, 30 April 2002.

³ 91/370/EEC: Council Decision of 20 June 1991 on the conclusion of the Agreement between the European Economic Community and the Swiss Confederation concerning direct insurance other than life assurance. OJ L 205, 27 July 1991.

⁴ Agreement between the European Community and the Swiss Confederation on certain aspects of government procurement. OJ 2002 L114. Volume 45, 30 April 2002.

рии не предусмотрено судебного разрешения споров. Для обеспечения надлежащего функционирования соглашений в рамках каждого отраслевого соглашения созданы совместные комитеты, которые имеют полномочия управлять их реализацией и разрешать возникающие споры.

Формально двусторонние соглашения основаны на взаимном признании эквивалентности законодательства. В некоторых соглашениях «эквивалентные» законодательные акты перечислены в приложениях к отраслевым соглашениям. При изменении правовых актов ни Швейцария, ни ЕС не теряют своей автономии. В зависимости от сферы сотрудничества наличие эквивалентного законодательства играет более или менее важную роль. Эквивалентные и даже идентичные правила стали основой принципа недискриминации, который занимает центральное место в Соглашении о свободном передвижении людей [Jenni, 2018]. Эквивалентность также лежит в основе соглашений о сотрудничестве в таких областях, как статистика, налогообложение сбережений, в рамках работы агентств по охране окружающей среды и авиационной безопасности, шенгенской и дублинской систем. В то же время в таких областях, как исследования и образование, эквивалентные правила менее важны.

Требование эквивалентности законодательства на практике привело к частичной динамической адаптации швейцарского права к европейским стандартам [Lavrenex, 2011], которая происходит либо по инициативе совместных комитетов, либо при реализации практики соотнесения новых законодательных актов Швейцарии с правом ЕС, которая существует с 1988 г.¹. М. Креспо характеризует сложившуюся практику как «автономную адаптацию» [Crespo, 2017]. Каждый из совместных комитетов на основе консенсуса принимает решения о совместимости законодательства Швейцарии с правом ЕС и о необходимости адаптации. Однако постоянно возрастающий объем законодательства в ЕС, а также рост числа самих комитетов, связанный с расширением сфер сотрудничества, затрудняет их работу. При отсутствии требований автоматического обновления законодательства в большинстве двусторонних соглашений модель имеет элементы «добровольного» динамизма, но их реализация в значительной степени зависит от одностороннего желания швейцарской стороны. В сложившейся билатеральной модели можно наблюдать весьма специфический процесс европеизации, глубину которой контролирует партнер ЕС, а не сам Союз, что не стало необычной практикой.

Государства – не члены ЕС не имеют возможности участвовать в принятии решений, принимаемых в его институтах, даже если полностью² имплементируют в национальное право нормы Евросоюза, как это происходит в странах ЕАСТ, входящих в ЕЭП. Однако степень вовлеченности стран-партнеров в обсуждение будущих правил ЕС напрямую зависит от уровня их адаптации к нормам и правилам Союза. Согласно правилам, прописанным в двух пакетах соглашений, наибольшие возможности влиять на содержание законопроектов Швейцария имеет в области исследований, воздушного транспорта, социального обеспечения и признания дипломов. Кроме того, в

¹ Swiss Federal Council. Rapport sur la position de la Suisse dans le processus d'intégration européenne du 24 août 1988, Bern, Feuille fédérale, 1988 III 233.

² В оговоренных соглашениях сферах.

тех сферах, в которых законодательство признается эквивалентным, Комиссия должна проконсультироваться со Швейцарией по поводу законодательных предложений [Vahl and Grolimund, 2006]. Однако возможности влияния страны на законодательство после того, как оно прошло предпроектную стадию, заметно уменьшаются. В частности, швейцарских экспертов не приглашают в качестве наблюдателей на заседания комитетов комитологии, хотя иногда существует подобная неформальная практика на уровне генеральных директоратов [Lavenex, 2011].

Соглашения об участии в реализации шенгенских правил¹ и Дублинского регламента², а также соглашение о мерах таможенной безопасности³ обязывают Швейцарию постоянно учитывать обновление законодательства ЕС и могут быть охарактеризованы как динамические. В то же время обязательства в рамках указанных соглашений не гарантируют автоматического обновления в национальном праве альпийской республики. Это связано с тем, что принятие новых правил в сферах, подпадающих под данные соглашения, должно быть одобрено в рамках внутреннего законодательного процесса в Швейцарии. Обычно на внесение изменений отводится двухлетний срок. Пересмотры динамических соглашений одобряются правительством Швейцарии или, если этого требует федеральный закон Швейцарии, подлежат утверждению парламентом и могут быть оспорены или утверждены на всенародном референдуме [Jenni, 2018]. Например, в 2019 г. на референдуме была поддержана транспозиция директивы ЕС 2017/953 о контроле за приобретением и хранением оружия⁴.

Швейцария имеет ряд соглашений о сотрудничестве с агентствами ЕС, но наиболее «продвинутый» статус она имеет в тех сферах, где действуют динамические соглашения. Во взаимодействии с другими агентствами ЕС, например, с Европол, Евроюстом и Европейским оборонным агентством, Швейцария выступает в качестве третьей страны и не имеет особого статуса.

В рамках пяти⁵ агентств (Европейское агентство по охране окружающей среды (EEA), Европейское агентство по авиационной безопасности (EASA), Агентство Европейского союза по вопросам убежища (EUAA), Агентство ЕС по оперативному управлению крупномасштабными ИТ-системами в сфере свободы, безопасности и правосудия (eu-LISA) Агентство по охране границ и побережья – Фронтекс) Швейцария выступает полноправным членом, но без возможности участвовать в

¹ Agreement between the European Union, the European Community and the Swiss Confederation on the Swiss Confederation's association with the implementation, application and development of the Schengen acquis. OJ 2008 L 53/52.

² Agreement between the European Community and the Swiss Confederation concerning the criteria and mechanisms for establishing the State responsible for examining a request for asylum lodged in a Member State or in Switzerland – Final Act – Declarations. OJ L 53, 27.2.2008.

³ Agreement between the European Community and the Swiss Confederation on the simplification of inspections and formalities in respect of the carriage of goods and on customs security measures. OJ L 199, 31.7.2009.

⁴ Данные референдума см.: URL: <https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/va/20190519/det628.html> (дата обращения: 1.10.2023).

⁵ Существует также тесное сотрудничество между Швейцарией и Европейским химическим агентством, но полномочия страны здесь значительно ограничены.

принятии решений¹. Страна имеет своего представителя в правлениях указанных агентств и вносит финансовый вклад в их функционирование. Однако формат соглашений и участия в агентствах различается.

Участие Швейцарии в EASA базируется на соглашении между Европейским сообществом и Швейцарской конфедерацией воздушного транспорта из пакета 1999 г. В данном случае не было заключено отдельного соглашения между Агентством и Швейцарией, а были внесены изменения в положения о функционировании EASA, разрешающие участие альпийской республики². Acquis в этой области были распространены на Швейцарию, и швейцарским авиакомпаниям был предоставлен равный доступ к дерегулированному рынку ЕС на взаимной основе [Vahl and Grolimund, 2006]. Европейское агентство по охране окружающей среды заключило со Швейцарией специальное международное соглашение в 2006 г.³, в котором перечислено вторичное законодательство ЕС, принимаемое страной. Совместный объединенный комитет обеспечивает обмен мнениями между сторонами, может вносить поправки в указанные нормативные акты.

Динамическое участие Швейцарии в шенгенской и дублинской системах стало основой для продвинутого статуса страны в агентствах Фронтекс⁴, eu-LISA и в Агентстве ЕС по вопросам убежища. Агентство eu-LISA управляет полицейскими базами данных ЕС, Швейцария на основании регламента об учреждении данного агентства⁵ принимает участие в его деятельности с 2020 г. На деятельность данных агентств распространяется юрисдикция Суда ЕС. В рамках Фронтекс и eu-LISA Швейцария имеет полное членство с правом голоса в совете директоров (с некоторыми ограничениями) и консультативных группах агентства. ЕС увязывает данные исключения из общих правил невозможности участвовать в принятии решений третьих стран с динамическим соответствием Швейцарии правилам Союза в данных сферах [Lavenex, 2015] и оперативной необходимостью. Швейцария пыталась также получить право голоса в правлении Агентства ЕС по вопросам убежища, но руководство ЕС отклонило данную просьбу [Chamon, 2023].

¹ Ограниченное право голоса есть в рамках агентств Frontex и eu-LISA.

² Decision 3/2006 of the Community/Switzerland Air Transport Committee amending the Annex to the Agreement between the European Community and the Swiss Confederation on Air Transport. OJ 2006, L 318/31.

³ Agreement between the European Community and the Swiss Confederation concerning the participation of Switzerland in the European Environment Agency and the European Environment Information and Observation Network. OJ 2006, L90/37.

⁴ Council Decision 2010/490/EU of 26 July 2010 on the conclusion, on behalf of the Union, of the Arrangement between the European Community, of the one part, and the Swiss Confederation and the Principality of Liechtenstein, of the other part, on the modalities of the participation by those States in the European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union. OJ 2010, L 243/2.

⁵ Regulation (EU) 2018/1726 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on the European Union Agency for the Operational Management of Large-Scale IT Systems in the Area of Freedom, Security and Justice (eu-LISA), and amending Regulation (EC) No 1987/2006 and Council Decision 2007/533/JHA and repealing Regulation (EU) No 1077/2011. OJ 2018, L 295.

Комиссия вела переговоры о соглашениях, позволяющих Швейцарии структурно участвовать в еще двух агентствах – в Европейском железнодорожном агентстве (ERA) и Европейский агентстве по надзору за глобальными навигационными спутниковыми системами (GSA)¹, а также о привилегированном доступе на рынок электроэнергии ЕС. Однако отказ Швейцарии от Институционального соглашения 2018 г. ставит реализацию данных соглашений под сомнение или, как минимум, откладывает их.

Институциональное соглашение 2018 г. и проблемы его ратификации

Переговоры об изменении модели взаимодействия со Швейцарией начались в 2014 г., задолго до референдума о членстве Британии в ЕС. Однако после 2016 г. оба переговорных трека шли параллельно и оказали значительное влияние друг на друга и на позицию ЕС в них². Целью переговоров со стороны ЕС было обеспечение большей гомогенности ЕВР, через единообразное применение правил ЕС и динамическую адаптацию швейцарских законов к *acquis* [Piris, 2016; Altay, 2021].

После четырех лет переговоров, в конце 2018 г., стороны согласовали текст нового Институционального соглашения (InstA)³. Его положения носили компромиссный характер: ЕС постарался максимально продвинуть идеи по взаимозависимости доступа на свой внутренний рынок и динамической адаптации к правилам Союза [Kaddous, 2023], но при этом были учтены большинство пожеланий швейцарской стороны.

Согласно положениям текста, Институциональное соглашение должно применяться только к пяти сферам из пакета 1999 г., а именно: к свободному передвижению людей, наземному и воздушному транспорту, взаимному признанию оценок соответствия и сельскому хозяйству, а также распространяться на будущие соглашения о доступе Швейцарии к различным сферам внутреннего рынка ЕС. Для этого Швейцария должна перманентно адаптировать свое законодательство к изменяющимся правилам ЕС, чтобы не было расхождения между двумя правовыми порядками, которые могут стать потенциальными препятствиями в торговле [Kaddous, 2019]. При этом Швейцария сохраняла свою конституционную автономию, проводя поправки в законодательство согласно внутренним правилам. InstA предусматривало также участие Швейцарии в формировании законодательства ЕС. Европейская комиссия должна консультироваться со швейцарскими экспертами при разработке нового законодательства, так же как с экспертами из стран ЕЭП.

¹ В настоящее время преобразовано в Агентство ЕС по реализации космической программы (EUSPA).

² Europe Daily Bulletin No 12568. 26 September 2020.

³ Accord facilitant les relations bilatérales entre l'Union Européenne et la Confédération Suisse dans les parties du marché intérieur auxquelles la suisse participe. 23.11.2018 – Version finale. См. также комментарий Федерального совета Швейцарии: The Federal Council. Report on the negotiations on an institutional framework agreement between Switzerland and the EU. Bern, 26 May 2021. URL: https://www.eda.admin.ch/dam/europa/en/documents/abkommen/20210526-bericht_verhandlungen_institutionnelles-Abkommen_ch-eu_EN.pdf (дата обращения: 1.10.2023).

Институциональное соглашение не предусматривало создание общего надзорного органа за его исполнением. Предполагалось, что каждая из сторон должна на своей территории следить за его реализацией, опираясь на «принцип единообразного толкования». Таким образом Швейцария сохраняла полностью свой суверенитет, что стало уступкой со стороны ЕС, который изначально отвергал любую модель национального наблюдения [Kaddous, 2019]. Согласно тексту договора, разрешением споров должен заниматься Объединенный комитет. Если же он не может найти решение, то спорный вопрос передается на рассмотрение в арбитражный суд, состоящий из членов, назначенных в равном количестве Швейцарией и ЕС. Если разрешение спора требует разъяснений относительно толкования или применения законодательства ЕС, арбитражный суд должен передать дело в Суд ЕС и в дальнейшем опираться на его заключение. В свою очередь, решение арбитража будет обязательным для ЕС и Швейцарии. Тем самым закреплялась верховная роль Суда ЕС в отношении права Союза. Проект InstA включал также положение, которое позволяло любой из сторон расторгнуть соглашение.

Руководство ЕС считало текст окончательно согласованным, однако в Швейцарии правительство в 2019 г. начало внутренние консультации, которые выявили разногласия, осложнившие ратификацию. Три вопроса (гарантии уровня зарплат в республике, правила оказания государственной помощи, полная реализация директивы ЕС о свободе передвижения (2004/38/ЕС), включая доступ граждан ЕС к социальному обеспечению Швейцарии) раскололи традиционный проевропейский альянс в Швейцарии и вызвали критику как со стороны левых, так и правых партий и организаций [Walter, 2021], что затрудняло проведение референдума по ратификации Институционального соглашения. В результате дискуссий внутри страны и с представителями ЕС Федеральный совет Швейцарии в мае 2021 года принял решение не подписывать согласованный текст и, следовательно, прекратить переговорный процесс по InstA.

Отказ Швейцарии подписать Институциональное соглашение во многом обусловлен желанием граждан страны и различных организаций сохранить существующую билатеральную систему в отношениях с ЕС, которая не подразумевает распространение юрисдикции Суда ЕС на национальное право и постоянную адаптацию внутреннего законодательства к нормам Союза. В свою очередь, Евросоюз не готов больше обновлять существующие соглашения о доступе на свой рынок. В 2019 г. Совет ЕС подчеркнул, что существующая система двусторонних соглашений достигла своих пределов из-за ее сложности, неполноты и отсутствия однородных условий¹. Отсутствие динамического обновления неизбежно приведет к расхождениям в применяемых сторонами правилах ЕВР и будущим ограничениям для Швейцарии. В целом, решение швейцарского правительства оказало негативное влияние на отношения сторон. Присоединение Швейцарии к политической части санкций ЕС против России в 2022–2023 гг. несколько сгладило остроту проти-

¹ Council conclusions on EU relations with the Swiss Confederation. 19 February 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/02/19/council-conclusions-on-eu-relations-with-the-swiss-confederation/> (дата обращения: 1.10.2023).

воречий и, возможно, создает более благоприятный фон для будущих дискуссий [Kaddous, 2023]. В любом случае, для продолжения участия Швейцарии в отдельных направлениях деятельности ЕВР, выгодного обеим сторонам [Трофимова, 2020], партнерам придется искать решения, которые заменят непринятое Институциональное соглашение, или возвращаться к переговорам о нем.

* * *

Швейцария, как и Соединенное Королевство, в отношениях с ЕС пытается найти баланс между доступом на внутренний рынок последнего, который приносит экономическую выгоду, но требует значительных правовых обязательств и ограничений, и сохранением суверенной государственной политики во всех сферах. В случае альпийской республики большую роль играют также опасения влияния Суда ЕС на традиции прямой демократии, когда последнее слово остается за гражданами страны по самым разнообразным вопросам. Поэтому отказ от подписания Институционального соглашения стал попыткой сохранить существующий порядок вместо усиления интеграции с Евросоюзом, которая экономически, безусловно, дает Швейцарии значительные преимущества.

Углубление интеграции в рамках Единого внутреннего рынка заставляет Евросоюз действовать по вполне понятной логике: в обмен на расширение доступа на свой рынок ЕС требует от своих близких партнеров расширения юрисдикции Суда ЕС и большего автоматизма в имплементации обновляющегося законодательства для поддержания гомогенности ЕВР и минимизации расхождения в стандартах и правилах. Сталкиваясь с ситуацией, когда близкие партнеры не готовы выполнять данные требования, ЕС ограничивает им доступ к наиболее чувственным секторам своей экономики и программам. Соглашаясь на снижение экономических выгод, и Швейцария, и Соединенное Королевство сохраняют или получают большую самостоятельность в экономике и политике. Таким образом, реализация логичной идеи Евросоюза о широком и гармонизированном внутреннем рынке наталкивается на национальные интересы отдельных «привилегированных» партнеров, которые ставят сохранение суверенитета и национальные традиции выше экономической выгоды, а главное, могут себе это позволить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабынина Л.О., Говорова Н.В., Тимошенкова Е.П. (2015) Европейский союз и Швейцария: разнонаправленные векторы сотрудничества. *Современная Европа*. № 2. С. 34–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220153447>

Трофимова О.Е. (2020) Швейцария и Евросоюз: особенности торгово-инвестиционных связей. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 9. С. 96–104. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-96-104

Юданов Ю.И. (2002) Швейцария и Евросоюз: трудные поиски партнерства. *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 75–83.

Altay S. (2021) Remolding Turkey-EU Relations: The 'Swiss Model' of Differentiated Integration as an Alternative to the Customs Union? *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*. Cilt 76. No. 2. P. 493–521. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1043537>

Chamon M. (2023) Switzerland's Structural Participation in EU Agencies, *Switzerland and the EU. A Challenging Relationship*. Ed. by M. Maresceau and Ch. Tobler. Leiden, The Netherlands. P. 165–191.

Crespo, M. J. (2017) After Brexit...The Best of Both Worlds? Rebutting the Norwegian and Swiss Models as Long-Term Options for the UK, *Yearbook of European Law*. Vol. 36. P. 94–122. DOI: <https://doi.org/10.1093/yel/yex021>

Eckert, S. (2022) 'Sectoral Governance under the EU's Bilateral Agreements and the Limits of Joint Institutional Frameworks: Insights from EU-Swiss Bilateralism for Post-Brexit Relations with the UK'. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 60. No. 4. P. 1190–1210. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13315>

Fossum J.E., Quesada M.G., Zgaga T. (2020) The EU's non-members Key principles, underlying logics and types of affiliation. ARENA Report 1/20. URL: <https://www.eu3d.uio.no/publications/eu3d-reports/eu3d-report-1-fossum.pdf> (accessed: 07.09.2023).

Gstöhl, S. (2015) Models of External Differentiation in the EU's Neighbourhood: An Expanding Economic Community? *Journal of European Public Policy*. Vol. 22. No. 6. P. 854–870. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1020834>

Gstöhl S., Phinnemore D. (2019) Introduction: privileged partnerships between the European Union and third states, *The Proliferation of Privileged Partnerships between the European Union and Its Neighbours*. Ed. by S. Gstöhl and D. Phinnemore. Abingdon: Routledge. P. 1–22.

Gstöhl S., Phinnemore D. (2021) The future EU–UK partnership: a historical institutionalist perspective, *Journal of European Integration*. Vol. 43. No. 1. P. 99–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1818074>

Icoz G., Martin N. (2021) Historical Institutionalism and EU–Turkey Relations: Path Dependence and Critical Junctures in the Accession Process, *EU-Turkey Relations*. Ed. by W. Reiners and E. Turhan. Switzerland: Palgrave Macmillan. P. 83–106. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-70890-0_4

Jenni S. (2018) Which future for EU-Swiss relations? A citizens' perspective. TEPSA Briefs. <https://www.tepsa.eu/wp-content/uploads/2018/09/TEPSA-Brief-Sabine-Jenni.pdf> (accessed: 07.09.2023).

Kaddous C. (2019) Switzerland and the EU: current issues and new challenges under the Draft Institutional Framework Agreement, *The Proliferation of Privileged Partnerships between the European Union and Its Neighbours*. Ed. by S. Gstöhl and D. Phinnemore. Abingdon: Routledge. P. 68–83.

Kaddous C. (2023) Switzerland and the EU The Failure of the Institutional Agreement from a Legal Perspective, *Switzerland and the EU. A Challenging Relationship*. Ed. by M. Maresceau and Ch. Tobler. Leiden, The Netherlands. P. 310–336.

Lavenex, S. (2011) Concentric circles of flexible 'European' integration: A typology of EU external governance relations, *Comparative European Politics*. Vol. 9. P. 372–393. doi:10.1057/cep.2011.7

Lavenex, S. (2015) The External Face of Differentiated Integration: Third Country Participation in EU Sectoral Bodies. *Journal of European Public Policy*. Vol. 22. No. 6. P. 836–853. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2015.1020836>

Piris J-C. (2016) If the UK votes to leave: The seven alternatives to EU membership. London, CER. URL: https://www.cer.org.uk/sites/default/files/pb_piris_brexit_12jan16.pdf (accessed: 07.09.2023).

Vahl, M. and Grolimund, N. (2006) *Integration without Membership – Switzerland's Bilateral Agreements with the European Union*. Brussels: CEPS. P. 128.

Walter, S. (2021) Quo vadis, Swiss-European Union relations?., *Bruegel Blog*. URL: <https://www.bruegel.org/blog-post/quo-vadis-swiss-european-union-relations> (accessed: 1.10.2023).

The Model of Interaction of the European Union with Partner Countries: Swiss Experience

L.O. Babynina

Candidate of Sciences (Politics),

Department of European Integration Studies, Head of the Center for Political

Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: lbabynina@yandex.ru

Abstract. Over the past decades, the European Union has formed several formats of integration with the third countries, which are considered as forms for external differentiation. The EU seeks to streamline relations with partners by linking access to its internal market with obligations to dynamically adapt their national legislation to EU norms and rules. These actions can be viewed through various theoretical frameworks: Europeanization, differentiation, institutionalism, external management and others. The purpose of the article was to study the peculiarities of relations between Switzerland and the EU at the present stage, due to the Alpine republic's refusal of the draft bilateral Institutional Agreement, which assumed the deepening of the institutional structure and greater automation in the implementation of EU law into the national law of the Swiss Confederation. The country's leadership's refusal to ratify the agreement confirms that the idea of preserving national sovereignty and the principle of direct democracy for Switzerland turned out to be more important than the economic benefits of deepening integration with the EU. Thus, taking into account the experience of the United Kingdom, not each of the EU's close partners is ready to sacrifice their national powers in exchange for benefits from deeper access to the EU market. This happens largely due to the internal traditions and economic potential of the partner states.

Keywords: European Union, Switzerland, bilateral relations, external differentiation, Institutional agreement, “privileged” partnership, equivalent legislation, dynamic agreements, sovereignty

DOI: 10.31857/S0201708323070021

EDN: rydncx

REFERENCES

- Babynina L.O., Govorova N.V., Timoshenkova E.P. (2015) Evropejskij soyuz i Shvejtsariya: raznopravlenennyye vektory sotrudnichestva [European Union and Switzerland: contrary vectors of cooperation], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 34–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220153447> (In Russian).
- Trofimova O.E. (2020) Shvejtsariya i Evrosoyuz: osobennosti torgovo-investicionnyh svyazej [Switzerland and European Union: specifics of trade and investment relations], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(9), pp. 96–104. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-96-104 (In Russian).
- Yudanov Yu.I. (2002) Shvejtsariya i Evrosoyuz: trudnyye poiski partnerstva [Switzerland and the European Union: the difficult search for partnership]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, pp. 75–83. (In Russian).
- Altay S. (2021) Remolding Turkey-EU Relations: The ‘Swiss Model’ of Differentiated Integration as an Alternative to the Customs Union? *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*, 76(2), pp. 493–521. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1043537>

Chamon M. (2023) Switzerland's Structural Participation in EU Agencies, *Switzerland and the EU. A Challenging Relationship*. Ed. by M. Maresceau and Ch. Tobler. Leiden, The Netherlands, pp. 165–191.

Crespo, M. J. (2017) After Brexit...The Best of Both Worlds? Rebutting the Norwegian and Swiss Models as Long-Term Options for the UK, *Yearbook of European Law*, 36, pp. 94–122. DOI: <https://doi.org/10.1093/yel/yex021>

Eckert, S. (2022) 'Sectoral Governance under the EU's Bilateral Agreements and the Limits of Joint Institutional Frameworks: Insights from EU-Swiss Bilateralism for Post-Brexit Relations with the UK'. *Journal of Common Market Studies*, 60(4), pp. 1190–1210. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13315>

Fossum J.E., Quesada M.G., Zgaga T. (2020) The EU's non-members Key principles, underlying logics and types of affiliation. ARENA Report 1/20. URL: <https://www.eu3d.uio.no/publications/eu3d-reports/eu3d-report-1-fossum.pdf> (accessed: 07.09.2023).

Gstöhl, S. (2015) Models of External Differentiation in the EU's Neighbourhood: An Expanding Economic Community? *Journal of European Public Policy*, 22(6), pp. 854–870. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1020834>

Gstöhl S., Phinnemore D. (2019) Introduction: privileged partnerships between the European Union and third states, *The Proliferation of Privileged Partnerships between the European Union and Its Neighbours*. Ed. by S. Gstöhl and D. Phinnemore. Abingdon: Routledge, pp. 1–22.

Gstöhl S., Phinnemore D. (2021) The future EU–UK partnership: a historical institutionalist perspective, *Journal of European Integration*, 43(1), pp. 99–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1818074>

Icoz G., Martin N. (2021) Historical Institutionalism and EU–Turkey Relations: Path Dependence and Critical Junctures in the Accession Process, *EU-Turkey Relations*. Ed. by W. Reiners and E. Turhan. Switzerland: Palgrave Macmillan, pp. 83–106. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-70890-0_4

Jenni S. (2018) Which future for EU-Swiss relations? A citizens' perspective. TEPsA Briefs. <https://www.tepsa.eu/wp-content/uploads/2018/09/TEPSA-Brief-Sabine-Jenni.pdf> (accessed: 07.09.2023).

Kaddous C. (2019) Switzerland and the EU: current issues and new challenges under the Draft Institutional Framework Agreement, *The Proliferation of Privileged Partnerships between the European Union and Its Neighbours*. Ed. by S. Gstöhl and D. Phinnemore. Abingdon: Routledge, pp. 68–83.

Kaddous C. (2023) Switzerland and the EU The Failure of the Institutional Agreement from a Legal Perspective, *Switzerland and the EU. A Challenging Relationship*. Ed. by M. Maresceau and Ch. Tobler. Leiden, The Netherlands, pp. 310–336.

Lavenex, S. (2011) Concentric circles of flexible 'European' integration: A typology of EU external governance relations, *Comparative European Politics*, 9, pp. 372–393. doi:10.1057/cep.2011.7

Lavenex, S. (2015) The External Face of Differentiated Integration: Third Country Participation in EU Sectoral Bodies. *Journal of European Public Policy*, 22(6), pp. 836–853. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2015.1020836>

Piris J-C. (2016) If the UK votes to leave: The seven alternatives to EU membership. London, CER. URL: https://www.cer.org.uk/sites/default/files/pb_piris_brexit_12jan16.pdf (accessed: 07.09.2023).

Vahl, M. and Grolimund, N. (2006) *Integration without Membership – Switzerland's Bilateral Agreements with the European Union*. Brussels: CEPS, p. 128.

Walter, S. (2021) Quo vadis, Swiss-European Union relations?', *Bruegel Blog*. URL: <https://www.bruegel.org/blog-post/quo-vadis-swiss-european-union-relations> (accessed: 1.10.2023).

УДК 327

ЕВРОПА В ПОИСКАХ НОВЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ: ПОДХОДЫ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И БРИТАНИИ¹

© 2023 ТИМОФЕЕВ Павел Петрович

Кандидат политических наук

*Зав. сектором региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН
Россия, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23*

E-mail: pavel.timofeyev@yandex.ru

© 2023 ХАРИТОНОВА Елена Марковна

Кандидат политических наук

*Старший научный сотрудник Центра европейских исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН
Россия, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23*

E-mail: ekharit@imemo.ru

© 2023 ХОРОЛЬСКАЯ Мария Витальевна

Кандидат политических наук

*Научный сотрудник Отдела европейских политических исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН
Россия, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23*

E-mail: khorolskaya@imemo.ru

Поступила в редакцию 15.09.2023

После доработки 23.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

Аннотация. В статье рассмотрены оценки внешнеполитической ситуации в программных материалах аналитических центров Британии, Франции, ФРГ. Актуальность статьи обусловлена современной политической реальностью, которая вынуждает не только правительства, но и экспертное и аналитическое сообщество пересматривать взгляды на внешнюю политику, выдвигать новые идеи и предлагать свое видение стратегических приоритетов. В работе использован сравнительный анализ. Для целей исследования отобраны ключевые программные документы, статьи и выступления руководителей аналитических центров, опубликованные в 2022 и 2023 гг. Выявлены и сопоставлены представления о трансформации современного миропорядка, предложениях касательно дальнейшей поддержки Украины и взаимодействия с Россией, роли Евросоюза в новой глобальной конфигурации. Определены сходства и различия позиций, ключевых идей и сценариев дальнейшего развития событий. Сделан вывод, что публикации аналитических центров содержат значимые расхождения по многим вопросам. Европейские эксперты солидарны в том, что мир переживает трансформацию и фрагментацию, а украинский конфликт стал рубежом во внешнеполитическом развитии ЕС. Однако «мозговые центры» Британии, Германии и Франции дают разные ответы на существующие вызовы.

Ключевые слова: ФРГ, Франция, Великобритания, внешняя политика, аналитические центры, «фабрики мысли», think tanks, Украинский конфликт, «глобальный Юг»

DOI: 10.31857/S0201708323070033

EDN: rvkdid

В последние годы эксперты отмечают возрастающее влияние «мозговых центров» (*think tanks*) на процесс принятия внешнеполитических решений. Речь идет о разных аспектах влияния: от возможностей кадрового обмена аналитических центров и профильных ведомств до усилий по формированию политической повестки, идеологических и пропагандистских функций. Несмотря на тесную связь большинства западных «мозговых центров» с правительственными структурами и/или политическими партиями, эксперты обладают определенной долей гибкости и менее подвержены влиянию электоральных и политических циклов. Идеи и стратегии могут сначала обсуждаться и апробироваться в экспертной среде и затем превращаться в стратегические документы.

Внимание авторов статьи к «мозговым центрам» Британии, Германии и Франции обусловлено рядом факторов. Три страны играют ведущую роль в Европе. Их аналитические центры влияют на формирование национальной политики и обладают авторитетом в международном экспертном сообществе. Политические позиции *think tanks* значительно расходятся, поэтому интерес представляет сравнение концептуальных аспектов. Предмет исследования – подходы западноевропейских «мозговых центров» к украинскому конфликту и связанным с ним переменам в миропорядке в 2022–2023 гг. В 2022 г., после начала Россией специальной военной операции на Украине (СВО), европейские аналитики столкнулись с необходимостью

переосмыслить роль своих стран в условиях международного кризиса. Статья продолжает изучение трех сюжетов: взгляды европейских элит на эволюцию миропорядка, включая отношения с Россией [Ананьева, 2021; Белов, Котов, 2023; Годованюк, 2021; Обичкина, 2021; Рубинский, Синдеев, 2023; Тимошенкова, 2020], роль европейских аналитических институтов в принятии внешнеполитических решений [Алешин, 2021; Чихачев, Чагры, 2020] и восприятие европейскими элитами украинского конфликта [Барановский, Соловьев, 2023; Громыко, Айвазян, 2022]. Исследование сфокусировано на новых идеях и концепциях, которые в открытых публикациях предлагают ведущие «мозговые центры» Германии, Франции и Британии.

Выбор аналитических центров

Статья опирается на принципы сравнительного анализа. Для каждой исследуемой страны отобраны два авторитетных аналитических центра по тематике международных отношений, стратегии и безопасности. Исследование не претендует на охват всех имеющихся точек зрения экспертного сообщества. Предметом анализа стали шесть центров: Немецкое общество внешней политики (*Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik, DGAP*) и Немецкий институт международных отношений и безопасности (*Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP*) в Германии, Французский институт международных отношений (*Institut français des relations internationales, IFRI*) и Институт международных и стратегических отношений (*Institut de Relations Internationales et Stratégiques, IRIS*) во Франции, Королевский институт международных отношений (*The Royal Institute of International Affairs, Chatham House*¹) и Международный институт стратегических исследований (*International Institute for Strategic Studies, IISS*) в Британии.

Выбор этих центров обусловлен тремя критериями. Во-первых, они считаются неаффилированными с политическими группами. Их финансирование, как правило, имеет широкий круг источников: правительственные структуры, международные организации, частные спонсоры и доходы от публикационной деятельности. Во-вторых, центры связаны с органами, ответственными за формирование внешнеполитического курса, следовательно, могут влиять на их повестку. Аналитические институты частично финансируются из государственного бюджета. В советах директоров состоят представители истеблишмента. Эксперты регулярно проводят исследования для государственных структур, выступают на заседаниях парламентских комитетов и взаимодействуют с высокопоставленными чиновниками и дипломатами. В-третьих, авторитет центров подтверждает рейтинг Пенсильванского университета за 2020 г., в котором по ряду номинаций они находятся, как правило, в первой тридцатке (Табл. 1).

¹ Включен в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ под № 448-р от 13.04.2022 (Ред.).

Таблица 1

**Позиции шести аналитических центров в рейтинге
Пенсильванского университета (2020 г).**

№	Номинация	Всего позиций в списке	Германия		Франция		Британия	
			DGAP	SWP	IFRI	IRIS	Chatham House	IISS
1	Рейтинг ведущих мировых аналитических центров	174	62	35	5	-	6	12
2	Ведущие аналитические центры в Западной Европе	141	24	27	4	21	5	8
3	Ведущие аналитические центры по вопросам обороны и безопасности	110	-	20	17	21	22	4
4	Ведущие аналитические центры по вопросам внешней политики	156	17	22	6	29	8	15

Составлено по: McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. 28.01.2021. URL: <https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp-content/uploads/2021/03/2020-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report-Bruegel.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

Выборка источников для анализа включает статьи, главы в докладах, аналитические комментарии и интервью директоров и президентов центров, годовые отчеты и итоговые программные публикации после 24 февраля 2022 г. Публикации по узкоспециализированным темам и тексты отдельных экспертов не были включены в выборку, т. к. такие материалы не обязательно отражают официальную позицию исследовательских организаций. Хронологическая рамка исследования обусловлена тем, что начало украинского конфликта, с точки зрения западных аналитиков, выступает рубежом, определившим новый этап в политике ЕС и Британии в отношении России. В статье показано, как ведущие «мозговые центры» видят меняющийся миропорядок и какие внешнеполитические решения элит они поддерживают. Авторы исследования учитывают, что официальные высказывания центров могут отличаться от закрытых аналитических записок, но в связи с близостью к принимающим решения органам часть предлагаемой экспертами повестки может влиять на формирование внешнеполитического курса государств.

Взгляд «мозговых центров» на меняющийся миропорядок

Ведущие аналитические центры трех стран полагают, что именно начало конфликта на Украине ознаменовало новый этап европейской политики. Президент DGAP Т. Эндерс называет 24 февраля 2022 г. цезурой для европейской архитектуры безопасности и поддерживает озвученную канцлером О. Шольцем формулу *Zeitenwende* («смена эпох»)¹. Это понятие раскрывает директор SWP Ш. Майер, для которого *Zeitenwende* проявляется в трех трендах: возвращение к военной форме конфликтов, использование экономических рычагов для оказания влияния на другие государства, применение дезинформации и манипуляций для воздействия на общественное мнение и итоги выборов². Схожие оценки дают французы: научный руководитель IFRI Т. де Монбриаль называет украинские события «точкой бифуркации в истории»³, глава IRIS П. Бонифас отмечает, что украинский конфликт заставил содрогнуться Европу и весь мир. Последствиями происходящего французы называют возвращение на европейский континент конфликта высокой интенсивности, новую холодную войну, возвращение угрозы с Востока и утверждение национального самосознания на Украине. Того же мнения придерживаются британцы: IISS пишет о геополитической линии разлома, которая, возможно, будет оценена историками как не менее значимая, чем трансформации 1989–1991 гг. [IISS, 2022: 5].

Главным следствием конфликта европейские эксперты считают движение к фрагментации глобального мира. Ш. Майер выделяет две тенденции: усиление конкуренции региональных и мировых держав за сферы влияния, экономическое лидерство и растущее противостояние демократических и недемократических стран. Это может привести к разделению мира на новые блоки, что беспокоит ФРГ, как экспортоориентированную страну, для благосостояния которой необходимо сохранение глобальной торговли. Схожие оценки дают британцы: Р. Ниблетт, директор Chatham House в 2007–2022 г., отметил, что мир находится на пороге раскола на два противостоящих друг другу блока⁴. Его преемница Б. Мэддокс оценила события как «резкое завершение тридцати лет глобализации и международного сотрудничества, лежащего в ее основании»⁵. Французы выделяют четыре тренда:

¹ DGAP. Jahresbericht 1021/2022. P. 2. URL: <https://dgap.org/sites/default/files/DGAP-AnnualReport-2021-2022%20Webversion.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

² Die Nationale Sicherheitsstrategie im Zeichen der außenpolitischen Zeitenwende. URL: <https://verfassungsblog.de/die-nationale-sicherheitsstrategie-im-zeichen-der-ausenpolitischen-zeitenwende/> (дата обращения: 01.09.2023).

³ De Montbrial T. Perspectives 2023. RAMSES 2023. URL: <https://thierrydemontbrial.com/perspectives-2023/> (дата обращения: 01.09.2023).

⁴ Living with a divided world. Chatham House YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aH3IyMT2IZc> (дата обращения: 01.09.2023).

⁵ The Director's Annual Lecture. Chatham House YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uKNwDMRBWGo> (дата обращения: 01.09.2023).

формирование полюсов во главе с США и Китаем/Россией; рост влияния стран Азии на безопасность Европы; формирование условного третьего полюса – «глобального Юга», стремящегося к нейтралитету; риск распространения ядерного оружия, роста военных расходов и новой гонки вооружений в мире.

Эти тенденции тревожат европейцев. Ш. Майер отмечает, что Германии выгоден полицентричный мир, в котором ЕС выступает одним из экономических центров. Привлекательность Европе обеспечит активное взаимодействие с мировыми игроками: заключение соглашений о свободной торговле, формирование новых и усиление старых стратегических партнерств, укрепление сотрудничества с близкими по политическим убеждениям странами¹. Ш. Майер обходит стороной вопрос увеличения внешнеполитических амбиций ФРГ и ЕС. Французских экспертов беспокоит вопрос о роли Евросоюза как экономической и политической силы. По словам Т. де Монбриаля, «разбуженные Трампом, ошеломленные Путиным, отчасти успокоенные Байденом, европейцы начинают понимать, что должны, наконец, серьезно взять судьбу в свои руки»². IFRI и IRIS поддерживают проект стратегической автономии ЕС и отмечают, что в противном случае Евросоюзу уготована судьба младшего партнера США, вынужденного следовать за Вашингтоном и вступать в конфликты за американские интересы.

Британские аналитики ориентируются прежде всего на позицию Вашингтона. Для них важнейшими являются отношения с партнерами по НАТО, G7 и AUKUS – оборонному альянсу Австралии, Британии и США. Что касается Европы, публикации британских «мозговых центров» демонстрируют определенную удовлетворенность усилением атлантистских настроений и переоценкой ситуации в сфере безопасности в ЕС. Авторы *Chatham House* отмечают, что «европейские страны, такие как Франция и Германия, не смогли адаптироваться к новым геополитическим реалиям в мире». Британцы смотрят на ЕС сверху: критикуют предыдущую политику и положительно рассматривают новое положение дел. Они негативно оценивают чрезмерно осторожную первоначальную позицию западноевропейских стран, их стремление найти дипломатическое решение украинского конфликта и считают, что такие попытки контрпродуктивны [Ash et al, 2023]. В докладе IISS отмечается, что «геополитический центр тяжести в Европе сместился на восток и на север». Речь идет о более заметной роли Польши, Чехии, Словакии и стран Балтии в ЕС, а также заявках Финляндии и Швеции на вступление в НАТО. Именно эти страны, по мнению британцев, будут обладать решающим голосом по вопросам европейской безопасности, инструментов обороны и сдерживания [IISS, 2022: 22].

¹ Mair S. Warum Deutschland sich nicht von der Welt abkoppeln sollte. WirtschaftsWoche. URL: <https://www.wiwo.de/politik/deutschland/globalisierung-warum-deutschland-sich-nicht-von-der-welt-abkoppeln-sollte/28590978.html> (дата обращения: 01.09.2023).

² Thierry de Montbrial: «Ce qu'on peut redouter chez Poutine, c'est son hubris». IFRI. 09.03.2022. URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/lifri-medias/thierry-de-montbrial-quon-redouter-chez-poutine-cest-hubris> (дата обращения: 01.09.2023).

Роль Европы в условиях нарастающей глобальной фрагментации

Европейские аналитические центры по-разному видят роль Европы и своих стран в будущем миропорядке. Для Германии «смена эпох» и большее внимание к проблемам обороны не являются синонимами увеличения амбиций и превращения во внешнеполитического гиганта. Наоборот, с начала украинского конфликта Берлин укрепляет трансатлантическую солидарность и отказывается от особого курса. Директор *DGAP* Г. Вольфф отмечает, что Европа ограничена в средствах по обеспечению безопасности и нуждается в поддержке Вашингтона: «Без финансового, стратегического и логистического руководства со стороны США войска Путина могли бы уже находиться на границе Польши»¹. Г. Вольфф поддерживает идеи Э. Макрона о европейской автономии, но добавляет, что только сильные и обороноспособные европейские демократии могут быть суверенными и надежными партнерами США.

В дискуссиях *IFRI* и *IRIS* о внешней политике Франции можно выделить две позиции. Т. Гомар (*IFRI*) полагает, что безопасность европейцев может обеспечить только НАТО и видит перспективным превращение франко-германского тандема в четырехсторонний союз (Франция, Германия, Польша, Британия), который объединит силы главных военных держав Европы. Критически важным он видит участие ЕС в соглашениях по безопасности, которые будут подписаны по окончании украинского конфликта, а также усиление военных возможностей ЕС. И Гомар и Т. де Монбриаль скептически смотрят на шансы Евросоюза достичь стратегической автономии в ближайшем будущем прежде всего из-за внутренних разногласий в объединении. «Американцы... идут как бульдозер. Как разделенный ЕС может составить им конкуренцию?» – задается вопросом научный руководитель *IFRI*, предостерегая: «Я боюсь, что разделительные линии [в ЕС] углубятся. Через 20–30 лет все может рухнуть»².

Другую позицию занимает П. Бонифас (*IRIS*). Он согласен, что сегодня возможности Парижа маневрировать в Европе сузились, но делает из этого иные выводы. Франции следует активнее защищать интересы перед США (например, в вопросе об экстерриториальности санкций), укреплять европейскую опору НАТО и осторожно подходить к отношениям с Польшей. Франция должна также не ограничиваться рамками атлантической солидарности, а, наоборот, выступать на мировой арене не только как часть Запада, но и как связующее звено Запада и стран «глобального Юга», исходя из традиционного многовекторного курса Пятой республики. Он предлагает пересмотреть линию поведения Парижа в Африке и, отбросив менторство, создавать новые форматы партнерства с африканскими странами.

¹ Wolff G. Taiwan geht auch Europa an. *DGAP*. 19.04.2022 URL: <https://dgap.org/de/forschung/publikationen/taiwan-geht-auch-europa> (дата обращения: 01.09.2023).

² «Les Etats-Unis seront les grands gagnants de la guerre en Ukraine». *IFRI*. 09.12.2022. URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/lifri-medias/etats-unis-seront-grands-gagnants-de-guerre-ukraine> (дата обращения: 01.09.2023).

Британские эксперты ищут новую конфигурацию международных альянсов. Кризис европейской безопасности рассматривается как шанс для Лондона усилить влияние в вопросах европейской безопасности и упрочить позиции, пошатнувшиеся после выхода страны из ЕС. По словам Р. Ниблетта, в 2022 г. либеральные демократии осознали, что они больше не доминируют, не находятся на вершине иерархии и должны объединиться. Он предполагает формирование трех новых блоков: «Запад», «Россия и Китай» и «все остальные»¹. Специалист отмечает новый импульс усиления сотрудничества в рамках НАТО, новые формы взаимодействия в Индо-Тихоокеанском регионе и перекрестные связи этих двух групп, которые напоминают новое атлантико-тихоокеанское партнерство. Эксперты *IJSS* говорят о том, что фокус внимания западных стран вновь направлен на ключевой стратегический регион, т. е. Европу. Они отмечают растущую созависимость Евроатлантического и Индо-Тихоокеанского регионов [*IJSS*, 2022: 24]. В то же время аналитики обеспокоены отказом стран «глобального Юга» безоговорочно поддержать Запад в отношении украинского конфликта и в целом пошатнувшейся репутацией западных стран, как лидеров «свободного мира». Некоторые говорят о новом Движении неприсоединения, к которому теперь относится большая часть населения планеты. Борьба за симпатии требует от Запада не только усиления внешнеполитической и экономической активности, но и пересмотра позиционирования в мире.

При этом страны ЕС не желают быть вовлеченными в противостояние США и Китая. Китайскому сюжету посвящена значительная часть программных текстов *SWP* и *DGAP*, однако у немецких аналитиков нет стратегии в отношении Пекина. С одной стороны, все большее внимание уделяется опасности экономической зависимости Германии от КНР, с другой – сегодня ФРГ не может без серьезного ущерба для экономики разорвать торгово-экономические отношения с Китаем. В связи с этим эксперты призывают немецких предпринимателей проявить большую сознательность и сократить зависимость от КНР. В качестве полезного опыта называется стратегия «*China Plus One*», предполагающая диверсифицировать инвестиции в Китай. Также предлагается пересмотреть государственные гарантии немецким инвестициям и бизнесу в КНР, сохранить ограничения на покупку товаров, произведенных принудительным трудом, расширить круг соглашений о свободной торговле с третьими странами².

Французские эксперты также подчеркивают важность сохранения с Китаем торгово-экономических отношений (с учетом того, что в 2022 г. на КНР пришлось свыше 20% импорта ЕС, а на США – около 12% [*Gomart, Hecker*, 2023: 6]) и интерес ЕС к урегулированию кризиса вокруг Тайваня политическим, а не военным пу-

¹ Harding S. View from the Chatham House top table: wheels are coming off rules-based order. The National. 06.05.2022. URL: <https://www.thenationalnews.com/weekend/2022/05/06/view-from-the-chatham-house-top-table-wheels-are-coming-off-rules-based-order/> (дата обращения: 01.09.2023).

² Wolff G., Schmucker C. Risikomanagement in den europäisch-chinesischen Wirtschaftsbeziehungen. DGAP. URL: <https://dgap.org/de/forschung/publikationen/risikomanagement-den-europaisch-chinesischen-wirtschaftsbeziehungen> (дата обращения: 01.09.2023).

тем. Французов отличает стремление не допустить сближения Китая с Россией и посредничества Пекина в украинском конфликте. *IFRI* призывает усилить присутствие Франции в ИТР, координироваться с США, Индией и другими странами, а также смягчить подход Вашингтона к Пекину. Эти идеи развивает французский проект коалиции в регионе 2018 г., опирающейся на Австралию, Индию, Японию и членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, который позже был заменен проектом *AUKUS*, где Франции не нашлось места.

Риторика британских авторов в отношении КНР в большей степени ориентируется на позиции США, однако аналитики говорят о необходимости «защититься от Китая, но не провоцировать его»¹. В докладе *IISS* модернизация китайской армии рассмотрена в качестве одного из важнейших вызовов, отмечается усиление стратегического соперничества Китая и Запада. В качестве ответа на рост силы Пекина британцы видят трехсторонний альянс *AUKUS* [*IISS*, 2022: 21–25]. Беспокойство экспертов также вызывают потенциальная привлекательность китайской модели социального устройства и восприятие ее в качестве альтернативы западным моделям.

Дискуссии о завершении украинского конфликта

Наиболее противоречивая проблема в дискуссиях «мозговых центров» – урегулирование украинского конфликта. Немецкие эксперты поддерживают политику Берлина, выступают за увеличение западных поставок оружия Киеву, финансовую поддержку Украины, сохранение антироссийских санкций. При этом центры воздерживаются от рекомендаций о каких-либо активных действиях или инициативах. Во многом это связано с остротой темы и широкой критикой ФРГ за политику в рамках Нормандского формата. С одной стороны, отсутствуют призывы к расширению санкций, авторы ограничиваются призывами бороться с обходом Москвой ограничений на экспорт². С другой стороны, эксперты не пишут о том, что Берлин может стать медиатором в вопросе урегулирования. ФРГ беспокоит возможная эскалация и риск прямого вовлечения в конфликт. Однако в публичных текстах руководство аналитических центров оставляет эту проблему без внимания, опасаясь обвинений в том, что Берлин может бросить Украину на произвол судьбы.

В рекомендациях французских аналитиков выделены три важных момента. Во-первых, после 24 февраля речь не идет об особой позиции Парижа в отношении Москвы. Как отмечает П. Бонифас, Франции и ЕС будет трудно вернуться к нормальным отношениям с Россией, пока длится украинский конфликт и, вероятно, не произойдет обновление российской политической элиты. Во-вторых, Париж и Брюссель намерены помогать Украине вооружениями до завершения противостоя-

¹ The Director's Annual Lecture. Chatham House YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uKNwDMRBWGo> (дата обращения: 01.09.2023).

² Wolff G. Russia's War Economy and the Impact of Sanctions on Military Production. *Internationale Politik Quarterly*. 15.02.2023. URL: <https://ip-quarterly.com/en/russias-war-economy-and-impact-sanctions-military-production> (дата обращения: 01.09.2023).

ния на условиях Киева, но не должны прямо вовлекаться в конфликт, способный перерасти в прямое столкновение России с НАТО. В-третьих, Франция должна активно участвовать в сложной дипломатической стадии урегулирования конфликта¹. *IRIS* предлагает «помнить и не повторять прошлых ошибок в отношении России, не считать ее проигравшей стороной, даже если стоит надеяться, что она проиграет войну»².

Британские эксперты занимают более жесткую позицию. Аналитики *IISS* считают поражение РФ стратегической задачей Запада и подчеркивают два приоритета: восстановление европейской системы безопасности и возрождение доверия мира к стратегическим целям и этике Запада. По словам экспертов, европейцы и США должны всеми силами противостоять «реваншистской России». Они считают, что даже вызовы, которые могут возникнуть, если РФ окажется «ослабленной, фрагментированной и, возможно, побежденной», не должны удерживать Запад от победы в украинском конфликте. Европейские государства должны оценить сопутствующие угрозы и быть к ним готовы. Поражение России, с точки зрения аналитиков, станет важным предупреждением для Китая и государств Ближнего Востока [*IISS*, 2022].

Подход *Chatham House* более бескомпромиссный. Доклад центра, посвященный украинскому кризису, призван опровергнуть ложные, по мнению авторов, представления о возможности переговоров с Россией, высокой стоимости конфликта для западных стран, потенциальных рисках в случае поражения Москвы и т. п. Подчеркивается безальтернативность усиления военной поддержки Украины, экономического и финансового давления с целью изоляции РФ, а также необходимость «преодолеть свой страх перед нанесением явного и решительного поражения России». По словам авторов доклада, западные правительства должны осознать и донести до электората, что поддержка Киева – это инвестиции в евроатлантическую безопасность [Ash et al., 49–50].

* * *

В 2022–2023 гг. аналитические центры Британии, Германии и Франции столкнулись с необходимостью переосмыслить ситуацию в сфере безопасности в Европе и в мире, а также место государств в меняющемся миропорядке. По итогам анализа публикаций указанных институтов можно выявить общую рамку, очерчивающую суть подходов «мозговых центров» к текущей ситуации. Все они едины в восприятии современных событий как рубежа эпох, отмечают тенденцию к фрагментации мира на два или три лагеря: «либеральный» (страны Запада / *G7*), «авторитарный» (Россия, Китай, Иран и пр.) и относительно «нейтральный» («глобальный Юг»). В этих условиях эксперты поддерживают тенденцию к опоре стран Запада на США;

¹ Thierry de Montbrial: «Ce qu'on peut redouter chez Poutine, c'est son hubris».

² Guerre en Ukraine: éviter les simplifications. *IRIS*. 28.03.2022. URL: <https://www.iris-france.org/166206-guerre-en-ukraine-eviter-les-simplifications-2/> (дата обращения: 01.09.2023).

осторожному сдерживанию Китая, но без конфронтации с ним; продолжению поддержки Киева; сохранению санкций и противодействию России как минимум до завершения украинского конфликта. Однако аналитические центры заметно расходятся во взглядах на роль Евросоюза в меняющемся миропорядке, представления о допустимой свободе маневра в отношениях с США, курс в отношении Китая. Одним из сложнейших вопросов выступает готовность европейцев участвовать в дипломатическом урегулировании украинского конфликта. Нет ясности относительно будущих отношений с Россией. Как пишет *IFRI*, «постбиполярный антракт заканчивается, а пьеса, которая продолжится, еще не написана»¹.

Расхождения не являются тактическими, а отражают страновые различия в стратегическом видении на концептуальном уровне. Аналитические центры ФРГ сегодня находятся в смысловом вакууме. Германия столкнулась с крахом прежних установок («изменение через сближение») и не может предложить новые основополагающие идеи. Эксперты избегают темы активной политической роли страны и увеличения политических амбиций ЕС. Приоритетом для них является стабильная мировая торговля, в которой Евросоюзу не придется выбирать Вашингтон или Пекин, а диверсификация цепочек добавленной стоимости и инвестиций снизит зависимость немецкой экономики от Китая.

Французские авторы более всего озабочены проблемой стратегической автономии ЕС как экономического и политического центра. Однако эта установка противоречит атлантизации европейских элит в условиях украинского конфликта. Ключевая дилемма внешней политики Парижа состоит в том, следует ли ему делать ставку на четырехсторонний союз в Европе с другими странами НАТО или опираться на ряд незападных государств для объединения вокруг себя стран «глобального Юга».

Британцы, напротив, поддерживают усиление евроатлантического единства и расценивают сомнения континентальных коллег как доказательство снижающейся роли франко-германского тандема в европейских вопросах. Они делают ставку на поражение России, сотрудничество с восточно- и североευропейскими странами внутри ЕС и партнерами по *G7* и *AUKUS* на глобальном уровне, а также ищут возможности для позиционирования Британии в качестве одного из европейских и глобальных лидеров.

Говорить о едином подходе западноевропейских «мозговых центров» к украинскому кризису и к отношениям с Москвой можно только в общих чертах, поскольку существует множество нюансов, свидетельствующих о разном опыте отношений стран с Россией. Эти различия следует принимать во внимание при выстраивании российского внешнеполитического курса в отношении Европы. Однако, скорее всего, до окончания активной фазы боевых действий на Украине в европейской политической элите не будут востребованы стратегии свертывания санкций и восстановления полноценных отношений с РФ, а курс на сдерживание России останется среднесрочным трендом.

¹ Éditorial. Politique étrangère. 2022. No. 2. P. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешин А.А. (2021) Роль научного дискурса в трансформации стратегии национальной безопасности Великобритании. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 72–84. DOI: <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-72-84>

Ананьева Е.В. (2021) Россия в стратегии национальной безопасности Британии. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. Т. 5. Вып. 4. С. 453–459. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459>

Барановский В.Г., Соловьев Э.Г. (ред.) (2023) *Год планеты: ежегодник*. Вып. 2022 г.: экономика, политика, безопасность. Идея-Пресс, Москва. 320 с.

Белов В.Б., Котов А.В. (2023) Экономические связи России и ЕС в условиях ограничительных мер. *Общественные науки и современность*. № 2. С. 72–89. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869049923020053>

Годованюк К.А. (2021) Фактор «российской угрозы» в стратегии «Глобальной Британии». *Британия после брекзита*. Отв. ред. К.А. Годованюк. Институт Европы РАН, Москва. С. 145–162.

Громыко А.А. (рук.) (2022) *Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе*. Институт Европы РАН, Москва. 194 с.

Обичкина Е.О. (2021) Россия и мир в зеркале французских исследований: наблюдения за наблюдателями. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 180–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.13>

Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2023) *Эволюция франко-германского тандема*. Институт Европы РАН, Москва. 92 с.

Тимошенкова Е.П. (2020) *Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017)*. Институт Европы РАН, Москва. 148 с.

Чихачев А.Ю., Чагры А. (2020). Участие «мозговых центров» в принятии внешнеполитических решений: опыт Франции. *Вестник Забайкальского государственного университета*. Т. 26. № 2. С. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-2-97-105>

Ash T., Bohr A., Busol K., Giles K., Lough J., Lutsevych O., Nixey J., Sherr J., Smith S., Wolczuk K. (2013) *How to End Russia's War on Ukraine. Safeguarding Europe's Future, and the Dangers of a False Peace*. Chatham House, London, UK. 58 p.

Gomart T., Hecker M. (2023) *Chine/États-Unis: l'Europe en déséquilibre*. IFRI, Paris, France. 62 p.

IISS (2022) *Strategic Survey 2022: Annual Assessment of Geopolitics*. Routledge, London, UK. 401 p.

Europe in Search of New Foreign Policy Strategies: German, French and British Think Tanks' Approaches¹

P.P. Timofeev

Candidate of Sciences (Politics)

Head of Section for Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: pavel.timofeyev@yandex.ru

¹ The article was prepared within the project «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation» supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

E.M. Kharitonova

Candidate of Sciences (Politics)

Senior Researcher, Center for European Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: ekharit@imemo.ru

M.V. Khorolskaya

Candidate of Science (Politics)

Research Associate, Department for European Political Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the positions and assessments of the current international political situation presented in the think tanks' policy papers in three European states: the United Kingdom, France and Germany. The relevance of the article stems from the new geopolitical reality, that puts pressure not only on national governments, but also on the analytical and expert community and urges them to reassess their views on their countries' foreign policy, come up with new ideas and put forward updated visions of strategic priorities. The authors apply comparative analysis. The article uses specially selected key policy documents of the centers as well as the speeches and articles by the leaders of the think tanks published in 2022 and 2023. It examines and compares expert positions regarding the continued support to Ukraine, interaction with Russia, their views on the EU role in the changing global environment, relationships with the US, China and the Global South. The article identifies common themes and discrepancies between the positions, as well as key ideas and envisioned scenarios of the future developments. Basing on the analysed materials, the authors come to a conclusion that while political leaders make statements about European unity, the publications of the think tanks reveal substantial discrepancies on many concrete issues. European experts share common vision regarding the assessment of the ongoing shifts, agree that the world today is undergoing transformation and fragmentation, highlighting the Ukrainian crisis as a watershed event in the EU foreign policy development. However, British, German and French think tanks have different views on the ways forward in response to the emerging challenges.

Keywords: Germany, France, United Kingdom, foreign policy, analytical centers, think tanks, conflict in Ukraine, Global South.

DOI: 10.31857/S0201708323070033

EDN: rvkdid

REFERENCES

- Aleshin A.A. (2021) Rol' nauchnogo diskursa v transformatsii strategii natsional'noi bezopasnosti Velikobritanii [Scientific Discourse in the UK National Security Strategy Transformation], *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 4, pp. 72–84. DOI: <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-72-84> (In Russian).
- Ananieva E.V. (2021) Rossiya v strategii natsional'noi bezopasnosti Britanii [Russia in the UK National Security Strategy], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 5(4), pp. 453–459. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459> (In Russian).
- Baranovsky V.G., Solovyev E.G. (ed.) (2023) *God planety: ezhegodnik. Vyp. 2022 g.: ekonomika, politika, bezopasnost'* [Year of the Planet: Yearbook. Issue 2022: Economy, Politics, Security], Ideya-Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Belov V.B., Kotov A.V. (2023) Ekonomicheskie svyazi Rossii ES v usloviyakh ogranichitel'nykh mer [Economic Ties between Russia and EU amid Restrictive Measures], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2, pp. 72–89. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869049923020053> (In Russian).
- Godovanyuk K.A. (2021) Faktor «rossiiskoi ugrozy» v strategii «Global'noi Britanii» [“Russian Threat” Factor in the Global Britain Strategy], in Godovanyuk K.A. (ed.) *Britaniya posle brekzita*, Institut Evropy RAN, Moscow, Russia, pp. 145–162 (In Russian).
- Gromyko A.A. (ed.) (2022) *Etap spetsial'noi voennoi operatsii na Ukraine. Anatomiya anti-rossiiskoi politiki v Evrope* [The Stage of the Special Military Operation in Ukraine. The Anatomy of the Anti-Russia Policy in Europe], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Obichkina E.O. (2021) Rossiya i mir v zerkale frantsuzskikh issledovaniy: nablyudeniya za nablyudatelyami [Russia's Global Position as Reflected in French Studies: the Observations of the Observers], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 180–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.13> (In Russian).
- Rubinskii Yu.I., Sindeev A.A. (2023) *Evolutsiya franko-germanskogo tandema*. [Evolution of the Franco-German tandem], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Timoshenkova E.P. (2020) *Partiino-politicheskaya sistema Germanii v period kantslerstva A. Merkel' (2005–2017)* [A Party Political System in Germany at the Time of Angela Merkel' Chancellorship (2005–2017)], Institut Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Chikhachev A.Yu., Chagry A. (2020) Uchastie «mozgovykh tsentrov» v prinyatii vneshnepoliticheskikh reshenii: opyt Frantsii [The Role of “Think Tanks” in Foreign Policy Decision-Making: French Experience], *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 26(2), pp. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-2-97-105> (In Russian).
- Ash T., Bohr A., Busol K., Giles K., Lough J., Lutsevych O., Nixey J., Sherr J., Smith S., Wolczuk K. (2023) *How to End Russia's War on Ukraine. Safeguarding Europe's Future, and the Dangers of a False Peace*, Chatham House, London, UK.
- Gomart T., Hecker M. (2023) *Chine/États-Unis: l'Europe en déséquilibre*, IFRI, Paris, France.
- IISS (2022) *Strategic Survey 2022: The Annual Assessment of Geopolitics*, Routledge, London, UK.

УДК 327; 341

МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕС

© 2023 ЭНТИНА Екатерина Геннадьевна

Доктор политических наук

*Заведующая Отделом Черноморско-Средиземноморских исследований
Института Европы РАН, профессор НИУ «Высшая школа экономики»*

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3

E-mail: e.entina@hse.ru;

Поступила в редакцию 30.10.2023

После доработки 12.11.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В 2022–2023 гг. Евросоюз и государства–члены поставили перед собой задачу воспользоваться всё еще не утраченными ими преимуществами глобального нормативного лидерства для формирования качественно нового регулирования использования космического пространства и небесных тел в коммерческих целях, которая бы превратилась в общий международный стандарт, регламентирующий космическую деятельность. С опорой на правовой инструментарий, систематическое институциональное строительство и контроль за правоприменением, к которому он стремится, ЕС рассчитывает преодолеть накопившееся технологическое отставание, вернуть своим компаниям высокую международную конкурентоспособность и утвердиться в качестве мирового космического игрока первой величины. В статье на основе обобщения большого массива последних нормативных актов, программных и стратегических документов, принятых и подготавливаемых ЕС, анализируется, что им уже предпринято для решения указанной задачи, что и как планируется делать в дальнейшем.

Ключевые слова: Европейский союз, космическая деятельность, интеграция, наднациональное правовое регулирование и управление

DOI: 10.31857/S0201708323070045

EDN: rylrqe

В настоящее время в Европарламенте завершилась работа над докладом о состоянии космической промышленности и космической политики Европейского союза. Официальное название доклада – «Стратегический компас и возможности космической обороны ЕС»¹.

Доклад имеет ярко выраженную критическую направленность. В нем акцентируется внимание на том, что Совместное сообщение Еврокомиссии и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности о космосе и обороне², переданное политическим институтам ЕС весной 2023 г., недостаточно амбициозно и системно. Оно не раскрывает, что ЕС нужно предпринять, чтобы обеспечить стратегическую автономию в области космической деятельности на ближайшие 20–30 лет, как было обещано при его разработке.

В частности, в Совместном сообщении отсутствует часть, посвященная самообеспечению ЕС ракетными системами и пусковыми площадками. В условиях, когда с модернизацией спутниковой системы навигации Галилео и доводкой ракетополетителя Ариан-6 возникли трудности³, это по мнению Европейского парламента, особенно неприемлемо. Концентрация Еврокомиссии преимущественно на подготовке законодательных инициатив, касающихся регламентации космической логистики и обеспечения безопасной инфраструктуры в космосе, недостаточна.

В докладе государствам-членам дается рекомендация установить преференциальный правовой режим для европейских ракетостроителей и поставщиков космической информации и услуг.

Основной посыл доклада состоит в том, что от национальных усилий в коммерческом освоении космоса и его секьюритизации пора переходить к интеграционным. Так, национальным космодромам и ракетным полигонам, таким как Куру во французской Гвиане и Кируна на севере Швеции, предлагается придать правовой статус космопортов ЕС с подключением Брюсселя к финансированию их обслуживания и модернизации в дополнение к деньгам, выделяемым пока преимущественно на научные исследования и разработки. В статье проанализировано, на чем сделан акцент в разрабатываемом Комиссией законодательстве, призванном придать наднациональному правовому регулированию космической деятельности ЕС новое качество.

¹ Pugnet Aurélie. EU lawmakers call for higher budget for autonomous access to space // Euractiv. 20.10.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/defence-and-security/news/eu-lawmakers-call-for-higher-budget-for-independent-access-to-space/> (дата обращения: 30.10.2023).

² Joint Communication to the European Parliament and the Council “An EU Approach for Space Traffic Management. An EU contribution addressing a global challenge” by European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN (2022) 4 final. Strasbourg. 15.02.2022. 16 p. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2022-02/join_2022_4_1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

³ Foust Jeff. ESA postpones Ariane 6 hot-fire test again // Space News. 30.08.2023. URL: <https://spacenews.com/esa-postpones-ariane-6-hot-fire-test-again/> (дата обращения: 30.10.2023).

Обострение конкуренции в области коммерческого освоения космического пространства

До середины 2010-х гг., как это наглядно видно из анализа фундаментальной литературы по космической проблематике¹, сохранялась иллюзия того, что классическим подходам к исследованию и использованию космического пространства и небесных тел, выработанным человечеством в XX веке, ничто не угрожает [Cologne, 2009–2015; Dunk, Tronchetti, 2015; Hermida, 2004; Jakhu, 2010; Zhukov, 2014; Lyall, Larsen, 2018; Man, 2016; Masson-Zwaan, Hofmann, 2019].

Широкое международное сотрудничество в исследовании и использовании космического пространства и небесных тел стало свершившимся фактом. Был осуществлен целый ряд амбициозных совместных космических программ и проектов. Флагманом международного сотрудничества выступает Международная космическая станция. К российско-американским экипажам станции регулярно присоединяются посланцы других стран. Евросоюз, как и Соединенные Штаты, активно используют для запуска на околоземную орбиту спутников и оборудования российские ракетоносители. Безусловными лидерами в освоении космоса выступает триада в составе России, США и ЕС.

Деятельность в космосе опирается на тщательно продуманное регулирование. Основу образуют Договор о космосе 1967 г., позитивно описываемый не только его разработчиками, но и всем экспертным сообществом, и в первую очередь его красугольные положения об общем наследии человечества и неприсвоении космического пространства и небесных тел [Zhukov, 2014; Soucek, 2020]. Эта идиллическая картина добросовестно рисовалась, хоть и разными цветами², в научной литературе о космической деятельности, международном сотрудничестве в космосе, космических программах и космической политике [Sadeh, 2004]. В ней, исходя из самых благих намерений, указывалось, что нормативные предписания классического космического права служат интересам всех стран и народов. Государства добросовестно перенесли их в национальное законодательство [Hermida, 2004; Jakhu, 2010]. Они последовательно соблюдаются и пользуются всеобщей поддержкой, хотя и намечаются совершенно новые тренды [Man, 2016].

Предупреждения об иллюзорности рисуемой картины, о том, что она соответствует представлениям о технологических возможностях уходящей эпохи, казались неубедительными. На них слишком долго не обращали внимание [Dunk, Tronchetti, 2015]. Авторы предпочитали писать не о смене вех, а о нарастающих противоречиях между прошлыми традициями, прежними нормативными предписаниями и по-

¹ Современные проблемы международного космического права: материалы круглого стола XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 14 апреля 2018 г. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова, И.А. Черных. М.: РУДН, 2019. 125 с.

² Яковенко А.В. Прогрессивное развитие международного космического права: Актуальные проблемы. М.: МО, 2000. 269 с.; Яковенко А.В. Международно-правовые проблемы международных программ исследования и использования космоса: Дис. доктора наук в виде науч. заключения. М.: Моск. акад. МВД России, 2001. 113 с.

требностями частного капитала в свободе рук [Masson-Zwaan, Hofmann, 2019]. Россия и ЕС пропустили революцию в космических технологиях, недооценили, что она открывает двери к интенсивному коммерческому освоению космического пространства и небесных тел¹, с большим отставанием сформулировали вывод о том, что надо срочно менять принципы, цели и содержание космической политики².

Началась новая эра предпринимательской деятельности в космосе [Marchisio, 2023]. В США утвердили законодательство, аннулировавшее их участие в Договоре о космосе³, запустили коммерческие программы его освоения и приняли ряд исполнительных актов, поощряющих коммерческую эксплуатацию внеземных ресурсов⁴. В обоснование этих шагов Белый дом заявил, что Договор мешает бизнесу: он создает ситуацию правовой неопределенности, противоречит базовым требованиям извлечения прибыли из коммерческой деятельности, защиты инвестиций и частной собственности.

США эксплицитно нанесли летальный удар по правовому режиму общего наследия человечества и неприсвоения, как они сами официально разъяснили свои новейшие нормативные акты⁵. Не увидеть, насколько за последние годы изменился характер космической деятельности и обслуживающая ее наземная инфраструктура, стало невозможно [Marchisio, 2023]. Практика полностью оторвалась от прежней регуляторики [Failat, Ferreira-Snyman, 2022]. Созданы сотни коммерческих компаний и фондов по распродаже космических объектов, их территории и недр. В космосе всё увереннее работает бизнес, туда ринулись новые индустриальные

¹ Жданов В.Л. Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты (Zhdanov Vladislav L. State Policy of Russia in the Field of Space Activities in the Light of Recent Global Challenges and Prospects: Goals, Principles, Objectives and Main Priorities) // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 18-28. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/State-Policy-of-Russia-in-the-Field-of-Space-in-the-Zhdanov/b42f52fd06653dfe83ea78d669608de411c4757a> (дата обращения: 30.10.2023).

² Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources of April 6, 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Wall Mike. Trump signs executive order to support moon mining, tap asteroid resources. The U.S. sees a clear path to the use of moon and asteroid resources // Space. 07.04.2020. URL: <https://www.space.com/trump-moon-mining-space-resources-executive-order.html> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Administration Statement on Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. White House Press Release of April 6, 2020 // New Space Global. 06.04.2020. URL: <https://spaceref.com/press-release/administration-statement-on-executive-order-on-encouraging-international-support-for-the-recovery-and-use-of-space-resources/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Ligor Douglas. Reduce Friction in Space by Amending the 1967 Outer Space Treaty // War on the Rocks. August 2022. URL: <https://warontherocks.com/2022/08/stabilize-friction-points-in-space-by-amending-the-1967-outer-space-treaty/> (дата обращения: 30.10.2023).

страны¹. Околоземное пространство стало превращаться в аналогию Дикого Запада. Россия и ЕС сильно отстали с подключением к космической гонке своих высокотехнологичных компаний и стартапов. Зато у конкурентов появились новые возможности и новая регуляторика [Kerkonian, 2021].

Страны ЕС попытались сократить разрыв поодиночке. Когда же это не получилось, то вспомнили о том, что их преимущество заключается в объединении усилий. Главный козырь интеграционного объединения в том, что оно выступает в мировой политике и экономике в качестве регуляторной сверхдержавы. В интересах германских, французских, а также итальянских авиакосмических (аэрокосмических) компаний², за которыми стоят национальные государства³, устанавливаются в космосе и на земле свои правила конкуренции⁴. Брюссель этим занялся системно и настойчиво с начала 2020-х гг., вызвав положительную реакцию со стороны западноевропейского бизнеса и экспертного сообщества [Marchisio, 2023].

Системный подход ЕС

Институционально-правовая поддержка космической деятельности Европейского союза осуществляется по шести основным трекам, наиболее важные из которых обстоятельно разбираются в последующих разделах статьи.

Во-первых, ЕС принимает специальное законодательство, посвященное регулированию космической деятельности, которой дается максимально широкое толкование.

Во-вторых, на определяемую таким образом космическую деятельность распространяется действие всех нормативных актов ЕС, предметом которых может быть и активность авиакосмического комплекса ЕС, и предоставление космических услуг со всей поддерживающей их инфраструктурой.

В-третьих, ЕС разрабатывает такие обязывающие акты, в которых закрепляются так называемые горизонтальные нормы, которые устанавливают общие базовые требования к любого рода деятельности и функционированию властных структур – национальных и наднациональных.

В-четвертых, ЕС, опираясь на внешнеполитический ресурс 27 государств-членов и широкого круга аффилированных государств, запускает кампанию по универсализации своего интеграционного регулирования космической деятельности, по его превращению в общепринятый международный стандарт. Одним из элементов такой кампании Брюссель сделал механизм обусловленности предостав-

¹ Kolczynski Petr. The New European Union space policy in order to maintain European's position among space leaders // Space exploration. 2019. No. 2. DOI: 10.7256/2453-8817.2019.2.32162 (дата обращения: 30.10.2023).

² Joint Communication to the European Parliament and the Council "European Union Space Strategy for Security and Defence" by European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN(2023) 9 final. Brussels. 10.03. 2023. (18 p.) P. 1.

³ Ibid. P. 2.

⁴ Directive (EU) 2022/2557 on the resilience of critical entities.

ления технической помощи и финансирования по линии международной помощи развитию рецепцией в данном случае космического права ЕС.

В-пятых, Брюссель создает специализированные органы, в полномочиях которых прописан (1) мониторинг соблюдения нормативного массива, регулирующего космическую деятельность (которому зачастую придается экстерриториальный характер); (2) разъяснение властным структурам всех уровней и частному капиталу преимуществ соблюдения космического права ЕС; (3) оказание поддержки неограниченному числу субъектов хозяйственной деятельности в достижении целей, устанавливаемых космическим и связанным с ним общим правом ЕС; (4) координация работы по решению задач, поставленных космическим правом ЕС, и осуществлению программ и проектов ЕС; (5) продвижение стандартов космического права ЕС в национальное право третьих стран, в международные документы рекомендательного характера и международные конвенции.

В-шестых, подключение уже функционирующей институциональной системы ЕС к поддержке создаваемых специализированных органов в области космической деятельности и установление между ними такого типа взаимоотношений, которые позволяют специализированным органам вносить вклад в достижение более общих целей, на которые работает институциональная система ЕС в целом.

В результате институционально-правовому комплексу ЕС и его подсистемам, в частности в области космической деятельности, придается цельный, непротиворечивый и всеобъемлющий характер. Это позволяет ЕС не только компенсировать отставание в реальном секторе экономики, но и позиционировать себя в качестве лидера мирового хайтека.

Преимущества нормативного закрепления расширительного понимания космической деятельности

Космические возможности интеграционного объединения определяются его собственным потенциалом, совместно созданным государствами-членами, и теми ресурсами, которыми они в настоящий момент обладают самостоятельно, но могли бы поставить на службу общим экономическим интересам и интересам безопасности. Собственный потенциал ЕС включает систему космических спутников определения местоположения, навигации и хронометража Галилео (PNT Galileo) и дистанционного зондирования Земли Коперник (EO Copernicus) вместе с обслуживающей их инфраструктурой. Ее важнейшей составляющей является Спутниковый центр ЕС (SatCen), снабжающий властные структуры, принимающие решения, геопространственной информацией.

Еврокомиссия вместе с Европейским космическим агентством владеют, координируют и управляют ими. Брюссель, кроме того, планирует в ближайшее время сформировать третью мультиорбитальную группировку спутников для обеспечения устойчивой, взаимосвязанной и защищенной связи властных органов государств-членов, а также бизнеса, на коммерческих условиях (IRIS2). В ограниченном мас-

штабе она начнет работать с 2024 г. Брюссель планирует вывести ее на полную мощность к 2027 г.¹

В стратегических документах ЕС дано широкое толкование космической деятельности, намного более широкое, чем в российском законодательстве. Под ней понимается «всё, имеющее отношение к функционированию космических систем и предоставлению космических услуг в ЕС и государствах-членах». Таким образом, ее неотъемлемыми слагаемыми оказываются как сам космос, включая космическую среду и орбиты, так и космические аппараты, наземная инфраструктура, связь, радиочастоты, пользовательские терминалы, киберпространство и космическая промышленность². Для сравнения в ст. 2. «Понятие космической деятельности» Закона РФ «О космической деятельности» в ныне действующей актуализированной редакции³ устанавливается: «под космической деятельностью понимается любая деятельность, связанная с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела»⁴.

Столь емкий подход позволяет выстраивать правовое регулирование космической деятельности одновременно по целому ряду направлений. На нее распространяется действующее законодательство ЕС об отказоустойчивости критически важных объектов (директива CER5⁵) и кибербезопасности (директива NIS2⁶), включая телекоммуникационные спутники и наземную инфраструктуру государств-членов и частных операторов. Уже в ближайшее время на нее будет распро-

¹ Directive (EU) 2022/2555 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, repealing Directive (EU) 2016/1148.

² Proposal of the European Commission for a Regulation of the European Parliament and of the Council on horizontal cybersecurity requirements for products with digital elements and amending Regulation (EU) 2019/1020 (Text with EEA relevance). Brussels, 15.9.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52022PC0454> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Critical Raw Materials Act: securing the new gas & oil at the heart of our economy. Blog of Commissioner Thierry Breton // European Commission. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_5523 (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ European Chips Act // European Commission. 2023. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-chips-act_en (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // Official Journal of the European Union. 21.03.2019. L 79 I/1. P. 1–14. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019R0452> (дата обращения: 30.10.2023).

⁶ Council Decision (CFSP) 2021/698 of 30 April 2021 on the security of systems and services deployed, operated and used under the Union Space Programme which may affect the security of the Union, and repealing Decision 2014/496/CFSP. Document 32021D0698. T/10108/2019/INIT. Official Journal of the European Union. L 170. 12.5.2021. P. 178–182. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021D0698> (дата обращения: 30.10.2023).

страняться также действие горизонтальных норм кибербезопасности после принятия специального регламента ЕС, предметом регулирования которого являются все и любые изделия с цифровизированными элементами¹.

Помимо этого, с тем чтобы предотвратить дефицит сырья, нужных воздушно-космическому и военно-промышленному комплексам ЕС, и разрыв цепочек создания стоимости, в блок регулирования космической деятельности включены законодательство объединения о критически важном сырье² и микроэлектронике³. Для предотвращения внешнего воздействия на космический хайтек ЕС и утечки знаний, технологий и ноу-хау за границу, в него вмонтированы нормативные акты, вводящие контроль за прямыми иностранными инвестициями (FDI)⁴ и ограничения на экспорт товаров двойного назначения (которым покрывается почти вся космическая деятельность).

Соответственно, под безопасностью космической деятельности понимается устойчивость к двум типам рисков: к рискам, являющимся побочным продуктом интенсификации присутствия человека в космосе и загрязнения космической среды, и рискам, имеющим преднамеренный характер. Поэтому Брюссель предполагает превратить пересмотренное Решение Совета ЕС о безопасности систем и служб, развернутых, эксплуатируемых и используемых в рамках Космической программы⁵, по сути, от рисков, создаваемых третьими странами, в «краеугольную основу» реагирования на такие риски⁶.

В то же время в том, что касается задач обеспечения технологического суверенитета ЕС применительно к космической деятельности, их решение опирается на все наработки ЕС, направленные на достижение технологической автономии, независимости и самодостаточности в целом, и наднациональные структуры, преследующие эти цели.

¹ Joint 2023. Op. cit. P. 8.

² Reaction of Eurospace about the Joint Communication “An EU approach for STM” // ASD-Eurospace. February. 2022. URL: <https://eurospace.org/reaction-of-eurospace-about-the-joint-communication-an-eu-approach-for-stm/> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Joint Communication to the European Parliament and the Council “An EU Approach for Space Traffic Management. An EU contribution addressing a global challenge” by European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN (2022) 4 final. Strasbourg. 15.02.2022. 16 p. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2022-02/join_2022_4_1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ STM stakeholder mechanism. Safeguarding space operations // EU Defence Industry and Space. 2023. URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/eu-space-policy/space-traffic-management/space-traffic-management-stakeholder-mechanism_en (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Joint 2023. Op. cit. P. 3–4.

⁶ EU space programme (2021–2027) – European Union Agency for the Space Programme // Eur-Lex. 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/eu-space-programme-2021-2027-european-union-agency-for-the-space-programme.html> (дата обращения: 30.10.2023).

Планы ЕС

Государства–члены предпочитают самостоятельно удовлетворять свои нужды в правовом регулировании космической деятельности. В результате разброс в правовом регулировании на национальном уровне получился сравнительно большим. Он повлек за собой частичную утрату преимуществ общего экономического пространства, которым они пользовались.

В условиях резко возросшей конкуренции на рынке космических услуг и стремительного обновления космических технологий это начало ощущаться всё болезненней. Противоречия в правовых подходах затруднили решение всего спектра задач обеспечения безопасности, самодостаточности, рентабельности и эффективности космического производственного и научно-технического комплекса стран ЕС.

Реагируя на неблагоприятные для них тенденции и запрос своего аэрокосмического сектора¹, они и в этой области взяли курс на интеграцию, объединение ресурсов и разработку общего космического права ЕС. Получив соответствующий мандат, Европейская комиссия и Высокий представитель приступили к согласованию со стейкхолдерами специализированного законодательства², его корреляции с уже действующими нормами, применимыми к космической деятельности, и их актуализации, формированию разветвленной системы органов управления.

В качестве основы для выстраивания общего космического права ЕС Еврокомиссия и Высокий представитель взяли предложения, содержащиеся в Совместном сообщении о подходе ЕС к управлению движением в космосе³, которое, в свою очередь, базируется на ряде предшествующих программных документов. Это, в частности, План действий по синергетическому взаимодействию между гражданской, оборонной и космической отраслями от 22 февраля 2021 г. Согласно ему, были запущены интенсивный диалог со стейкхолдерами и осуществление флагманского проекта управления движением в космосе (STM) как ответа на критически возросшие угрозы эксплуатации околоземных орбит вследствие накопления космического мусора и обломков и скачкообразного увеличения интенсивности движения в космосе.

Еще одним отправным документом послужило заключение Совета ЕС по конкурентоспособности о «Новом пространстве для людей», принятое в мае 2021 г. В нем ставилась задача согласования не только общего подхода к управлению дви-

¹ Regulation (EU) 2021/696 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing the EU space programme and the European Union Agency for the Space Programme and repealing Regulations (EU) No 912/2010, (EU) No 1285/2013 and (EU) No 377/2014 and Decision No 541/2014/EU // Official Journal of the European Union. L 170/69. 12.5.2021. P. 69–148. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R0696> (дата обращения: 30.10.2023).

² First progress report on the implementation of the Action Plan on synergies between civil, defence and space industries. European Commission Staff Working Document. Brussels, 10.11.2022. SWD(2022) 362 final. 17 p. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2022-11/swd_2022_362_staff_working_paper_en_0.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

³ Ibid. P. 3.

жением в космосе для европейского региона, но и «утверждения глобальных стандартов». Затем в «Стратегическом компасе» общий подход был вписан в Общую внешнюю политику и политику безопасности ЕС.

В структурном отношении общий подход включает следующие компоненты:

- (1) оценка гражданских и военных требований к управлению движением в космосе и последствий для космических операторов;
- (2) расширение оперативных возможностей ЕС по налаживанию управления движением;
- (3) закрепление в праве нормативных предписаний, регулирующих всё, имеющее отношение к обеспечению безопасной деятельности в космосе;
- (4) утверждение стандартов и предписаний, разрабатываемых ЕС, в качестве общемировых.

По каждому из них ЕС создал постоянно действующие диалоговые механизмы стейкхолдеров со своим участием для сбора и обсуждения идей, мнений и предложений. Их также четыре. В рамках первого дискутируются гражданские и военные требования космических операторов, второго – потребности предпринимателей, третьего – нормативные предписания, четвертого – восприятие общего подхода ЕС третьими странами и международными организациями¹.

Согласно предварительным планам Брюсселя, общее законодательство ЕС об управлении движением в космосе должно устанавливать:

- единое понимание базовых космических услуг, подлежащих секьюритизации;
- минимальные критерии устойчивости критически важных объектов космической и наземной инфраструктуры и космических служб, в том числе под углом зрения кибербезопасности;
- порядок разработки скоординированных национальных планов обеспечения их жизнестойкости;
- требования к последовательности действий в чрезвычайных ситуациях².

Одна из предлагаемых ими опций – создание центров мониторинга безопасности. В ведение последних входило бы систематическое уведомление о происшествиях, инцидентах, нарушениях протоколов безопасности.

Выстраивание институциональной системы управления

Системный характер Брюссель придает институциональному строительству в области обеспечения космической безопасности и устойчивости, необходимому для скоординированного решения различными органами и службами, создаваемыми и уже действующими, взаимосвязанных задач и получения синергетического эффекта от их функционирования.

¹ Important Projects of Common European Interest (IPCEI) // European Commission. State Aid. 2023. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/state-aid/legislation/modernisation/ipcei_en (дата обращения: 30.10.2023).

² Joint 2023. Op. cit. P. 7.

Информационные поток ЕС замкнет, как предполагается, на оперативные центры безопасности (SoCs). Агентство ЕС по космическим программам (EUSPA)¹ обеспечит постоянный мониторинг безопасности всех таких программ². При этом оно будет опираться на опыт Европейского космического агентства и знания, накопленные за годы осуществления проекта Галилео.

Устанавливается, что оно будет работать в тесном сотрудничестве с Европейской комиссией, Группой реагирования на инциденты в области компьютерной безопасности всех учреждений ЕС (CERT-EU) и Агентством ЕС по кибербезопасности (ENISA). Именно ему будет придан статус головной структуры ЕС по мониторингу космической безопасности и оперативному реагированию. В его ведение войдет оказание помощи также национальным операторам критически важных космических систем и служб по получении от них соответствующих запросов.

На создаваемый Центр обмена и анализа информации (ISAC) будет возложено содействие частным компаниям, в особенности новичкам в области космической деятельности и поддержание связей между коммерческими организациями и профильными государственными органами.

В интересах обеспечения технологического суверенитета в области космической деятельности в цепочке от сырья до конечной продукции ЕС переориентирует на решение данной задачи Девятую Рамочную программу (9 РП ЕС) «Горизонт Европа» (Horizon Europe), рассчитанную на 7 лет до 2027 г., с бюджетом в 95,5 млрд евро и Европейский оборонный фонд (EDF), включая программы, из которых он вырос, – Европейскую программу развития оборонной промышленности (EDIDP) и Подготовительные мероприятия по оборонным исследованиям (PADR).

Координацию продвижения критически важных космических технологий берут на себя Европейская комиссия, Европейское оборонное агентство (EDA) и Европейское космическое агентство. Вспомогательная роль отводится Агентству по космическим программам. Им в помощь восстанавливается Объединенная оперативная группа (JTF) по преодолению зависимости в сфере критически важных космических технологий, созданная на прежнем витке технологической революции в 2008 г.

В свою очередь, полученные Группой результаты будут использоваться Обсерваторией ЕС по критическим технологиям, в компетенцию которой входят идентификация технологий будущего, координация работы по поддержке разработки и освоения высоких технологий, помощь гражданским, военным и воздушно-космическим секторам экономики 27 государств-членов в достижении синергетического эффекта.

¹ Joint 2023. Op. cit. P. 17.

² Прокопенкова И.О. Трансформация космической политики США в XXI в.: промежуточные итоги и вызовы для администрации Дж. Байдена // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 3 (66). С. 195–220; Рыбаков А.В. Политика коммерциализации космической деятельности США: основные этапы и уроки для России // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 1 (72). С. 21–29; Уханова Э.В. Космическая политика Японии: государственная поддержка частного бизнеса // Японские исследования. 2020. № 2. С. 63–81.

Первый отчет о ходе реализации Плана действий ЕС по обеспечению синергии между гражданской, оборонной и космическими отраслями промышленности¹ взаимодополняет стратегию кибербезопасности ЕС 2020 г., (б) обновленной промышленной стратегией 2021 г., (в) оборонным и космическим пакетом 2022 г.. (г) главами «Инвестиции» и «Безопасность» «Стратегического компаса 2022 г.», (д) анализом пробелов в оборонных инвестициях 2022 г.²

Еще одной программой ЕС, которая привлекается к разработке, освоению и масштабированию космических технологий, стали «Важные проекты общего интереса для Европы» (IPCEI), которыми охватывается наиболее критический сегмент исследований, разработок и их практического внедрения. Это такие проекты, которые государств–члены и частный бизнес могут использовать для совершенствования космических технологий в областях, где с их помощью можно устранить четко выявленную и значительную стратегическую зависимость, обеспечивая в то же время спин-офф³. Основное предназначение программы – добиться, чтобы инициативные предложения шли не только сверху вниз, но и снизу вверх⁴.

Выводы

Системный подход к институционально-правовому обеспечению космической деятельности имеет для ЕС принципиальное значение. Благодаря преимуществам данного подхода Брюссель рассчитывает сконцентрировать в своих руках международное согласование правил игры в космическом пространстве, добиться утверждения стандартов космической деятельности, которые выгодны европейскому бизнесу, подчинить своим организационным структурам контроль за их соблюдением. ЕС надеется серьезно усилить свои позиции в изучении и освоении космического пространства, утвердиться на рынке космических услуг, повысить свою конкурентоспособность как в этом сегменте мировой экономики, так и в мировой экономике в целом.

¹ Privitera Alexander. France and Germany Critical in Europe in 2023 // Brink. 21.12.2022. URL: <https://www.brinknews.com/france-and-germany-critical-in-europe-in-2023/> (дата обращения: 30.10.2023).

² Majkowskain Iwona. France, Germany, and Italy Forge New Agreement to Boost European Space Industry // TS2 (Artificial intelligence). 06.11.2023. URL: <https://ts2.space/en/france-germany-and-italy-forge-new-agreement-to-boost-european-space-industry/#gsc.tab=0> (дата обращения: 30.10.2023).

³ В редакции федеральных законов от 29.11.1996 № 147-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 05.03.2004 № 8-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 02.02.2006 № 19-ФЗ, от 18.12.2006 № 231-ФЗ, от 30.12.2008 № 309-ФЗ, от 30.12.2008 № 313-ФЗ, от 21.11.2011 № 331-ФЗ, от 13.07.2015 № 216-ФЗ, от 07.03.2018 № 46-ФЗ, от 15.04.2019 № 54-ФЗ, от 08.12.2020 № 429-ФЗ, от 11.06.2021 № 170-ФЗ, от 29.12.2022 № 578-ФЗ, от 13.06.2023 № 241-ФЗ.

⁴ Закона Российской Федерации «О космической деятельности» // Правительство Российской Федерации. 2023. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102025742&ysclid=lpfiugtvyo526040412> (дата обращения: 30.10.2023).

Используемый ЕС системный подход состоит в тщательно выверенном подчинении предмета регулирования, в данном случае космической деятельности, одновременно и специальному законодательству, и всему массиву действующих нормативных предписаний ранее иной целевой направленности, способных закрыть пробелы и придать цельность правовому регулированию. Им придается взаимодополняющий и взаимоподдерживающий характер, позволяющий улучшить их качество и повысить эффективность. Аналогичным образом в том, что касается институционального строительства, создаваемые специализированные органы органически вписываются в комплекс уже функционирующих структур управления. Это дает двоякий синергетический эффект. С одной стороны, последние помогают новым органам быстрее освоиться с решением поставленных перед ними задач. С другой стороны, новые органы сразу же начинают вносить свой специфический вклад в то, чем занимаются уже действующие структуры.

Подобная методика хорошо отработана ЕС. Она оправдала себя при налаживании и масштабировании в ЕС государственно-частного партнерства, переносе в виртуальное пространство требований безопасности, прозрачности и антитрестовского законодательства, постепенном подчинении любого рода деятельности целям экологической и климатической повестки. От творческого применения всего инструментария, который задействован при ее использовании, мог бы выиграть более молодой, но стремительно развивающийся Евразийский экономический союз. Причем как в тех областях, в которых евразийская интеграция уже набрала хорошие темпы, так и в тех, включая космическую деятельность, на которые взаимовыгодное синергетическое сотрудничество полезно распространить. Но делать это в интересах дружественных стран для укрепления мультицентричного международного порядка в противоположность тому, чего добиваются ЕС и государства-члены.

Проанализированное системное институционально-правовое строительство в области космической деятельности повсеместно, на площадках ООН, в двусторонних отношениях с третьими странами, в рамках запущенной Брюсселем пропагандистской кампании подается как колоссальный вклад в «обеспечение конкурентоспособности, процветания и безопасности ЕС во имя последующих поколений»¹. Однако бросается в глаза, что всё это строительство очевидно переориентируется на решение задач обороны и безопасности. Так, при осуществлении всех космических программ ЕС приоритетное внимание начинает уделять именно данным аспектам. Что касается работающих на ЕС исследовательских и консалтинговых структур, они настаивают на полной «реорганизации военно-космического комплекса» интеграционного объединения [High, 2023].

ЕС всё в большей степени перерождается из гражданского интеграционного объединения в военно-политический альянс, а по своей природе ведущаяся им космическая деятельность выливается в форсированную милитаризацию космического

¹ Targeted consultation on EU Space Law // European Commission. Defence Industry and Space. 2023. URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/public-consultations/targeted-consultation-eu-space-law_en (дата обращения: 30.10.2023).

пространства, что России и объединениям, на которые она опирается (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, БРИКС+) нельзя не учитывать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жуков Г. (2014) Международное космическое право. 2-е изд. Статут, Москва. 176 с.
Cologne Commentary on Space Law. (2009–2015) I-III Vol. Carl Heymanns Publishing House.
 Dunk Frans G. von der, Tronchetti F. (2015) *Handbook of Space Law*. Edward Elgar Publishing. 1100 p.
 Failat Yanal A., Ferreira-Snyman A. (Eds.) (2022) *Outer Space Law: Legal Policy and Practice*. Second Edition. Globe Law & Business. 575 p.
 Hermida J. (2004) *Legal Basis for a National Space Legislation*. Springer Science+Business Media Dordrecht. 275 p.
High time for an EU Space Strategy for Security and Defence. European Space Policy Institute (ESPI) Brief No. 63. Vienna, March 2023. 6 p. URL: <https://www.espi.or.at/wp-content/uploads/2023/03/ESPI-Executive-Brief-n%C2%B063-March-2023-final.pdf> (accessed: 30.10.2023)
 Jakhu Ram S. (Ed.) (2010) *National Regulation of Space Activities*. Springer Science+Business Media B.V. 500 p.
 Kerkonian Aram D. (2021) *Space Regulation in Canada: Past, Present and Potential*. The Case for a Comprehensive Canadian Space Law. Springer Nature Switzerland AG. 436 p.
 Lyall F., Larsen Paul B. (2018) *Space Law. A Treatise*. 2nd Edition. Abingdon, N.Y.: Routledge. 548 p.
 Man Philip De. (2016) *Exclusive Use in an Inclusive Environment*. The Meaning of the Non-Appropriation Principle for Space Resource Exploitation. Springer International Publishing Switzerland. 481 p.
 Marchisio S. (2023) *The Law of Outer Space Activities*. Sapienza Università de Roma: Edizioni Nuova Cultura. 374 p.
 Masson-Zwaan T., Hofmann M. (2019) *Introduction to Space Law*. Fourth Edition. Kluwer Law International.
 Sadeh Eligar (Ed.) (2004) *Space Politics and Policy. An Evolutionary Perspective*. Springer Science+Business Media B.V. 522 p.
 Soucek A. (2020) *Space Law Essentials*. Vol. 1. Textbook. Second Edition. NWV. 136 p.

Methods of Improving the Competitiveness of EU Space Activities

E.G. Entina

Doctor of Sciences (Politics)

Head of the Department of Black Sea-Mediterranean Studies

at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences

Professor at the National Research Institute Higher School of Economics

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: *e.entina@hse.ru*

Abstract. In 2022–2023 The European Union and its Member States have set themselves the task of taking advantage of the benefits of global regulatory leadership to form a qualitatively new regulation for the exploration and use of outer space and ce-

restrial bodies, primarily for commercial purposes, which would turn into a common international standard regulating space activities. Relying on legal instruments, systematic institution-building and enforcement oversight it strives for, the EU expects to overcome its accumulated technological gap, restore its companies to high international competitiveness and establish itself as a global space player of the first magnitude. Based on the generalization of a large array of the latest regulations, program and strategic documents adopted and prepared by the EU, the author analyzes what has already been done to solve this problem, what is being done for the future.

Key words: European Union, space activity, integration, supranational legal regulation and management

DOI: 10.31857/S0201708323070045

EDN: rylrqe

REFERENCES

- Cologne Commentary on Space Law.* (2009–2015) Carl Heymanns Publishing House, I-III.
- Dunk Frans G. von der, Tronchetti F. (2015) *Handbook of Space Law.* Edward Elgar Publishing.
- Failat Yanal A., Ferreira-Snyman A. (Eds.) (2022) *Outer Space Law: Legal Policy and Practice.* Second Edition. Globe Law & Business.
- Hermida J. (2004) *Legal Basis for a National Space Legislation.* Springer Science+Business Media Dordrecht.
- High time for an EU Space Strategy for Security and Defence.* European Space Policy Institute (ESPI) Brief No. 63. Vienna, March 2023. 6 p. URL: <https://www.espi.or.at/wp-content/uploads/2023/03/ESPI-Executive-Brief-n%C2%B063-March-2023-final.pdf> (accessed: 30.10.2023).
- Jakhu Ram S. (Ed.) (2010) *National Regulation of Space Activities.* Springer Science+Business Media B.V.
- Kerkonian Aram D. (2021) *Space Regulation in Canada: Past, Present and Potential.* The Case for a Comprehensive Canadian Space Law. Springer Nature Switzerland AG.
- Lyall F., Larsen Paul B. (2018) *Space Law. A Treatise.* 2nd Edition. Abingdon, N.Y.: Routledge.
- Man Philip De. (2016) *Exclusive Use in an Inclusive Environment.* The Meaning of the Non-Appropriation Principle for Space Resource Exploitation. Springer International Publishing Switzerland.
- Marchisio S. (2023) *The Law of Outer Space Activities.* Sapienza Università de Roma: Edizioni Nuova Cultura.
- Masson-Zwaan T., Hofmann M. (2019) *Introduction to Space Law.* Fourth Edition. Kluwer Law International.
- Sadeh Eligar (Ed.) (2004) *Space Politics and Policy. An Evolutionary Perspective.* Springer Science+Business Media B.V.
- Soucek A. (2020) *Space Law Essentials.* Vol. 1. Textbook. Second Edition. NWV.
- Zhukov G. (2014) *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo* [International Space Law]. G. Zhukov, Yu. Kolosov; Transl. by B. Belitzky. 2nd ed. Statut, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВИШЕГРАДСКИХ СТРАНАХ НА ФОНЕ СВО

© 2023 ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна

Доктор исторических наук

*Зав. Отделом исследований Центральной и Восточной Европы
и Центром Вишеградских исследований Института Европы РАН*

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: l.shishelina@gmail.com

Поступила в редакцию 11.09.2023

После доработки 26.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. Анализ ситуации в странах Вишеградской группы опирается на статистические данные, доклады ведущих аналитических центров и статьи экспертов. СВО и ее последствия, включая санкции, существенно повлияли на социально-экономическую и политическую обстановку в регионе и на результаты выборов в трех из четырех стран Вишеградской группы в 2023 г. В январе Чехия впервые избрала президентом генерала, что может отражать стремление к большей защищенности на фоне эскалации конфликта. Начавшийся в 2018 г. политический кризис в Словакии разрешился в результате избрания лидера партии «СМЕР – социальная демократия» Роберта Фицо на руководящий пост в коалиционном правительстве. Возможно, это связано со стремлением общества к стабильности, которая до кризиса ассоциировалась с деятельностью политика по отстаиванию национальных интересов. В Польше партия «Право и справедливость» утратила национальное лидерство. Поворот в сторону либеральной демократии символизирует усталость от утративших связь с современностью принципов, на которых строилось управление обществом партией Я. Качиньского. Эти изменения мало влияют на отношение к СВО и к России, однако на политическом поле региона обозначились тенденции, свидетельствующие о стремлении к позитивной стабилизации.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Центральная Европа, Украина, СВО, беженцы, гуманитарная помощь, военные поставки

DOI: 10.31857/S0201708323070057

EDN: rxulie

На фоне опасений по поводу требований России о возвращении границ НАТО на 1997 г., обострения военного конфликта на Украине, последствий санкционной политики, в 2023 г. прошли выборы в Чехии, в Словакии и Польше. Международное сообщество пристально следило за ходом избирательных кампаний во всех трех странах. Евросоюз ожидал продолжения международного курса на поддержку Украины, в первую очередь, закрепления у власти в Словакии либерально-демократических политиков. От Польши Брюссель ожидал смены руководства, осмеливавшегося ранее ветировать не только бюджет ЕС, но и ряд других инициатив. Россия ожидала возвращения к власти в Словакии правительства Роберта Фицо и понимала, что Варшава не откажется от поддержки Украины при любом исходе выборов. После скандала 2021 г., последовавшего за событиями в Врбетице, избирательная кампания в Чехии не могла заметно повлиять на отношения с Россией, которые были разрушены [Шишелина, 2021].

Генерал – президент Чехии

На выборах президента Чешской Республики в 2023 г. основными соперниками были независимый кандидат, генерал армии и бывший председатель военного комитета НАТО Петр Павел и бывший премьер-министр, основатель и лидер движения АНО («Акция недовольных граждан») Андрей Бабиш. Чешское общество оказалось наиболее решительно настроенным на продолжение поддержки Украины среди соседей по ЦЕ. На это повлияло множество факторов. К ним можно отнести особую чувствительность к правовым аспектам, уходящую корнями в историю чешско-словацкой и чешской государственности, которая в отличие от соседних народов давалась им позже, взращивалась на идеях XX в. и выковывалась в борьбе с событиями 1938 и 1968 гг. События в Врбетице дополнили этот ряд. Кроме того, с середины 2010-х гг. Чехия, испытывающая трудности с насыщением рынка труда, начала принимать рабочую силу из Украины, считая, что украинцы, как родственный славянский народ, смогут быстро встроиться в чешский рынок. Как и в случае Польши, прием беженцев с Украины стал для Праги элементом выигрышной полемики с Брюсселем по поводу квотирования распределения беженцев с Ближнего Востока и Африки.

С самого начала чешские власти осудили специальную военную операцию на Украине (СВО) и старались оказывать Киеву максимальную моральную и материальную поддержку. Учитывая нахождение у власти коалиционного правительства П. Фиалы, позиция Чехии отражала взгляды части населения. Это подкрепляют данные социологических опросов, проведенные спустя 10 месяцев после начала конфликта во время президентской кампании.

В ходе опроса, проведенного в период с начала сентября по начало ноября 2022 г., Центр изучения общественного мнения задал ряд вопросов, связанных с конфликтом на Украине, приемом беженцев, безопасностью Чешской республики, Европы и мира и действиями правительства. По сравнению с первыми месяцами конфликта число граждан, постоянно следящих за ситуацией на Украине, к концу года уменьшилось на 21% и составило около 57%. Примерно три четверти опро-

шенных считали ситуацию на Украине угрозой миру (74%), безопасности Чешской Республики (72%) и европейской безопасности (71%). Действия правительства поддерживали 42% респондентов (только 14% – однозначно), в то время как 52% высказали несогласие. Доверие к правительству снизилось на 16 процентных пунктов по сравнению с весной 2022 г., а неодобрение действий – на 17 п. п.

Что касается отношения к России, 70% чехов высказались за оказание дипломатического давления на Москву, чуть менее половины (49%) поддержали усилия по политической и экономической изоляции страны в качестве шагов по прекращению конфликта. Одобряя предоставление военной техники (43%), подавляющее большинство высказалось против отправки войск на Украину (85%). На 22 п. п. снизилось число граждан, положительно оценивающих помощь беженцам. Только десятая часть граждан поддержала возможность постоянного проживания в стране украинских беженцев, в то время как 62% предпочли временное предоставление убежища, 27% высказались против приема, что на 14 п. п. выше по сравнению с показателями весны 2022 г.

Несмотря на спад поддержки Украины и традицию руководства страной гражданской интеллектуальной элитой, образ генерала во главе государства был востребован временем. А. Бабиш не смог в данных условиях апеллировать к чешскому обществу. Как отметил по итогам выборов М. Ведерников, «президент – выходец из вооруженных сил в другое время вряд ли смог завоевать высокий авторитет в глазах чехов, однако события 2022 г., обусловленные специальной военной операцией на Украине, вынудили граждан Чехии всерьез задуматься о безопасности страны. В обстановке милитаризации общественного сознания происходили заметные изменения в настроении чехов, традиционно придерживавшихся пацифистских взглядов. Так, 81% граждан Чехии полагали, что украинцы, сражаясь с российскими войсками, отстаивают интересы европейской демократии...» [Ведерников, 2023].

Последовавшие события в Чехии продемонстрировали твердую решимость правительства оказывать решительную поддержку Украине. Однако перевод значительной части бюджетных средств на эту статью, активное участие в санкционных мерах против России отразились на социальном благополучии граждан. Наряду с митингами и шествиями в поддержку Украины, на улицах чешских городов стали собираться граждане в защиту собственных интересов. Некоторые из них допускали пророссийские высказывания. Знаком времени можно назвать длящееся уже более года сражение в стенах Пражского университета экономики и бизнеса декана Экономического факультета Мирослава Шевчика и назначенного властями ректора, который пытается склонить коллег к поддержке решения об увольнении преподавателя, принявшего участие в одной из демонстраций на Вацлавской площади¹.

¹ Odvoláš mě a jdu k soudu, Peřulo, tykal Ševčík rektorovi na jednání o svém konci. iDNES.cz. 01.11.2023. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/sevcik-vse-praha-odvolani-narodohospodarska-fakulta-akademicky-senat.A231101_114311_domaci_nema (дата обращения: 10.10.2023).

В ходе опроса весной – летом 2023 г. Центра изучения общественного мнения 43% граждан Чехии высказались в поддержку беженцев с Украины. При этом 9% поддерживавших не против предоставления им права постоянного проживания. 46% респондентов считают возможным интегрировать украинцев в чешское общество, однако столь же высок процент тех, кто придерживается противоположного мнения¹.

Не меньший интерес представляет динамика отношения чехов к НАТО. Как показал опрос, около двух третей (67%) граждан Чехии удовлетворены членством страны в Североатлантическом альянсе. Большинство граждан полагают, что участие в нем обеспечивает мир и безопасность Чешской Республики (56%) и укрепляет мир и стабильность в Европе (60%). Только 15% респондентов ответили, что членство в НАТО означает ослабление позиций страны в мире.

Этот же опрос показал большую популярность НАТО, чем Евросоюза: альянсу доверяют 57%, ЕС – только 47%. В то же время, по данным центра ГЛОБСЕК (GLOBSEC), в 2022 г., по сравнению с 2021 г., чешское общество на 23% сдвинулось в сторону принятия западных институтов и ценностей – самый большой показатель среди постсоциалистических стран [GLOBSEC, 2022]. Однако показатели лета 2023 г. почти вернулись к цифрам 2016 г., что свидетельствует о всплеске негативных эмоций в 2022 г., вызванных СВО.

Тем не менее сдвиги в обществе происходят. В ходе опроса в июне – июле 2023 г. Центра изучения общественного мнения 43% граждан одобрили действия правительства, направленные на поддержку Украине, однако большинство (54%) выразили несогласие. 39% граждан Чехии считают, что правительство оказывает адекватную помощь Киеву. 2% думают, что поддержка слишком мала, а более половины (56%) – слишком велика.

Правительство неоднократно подвергалось критике со стороны парламентской оппозиции при приеме актов, связанных с мерами социальной поддержки населения, бюджетом страны, антикризисными мерами. На этом фоне, по опросам общественного мнения, существенно выросла поддержка движения АНО Андрея Бабиша, а рейтинг коалиционных партий стал снижаться. По итогам выборов 2021 г. АНО получила 27% голосов, но сейчас она получила бы 32,9%. Гражданская демократическая партия – лидер коалиции – опустилась с 14 до 12,9%². Только сплоченность коалиции в октябре 2023 г. в третий раз³ уберегло правительство П. Фиалы от восторга недоверия.

¹ Postoj české veřejnosti k přijímání uprchlíků z Ukrajiny – červen/červenec 2023. Centrum pro výzkum veřejného mínění. URL: <https://cvvm.soc.cas.cz/cz/tiskove-zpravy/politicke/mezinarodni-vztahy/5693-postoj-ceske-verejnosti-k-prijimani-uprchliku-z-ukrajiny-cerven-cervenec-2023> (дата обращения: 30.10.2023).

² Unikátní model Seznam Zpráv. Kdo vyhraje sněmovní volby. Seznam zpravy. 01.11.2023. URL: <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/volby-do-poslanecke-snemovny-unikatni-model-kdo-vyhraje-snemovni-volby-210722> (дата обращения 30.10.2023).

³ Восторг недоверия выдвигался парламентской оппозицией правительству П. Фиалы трижды: в сентябре 2022 г., январе 2023 г. и в октябре 2023 г. Однако количество проправительственных мандатов не позволяло этого сделать.

Значительная часть граждан согласна с оказанием дипломатического давления на Россию со стороны международного сообщества (72%), чуть более половины (52%) – с полной политической и экономической изоляцией РФ. Чуть менее половины чехов одобряют финансовую помощь (49%) и предоставление военной техники Украине (47%).

Возвращение социал-демократов в Словакии

Украинская тема была одной из главных в словацкой избирательной кампании в парламент страны в 2023 г. Поначалу Словакия и Чехия с одинаковым усердием оказывали помощь Украине, но после выборов военная помощь Киеву была скорректирована.

Общественное мнение в этой стране также изменилось, отражая перемены во внутренней и внешней политике. В 2021 г. 55% словаков относились положительно к Президенту РФ В.В. Путину, но в 2022 г. этот показатель снизился до 24% (для сравнения: в Польше – до 2%, в Чехии – до 4%, в Венгрии – до 19%). Накануне военной фазы кризиса только 5% словаков поддерживали вступление Украины в НАТО, а за сохранение ее в сфере влияния РФ высказались 10%. 47% выступали в пользу нейтралитета Украины. После эскалации конфликта 51% согласились с тем, что ответственность за военный конфликт на Украине несет Россия [GLOBSEC, 2023]. По данным новейшего опроса 2023 г. доля возлагающих вину на РФ уменьшилась до 40% – самый низкий показатель по ЦЕ.

В 2022 г., по сравнению с 2021 г., выросло доверие к США и Германии, а рейтинг России снизился на 10%. Доверие к США в 2021–2022 гг. увеличилось с 17 до 29%, к Германии – с 56 до 64%, а к России упало с 47 до 37% [GLOBSEC, 2022].

Изменения в общественном мнении происходили на фоне нестабильного управления страной, которое в декабре 2022 г. привело к отставке правительства. Однако после этого доверие к правительству составило 18%, а к президенту З. Чапутовой – 37%, что стало наихудшим показателем не только по региону, но и в истории страны.

Сегодня только 38% словаков верят в эффективность и полезность антироссийских санкций (ниже показатель только у болгар – 37%). Словакия с показателем в 67% населения опережает все остальные страны региона по убежденности в том, что поставки вооружений Украине провоцируют Россию и угрожают безопасности страны. 69% жителей считают, что помощь оказывается за счет поддержки незащищенных слоев населения [GLOBSEC, 2023]. Словакия находится на предпоследнем месте в списке из восьми стран ЦЕ по числу граждан, считающих необходимым продолжение помощи украинским беженцам.

Опрос 2023 г. продемонстрировал, что изменений в восприятии России как угрозы безопасности, идентичности и национальным ценностям в Словакии за год не произошло. 54% населения придерживаются такого мнения [GLOBSEC, 2023]. В то же время Братислава лидирует в регионе по убежденности в том, что угрозу ее безопасности несут США (50%). Лидером мнений, что Россия выступает стратегическим партнером, является Венгрия с 27%. Словакия с 25% занимает в этом спис-

ке третье место, но в 2021 г. она опережала другие страны региона по этому показателю с 47% (Венгрия – 35%).

С такими показателями Словакия пришла к внеочередным парламентским выборам в октябре 2023 г., которые увенчались закономерной сменой правящей коалиции. К власти вернулся убежденный прагматик и умеренный евроскептик Роберт Фицо, обещавший поставить интересы словаков на первое место. Одновременно он объявил о прекращении поставок вооружения Украине за счет словацкой армии, но не запретил частным фирмам торговать оружием. Кроме того, Р. Фицо потребовал скорейшего созыва Вишеградской группы для обсуждения общей позиции по вопросу о выделении Евросоюзом дополнительной централизованной помощи Киеву за счет Фонда сплочения ЕС.

На Украине и в ряде европейских стран высказывались предположения, что позиция Р. Фицо – не столько отражение общественного мнения и воли избирателей, а личная обида на Киев за 2009 г. 14 января 2009 г. во время первого газового конфликта России и Украины, приведшего к остановке прокачки газа через территорию последней, премьер-министр прибыл в Киев с намерением убедить руководство страны в необходимости поиска компромисса с Москвой для сохранения транзита. Однако в столице Р. Фицо встретил холодный прием премьер-министра Ю.В. Тимошенко, пренебрежение протоколом и отказ. То же самое повторилось во время визита в Киев президента Словакии И. Гашпаровича два дня спустя. Разительно отличался по атмосфере и конструктивности прием в Кремле, после которого ЕС и Москве удалось возобновить поставки газа в Словакию через Украину с 20 января 2009 г.¹

В предвыборных интервью Р. Фицо призывал к кардинальному изменению политики: «ЕС должен помочь в переговорах по мирному соглашению, вместо того чтобы посылать оружие». Вину за конфликт политик однозначно возлагал на Украину: «Конфликт на Украине начался не год назад, он начался в 2014 г., когда украинские нацисты и фашисты принялись убивать российских граждан на Донбассе и в Луганске»².

Позиция Р. Фицо соотносится с результатами опроса 2023 г. *GLOBSEC*, в котором Словакии принадлежат три первых места: по наименьшему числу обвиняющих Россию в военном конфликте на Украине (40%), по наибольшему числу винящих в конфликте Киев (17%) и западные страны (34%).

Ожидание перемен в Польше

Парламентские выборы прошли в октябре 2023 г. в Польше. Правительство М. Моравецкого взяло паузу в проукраинской риторике и стало больше ориентироваться на мнение избирателей, пострадавших от экономических проблем, связан-

¹ Why Slovakia's Fico hates Ukraine. Politico. 9.10.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/slovakia-new-prime-minister-robert-fico-ukraine-war/> (дата обращения 9.11.2023)

² Why Slovakia's Fico hates Ukraine. Politico. 9.10.2023. ...

ных с последствиями СВО и чрезвычайно активной помощью Киеву. Однако эйфория 2022 г. не исчезла, несмотря на то что появилось некоторое разочарование. В частности, президент А. Дуда высказался¹, что Украине следует учитывать, какой ценой достается ее соседям помощь, и не забывать благодарить поляков за нее. «Польское правительство сделало много для решения проблемы беженцев из Украины, но в конце 2022 г. дало понять, что его гостеприимство неограничено. 14 декабря приняты поправки в закон о помощи украинским гражданам, ужесточающие контроль над ее предоставлением и побуждающие беженцев к выходу на рынок труда и более активной интеграции в польское общество» [Михалев, 2023].

Другим неожиданным вопросом стали экономические споры. После того как Россия вышла из зерновой сделки, Киев попробовал договориться с соседями по вопросу экспорта сельскохозяйственной продукции. Однако наладить процесс транспортировки через ЦЕ удалось только на ограниченную перспективу, т. к. большая часть украинской аграрной продукции начала оседать в соседних странах, что вызвало недовольство местных фермеров. В конце октября польские водители, недовольные тем, что украинские коллеги отнимают работу, предлагая более низкие цены на свои услуги, начали блокировать пункты проезда на польско-украинской границе.

На выборах в Сейм и Сенат 15 октября 2023 г. перевес голосов оказался в пользу Гражданской коалиции и еще трех партий, готовых создать новое правительство во главе с Дональдом Туском. Однако отношение Польши к России и к помощи Украине не изменится, поскольку консенсус по поводу действий Москвы в польском обществе сложился прочный. Тем не менее новый расклад сил может существенно повлиять на взаимодействие Варшавы с Брюсселем. Как замечает российский исследователь-полонист О.Ю. Михалев, «страна будет пытаться исправить испорченные отношения с Берлином и Брюсселем, поэтому на российском направлении может действовать не столь активно и наступательно, как ранее» [Михалев, 2023]. Основные предвыборные дебаты концентрировались вокруг отношений Польши с ЕС и НАТО, а также на внутривнутриполитических вопросах. Во внешнеполитических вопросах польское население занимает однозначную позицию. 85% респондентов возлагают на Россию вину за украинский кризис и только 3% – на Украину. 76% поляков считают антироссийские санкции эффективными и выступают за их продолжение [GLOBSEC, 2023]. 93% считают целесообразным продолжение поставок вооружений. Только треть (34%) считает, что это провоцирует Россию на ответные действия в отношении их собственной страны.

Заинтересованность Варшавы в поддержке Киева основана на убежденности в том, что цели России не ограничены территорией ближайших соседей. С начала 1990-х гг. Польша считалась самым последовательным союзником США и НАТО в ЦЕ. Это объясняет активную поддержку Варшавы всех инициатив по периметру России: от создания ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) (1997 г.) и

¹ Andrzej Duda o sporze z Ukrainą o zboże: Przykre, że Ukraińcy tego nie rozumieją. Rzeczpospolita. 20.09.2023 URL: <https://www.rp.pl/polityka/art39137781-andrzej-duda-o-sporze-z-ukraina-o-zboze-przykre-ze-ukraincy-tego-nie-rozumieja> (дата обращения 30.10.2023).

Содружества демократического выбора в Киеве (2005 г.) до Восточного партнерства (2009 г.) и Люблинского треугольника (2020 г.). Польша рассматривала Украину как естественный барьер на пути угрозы со стороны России, а поддержку Киева – как вклад в собственную безопасность и оборону.

В желании поддерживать украинских беженцев Польша уступает Венгрии и Литве. 81% опрошенных настроены на продолжение помощи, в то время как 52% считают, что помощь оказывают за счет нуждающихся поляков. Польша лидирует в одобрении членства в НАТО – 94%. За последние два года число граждан, придерживающихся этого мнения, увеличилось. Выросла также численность тех, кто считает Россию угрозой. В 2023 г. их было 88%, в то время как в 2022 г. – 74%. По этому показателю Польша уступала только Литве. Соответственно, 10% поляков и 9% литовцев считают угрозой США. Напротив, 78% считают Вашингтон гарантом стабильности и безопасности (Дж. Байдену доверяют 88%). По сравнению с 2022 г. эта цифра выросла на четверть – с 54%). В 2023 г. Россию могли назвать партнером только 3% поляков (в 2022 г. – 8%). Лишь 2% продолжают доверять В.В. Путину, в то время как 96% российскому президенту не доверяют, что является рекордным показателем по ЕС.

Венгрия и попытки миротворчества

В 2023 г. в Венгрии больше обращали внимание на внешние проблемы, чем на внутренние. Будапешт в первые дни СВО определил свою линию поведения в конфликте, поэтому в международной повестке преобладала тема взаимодействий с ЕС. Тем не менее украинское направление оставалось одним из центральных, поскольку отношения с Брюсселем все больше зависели от позиции Венгрии касательно Украины и России. Определить реальные мотивы премьер-министра В. Орбана достаточно сложно, т. к. его обращения к внутренней и внешней аудитории существенно разнятся. Показательна его готовность пренебречь общественным мнением вне страны. Например, В. Орбан и Э. Макрон – последние политики из ЕС, которые встречались с В.В. Путиным в феврале 2022 г. С тех пор премьер-министр посетил Москву еще раз, чтобы проститься с М. Горбачевым летом 2022 г. В. Орбан – единственный европейский лидер, который лично встретился с российским президентом на форуме «Один пояс – один путь» в Пекине в октябре 2023 г.

Согласно опросам общественного мнения, число венгров, считающих Россию виновной в вооруженном конфликте, выросло с 48% в 2022 г. до 54% в 2023 г. При этом Венгрия занимает только третье место среди симпатизирующих Москве стран вслед за Болгарией (44%) и Словакией (40%). Только 16% населения считают виновной Украину. 54% полагают, что санкции в отношении России эффективны и нуждаются в продолжении. Болгария и Словакия демонстрируют большую расположенность к РФ. Венгрия лидирует в ЦЕ по решимости поддерживать украинских беженцев. 91% опрошенных считают необходимым продолжать помощь (в 2022 г. – всего 41%). Следует отметить, что Венгрия – единственная страна региона, не поставляющая Украине летальные виды вооружений и значительно отстающая в поставках гуманитарных грузов.

Венгры поддерживают членство страны в НАТО (89%), уступая в этом вопросе только Польше (94%). 48% венгров считают Россию угрозой. За год эта цифра увеличилась на 10%; меньший показатель только в Болгарии. 27% видят Россию стратегическим партнером, что больше на один процент, чем среди болгар, и на два процента, чем среди словаков. 21% населения положительно относится к В.В. Путину, 71% – негативно. При этом четверть опрошенных венгров видит угрозу в США (25%). Венгрия находится на последнем месте среди стран, кто считает Вашингтон стратегическим партнером (17%). Стратегическим партнером венгры считают ФРГ (54%). Германии больше доверяют только чехи – 78%. Что касается ЕС, 83% предпочло бы не поднимать вопрос о членстве, а 11% вынесло бы этот вопрос на повестку дня.

На протяжении года В. Орбан неоднократно заявлял о мирных инициативах. Однако к успеху они не привели. Возникает ощущение, что ФИДЕС пытается задействовать Народную партию христианских демократов (НПХД) – своего постоянного партнера по коалиции – и ее связи с русским патриархатом и главой католической церкви. Об этом могут свидетельствовать повторный визит в страну в 2023 г. папы римского Франциска, участвовавшие визиты венгерских политиков в Ватикан, ходатайства перед ЕС о выводе из-под санкций патриарха Московского и всея Руси Кирилла, вручение церковного ордена лидеру венгерских христианских демократов Жолту Шемьену в 2022 г. и награждение В. Орбана Орденом славы и почета 1 степени в день его 60-летия главой Русской православной церкви. Однако вывоз из России 11 украинских военнопленных в июне 2023 г. по церковным каналам вызвал вопросы¹.

82% населения Венгрии поддерживают путь демократического развития. Такой же показатель у Латвии. В демократических убеждениях их опережают чехи (89%) и поляки (86%). В опросе разведены понятия «демократия» и «либеральная демократия». Именно либеральную демократию решительнее других поддерживают чехи (79%), а венгров (61%) опережают Польша, Румыния и Латвия. В 2022 г. венгры и чехи лидировали среди стран региона в поддержке своих правительств (55 и 63% соответственно). Однако в 2023 г. доля поддержки снизилась в Венгрии до 39%, в Чехии – до 52%. Правительство В. Орбана лишилось 16% сочувствующих, а Фиалы – 11%. Причина заключается в ухудшении зимой 2022/23 гг. экономической ситуации. В Венгрии инфляция достигла рекордной отметки в 25%, а в Чехии во второй раз в парламенте состоялось голосование по вотуму недоверия правительству.

Новая плеяда политиков часто становится выражением реакции на текущие обстоятельства. В этом отношении уместно рассмотреть изменения в рейтинге президентов государств ЦЕ. Самый высокий рейтинг в 2023 г. у новоизбранного президента Чехии (72%). Выборы в январе 2023 г. изменили отношения граждан к институту президента сразу на 42%. Замыкают рейтинг популярности президенты Словакии З. Чапутова (37%) и Венгрии К. Новак (38%). Доверие граждан к президент-

¹ Újabb ukrán hadifoglyok érkezhetnek Magyarországra? Index. 27.06.2023. URL: <https://index.hu/kulfold/2023/06/27/haboru-oroszorszag-ukrajna-magyarorszag-hadifoglyok-reszletek/> (дата обращения 10.10.2023).

ской власти в этих странах снизилось больше всего за последний год: на 18% – в Венгрии, на 10% – в Словакии. К. Новак всего второй год в большой политике, а З. Чапутова в 2024 г. покинет свой пост. Кроме того, это единственные женщины, занимающие столь высокую позицию в регионе.

Венгрия завершила главный избирательный цикл весной 2022 г., однако в 2023 г. начала готовиться к местным выборам, которые могут стать предвестником перемен в государственных органах власти. Напряженной станет борьба за пост мэра Будапешта, поскольку большая часть страны рассматривает кандидата от оппозиции Г. Карачоня в качестве потенциального конкурента лидера ФИДЕС на следующих парламентских выборах.

Выводы

В 2023 г. облик Вишеградского региона изменился в результате прошедших выборов. На предпочтения избирателей повлияли отношение к последствиям конфликта на Украине, оценка деятельности властей и сторон конфликта. Сдвиги в общественном мнении носили разновекторный характер. Повысился уровень доверия к НАТО в Венгрии (до 89%); в Польше он остался на крайне высоком уровне (94%), но снизился на доли процента в Чехии (85%) и более существенно в Словакии (58%). Одновременно в регионе наметились нюансы в отношении к ЕС, Украине и России. Доверие к Евросоюзу за год упало на 8% в Польше (до 80%) и на 13% в Словакии (до 64%). В Чехии и Венгрии уровень доверия остался прежним – 75 и 83% соответственно. Уровень поддержки военных поставок на Украину самый высокий в Польше – 93%, несколько ниже в Чехии – 80% и Словакии – 57%. Венгрия не оказывает военную помощь Киеву, однако доля опасавшихся России выросла на 10%. Число граждан, считающих виновной в конфликте Россию, в Венгрии за год выросло с 48 до 54%, в Словакии, наоборот, снизилось с 51 до 40%, в Польше и в Чехии с 87 до 85% и с 78 до 71% [GLOBSEC, 2023]. 74% поляков видят в России угрозу национальной безопасности, идентичности и ценностям. В Чехии этот показатель за год уменьшился с 72 до 66%, в Словакии – с 54 до 47%. В Венгрии он, напротив, вырос с 32 до 38% [GLOBSEC, 2023]. Доверие к России снизилось за год по всему региону: в Венгрии – на 8% (с 35%), в Словакии – на 12% (с 37%), в Чехии и Польше – странах с самым низким уровнем доверия к Москве – на 8 и 5% соответственно (с 14 и с 8% в 2022 г.).

Главные задачи для всех стран региона в следующем году – снижение инфляции, стабилизация уровня благосостояния и связанных с ним отраслей хозяйствования, борьба с нелегальной миграцией. Кроме того, продолжится обсуждение проблемы украинских беженцев и помощи Украине. От действий новоизбранных лидеров зависит стабильность региона. Во второй половине 2024 г. Венгрия и Польша – главные оппозиционные Брюсселю страны – председательствуют два срока подряд в Совете ЕС. В случае Польши изменения в отношениях с Евросоюзом возможны, однако в Венгрии тенденция к противостоянию вряд ли снизится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ведерников М.В. (2023) Референдум о доверии Бабишу проигран – итоги выборов президента Чехии. *РСМД*. 02.02. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/referendum-o-doverii-babishu-proigran-itogi-vyborov-prezidenta-chekhii/> (дата обращения: 30.10.2023).

Михалев О.Ю. (2023) Приоритеты политики Польши в отношении Украины. *Современная Европа*. № 6. С. 38–48. DOI: 10.31857/S0201708323060049

Русакова М.Ю. (2022) Венгрия и Польша: новый этап противостояния с Брюсселем. *Современная Европа*. № 7. С. 82–91. DOI: 10.31857/S0201708322070075

Четверикова А.С. (ред.) (2022) *Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС*. ИМЭМО РАН, Москва. 153 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9

Шишелина Л.Н. (2021) *Драматический weekend российско-чешских отношений*. РСМД. 28.04. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dramaticheskiy-weekend-rossiysko-cheshskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 10.10.2023).

GLOBSEC (2022) *Globsec Trends 2022. CEE amid the war in Ukraine*. URL: <https://www.globsec.org/sites/default/files/2022-05/GLOBSEC-Trends-2022.pdf> (accessed: 30.10.2023).

GLOBSEC (2023) *Globsec Trends 2023. United we (still) stand*. URL: <https://www.globsec.org/sites/default/files/2023-05/GLOBSEC%20Trends%202023.pdf> (accessed: 30.10.2023).

Mesežnikov G. (2022) Stance of the V4 countries towards Russian military aggression against Ukraine. *Heinrich Böll Stiftung*. 20.12. URL: <https://cz.boell.org/en/2022/12/13/postoje-krajin-v4-voci-ruskej-agresii-proti-ukrajine> (accessed: 10.10.2023).

Dynamics of the Political Situation in the V4 Countries against the Background of the Special Military Operation

L.N. Shishelina

Doctor of Sciences (History)

*Head of Department of Central and Eastern European studies and
Center for Visegrad Studies at Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*

11-3, Mohovaja Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: l.shishelina@gmail.com

Abstract. This article continues the analysis of the political situation in the Visegrad Group countries against the background of the Special Military Operation (SMO) in Ukraine started in 2022 (Contemporary Europe, no. 7, 2022). The situational analysis of 2023 is based on a large database of statistical data, reports from leading analytical centers and articles by experts in the region. The study suggests that the SMO and its consequences, including sanctions, significantly affected not only the socio-economic and political situation and the results of elections in three countries in the region in 2023. In January 2023 the citizens of the Czech Republic for the first time elected an army general as president, which could be a reflection of the desire for greater security. The political crisis that began in 2018 in Slovakia, has been solved by the new election of the leader of the SMER – Social Democracy party Robert Fico. This could be a reflection of the society's desire for stability, which before the crisis was associated with

Fico's activities to defend the national interests. In Poland the Law and Justice party is no longer in power. The turn to the opposition symbolizes a certain fatigue from the principles that are associated with the past. Some new trends have emerged in the political field of the region, indicating a desire for stabilization.

Keywords: Visegrad Group, Central Europe, Ukraine, Special Military Operation, refugees, humanitarian aid, military supplies

DOI: 10.31857/S0201708323070057

EDN: rxulie

REFERENCES

- Chetverikova A.S. (ed.) (2022) *Predely samostojatel'nosti Vishegradskoj gruppy v ES* [Limits of autonomy of the Visegrad Group in the EU], IMEMO RAS, Moscow, Russia. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9 (In Russian).
- GLOBSEC (2022) *Globsec Trends 2022. CEE amid the war in Ukraine*. URL: <https://www.globsec.org/sites/default/files/2022-05/GLOBSEC-Trends-2022.pdf> (accessed: 30.10.2023).
- GLOBSEC (2023) *Globsec Trends 2023. United we (still) stand*. URL: <https://www.globsec.org/sites/default/files/2023-05/GLOBSEC%20Trends%202023.pdf> (accessed: 30.10.2023).
- Mesežnikov G. (2022) Stance of the V4 countries towards Russian military aggression against Ukraine, *Heinrich Böll Stiftung*, 20.12. URL: <https://cz.boell.org/en/2022/12/13/postoje-krajin-v4-voci-ruskej-agresii-proti-ukrajine> (accessed: 10.10.2023).
- Mikhalev O.Yu. (2023) Priorityty politiki Pol'shi v otnoshenii Ukrainy [Priorities of Poland's Policy Towards Ukraine], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 38–48. DOI: 10.31857/S0201708323060049 (In Russian).
- Rusakova M.Ju. (2022) Vengrija i Pol'sha: novyj jetap protivostojanija s Brjusselem [Hungary and Poland: a new stage of confrontation with Brussels], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 82–91. DOI: 10.31857/S0201708322070075 (In Russian).
- Shishelina L.N. (2021) Dramaticheskij weekend rossijsko-cheshskih otnoshenij [Dramatic weekend of Russian-Czech relations], *RIAC*, 28.04. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dramaticheskij-weekend-rossijsko-cheshskih-otnoshenij/> (accessed: 10.10.2023). (In Russian).
- Vedernikov M.V. (2023) Referendum o doverii Babishu proigran — itogi vyborov prezidenta Chehii [The referendum on confidence in Babiš was lost – the results of the Czech presidential elections], *RIAC*, 02.02. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/referendum-o-doverii-babishu-proigran-itogi-vyborov-prezidenta-chehii/> (accessed: 30.10.2023). (In Russian).

УДК 327

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНФЛИКТЕ ВЕНГРИИ И ПОЛЬШИ С БРЮССЕЛЕМ

© 2023 РУСАКОВА Мария Юрьевна

*Научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы
Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3*

E-mail: mjrusakova@gmail.com

Поступила в редакцию 19.09.2023

После доработки 22.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье проведен анализ развития конфликта Брюсселя с Варшавой и Прагой в 2023 г. Рассмотрены причины и следствия возникновения новых проблем, а также продолжающиеся на протяжении нескольких лет разбирательства по вопросам верховенства права. С каждым годом возрастает количество общеевропейских проектов и инициатив, ветируемых Варшавой и Будапештом с целью склонить Брюссель к уступкам по тем или иным вопросам и смягчить штрафы. ЕС все активнее использует финансовые инструменты, чтобы принудить страны к следованию общим политическим правилам. События на Украине, а также общемировая повестка дают Польше и Венгрии больше возможностей для маневра при отстаивании своей идентичности и собственного видения будущего европейской интеграции. Сделан вывод, что на данном этапе конфронтация перешла в более жесткую форму. Обе стороны готовы к решительным мерам, однако они, как и прежде, будут искать компромиссы.

Ключевые слова: Центральная Европа, Венгрия, Польша, запрет на импорт украинского зерна, верховенство права, миграционная политика ЕС, «Закон Туска»

DOI: 10.31857/S0201708323070069

EDN: rywmry

Обострившиеся в период коронакризиса противоречия в отношениях Польши и Венгрии с Еврокомиссией (ЕК) и Европарламентом (ЕП) продолжили усугубляться. Первые компромиссные шаги Польши и Венгрии были во многом проигнорированы на фоне интенсификации военного конфликта на Украине. При явно большей лояльности Брюсселя к Варшаве, активно выступающей за поддержку Киева, давление

еврочиновников сместилось в сторону Будапешта. Новая причина противостояния – нежелание Венгрии поддерживать Киев военными мерами и принимать антироссийские санкции без анализа их возможного эффекта.

Вместо укрепления единства Брюссель пошел по пути усиления внутреннего противостояния, что вынуждает его нарушать некоторые правила собственного регламента (готовящийся подход в голосовании по выделению очередного транша помощи Украине). Из-за этого замедляется конвергенция государств, которая до сих пор носит черты ассиметричного процесса. Появляются новые линии напряженности, по которым проходит расхождение ценностных ориентиров европейского либерального большинства и двух консервативных стран Центральной Европы (ЦЕ), находящихся в поиске собственной идентичности.

Прошедшие 15 октября 2023 г. выборы в Сейм и Сенат Республики Польша могут повысить договороспособность Варшавы благодаря Дональду Туску и его политическим единомышленниками. Венгрия, не разрывая тандема с Польшей по вопросам регионального сотрудничества, после победы социал-демократов во главе с премьер-министром Робертом Фицо на выборах 30 сентября 2023 г. в Словакии нашла более последовательного союзника в противостоянии с Брюсселем.

Старые проблемы

18 сентября 2022 г. ЕК приняла знаковое решение: в результате применения первого этапа механизма Регламента обусловленности верховенства права были заблокированы предназначавшиеся для Венгрии выплаты из Фонда сплочения ЕС в размере 7,5 млрд евро. Будапешт должен принять 17 корректирующих мер, направленных на борьбу с коррупцией и устранением рисков для бюджета Евросоюза. Для получения доступа к средствам, предназначенным для восстановления экономики после пандемии, Венгрии предстоит провести 27 реформ¹. Условия довольно жесткие, но военный конфликт на Украине предоставил преимущества Польше и Венгрии в случаях, когда они могут наложить вето на общеевропейские инициативы. Например, на заседании Совета по экономическим и финансовым вопросам Евросоюза 6 декабря 2022 г. Венгрия заблокировала выделение Украине 18 млрд евро в рамках макрофинансовой помощи ЕС². Это уже не первый случай, когда Будапешт использует членство в Евросоюзе для давления на Брюссель и блокирования принципиальных решений, чтобы восстановить свою долю финансирования из бюджетных фондов ЕС.

После продолжительных переговоров с правительством Виктора Орбана и согласования позиций, Совет ЕС 12 декабря 2022 г. рекомендовал приостановить выделение Венгрии средств из бюджета ЕС, однако из-за предпринятых венгерской стороной мер по улучшению ситуации, а также стремления к сотрудничеству денежный штраф был уменьшен с 7,5 до 6,3 млрд евро. Взамен Будапешт согласился снять вето с финансовой помощи Киеву. Для Венгрии решение Брюсселя было критически важным, поскольку без согласования плана восстановления экономики к

¹ Bulletin Quotidien Europe. No. 13074. Brussels. 01.12.2022.

² Bulletin Quotidien Europe. No. 13078. Brussels. 07.12.2022.

концу года страна могла потерять 70% от общей суммы с учетом того, что финансовая поддержка со стороны ЕС в 2022 г. составила более 8% от ВВП страны.

Весной 2023 г. в Венгрии проходила проверка, организованная Европарламентом, по результатам которой было объявлено, что правительство склонно к системной коррупции, автократии, не уважает верховенство права и либеральные ценности. Депутаты пришли к выводу, что Будапешт не может председательствовать в Совете ЕС во второй половине 2024 г.¹ Таким образом, ЕП продолжает политику «публичной порки» Венгрии, активизировавшуюся в 2018 г., когда состоялось голосование по т. н. докладу Саргентини² [Шишелина, 2018].

Для Польши самыми крупными причинами противоречий с Брюсселем по-прежнему выступают проходящая в стране судебная реформа и запрет на аборт. В обоих случаях не удается достичь компромисса. Несмотря на то что Польша под давлением ЕК согласилась внести поправки в закон о Верховном суде, Варшава всеми силами затягивает этот процесс. В выступлении на центральном польском телевидении 10 января 2023 г. президент Анджей Дуда объявил, что закон направлен в Конституционный суд для рассмотрения. Это означает, что законопроект не вступит в силу, пока суд не примет решение о его соответствии Конституции.

Похожая ситуация происходит с недавно принятым законом, запрещающим аборт. Польша, которая является активным сторонником традиционных христианских ценностей, пока не готова пойти на уступки в этом вопросе, несмотря на ожесточенные дебаты в польском обществе³. Право на аборт, а также права сексуальных меньшинств (которые ограничиваются в Венгрии несколькими законами) относятся к категории либеральных ценностей, защита которых – принципиальный вопрос для Брюсселя. В ближайшие годы ЕС продолжит оказывать давление на Варшаву и Будапешт.

Запрет на импорт украинского зерна

Самой острой проблемой в 2023 г. стал вопрос импорта украинской сельскохозяйственной продукции. В начале года ряд государств-членов ЕС столкнулся с проблемами в аграрном секторе. Причиной стало решение ЕС временно отменить таможенные пошлины на импорт зерна и масличных культур из Украины. Из-за этого дешевые продукты питания стали скапливаться на рынках в соседних государствах-членах. В феврале и марте в Венгрии, Польше, Словакии, Румынии и Болгарии прошли массовые протесты сельхозпроизводителей, которые потребовали от ЕС разработать механизмы, регулирующие экспорт зерна из Украины, и предотвратить дем-

¹ Bulletin Quotidien Europe. No. 13184. Brussels. 18.05.2023.

² Sargentini J. Report on a proposal calling on the Council to determine, pursuant to Article 7(1) of the Treaty on European Union, the existence of a clear risk of a serious breach by Hungary of the values on which the Union is founded 4.7.2018 - (2017/2131(INL)). Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs. 04.07.2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0250_EN.html (дата обращения: 10.11.2023).

³ Bulletin Quotidien Europe. No. 13065. Brussels. 18.11.2022.

пинговые цены¹. На волне протестов Польша и Венгрия приняли решение запретить импорт зерна и других продовольственных товаров из Украины начиная с 15 апреля 2023 г. Позже к ним присоединились Болгария, Румыния и Словакия. ЕК поддержала страны ЦЕ и объявила о намерении запретить экспорт зерна с Украины в пять пострадавших государств–членов с 2 мая по 5 июня².

В начале лета стало понятно, что вопрос импорта украинской сельскохозяйственной продукции становится долгосрочной проблемой: граничащие с Украиной государства–члены объявили, что намерены продлить эмбарго после оговоренной ЕК даты, что вызвало возмущение в Брюсселе³. В то время как Еврокомиссия продолжала затягивать оглашение решения, пытаясь найти устраивающий всех консенсус, польское правительство 12 сентября объявило, что в одностороннем порядке продлевает запрет на импорт украинского зерна до конца года вне зависимости от решения Брюсселя. Ситуация накалилась 15 сентября после того, как всего за несколько часов до истечения срока действия защитных мер в отношении украинских зерновых ЕК объявила, что не будет продлевать запрет, давая Украине возможность не только транзита, но и экспорта продукции в Польшу, Венгрию, Болгарию, Румынию и Словакию.

После проведенного анализа ЕК пришла к выводу, что рыночные перекосы в пяти государствах–членах исчезли благодаря работе Координационной платформы и временным ограничительным мерам. Это решение вызвало возмущение уже в Польше, Венгрии и Словакии, которые подтвердили намерение в одностороннем порядке продлить эмбарго⁴. 18 сентября Украина официально объявила, что направляет запрос о консультациях во Всемирную торговую организацию (ВТО) с целью получить финансовые компенсации, т. к. считает, что односторонние запреты на импорт зерна являются незаконными⁵.

К ноябрю ЕК еще не вынесла решения относительно правовой природы венгерских, польских и словацких ограничений. На заседании Совета по сельскому хозяйству 18 сентября большинство стран–членов Евросоюза осудили односторонние меры⁶. Польша, в свою очередь, объяснила эмбарго тем, что объемы украинского зерна растут, несмотря на защитные меры, и назвала отмену последних чисто политическим решением⁷. Общий объем импорта зерновых в ЕС из Украины за период с января по ав-

¹ EU farmers protest against dumping prices of Ukrainian agricultural products. The Conservative. 21.04.2023. URL: <https://www.theconservative.online/eu-farmers-protest-against-dumping-prices-of-ukrainian-agricultural-products> (дата обращения: 31.05.2023).

² Bulletin Quotidien Europe. No. 13163. Brussels. 18.04.2023.

³ Bulletin Quotidien Europe. No. 13229. Brussels. 26.07.2023.

⁴ Bulletin Quotidien Europe. No. 13251. Brussels. 16.09.2023.

⁵ Ukraine will sue Poland, Hungary and Slovakia over agricultural bans. Politico. 18.09.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/ukraine-will-sue-poland-hungary-and-slovakia-over-agricultural-bans/> (дата обращения: 31.10.2023).

⁶ Bulletin Quotidien Europe. No. 13252. Brussels. 19.09.2023.

⁷ Там же.

густ 2023 г. составил 11,4 млн тонн – на 57% больше, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и на 257% – по сравнению с аналогичным периодом 2021 года¹.

В начале октября Украина и Польша заявили, что решили договориться об экспорте зерновых с помощью удешевления и ускорения транзита через Литву. Киев также объявил о приостановке разбирательства в ВТО. Смягчение ситуации и поиск договоренностей по решению проблемы экспорта зерна происходит при активном участии ЕС, а именно ЕК и председательствующей в Совете ЕС Испании. Консультации проходят в рамках специально созданной совместной Координационной платформы. 23 октября ЕК на заседании Совета по сельскому хозяйству заявила: «Мы очень интенсивно работаем на техническом и политическом уровнях со странами-членами, Украиной и Молдовой, чтобы решить логистические проблемы и значительно увеличить пропускную способность транзитных каналов»².

Пока рано говорить об итогах решения вопроса импорта украинской сельхозпродукции, но если оптимизм представителей ЕК³ оправдается, то данный случай станет примером очередного результативного поиска консенсуса в противоречиях Брюсселя и стран ЦЕ. Как и в случае с обсуждением проекта бюджета ЕС на 2021–2027 гг., страны Вишеградской группы все больше демонстрируют возросшую переговорную силу в рамках объединения, достичь которой удастся с помощью тактики кооперирования, обращения к пакетным сделкам и взаимным уступкам [De la Porte, Jensen, 2021].

С вопросом о запрете импорта украинской сельхозпродукции связан другой немаловажный для Евросоюза проект: 20 июня 2023 г. ЕК начала изменение правил финансовой поддержки Украины, обусловленное желанием Киева стать членом ЕС. В связи с этим Комиссия предложила создать специальный фонд. Эта перспектива вызвала неоднозначную реакцию в Брюсселе. В первую очередь не удалось быстро реализовать эту инициативу из-за позиции Польши и Венгрии, которые отказались поддерживать проект, пока Евросоюз не защитит фермеров двух стран от излишков импорта украинского продовольствия, и, главное, они сами не получают выплаты из европейского Фонда следующего поколения (средства заблокированы Брюсселем, который обвиняет Варшаву и Будапешт в невыполнении условий доступа к этим средствам) [Кондратьева, 2023]. Таким образом, переговоры о Фонде для Украины связаны с решением вопроса об импорте сельскохозяйственных товаров и, скорее всего, создание новой структуры откладывается на 2024 г.

Забастовки дальнобойщиков

Вслед за затихающим сельскохозяйственным кризисом страны ЦЕ уже покрывает следующая волна протестов: в начале ноября 2023 г. польские дальнобойщики заблокировали пограничные переходы с Украиной в знак протеста против одобрен-

¹ Bulletin Quotidien Europe. No. 13271. Brussels. 14.10.2023.

² Bulletin Quotidien Europe. No. 13278. Brussels. 25.10.2023.

³ Януш Войцеховский, комиссар по сельскому хозяйству, заявил на пресс-конференции 23 октября в Люксембурге, что переговоры идут и дела продвигаются хорошо. Там же.

ного Брюсселем соглашения, которое обеспечивает льготный доступ в страны Евросоюза гораздо более дешевых украинских перевозчиков. Дальнбойщики заявляют, что останавливают все коммерческое движение до тех пор, пока Варшава и Брюссель не восстановят ограничения на транспортные операции для украинских автоперевозчиков, которые действовали до начала СВО.

Польская транспортная отрасль сообщает, что в этом году украинские грузовики пересекли польскую границу почти 900 000 раз, в то время как до событий 2022 г. в Польшу въезжало около 180 000 грузовиков в год¹ Польское и украинское правительства, а также ЕК осудили подобную акцию, призвав протестующих прекратить блокирование границы и «выбрать другие формы защиты своих прав»².

Варшава настаивает, что она не может нарушить соглашение с ЕС, продленное до июня 2024 г., которое позволяет грузоотправителям перевозить грузы между Украиной и странами Евросоюза без дополнительных документов. Следует отметить, что польские дальнбойщики действуют так же, как и западноевропейские транспортные компании, которые пытались перекрыть поток конкурентов из Польши, Румынии и Литвы после их вступления в ЕС. Нынешние протесты проходят во время переходного периода: правительство правой партии «Право и справедливость» (ПиС), находящееся у власти с 2015 г., уступает место оппозиционной коалиции. В связи с этим наблюдается вакуум принятия решений, и неизвестно, каким образом Польша и Евросоюз преодолеют новый кризис. Для Украины, которая страдает из-за последствий запрета Варшавы на импорт зерна, протесты на границе усугубляют трудности с экспортом товаров, необходимых для поддержания экономики в условиях конфликта.

Новые миграционные правила

После длительных обсуждений на саммите Евросоюза 29–30 июня 2023 г. страны–члены не смогли согласовать итоговую декларацию относительно общей миграционной политики. Варшава и Будапешт выступили против введения нового Механизма солидарности, который предусматривает распределение просителей убежища между странами-членами ЕС, заявив, что подобное должно происходить исключительно на добровольной основе. Виктор Орбан продолжает жестко критиковать ЕС. Выступая по радио 12 ноября, он заявил, что «Евросоюз создан ради мира и процветания, но сегодня эти цели не реализуются», т. к. Брюссель выполняет желания глобалистской элиты³. Он обратил внимание на связь миграции и терроризма. По словам премьер-министра мигранты становятся более агрессивными и пытаются пробиться через границу все более жесткими методами, поэтому Венгрия продолжит блокировать любые инициативы ЕС в отношении Механизма солидарности. Его польский

¹ Ukraine fumes as Polish truckers block border crossings. Politico. 07.11.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/ukraine-poland-russia-war-eu-truckers-block-border-crossings/> (дата обращения: 10.11.2023).

² Там же.

³ Orbán Viktor: “Magyarország a magyaroké, a magyar munkahelyek a magyarokéi”. Magyar Nemzet. 10.11.2023. URL: <https://magyarnemzet.hu/belfold/2023/11/orban-viktor-beszamol-a-legfrissebb-kormanyzati-dontesekrol-kovesse-nalunk-eloben> (дата обращения: 10.11.2023).

коллега Матеуш Моравецкий 13 августа заявил о намерении провести референдум по вопросу о нелегальной миграции, чтобы выяснить, поддерживают ли граждане политику Брюсселя¹. Референдум прошел 15 октября одновременно с парламентскими выборами в стране, не набрав 50% голосов, необходимых для признания его действительным. Многие избиратели бойкотировали его в знак протеста против радикальных решений проблем миграции². Подобный результат показывает, что чем жестче евроскептическая риторика Вишеградских стран, тем сильнее становится раскол общества [Четверикова, 2020].

Так как борьба с нелегальной миграцией – один из центральных элементов избирательной кампании ПиС, скандал с продажей шенгенских виз польскими консульствами значительно повлиял на репутацию партии и правительства. 19 сентября ЕК обратилась к Варшаве с просьбой объяснить допущенные нарушения, после того как польские СМИ сообщили, что их в течение многих лет шенгеновские визы выдавались за взятки по всему миру выявили, что польские власти по всему миру в течение многих лет выдавали шенгенские визы за взятки (по данным СМИ их количество превысило 250 тыс.³). 3 октября в Страсбурге депутаты ЕП раскритиковали действия польских властей, которые поставило под угрозу безопасность Шенгенской зоны. Представители Европейской народной партии выразили сожаление, что это «симптом более широкого демонтажа верховенства закона в Польше»⁴.

«Закон Туска»

Во время избирательной кампании 2023 г. Варшава приняла закон, предусматривающий создание специальной комиссии для расследования действий польских политиков, включая экономические решения в интересах Москвы. В первую очередь под его действие подпадала оппозиционная партия «Гражданская платформа», возглавляемая Дональдом Туском. Польская оппозиция назвала эту законодательную инициативу «Законом Туска». Комиссии предстояло выяснить, насколько сильно Россия оказывала влияние на польскую политику в период с 2007 по 2022 г.

Если было бы доказано, что «Гражданская платформа», находясь у власти, допускала вмешательство со стороны Москвы, то Туска могли лишить права голоса на десять лет. В таком случае он не смог бы участвовать в парламентских выборах 15 октября. Брюссель, проанализировав закон, подтвердил нарушение принципа верховенства права⁵, но смог мало повлиять на ситуацию: десятилетний запрет на занятие государственных должностей был заменен формулировкой «лицо действу-

¹ Bulletin Quotidien Europe. No. 13234. Brussels. 24.08.2023.

² Final results show scale of pro-EU opposition victory in Poland. Euronews. 10.10.2023. URL: <https://www.euronews.com/2023/10/17/final-results-show-scale-of-pro-eu-opposition-victory-in-poland> (дата обращения: 31.10.2023).

³ Germany seeks answers from Poland in a visa fraud scandal involving migrants from Asia and Africa. Independent. 19.09.2023. URL: <https://www.independent.co.uk/news/poland-ap-asia-germany-law-and-justice-b2414403.html> (дата обращения: 31.10.2023).

⁴ Bulletin Quotidien Europe. No. 13263. Brussels. 04.10.2023.

⁵ Bulletin Quotidien Europe. No. 13190. Brussels. 31.05.2023.

ет под влиянием России и не обеспечивает должного выполнения своих обязанностей в интересах общества».

27 июля Венецианская комиссия (ВК) опубликовала анализ законодательной инициативы и призвала Варшаву отменить ее. ВК признала правомерность стремления противостоять незаконному иностранному влиянию, однако подвергла сомнению необходимость столь жесткого закона, особенно его обратную силу. Несмотря на однозначную критику со стороны ЕС, 30 августа польское правительство одобрило работу комиссии. В ее состав было избрано 9 членов при участии парламентского большинства¹. В тот же день Брюссель подтвердил намерение дальнейшего разбирательства о нарушении верховенства закона в Польше.

* * *

За прошедший год в отношениях Польши и Венгрии с Брюсселем появились несколько новых проблем. С каждым годом возрастает количество случаев, когда Варшава и Будапешт блокируют общеевропейские инициативы, чтобы заставить ЕС уступить по важным для себя вопросам. В 2023 г. происходило усиление конфронтации с обеих сторон. Однако текущая международная обстановка вынуждала их находить компромиссы.

Совместные усилия в рамках решения проблемы переизбытка украинской сельскохозяйственной продукции показывают, что при возникновении экономических трудностей Брюссель и страны ЦЕ готовы идти на уступки. Однако увеличивается дистанция между Будапештом и Варшавой, с одной стороны, и государствами-основателями ЕС – с другой по вопросам ценностной политики (право на аборт, права сексуальных меньшинств, вопросы миграции). С приходом к власти в Словакии социал-демократа Роберта Фицо, Братислава громче заявит о поддержке вишеградских соседей в отстаивании права на собственное видение перспектив, внутреннего устройства и внешней политики ЕС. Либерально настроенное руководство Евросоюза питает большие надежды на перемены в отношениях с Польшей, после того как на прошедших 15 октября 2023 г. выборах Пис потеряла большинство мест в парламенте, а проевропейская оппозиция во главе с Дональдом Туском сформировала большую коалицию.

Российские исследователи, руководствуясь сравнительным историческим и региональным анализом, ранее предсказывали, что объединение двух европейских интеграционных векторов (Запада и Востока) скрывает множество противоречий. [Шишелина, 2006].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кондратьева Н.Б. (2023) Изменение правил финансовой поддержки территории Украины из бюджета ЕС. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 22. С. 63–68.

¹ Bulletin Quotidien Europe. No. 13240. Brussels. 01.09.2023.

Русакова М.Ю. (2022) Разногласия Вишеградских стран с ЕС из-за проблемы верховенства права в конце 2022 г. *Европейский союз: факты и комментарии*. Вып. 110. С. 64–68. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts420226468>

Четверикова А.С. (ред.) (2022) *Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС*. ИМЭМО РАН, Москва. 153 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9

Шишелина Л.Н. (2006) *Расширение Европейского союза на восток и интересы России*. Наука, Москва. 303 с.

Шишелина Л.Н. (ред.) (2017) *Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. ИЕ РАН, Москва. 138 с.

Шишелина Л.Н., Лункин Р.Н. (ред.) (2020) *Выборы в Вишеградских странах 30 лет спустя. Особенности избирательных кампаний 2019–2020 гг.* ИЕ РАН, Москва. 146 с.

Шишелина Л.Н. (2023) Кризис конвергенции ценностных ориентиров Центральной Европы и Брюсселя. *Современная Европа*. № 5. С. 18–30. DOI: 10.31857/S0201708323050029

Шишелина Л.Н. (2018) Виктор Орбан и общеевропейский спор о ценностях. *РСМД*. 17.09.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/viktor-orban-i-obshcheevropeyskiy-spor-o-tsennostyakh-/#2>. (дата обращения: 30.10.2023).

De la Porte C., Jensen M. (2021) The next generation EU: An analysis of the dimensions of conflict behind the deal. *Social Policy & Administration*. Issue 55. P. 388–402. DOI: <https://doi.org/10.1111/spol.12709>

Patrik S. (2023) What is the path forward for Slovakia's Hungarians? *GLOBSEC*. 24.10.2023. URL: <https://www.globsec.org/what-we-do/publications/what-path-forward-slovakias-hungarians> (дата обращения: 10.11.2023).

Patrik S. (2023) *GLOBSEC Trends 2023: Egy Magyarország, két társadalom?* *GLOBSEC*. 11.08.2023 <https://www.globsec.org/what-we-do/publications/globsec-trends-2023-egy-magyarorszag-ket-tarsadalom> (дата обращения: 10.11.2023).

Emerging and Recurrent Problems in Hungary and Poland's Conflicts with Brussels

M.Yu. Rusakova

*Research Associate of Department for Central and Eastern European Studies,
Institute of Europe RAS. 11-3 Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009*

E-mail: mjrusakova@gmail.com

Abstract. The article analyses the development of the conflict between Brussels, on the one side, and Poland and Hungary, on the other side, in 2023. The causes and consequences of the emergence of new problems, as well as the existing ongoing proceedings on the rule of law are considered. The contradictory process of this confrontation is not new to the European agenda, but every year the number of pan-European projects and initiatives vetoed by Warsaw and Budapest increases with the aim of persuading Brussels to make concessions on certain issues and mitigate the effect of imposed financial penalties, which the EU is also using more actively to force the two countries to follow in the wake of common political rules. The events in Ukraine, as well as the global agenda, very often directly affect relations within the EU, giving Poland and Hungary more room for maneuver in defending their identity and their own vision of the future of European integration. It is concluded that at this stage the confrontation

has intensified and led to decisive measures on both sides. Despite this, the parties, as before, are doomed to seek compromises and negotiate.

Keywords: Central Europe, Hungary, Poland, ban on the import of Ukrainian grain, rule of law, EU migration policy, “Lex Tusk”

DOI: 10.31857/S0201708323070069

EDN: rywmyr

REFERENCES

- Kondratyeva N.B. (2023) *Izmenenie pravil finansovoj podderzhki territorii Ukrainy iz byudzheta ES* [Changing the rules of financial support for the territory of Ukraine from the EU budget], *Analitical papers Institute of Europe RAS*, 22, pp. 63–68. (In Russian).
- Rusakova M.Yu. (2022) *Raznoglasiya Vishegradskih stran s ES iz-za problemy verhovenstva prava v konce 2022 g.* [The Visegrad countries' disagreements with the EU over the rule of law issue at the end of 2022], *Yevropejskiy soyuz: fakty i kommentarii*, 110, pp. 64–68. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts420226468> (In Russian)
- Chetverikova A.S. (ed.) (2022) *Predely samostojatel'nosti Vishegradskoy gruppy v YeS* [The limits of independence of the Visegrad Group in the EU], IMEMO RAS, Moscow, Russia. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9 (In Russian).
- Shishelina L.N. (2006) *Rasshireniye Yevropejskogo soyuza na vostok i interesy Rossii* [Eastward expansion of the European Union and Russia's interests], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).
- Shishelina L.N. (ed.) (2017) *Vishegradskaja chetvjorka v Evropejskom sojuze: dilemmy konvergencii* [The Visegrad Four in the European Union: Dilemmas of Convergence], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Shishelina L.N., Lunkin R.N. (ed.) (2020) *Vybory v Vishegradskih stranah 30 let spustya. Osobennosti izbiratelnykh kampanij 2019–2020 gg.* [Elections in the V4 countries after 30 years. Features of 2019–2020 electoral campaigns], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Shishelina L.N. (2023) *Krizis konvergentsii cennostnykh orientirov Centralnoj Evropy i Bryusselya.* [Crisis of values' convergence in relations between Central Europe and Brussels], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 18–30. DOI: 10.31857/S0201708323050029 (In Russian).
- Shishelina L.N. (2018) *Viktor Orban i obshyevropeyskiy spor o tsennostyakh* [Viktor Orban and the pan-European dispute about values], *RIAC*, 17.09.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/viktor-orban-i-obshcheevropeyskiy-spor-o-tsennostyakh-#2> (accessed: 30.10.2023). (In Russian).
- De la Porte C., Jensen M. (2021) *The next generation EU: An analysis of the dimensions of conflict behind the deal*, *Social Policy & Administration*, 55, pp. 388–402. DOI: <https://doi.org/10.1111/spol.12709>
- Patrik S. (2023). *What is the path forward for Slovakia's Hungarians?*, *GLOBSEC*, 24.10.2023. URL: <https://www.globsec.org/what-we-do/publications/what-path-forward-slovakias-hungarians> (accessed: 10.11.2023).
- Patrik S. (2023) *GLOBSEC Trends 2023: Egy Magyarország, két társadalom?*, *GLOBSEC*, 11.08.2023. URL: <https://www.globsec.org/what-we-do/publications/globsec-trends-2023-egy-magyarorszag-ket-tarsadalom> (accessed: 10.11.2023).

УДК 327

ЧЕШСКО-ТАЙВАНЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОВОРОТ НА ВОСТОК?

© 2023 ВЕДЕРНИКОВ Михаил Владимирович

Кандидат исторических наук

*Отдел исследований Центральной и Восточной Европы Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3*

E-mail: vishma@mail.ru

Поступила в редакцию 23.09.2023

После доработки 17.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье дан анализ динамики чешско-тайваньских отношений на современном этапе. С начала 1990-х гг. Прага начала уделять заметное внимание частично признанному государству, что было обусловлено особым статусом острова и схожестью его положения, по мнению президента В. Гавела, с социалистической Чехословакией. Обозначены ключевые периоды в истории взаимоотношений двух государств. Фазы активного взаимодействия сменялись этапами замедления сотрудничества. С 2022 г., после прихода во власть либерально-демократической коалиции, тайваньский трек стал стержневым направлением внешней политики Праги. Чешские политики реанимировали ценностную политику В. Гавела, но отказались от личностного фактора в продвижении повестки, сделав акцент на межправительственном подходе.

Ключевые слова: Чехия, Тайвань, Китай, В. Гавел, чешско-тайваньские отношения, ценностная политика

DOI: 10.31857/S0201708323070070

EDN: rywzte

В третьем десятилетии XXI в. значительные геополитические изменения происходят в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)¹. ИТР, будучи «наиболее динамичным пространством мира» с окончания холодной войны², давно привлекает внимание

¹ Gaskarth J. UK foreign policy in an era of global competition: the centrality of networks. UK in a Changing Europe. 16.12.2022. URL: <https://ukandeu.ac.uk/uk-foreign-policy-in-an-era-of-global-competition/> (дата обращения: 01.08.2023).

² Freeman C.W. Jr. Indo-Pacific Dynamics in Trans-Pacific Perspective. Middle East Policy Council. URL: clck.ru/36gvee (дата обращения: 01.08.2023).

крупных политических игроков ввиду значительного торгово-экономического, политического и человеческого потенциала. Однако изначально заинтересованность регионом была вызвана растущей ролью Китая. За короткий срок [Носов, Смольников, 2005: 16] КНР сумела интегрироваться в систему глобальной экономики и стала одной из ведущих мировых держав. По мере возвышения других региональных игроков (прежде всего Индии) ИТР стал привлекать все больше внимания, что отразилось в появлении доктринальных документов отдельных стран и объединений. В 2018 г. Индо-Тихоокеанскую стратегию опубликовала Франция, в 2020 г. – Германия и Нидерланды, в 2021 г. – Евросоюз [Чихачев, Гуляев, 2022], в 2022 г. – США¹.

Осенью 2022 г. Чехия выпустила стратегию «Ближе, чем мы думаем»² и стала первым малым государством Европы, которое озвучило собственное видение взаимодействия с регионом. Появление документа обосновывалось тем, что ИТР выступает «наиболее быстрорастущим регионом мира, местом возможностей и рисков, столкновений и потенциального партнерства, где Чехия могла предложить свои решения»³. В стратегии акцентируется внимание на существовании в регионе «геополитической конкуренции», проявлении «растущих амбиций Китая», который демонстрирует «напористый, даже конфронтационный подход». В контексте чешско-китайских отношений в документе отчетливо прослеживается стремление Праги обозначить несогласие с нарушением международного права и прав человека. В этой связи подчеркнута первостепенная важность развития контактов с государствами-единомышленниками, среди которых на первое место выдвинут Тайвань (используется термин «территория»). Стратегия четко фиксирует ключевое значение частично признанного государства для реализации чешской внешней политики⁴.

С момента появления самостоятельной Чехии в 1993 г. контактам с Тайбэем отводилось важное место на азиатском направлении внешней политики. Несмотря на высокий уровень сотрудничества Праги с частично признанным государством, в отечественной литературе отсутствуют работы, в которых проведен качественный анализ взаимоотношений, определены основы взаимодействия малого центральноевропейского государства и китайской провинции. Что касается иностранных авторов, чешский международник Р. Фюрст на протяжении нескольких десятилетий занимается изучением китайско-тайваньских и чешско-тайваньских отношений. Рост интереса к Тайваню среди чешских исследователей возник на фоне усиления контактов Праги и Тайбэя в 2020-е гг.

Из истории взаимоотношений

После «бархатной революции» 1989 г. Тайвань оказался в зоне внимания первого президента Чехословакии В. Гавела. Спорный дипломатический статус острова

¹ Indo-Pacific Strategy of the United States. White House. February 2022. URL: clck.ru/34xk4p (дата обращения: 01.08.2023).

² Strategie České republiky pro spolupráci s Indo-Pacifikem („Blíže, než si myslíme“). MZV. URL: clck.ru/36gvkP (дата обращения: 01.08.2023).

³ Там же. Р. 2.

⁴ В списке государств ИТР Тайвань был помещен на второе место после Китая.

определил специфический характер контактов Праги и Тайбэя. Тайвань и Чехословакия (с 1993 г. – Чехия) установили неформальные отношения в августе 1990 г. в ходе визита жены чехословацкого президента Ольги Гавловой, которая приехала на остров по приглашению местных благотворительных организаций. Тайваньские власти под руководством президента Ли Дэньхуэя изначально видели в сотрудничестве с Чехословакией возможность «прекратить международную маргинализацию» острова [Fürst, 2020] за счёт дипломатического признания. Однако институционализация отношений на официальном уровне для Праги была невозможна из-за потенциальных санкций со стороны Пекина. Сотрудничество приобрело окончательный вид после запуска тайваньского представительства (Тайбэйского экономического и культурного бюро) в столице Чехословакии в 1991 г., т.е. в формате, принятом другими странами-партнерами Тайваня. В 1993 г. Чехия открыла Чешский экономический и культурный офис в Тайбэе.

Прорывом в чешско-тайваньских отношениях стал четырехдневный визит (19–21 июня 1995 г.) премьер-министра Ляня Чжэня в Прагу по приглашению Карлова университета. Посещение чешской столицы состоялось в рамках европейского турне политика, в ходе которого он также побывал в Будапеште и Вене. Премьер-министр стал самым высокопоставленным должностным лицом Тайваня, посетившим Европу после эвакуации правительства Китайской республики¹ под руководством Гоминьдана на остров Тайвань в 1949 г. В Тайбэе СМИ назвали поездку вторым за месяц прорывом на дипломатическом фронте, произошедшим спустя две недели после визита президента Тайваня в США. Посещению Праги тайваньская сторона придавала особое значение, т. к. Лянь Чжэнь намеревался встретиться с ключевыми политическими фигурами Чехии – президентом Вацлавом Гавелом и премьер-министром Вацлавом Клаусом. В Вене премьер-министру удалось поговорить только с председателем Ассоциации культурных связей Австрии и Тайваня Г. Винклером и ректором Венского университета А. Эбенбауэром, а в Будапеште была сделана техническая остановка.

Углубление контактов с Тайванем диктовалось личными взглядами президента В. Гавела. В частично признанном островном государстве он видел подобие Чехии, которому не удалось избавиться от давления коммунистического гегемона. В этой связи президент считал, что чехи должны по мере возможности (как до 1989 г. представители западного сообщества в отношении социалистической Чехословакии) способствовать обретению Тайванем большей самостоятельности всеми доступными средствами. Стремление В. Гавела обозначить вовлеченность Чехии продемонстрировало его высказывания в ООН в 1995 г. о предоставлении Тайваню членства в организации². Поясняя свою позицию, он

¹ Официальное название государства Тайвань.

² Press conference by President Vaclav Havel of Czech Republic // Item S-1086-0071-11-00001 – Delegations – Czech Republic. UN Archives and Records Management Section. 24.10.1995. URL: clck.ru/36gvnS (дата обращения: 01.08.2023).

приводил в пример КНДР и Республику Корея и СССР и БССР в годы существования СССР¹.

Заявление В. Гавела не только вызвало возмущение Пекина, но и стало причиной непонимания в чешском МИД, который следовал четкой линии признания принципа одного Китая. Президент объяснил свои слова следующим образом: «Я просто немного оригинальный президент»². В интервью газете «Вашингтон пост» в 1996 г. В. Гавел признался, что в ходе переговоров с министром иностранных дел КНР он «совершенно откровенно рассказывал ему всё, что думает о Тибете, Тайване, политических заключенных в Китае». По его мнению, «в политике можно сказать многое, если говорить дипломатически вежливо... КНР ценит человека, который не боится её и может сказать ей всё прямо...»³. Отечественный богемист Э.Г. Задорожнюк полагает, что с приходом во власть В. Гавел полностью не перестал быть диссидентом. Из-за этого, с одной стороны, «сохранялся его политический авторитет», с другой – «проявлялись и разного рода недоразумения» [Задорожнюк, 2011: 285].

Особенность чешско-тайваньских отношений при В. Гавеле – визиты жен высших представителей власти. Помимо упомянутого посещения Тайваня О. Гавловой, стоит отметить поездку его второй жены Дагмар Гавловой в 1998 г.⁴ В 1999 г. Прагу посетила жена президента Тайваня Ли Дэньхуэя, в 2001 г. – супруга избранного в мае 2000 г. нового главы государства Чэня Шуйбяня. Подготовка этих событий проходила под руководством начальника протокола президента на уровне, соответствующем организации официальных государственных визитов. Поездки характеризовались как частная инициатива с целью посещения благотворительных организаций и выступлений в учебных заведениях, однако детали свидетельствовали о масштабах мероприятий. Например, делегация Цзэн Дэньхуэй состояла из 16 человек, среди которых были жены министра иностранных дел, руководителя аппарата президента, руководителя Совета национальной безопасности, генерального секретаря партии Гоминьдан, а также чиновники. В ходе шестидневного пребывания в стране, помимо посещения фонда «Видение 97» (*VIZE 97*), состоялись несколько встреч с президентом и его супругой в официальной резиденции главы государства в Ланах и в рабочем кабинете в Пражском Граде⁵.

При открытой симпатии к Тайваню В. Гавел публично заявлял об уважении политике одного Китая, отмечая, что «международное положение [Тайваня] могло

¹ Václav Havel: Jsem už prostě takový trochu originální prezident (Týden). Václav Havel Library. 13.11.1995. URL: clck.ru/36gvou (дата обращения: 01.08.2023).

² Там же.

³ Rozhovor prezidenta republiky Václava Havla pro The Washington Post. Václav Havel Library. 06.05.1996. URL: clck.ru/36gvuE (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Návštěva Thaiwanského prezidenta v Nadaci. Vize 97. URL: <https://clck.ru/36gvvL> (дата обращения: 01.08.2023).

⁵ Visit of Mrs. Lee Tseng Wen-Fui, Wife of the President of the Republic of China on Taiwan, to the Czech Republic. Václav Havel Library. 01.07.1999. URL: <https://clck.ru/36gvwc> (дата обращения: 01.08.2023).

быть изменено только после основательных консультаций с Пекином»¹. Он не стремился избегать контактов с Китаем («нашим большим экономическим партнёром») при несогласии по определенным вопросам. Показательно, что В. Гавел совершил частный визит на остров только в 2004 г. после завершения президентского мандата.

К моменту ухода В. Гавела с поста главы государства в 2003 г. правозащитная риторика потеряла популярность в Чехии: «Диссидентское морализаторское движение, сохраняя самобытность, законсервировалось, приобретя роль второстепенного актора как в мейнстримной политике, так и в общечешском дискурсе» [Fürst, 2010: 83]. Одновременно начал возрастать интерес к Китаю, что наталкивалось на укоренившиеся в обществе негативные стереотипы, растиражированные в предыдущее время В. Гавелом и его единомышленниками. В этой ситуации возникло противоречие между сохранением за Чехией репутации поборника прав человека и экономическими интересами государства. Сторонники правозащитной линии, занятые в СМИ, университетах и культурных институтах, продвигали позитивный образ Тайваня, в то время как политики, получившие поддержку со стороны населения на общенациональных выборах, были нацелены на выстраивание прагматичных отношений с Китаем. Планы развития чешско-китайских отношений ставились под сомнение непримиримой позицией, которая не допускала параллельное сосуществование ценностной риторики и прагматичных отношений с КНР. Сторонники правозащитной линии конструировали идеальный образ Тайваня (опускали из виду авторитарный режим партии Гоминьдан, политические репрессии против инакомыслящих), подчеркивали отсутствие спорных моментов в чешско-тайваньских отношениях. Типичным стало преувеличенное убеждение об угрозе Тайваню со стороны Китая. Применительно к островному государству использовался образ «малого азиатского тигра»: «малый» вызывал ассоциацию с Чехией, а «азиатский» отсылал к выдающимся темпам экономического роста в регионе.

До начала 2010-х гг. отчасти по инерции, а также из-за отсутствия активной политики Китая в центральноевропейском регионе политические отношения с Тайванем развивались более динамично, чем с КНР. Контакты выстраивались на основе трех ключевых направлений сотрудничества: гуманитарного, политического и экономического. Наиболее заметным для общественности стало взаимодействие в сфере культуры, науки и образования. Например, с 1998 г. Чехия регулярно участвует в международной книжной ярмарке в Тайбэе. В январе 2003 г. мероприятие посетила официальная чешская делегация, состоящая из представителей министерства образования Чехии, научных институтов и профессионального сообщества². В том же году тайваньская сторона была представлена на Пражском quadriennale – международной выставке сценографии и театральной архитектуры. Это событие вызвало возмущение со стороны КНР, который выразил протест и отменил собствен-

¹ Rozhovor prezidenta republiky Václava Havla pro tchaj-wanský deník United Daily News. Václav Havel Library. 02.08.2000. URL: <https://clck.ru/36gvxc> (дата обращения: 01.08.2023).

² Úspěch české literatury a knižní kultury na Tchaj-Wanu. Taipei Economic and Cultural Office, Prague. 03.05.2003. URL: clck.ru/36gvzS (дата обращения: 01.08.2023).

ную экспозицию, т. к. в тайваньском павильоне отсутствовало упоминание о принадлежности острова к Китаю. В ноябре 2007 г. была открыта выставка чешских традиционных кукол в Тайбэе, организованная в сотрудничестве с министерством культуры Чехии и Советом по делам культуры Тайваня¹. С 1 сентября 2007 г. Тайвань отменил визы для чехов, а в октябре была достигнута договоренность об открытии прямого авиасообщения между Прагой и Тайбэем [Fürst, 2008]. Регулярные прямые авиарейсы между Китаем и Чехией были запущены только в 2010 г.

В основном с непризнанным государством взаимодействовал парламент страны, прежде всего его верхняя палата – Сенат. В 1998 г. Тайвань посетил председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности Сената Михаэл Жантовский, соратник В. Гавела и один из основателей Гражданского форума. Организация сыграла ключевую роль в событиях «бархатной революции». В ноябре 2005 г. визит на остров нанес Йозеф Яржаб, председатель Комитета, активный участник событий 1989 г. В 2007 г. Тайвань посетила делегация Сената под руководством заместителя председателя Петра Питхарта, одного из ключевых политиков начала 1990-х гг., подписанта Хартии-77 и первого председателя Сената (1996–1998, 2000–2004 гг.) [Fürst, 2008]. В тот же год на Тайвань прибыли депутат нижней палаты парламента Катержина Жак и депутат Европарламента (ранее заместитель председателя) Мирослав Оузкий, который был принят президентом Тайваня Чэнем Шуйбянем. В декабре 2011 г. Йозеф Регец, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности Сената, посетил Тайбэй по приглашению тайваньской стороны незадолго до местных президентских выборов [Fürst, 2013].

С начала и до середины 2010-х гг. произошло снижение интенсивности чешско-тайваньских отношений при сохранении постоянных контактов. Во-первых, тайванцы стали более активно проявлять инициативу при налаживании связей с чешскими партнёрами при замедлении деятельности последних. Во-вторых, снизился уровень представительства участников переговоров. В-третьих, произошла смена поколений: во власть пришли политики-прагматики, ставящие в приоритет интересы развития чешской индустрии и продвижении местных производителей на мировых рынках. Аналитики чешского Института международных отношений отмечали, что к 2012 г. Тайвань «полностью исчез из списка важных стран-инвесторов в статистике Чешского национального банка». По их мнению, 2012 г. стал «годом возвышения Китая» в Центральной Европе. Это давало возможность Чехии «преодолеть застой в своих политических отношениях с крупнейшей азиатской державой и привлечь нового стратегического инвестора» [Fürst, 2014: 217, 221].

В эти годы тайваньская проблематика оставалась на слуху за счет некоторых политических групп, противодействующих сближению с Китаем. Например, широкий резонанс получили дебаты в парламенте, инициированные группой депутатов во главе с Марекком Бендой и Карелом Шварценбергом, бывшим министром иностранных дел Чехии. В центре внимания оказался прозвучавший в октябре 2014 г.

¹ Kulturní diplomacie mezi Českou republikou a Tchaj-wanem. Synopsis. 18.11.2022. URL: clck.ru/36gw3u (дата обращения: 01.08.2023).

во время официального визита президента М. Земана в Китай тезис об «уважении территориальной целостности КНР, отказе в поддержке независимости Тайваня и Тибета и невмешательстве во внутренние дела Пекина» [Fürst, 2014: 277]. Заявление главы государства, которое полностью соответствовало курсу Чехии, обозначенному в Концепции внешней политики 2011 г.¹, максимально растиражировали СМИ. Журналисты постарались политизировать вопрос, который не представлял интерес для населения, через моральную панику («права человека поменяли на торговые отношения»).

Однако возникавшие шероховатости не воспринимались как препятствие для развития чешско-китайских отношений. Например, практически незамеченным осталось турне делегации Сената во главе с Мирославом Антлом в 2014 г. Сенаторы были приняты в министерстве юстиции, министерстве финансов, Тайваньском агентстве по связям через пролив (*Straits Exchange Foundation*), в полицейском управлении Тайваня. В мае 2016 г. представитель Чехии Александр Вондра, бывший министр иностранных дел, посетил инаугурацию нового тайваньского президента Цай Инвэнь.

Чешско-тайваньские отношения развивались в рамках тех правил, которые были определены с момента установления контактов в начале 1990-х гг. На фоне усиления чешско-китайского сотрудничества Тайвань временно пропал из списка приоритетных партнеров, однако стал возвращать утраченные позиции, когда стала очевидна бесперспективность завышенных надежд на значительные китайские инвестиции, на фоне усиления позиций политиков, использующих ценностную риторiku.

Взлёт чешско-тайваньских отношений

К 2019 гг. педалирование тайваньской проблематики – отличительная черта либеральных политиков, призывавших премьер-министра Андрея Бабиша и президента М. Земана вернуться к ценностному курсу В. Гавела. Первым знаковым событием, которое обозначило появление явных разногласий Чехии и КНР, стал разрыв в 2019 г. соглашения об установлении побратимских связей Праги и Пекина. Тогда мэр чешской столицы Зденек Гржиб исключил из текста договора пункт о признании принципа одного Китая. К этому времени Сенат стал в противовес нижней палате оплотом оппозиционных сил [Шишелина, Лункин, 2020, 99–101]. Новый этап в отношениях с частично признанным государством ознаменовался визитом председателя Сената, который являлся вторым по статусу государственным деятелем в иерархии чешских политиков.

Визит Ярослава Куберы, председателя Сената, был запланирован на конец февраля 2020 г. Однако политик встретил значительное противодействие со стороны президента М. Земана и китайских дипломатов. Неожиданная кончина Я. Куберы 20 января стала поводом для слухов. Новый председатель Милош Выстрчил продолжил линию предшественника и 29 августа 2020 г. отправился на Тайвань в со-

¹ Концепce zahraniční politiky České Republiky. 20.07.2011. URL: <https://clck.ru/36gw5T> (дата обращения: 01.08.2023).

ставе внушительной делегации. Перед участниками поездки ставились три масштабные задачи: углубить взаимное сотрудничество в научно-исследовательской, экономической сферах и в области инноваций, новых технологий и культуры; подтвердить свободный, суверенный и демократический характер Чехии; поддержать продвижение демократии по всему миру.

За время пребывания на острове М. Выстрчил провёл переговоры с президентом Цай Иньвэнь, премьер-министром Су Чжэньчаном и министром науки и технологий. Тайваньская сторона утверждала, что способна вывести чешскую экономику на новый уровень через внедрение в производство технологий, а именно: искусственного интеллекта, интернета вещей, беспилотных автомобилей, прорывных биомедицинских исследований, чипов, разработки современных материалов.

М. Выстрчил стремился придать событию значение водораздела в отношениях не только Тайваня и Чехии, но и последней и остального мира через акцентирование места страны в продвижении демократии. В этой связи показательны выступления председателя Сената в Национальном университете Тайбэя и Законодательном юане (парламенте Тайваня). Он отметил, что продолжает дело В. Гавела¹. Предопределенность контактов М. Выстрчила объяснил схожестью судеб двух государств: чехи, как и тайванцы, боролись с «большим братом рядом с собой». Более того, по словам М. Выстрчила, для Чехии сохраняется опасность со стороны России. Таким образом, в картине мироустройства сенатора Тайвань защищал демократию на Востоке, а Чехия – на Западе. Подтверждением наступательной риторики М. Выстрчила стало использование им перефразированной строчки из выступления американского президента Дж. Кеннеди “*Ich bin ein Berliner*”² в Западном Берлине в 1963 г. Говоря «Я – тайванец», чешский политик «выступал против коммунизма и репрессивных режимов и поддерживал жителей» Тайваня³, т. е. вставал в прямую оппозицию как Китаю, так и России.

Визит сенатора привлек интерес на международном уровне. Например, накануне тайваньского турне М. Выстрчил получил поддержку со стороны 70 иностранных политиков, которые опубликовали заявление по этому вопросу⁴. Госсекретарь США Майк Помпео также поддержал решение председателя Сената. Практически все ключевые мировые издания – «Ассошиэйтед Пресс» (*Associated Press*), «Шпигель» (*Der Spiegel*), «Нью-Йорк таймс» (*The New York Times*), «Таймс» (*The Times*), «Дэйли Телеграф» (*The Daily Telegraph*) и др. – восприняли это событие как доказательство того, что Китай начал терять позиции в Европе («прочный сдвиг во

¹ Nejlepší slova jsou činy. Miloš Vystrčil. 31.08.2020. URL: <https://clck.ru/36gw6K> (дата обращения: 01.08.2023).

² «Я – берлинец». – *Прим. ред.*

³ Solidarita demokracií a obrana společných hodnot. Miloš Vystrčil. 01.09.2020. URL: <https://clck.ru/36gwEa> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Cestu Vystrčila na Tchaj-wan podpořilo 70 světových politiků, zároveň kritizují snahu Číny delegaci zmařit. Lidovky. 27.08.2020. URL: <https://clck.ru/36gw89> (дата обращения: 01.08.2023).

взглядах европейцев»)¹ и что страны ЕС проявили солидарность в ответ на агрессивные заявления Пекина в адрес Праги.

События после начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. подтвердили риторику чешских властей. Образ Тайваня, находящегося в опасном положении из-за непредсказуемых действий КНР, стал перекликаться с судьбой Украины, которая, по мнению Праги, защищала либерально-демократические ценности и безопасность Европы. В чешской газете «Журнал Н» (*Deník N*) Эдвард Лукас полагал: «Две страны, находящиеся в тяжелом положении, сталкиваются с одинаковыми угрозами и схожими трудностями. Их успех – источник опасности»².

2022–2023 гг. стали переломными в чешско-тайваньских отношениях из-за прихода к власти кабинета Петра Фиалы (декабрь 2021 г.) и избрания в январе 2023 г. на должность президента Петра Павела. На место политиков-прагматиков пришли сторонники ценностного курса во внешней политике. В программном заявлении нового правительства говорилось, что оно планирует пересмотреть отношения с Китаем и углубить сотрудничество с демократическими партнёрами, в т. ч. с Тайванем³. С 2022 г. визиты при поддержке СМИ стали частью повседневности. Наравне с украинским направлением тайваньское становится основным дипломатическим треком. Сенатор Иржи Драгош в сентябре 2022 г. в ходе встречи с президентом Цай Инвэнь говорил: «Тайвань является одним из наших ключевых демократических партнеров в ИТР, и я горд тем, что среди партнеров по ЕС только мы занимаем такую сильную позицию»⁴. Показательным событием стал телефонный разговор П. Павела с Цай Инвэнь на следующий день после оглашения результатов выборов⁵. Звонок лидеру Тайваня стал первым двусторонним контактом П. Павела и обозначил повышение статуса чешско-тайваньских отношений, придание им символического значения.

После 2022 г. тайванцы стали испытывать больше доверия к чехам, поскольку привлекаемые ранее исторические сюжеты о борьбе народа за демократию и права человека подтверждались глубокой вовлеченностью Чехии в поддержку Украины. Тем самым возникала уверенность в том, что Тайвань не останется в одиночестве в случае китайской агрессии. Председатель парламента М. Адамова-Пекарова, выступая в Законодательном юане в марте 2023 г., говорила: «Хочу заверить, что мы с вами сейчас и будем с вами впредь. При любых обстоятельствах. Потому что вы с

¹ China, Seeking a Friend in Europe, Finds Rising Anger and Frustration. The New York Times. 17.09.2020. URL: <https://clck.ru/36gw9E> (дата обращения: 01.08.2023).

² Cesty k eskalaci a katastrofě vedou přes Ukrajinu a Tchaj-wan. Deník N. 10.05.2023. URL: <https://clck.ru/36gwAb> (дата обращения: 01.08.2023).

³ Programové prohlášení vlády České republiky. Vláda ČR. 01.2022. Praha. URL: <https://clck.ru/36gwCk> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ President Tsai meets Czech delegation led by Senator Jiří Drahoš. Office of the President ROC (Taiwan). 22.09.2022. URL: <https://clck.ru/36gwFq> (дата обращения: 01.08.2023).

⁵ China fumes at new Czech President over Taiwan. Euractiv. 31.01.2023. URL: <https://clck.ru/36gwLu> (дата обращения: 01.08.2023).

нами, мы с вами»¹. Последняя фраза («Мы с вами – будьте с нами!»)², звучавшая в радиоэфире Пражского радио в августе 1968 г., подтверждала приверженность чешских политиков к активному использованию потенциала политики памяти, способной работать теперь не только на внутреннюю чешскую публику, но и на аудиторию за пределами Чехии. Таким образом, чешские исторические нарративы становились рабочими инструментами для продвижения политики Праги на глобальном уровне.

2022–2023 гг. отчетливо продемонстрировали желание Праги обозначить особое отношение к ИТР, где в приоритете стояло выстраивание продуктивных отношений с Тайванем и сдерживание Китая. Более того, чешские дипломаты впервые начали формировать повестку в отношении целого региона, которая приобретала глобальное звучание и активно тиражировалась мировыми СМИ. Например, в мае 2023 г. министр иностранных дел Чехии Я. Липавский в интервью изданию «Политико» (*Politico*) заявил, что формат диалога Китая со странами Центральной и Юго-Восточной Европы «мёртв»³. Он объяснил это тем, что «у программы “14+1” нет ни содержания, ни будущего». В предыдущие годы выступления Праги были преимущественно ситуативными (на полях международных организаций), несистемными и не укладывались в долгосрочный курс, поддерживаемый ключевыми политическими игроками страны. Теперь чешские политики, объединенные стремлением отстаивать «либерально-демократическое устройство мира», заняли ценностную нишу, где опыт страны стал востребованным на международном уровне.

* * *

Чешско-тайваньские отношения традиционно занимали важное место в дипломатии Чернинского дворца, несмотря на спорный статус государства, географическую отдаленность и протесты со стороны Пекина. Взаимодействие Чехии и Тайваня развивалось в несколько этапов. Первый этап (1990–2003 гг.) характеризовался активной вовлеченностью в развитие двусторонних отношений президента В. Гавела, который апеллировал к правозащитной риторике и использованию опыта Чехословакии, сумевшей организовать «бархатную революцию». В годы его правления в Чехию пришли первые тайваньские инвестиции, начался культурно-гуманитарный обмен. После ухода В. Гавела из политики и до смерти в 2011 г., отношения развивались по инерции, поддерживались единомышленниками бывшего президента (2003–2012 гг.). В это время торгово-экономическое сотрудничество было нестабильным. Третий этап (2013–2021 гг.) ознаменовался

¹ Předsedkyně Sněmovny na Tchaj-wanu: Jsme s Vámi, buďte s námi. Parlament České republiky. URL: <https://clck.ru/36gwSd> (дата обращения: 01.08.2023).

² Горбаневская Н.Е. Полдень. Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. URL: <https://clck.ru/36gwTU> (дата обращения: 01.08.2023).

³ China's club for talking to Central Europe is dead, Czechs say. Politico. 04.05.2023. URL: <https://clck.ru/36gwUH> (дата обращения: 01.08.2023).

приходом к власти политиков-прагматиков, сделавших упор на развитие отношений с Пекином, что делало невозможным углубление политических связей с Тайбэем. Четвертый этап с 2022 г. связан с возвратом к позиции В. Гавела. При сохранении ценностного содержания преобразовывалась форма взаимодействия с азиатским партнером. На смену личностному фактору пришла скоординированная политика правительства. Курс, противоречащий позиции Китая – ключевого торгово-экономического партнера Чехии, нацелен, с одной стороны, на привлечение тайваньских инвестиций, с другой – на придание чешской внешней политике особого статуса на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шишелина Л.Н., Лункин Р.Н. (ред.) (2020) *Выборы в Вишеградских странах 30 лет спустя. Особенности избирательных кампаний 2019–2020 гг.* ИЕ РАН, Москва. 146 с.

Задорожнюк Э.Г. (2011) Вацлав Гавел: провозвестник революций нового типа. *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя.* № XXX. С. 281–286.

Носов М.Г., Смольников С.В. (2005) *ЕС–Китай на пути к глобальному партнерству.* ИЕ РАН, Москва. 51 с.

Чихачев А., Гуляев Е. (2022) Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе. *Мировая экономика и международные отношения.* № 5(66). С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-59-67

Fürst R. (2008) Dálný východ v české zahraniční politice. *Česká zahraniční politika v roce 2007: Analýza ÚMV.* Ed. by M. Kořan. Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia. P. 296–305.

Fürst R. (2010) Podpora Tibetu, Tchaj-wanu a lidských práv v Číně: Evropská avantgarda nebo český kýč? *Hledání českých zájmů: Obchod, lidská práva a mezinárodní rozvoj.* Ed. by P. Drulák, O. Horký. Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia. P. 80–101.

Fürst R. (2013) Dálný východ v české zahraniční politice. *Česká zahraniční politika v roce 2012: Analýza ÚMV.* Ed. by M. Kořan, O. Ditrych. Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia. P. 214–223.

Fürst R. (2014) Dálný východ v české zahraniční politice. *Česká zahraniční politika v roce 2013: Analýza ÚMV.* Ed. by M. Kořan. Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia. P. 274–289.

Fürst R. (2020) *České balancování čínské a tchajwanské agendy: improvizací netřeba.* Ústav mezinárodních vztahů Praha, Praha, Czechia. 7 p.

Rezkova A. (2023) Czechia: From Havel to Pavel, Taiwan's long-term friend in CEE. *Beyond the Dumpling Alliance Tracking Taiwan's relations with Central and Eastern Europe.* Ed. by M. Šimalčík, A. Gerstl, D. Remžová. Central European Institute of Asian Studies, Bratislava, Slovakia. P. 46–52.

Czech-Taiwan Relations: a Turn to the East?

M.V. Vedernikov

Candidate of Sciences (History)

Leading Research Fellow, Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: vishma@mail.ru

Abstract. The article examines the dynamics of Czech-Taiwan relations at the present stage. Since the early 1990s. Prague began to pay close attention to a partially recognised state in its foreign policy. The interest was caused by the special status of the island and the similarity of its position, according to President V. Havel, with socialist Czechoslovakia. The key periods in the history of relations between Prague and Taipei are outlined: the phases of active interaction were replaced by stages of decreasing co-operation. It is emphasised that since 2022, after the liberal-democratic coalition came to power, the Taiwanese track of Czech diplomacy has become its core direction. Czech politicians revived Havel's value policy, but abandoned the personal factor in advancing the agenda, focusing on a whole-government approach.

Key words: Czech Republic, Taiwan, China, V. Havel, Czech-Taiwan relations, value policy

DOI: 10.31857/S0201708323070070

EDN: rywztc

REFERENCES

- Chihachev A., Guljaev E. (2022) Strategii Francii i Germanii v Indo-Tihookeanskom regione. [Strategies of France and Germany in the Indo-Pacific], *World Economy and International Relations*, 5(66), pp. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-59-67 (In Russian).
- Fürst R. (2008) Dálný východ v české zahraniční politice, in Kořan M. (ed.) *Česká zahraniční politika v roce 2007: Analýza ÚMV*, Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia, pp. 296–305.
- Fürst R. (2010) Podpora Tibetu, Tchaj-wanu a lidských práv v Číně: Evropská avantgarda nebo český kýž?, in Drulák P., Horký O. (ed.) *Hledání českých zájmů: Obchod, lidská práva a mezinárodní rozvoj*, Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia, pp. 80–101.
- Fürst R. (2013) Dálný východ v české zahraniční politice, in Kořan M., Ditrych O. (ed.) *Česká zahraniční politika v roce 2012: Analýza ÚMV*, Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia, pp. 214–223.
- Fürst R. (2014) Dálný východ v české zahraniční politice, Kořan M., *Česká zahraniční politika v roce 2013: Analýza ÚMV*, Ústav mezinárodních vztahů, Praha, Czechia, pp. 274–289.
- Fürst R. (2020) *České balancování čínské a tchajwanské agendy: improvizací netřeba*, Ústav mezinárodních vztahů Praha, Praha, Czechia.
- Nosov M., Smol'nikov S. (2005) *ES–Kitaj na puti k global'nomu partnerstvu* [EU-China on the way to global partnership], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Rezkova A. (2023) Czechia: From Havel to Pavel, Taiwan's long-term friend in CEE, in Šimalčík M., Gerstl A., Remžová D. (ed.) *Beyond the Dumpling Alliance Tracking Taiwan's relations with Central and Eastern Europe*, Central European Institute of Asian Studies, Bratislava, Slovakia, pp. 46–52.
- Shishelina L., Lunkin R. (ed.) (2020) *Vybory v Vishegradskih stranah 30 let spustja. Osobnosti izbiratel'nykh kampanij 2019–2020 gg.* [Elections in V4 countries after 30 years. Features of 2019–2020 electoral campaigns], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Zadorozhnyuk Je. (2011) Vaclav Havel: provozvestnik revolucij novogo tipa [Vaclav Havel: harbinger of a new type of revolutions], *Scholarly Works of the Faculty of History, Zaporizhzhya National University*, 30, pp. 281–286. (In Russian).

УДК 327

СВОБОДА СУДОХОДСТВА НА БАЛТИКЕ (Риски и вызовы для Российской Федерации)¹

© 2023 ГУДЕВ Павел Андреевич

Кандидат исторических наук

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН*

Россия, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

E-mail: gudev@imemo.ru

Поступила в редакцию 18.09.2023

После доработки 26.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. Балтийское море – важный морской регион для России с точки зрения реализации интересов в области морских перевозок. Здесь расположены пункты базирования Балтийского флота. Гражданские суда и военные корабли РФ пользуются в регионе правами, в соответствии с нормами международного морского права, прежде всего Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В работе показано, как ряд балтийских стран расширительно толкуют положения в области обеспечения национальной безопасности. Особенно это относится к военно-морской деятельности в пределах исключительных экономических зон, где должна соблюдаться свобода судоходства. Речь идет об акватории Вирусского пролива как части Финского залива. Значительно внимание в статье уделено правовому статусу Балтийских проливов. Порядок прохода через них может существенным образом отличаться в мирное время и в период международного вооруженного конфликта. Рассмотрены позиции внерегиональных стран, прежде всего США, по вопросу свободы судоходства на Балтике. Сделан вывод, что позиция Вашингтона не всегда противоречит интересам России даже в условиях противостояния.

Ключевые слова: свобода судоходства, право мирного прохода, право транзитного прохода, международное морское право, международное гуманитарное пра-

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020- 783).

во, право международных вооруженных конфликтов, военно-морская деятельность, Балтийское море, Финский залив, Балтийские проливы.

DOI: 10.31857/S0201708323070082

EDN: guxqlh

Свобода судоходства – одна из шести свобод открытого моря. В положениях Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г., Конвенция) существуют различные модели реализации этой свободы, в частности право мирного прохода через акваторию территориального моря, право транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства¹. В пределах исключительной экономической зоны (далее – ИЭЗ) свобода судоходства действует в той же мере, в какой она реализуется в пределах открытого моря.

Балтийское море, согласно Конвенции 1982 г., относится к категории полузамкнутых морей. В ст. 122 определено, что ««замкнутое или полузамкнутое море» означает залив, бассейн или море, окруженное двумя или более государствами и сообщаемое с другим морем или океаном через узкий проход, или состоящее полностью или главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон двух или более прибрежных государств»². На Балтике не существует районов открытого моря, т. к. оно все перекрыто морскими зонами прибрежных государств, что свидетельствует о существовании определенного регионального режима [Овлащенко, 2012]. Страны ЕС рассматривают Балтику как зону имплементации общей – интегрированной – морской политики [Овлащенко, 2008]. Однако государства региона, включая Россию, обладают определенными правами в области торгового (гражданского) и военного судоходства.

Ряд стран региона склонен квалифицировать Балтийское море в качестве «внутреннего моря стран НАТО», что является политической, правовой и географической спекуляцией. Все чаще поднимается тема необходимости закрытия моря для российских судов, перекрытия Балтийских проливов, ограничения судоходства в Финском заливе и т. д. Цель статьи – показать, легитимны ли с правовой точки зрения эти угрозы, как они могут отразиться на интересах РФ, какие ограничения в области судоходства могут быть введены балтийскими странами.

Право мирного прохода через территориальное море и его страновые ограничения

В Совместном советско-американском заявлении о едином толковании норм международного права 1989 г., регулирующих мирный проход через территориаль-

¹ Wolfrum R. Freedom of Navigation: New Challenges. Statement. 08.01.2008. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/statements_of_president/wolfrum/freedom_navigation_080108_eng.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

² Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

ное море, сказано: «Все суда, включая военные корабли, независимо от груза, вооружения или средств передвижения, пользуются правом беспрепятственного прохода через территориальное море в соответствии с международным правом, для чего *не требуется ни предварительного уведомления, ни разрешения* (выделено автором – Г.П.)»¹.

Конвенция 1982 г. предусматривает возможность временного приостановления права мирного прохода в определенных районах территориального моря, если это важно для безопасности (ст. 25, п. 3). На сегодняшний день понятие «безопасность» не ограничено исключительно военной сферой. Речь может идти об экологической безопасности (а значит относится к судам, эксплуатация которых несет экологические риски) или общественной безопасности (в частности, борьбе с пандемией). Кроме того, в Конвенции не раскрывается содержание понятия «временный».

Определенные ограничения действуют также в рамках национального законодательства балтийских государств [Анашкина, 2001]. Эстония закрепила положения, согласно которым информация о проходе военного корабля, судов пограничной охраны, полиции, таможни, сопровождения, научно-исследовательских, гидрографических, учебных судов и судов, выполняющего другие государственные задачи, должна быть передано по дипломатическим каналам правительству Эстонской Республики не позднее, чем за 48 часов до прохода². Эти положения были позже внесены в Закон о государственных границах 1994 г.³

Согласно законодательству Латвии, иностранные военные корабли могут заходить в пределы территориального моря после получения разрешения со стороны министерства иностранных дел, однако эти ограничения не касаются военных кораблей стран НАТО и ЕС. Разрешение запрашивается не позднее, чем за 30 дней до планируемого захода. В запросе должны быть указаны характер и цель визита, время и место посещения, название каждого иностранного военного корабля и наиболее важная информация о нем⁴.

¹ USA-USSR Joint Statement on the Uniform Interpretation of Rules of International Law Governing Innocent Passage. 23.09.1989. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1989-USA-USSR-Joint-Statement-with-Attached-Uniform-Interpretation-of-Rules-of-International-Law-Governing-Innocent-Passage-1.doc> (дата обращения: 19.10.2023).

² Rules of Navigation of Ships Through the Territorial Sea and the Internal Waters of the Estonian Republic. 1992. URL: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/EST_1992_Decision.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

³ State Borders Act. 1994. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/515042016001/consolide> (дата обращения: 10.10.2023).

⁴ Procedures by which Foreign Warships shall Enter and Stay in the Territorial Sea, Inland Waters, and Ports of the Republic of Latvia and Leave Them. 2016. URL: <https://www.vvc.gov.lv/en/laws-and-regulations-republic-latvia-english/cab-reg-no-108-procedures-which-foreign-warships-shall-enter-and-stay-territorial-sea-inland-waters-and-ports-republic-latvia-and-leave-them-amendments-08042021> (дата обращения: 20.10.2023).

В законодательстве Литвы, которое определяет режим судоходства в пределах территориального моря, используется не конвенциональная формулировка «мирный проход» (*innocent passage*), а «мирное судоходство» (*peaceful navigation*)¹. На практике это не означает, что право мирного прохода не признается. Единственное существенное ограничение – режим взаимности: в отношении государств, которые установили разрешительный порядок мирного прохода, со стороны Литвы действует идентичный ограничительный порядок².

Дания (помимо режима прохода через проливы) закрепила признание права мирного прохода в отношении иностранных военных кораблей и государственных судов, при этом последние приравниваются к военным кораблям. Это право действует только в мирное время, а министр обороны Дании может делать исключения из этого режима³.

Швеция изначально настаивала на уведомительном и в некоторых случаях разрешительном порядке (по дипломатическим каналам) прохода военных кораблей через свое территориальное море, за исключением ряда акваторий (например, пролив Зунд)⁴. Эти ограничения были отменены в 1995 г., однако на официальном сайте министерства иностранных дел до сих пор указано, что: «разрешение на вход в воды Швеции требуется судам иностранных государств... Соответствующий орган должен получить заявления не позднее, чем за шесть недель до запрошенного визита»⁵. Эти ограничения, скорее всего, не применяются к военным кораблям членов НАТО и ЕС.

Все вышеуказанные страновые ограничения выходят за рамки правовой модели, которая закреплена в Совместном советско-американском заявлении 1989 г. и оспариваются США⁶. Однако точка зрения Вашингтона полностью совпадает с позицией других государств: нормы Конвенции 1982 г., как соглашения мирного вре-

¹ Legislation on the territorial sea. 1992. URL:

https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/LTU_1992_Legislation.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

² Law of the Republic of Lithuania on the State Boundary. 1992. URL:

https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/LTU_1992_Law.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

³ Ordinance Governing the Admission of Foreign Warships and Military Aircraft to Danish Territory in Time of Peace. 1999. URL:

https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/DNK_1999_Ordinance.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Proclamation of 3 June 1966 concerning the admission to Swedish territory of foreign naval vessels and military aircraft. URL:

https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/SWE_1966_Proclamation.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

⁵ Permission to enter Swedish airspace or waters. URL: <https://www.government.se/government-of-sweden/ministry-for-foreign-affairs/diplomatic-portal/diplomatic-guide/23.-permission-to-enter-swedish-territory/> (дата обращения: 20.10.2023).

⁶ Maritime Claims Reference Manual. URL: <https://www.jag.navy.mil/national-security/mcrm/> (дата обращения: 12.10.2023).

мени, заменяются положениями международного гуманитарного права и его составляющих (право нейтралитета, право международных вооруженных конфликтов). Право мирного прохода может быть заменено на право простого (*mere*) прохода или ограничено/запрещено нейтральными государствами в отношении военных кораблей стран, которые считаются воюющими.

Эти положения зафиксированы в международных сводах правил, например, Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море (ст. 19), Хельсинские принципы права морского нейтралитета (п. 2.3.) и в национальных руководствах по ведению вооруженных конфликтов.

В датском руководстве сказано, что военные корабли и вспомогательные суда сторон в конфликте могут воспользоваться правом простого прохода через территориальное море нейтральных государств. Однако нейтральные прибрежные государства имеют право ограничивать или запрещать сторонам вход в свое территориальное море или проход через него, за исключением тех частей, которые составляют международный пролив, при условии, что это делается на недискриминационной основе¹.

Несмотря на то что права мирного и простого прохода схожи, основное различие заключается в том, что прибрежное государство обладает большей степенью регуляционных (а точнее дискреционных) полномочий в отношении ограничения или запрещения простого прохода, чем в отношении мирного прохода [Farrant, 2014: 209–213].

Для России в случае ограничений всегда остается возможность прохода за пределами внешней границы территориального моря через акваторию ИЭЗ балтийский стран, где должна соблюдаться свобода судоходства. Однако здесь также существуют свои правовые и страновые нюансы.

Свобода судоходства в пределах ИЭЗ: возможности ограничения

Форма реализации свободы судоходства в пределах ИЭЗ не должна отличаться от формы ее реализации в открытом море. Точку зрения на проведение различных видов военно-морской деятельности (далее – ВМД) разделяют далеко не все страны [Roach, Smith, 2012: 379–390]. Некоторые полагают, что свобода судоходства в пределах ИЭЗ делится на две составляющие: в отношении гражданских судов и в отношении военных кораблей. Проход последних через акваторию исключительной экономической зоны ограничен мирным судоходством, т. е. они не могут осуществлять ВМД [Pedrozo, 2021: 22]. Особые претензии выдвигаются в отношении проведения в пределах ИЭЗ разведывательной деятельности, прежде всего радиоэлектронной разведки.

Российская ВМД в акваториях прибалтийских республик – болезненный вопрос. В 1996 г. государственный департамент США в ответ на запрос Литвы отно-

¹ Military Manual on international law relevant to Danish armed forces in international operations. 12.10.2020. URL: <https://www.forsvaret.dk/globalassets/fko---forsvaret/dokumenter/publikationer/-military-manual-updated-2020-2.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

сительно деятельности российских военно-морских сил в ИЭЗ подтвердил, что ст. 58 Конвенции 1982 г. позволяет всем государствам пользоваться свободами судоходства, полетов, прокладки кабелей и трубопроводов при осуществлении деятельности в исключительной экономической зоне. Для военных кораблей и самолетов это включает маневрирование, военные учения, наблюдение, сбор разведанных, стрельбы и испытания вооружений. Единственное ограничение – учет прав и интересов прибрежного государства и других стран при осуществлении ВМД. Кроме того, должно быть дано соответствующее уведомление и обеспечена безопасность других судов, включая формирование зоны безопасности. Таким образом, позиция США по этому вопросу состояла в том, чтобы «не возражать против разумного использования региона Балтийского моря любой военно-морской державой, включая Россию, которая осуществляет традиционную военно-морскую деятельность»¹.

Финский залив: роль географического фактора

Вход в акваторию Финского залива проходит через воды под суверенитетом и юрисдикцией Эстонии и Финляндии. Эти страны еще в 1994 г. в добровольном порядке обменялись нотами, согласившись ограничить внешние границы территориальных морей в этой части Финского залива таким образом, чтобы оставить свободную для прохода зону шириной в 6 миль (в данном случае – это акватория их ИЭЗ [Lott, 2017: 102–105]) со всеми вытекающими отсюда свободами открытого моря, включая свободу судоходства и полетов [Lott, 2022: 142–154]).

В отсутствие соглашения часть Финского залива на запад от морских акваторий РФ могла бы быть полностью перекрыта территориальными морями Эстонии и Финляндии. В таком случае регулирование попадает под действие конвенционного права мирного прохода (ст. 19.2 Конвенции 1982 г.) в отношении гражданских судов и военных кораблей. Однако эта акватория Финского залива является проливом, используемым для международного судоходства (так называемый Вирусский пролив, географически расположенный между побережьями Таллина и Хельсинки)². Если бы этот пролив вел исключительно в территориальное море РФ, то здесь действовало бы право мирного прохода, который не может быть приостановлен (действует в отношении не только судов, но не самолетов) в соответствии со ст. 45, п. 1b Конвенции 1982 г. Однако пролив полностью соответствует не только функциональному (используется для международного судоходства), но географическому критерию: соединяет одну часть ИЭЗ с другой в районе острова Гогланд (фин. *Suursaari*) [Lott, 2022: 187–202], который находится под суверенитетом РФ по итогам соглашения СССР и Финляндии 1940 г. Эта небольшая по площади ИЭЗ по-

¹ Secretary of State, U.S. Department of State. Message to an Embassy Vilnius. Subject: Naval Vessels in Baltic Economic Zones. 01.11.1996. [Kraska, Pedrozo, 2013: 237–238].

² Топоним «Вирусский пролив» (эст. *Viru väin*; фин. *Viron salmi*) введен в научный оборот научным сотрудником Норвежского центра морского права Университета Тромсё Александром Лоттом для обозначения прохода через Финский залив или входа в Финский залив [Lott, 2018]. – Прим. ред.

явилась в ходе согласования советско-финских морских границ в 1940, 1965 и 1985 гг. [Lott, 2018: 73–76]. На практике это означает, что этот пролив полностью попадает под действие Раздела III Конвенции 1982 г. «Проливы, используемые для международного судоходства», который предусматривает применение права транзитного прохода (ст. 38) [Lott, 2017: 110–114].

Транзитный проход – весьма либеральная норма международного морского права [Дайк, 2012]. Во-первых, она безапелляционно распространяется не только на гражданские суда, но и на военные корабли, включая подводные лодки (ст. 38, п. 1), а введение уведомительного или разрешительного порядка прохода будет считаться нарушением Конвенции 1982 г. Во-вторых, транзитный проход предусматривает право на осуществление полетов, в т. ч. военной авиации. В-третьих, подводные лодки могут следовать не в надводном положении и с поднятым флагом, а в «обычном порядке» (ст. 39, п. 1с), т. е. в подводном положении. В-четвертых, несмотря на то что реализация права транзитного прохода предполагает выполнение определенных обязанностей со стороны судов и летательных аппаратов (ст. 39), припроливные страны не должны препятствовать транзитному проходу, и он не может быть приостановлен (ст. 44).

Соответственно, потенциально возможное перекрытие Вирусского пролива территориальными морями Эстонии и Финляндии, ведущее к ликвидации коридора ИЭЗ, может привести к негативным последствиям для этих стран: например, российские военные корабли и военные самолеты, реализуя на практике право транзитного прохода, смогут проходить/пролетать намного ближе к береговой линии Таллина и Хельсинки, используя всю ширину акватории территориального моря.

Режим международных проливов в условиях вооруженного конфликта

Важный вопрос заключается в том, могут ли припроливные страны (например, Финляндия и Эстония, если ликвидируют коридор ИЭЗ) закрывать проливы, используемые для международного судоходства, в условиях вооруженного конфликта. Государственная практика до и после Второй мировой войны по этому вопросу не единообразна: не все государства считали, что нейтральные страны обязаны сохранять открытыми международные проливы. Скандинавские страны в Стокгольмской декларации о правилах нейтралитета 27 мая 1938 г. обещали сохранить международные проливы открытыми: они разрешали *воюющим* (выделено автором – Г.П.) торговым судам и военным кораблям проходить через международные проливы и предлагали лоцманскую помощь [Heintschel von Heinegg, 1998: 268].

Вплоть до принятия Конвенции 1982 г. не существовало обязательной нормы по этому вопросу. Однако, с учетом конвенционных формулировок относительно права транзитного прохода (не должно чиниться препятствий, непрерывный и быстрый транзит, следовать без промедления, воздерживаться от угрозы силой или ее применения против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости граничащего государства), прибрежные государства обязаны соблюдать это право не только в мирное время, но и во время международного вооруженного конфликта [Heintschel von Heinegg, 1998: 269–272].

В справочнике командира корабля «Правовые основы деятельности Военно-морских сил» ФРГ зафиксировано, что в международных проливах и над ними все надводные и подводные суда, а также воздушные суда воюющих сторон и нейтральных государств пользуются правом транзитного прохода. Только пролив Босфор и Дарданеллы освобождены от этого правила. Нейтральным государствам не разрешается препятствовать или приостанавливать транзитный проход. Только те участки международных проливов, в которых применяется право мирного прохода, могут быть закрыты для военных кораблей сторон конфликта (п. 249)¹. Позиция военного руководства Дании (п. 4.4.3.) предполагает, что право транзитного прохода через международные проливы и архипелажные морские пути сохраняется независимо от того, являются ли они нейтральными водами или водами сторон конфликта. Этим правом могут пользоваться надводные корабли, подводные лодки и самолеты как нейтральных, так и воюющих сторон².

Соответственно, наиболее распространенная точка зрения основывается на том, что припроливные страны не должны закрывать международные проливы, когда их статус нейтральный. Если государства становятся вовлеченными в вооруженный конфликт, то свобода прохода для нейтральных стран должна сохраняться. Более того, проход военных кораблей, которые принадлежат государству-участнику вооруженного конфликта не с данными припроливными государствами, не должен быть ограничен. Однако существует допущение, что запреты возможны в исключительных обстоятельствах, когда речь идет о преобладании соображений в области обеспечения национальной безопасности. Любая воюющая сторона не связана никакими международными обязательствами относительно уважения права транзитного прохода военных кораблей и судов противника [Camino, Cogliati-Bantz, 2014: 21].

Правовой режим Балтийских проливов: приоритет международного или национального регулирования?

Большинство экспертов [Колодкин и др., 2007: 233; Мелков, 2011: 455; Вылегжанин, 2012: 743] согласны, что правовой режим Балтийских проливов³ основан прежде всего на двух соглашениях, которые в 1857 г. заключила Дания с рядом европейских государств (т. н. Копенгагенский трактат) и США об отмене пошлин. Копенгагенский трактат предусматривает, что судно не может под каким-либо предлогом при проходе через Зунд или Бельты подвергаться задержанию или остановке (ст. 1). Эти положения стали императивной нормой *erga omnes*.

¹ Commander's Handbook. Legal Bases for the Operations of Naval Forces. URL: https://usnwc.libguides.com/ld.php?content_id=2998104 (дата обращения: 14.10.2023).

² Military Manual on international law relevant to Danish armed forces in international operations. P. 596–597. URL: <https://www.forsvaret.dk/globalassets/fko---forsvaret/dokumenter/publikationer/-military-manual-updated-2020-2.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

³ Балтийское и Северное моря связаны через такие проливы, как Скагеррак (*Skagerrak*), Каттегат (*Kattegat*), Малый и Большой Бельт, Фемарн (*Fehmarn Belt*), Самсё (*Samsø Belt*) и Зунд. Так называемые Датские (с точки зрения Российской Федерации, более корректно – Балтийские) проливы образованы проливами Зунд, Большим Бельтом и Малым Бельтом.

Дания считает, что правовой режим Балтийских проливов регулируется особым режимом, в основе которого лежит Копенгагенский трактат 1857 г., дополненный нормами международного обычного права¹. В этом случае также полностью применимо датское национальное законодательство, т. к. право прохода вытекает исключительно из суверенитета Дании. Режим прохода через проливы при этом должен носить не характер транзитного прохода, а быть максимально приближен к праву мирного прохода, который не может быть приостановлен [Elferink Oude, 2000].

При ратификации Конвенции 1982 г. Швеция и Дания выступили практически с идентичными заявлениями, согласно которым Балтийские проливы рассматриваются ими как выпадающие из режима транзитного прохода Раздела III Конвенции 1982 г., поскольку в обоих проливах проход полностью или частично регулируется действующими международными конвенциями. Ст. 35(с) Конвенции 1982 г. содержит соответствующие исключения.

Не все государства согласны с такой интерпретацией правового режима Балтийских проливов, в особенности касательно прохода военных кораблей. США считают, что договоры 1857 г. гарантируют свободный проход через проливы среди прочего американским судам. Позиция Вашингтона заключается в том, что военные корабли, государственные суда и самолеты пересекают проливы на основании обычного права транзитного прохода или конвенционного права «свободного и необремененного прохода»², т. к. транзитный проход является более ограничительным, чем свобода судоходства, гарантированная договорами 1857 г. Немецкое руководство также ставит под сомнение, что режим прохода через Балтийские проливы регулируется давно действующими международными конвенциями (п. 47)³.

В экспертном сообществе считают, что здесь могут существовать три правовые модели: особый режим прохода через проливы, исключаящий их из-под действия Раздела III Конвенции 1982 г.; особый режим прохода в отношении торговых судов (военные корабли попадают под действие норм и положений международного обычного права); регулирование согласно нормами Раздела III Конвенции 1982 г. с правом транзитного прохода. В последнем случае не существует ни «всеобъемлющего», ни «раздельного» режима для этих проливов [Caminos, Cogliati-Bantz, 2014: 94].

Позиция Дании относительно применимости национального законодательства к проливам привела к тому, что она закрепила следующее ограничение в отношении прохода через проливы: одновременный проход проливов Большой Бельт, Самсё или Зунд более, чем трех военных кораблей одного и того же государства, допускается при условии предварительного уведомления по дипломатическим каналам⁴.

¹ Counter-Memorial submitted by the Government of the Kingdom of Denmark. Passage through the Great Belt (Finland v. Denmark). International Court of Justice. 05.1992. §670. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/86/6893.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

² Limits in the Seas. No. 112. Unites States Responses to Excessive National Maritime Claims. 09.03.1992. P. 75. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/12/LIS-112.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

³ Commander's Handbook.

⁴ Ordinance Governing the Admission of Foreign Warships and Military Aircraft to Danish Territory in Time of Peace. 1999. URL:

США не согласны с этими ограничениями. Вашингтон считает, что американо-датские договоренности 1857 г. предусматривают полную свободу судоходства и не могут влиять на военно-морские операции, поэтому датское законодательство не соответствует нормам и положениям Конвенции 1982 г.¹ Немецкое руководство также отмечает, что введенные Данией ограничения на проход военных кораблей соблюдаются всеми странами, но являются оспариваемыми, т. к. соглашения 1857 г. не были применимы к военным кораблям. Более того, зафиксировано, что датские правила, касающиеся прохода и пролетов, которые оспариваются, по крайней мере, в мирное время, не применяются, если страны, граничащие с Зундом и Бельтом, являются нейтральными (п. 47)².

В датском законе 1999 г. зафиксирован допуск иностранных военных кораблей и воздушных судов, когда Дания и государство, которому принадлежит корабль, находятся в состоянии мира (§1.1)³. Эта формулировка может интерпретироваться очень широко: речь может идти не только в ситуации, когда Дания и государство флага находятся в состоянии мира, но и когда последнее находится в состоянии вооруженного конфликта с любым третьим государством, что предполагает отмену права прохода, в т. ч. через проливы.

Тем не менее предшествующая практика скандинавских стран свидетельствует о том, что их нейтральный статус предполагает сохранение существующего режима прохода через проливы [Elferink Oude, 2000]. В этой связи «неточность положений международных договоров, касающихся прохода через международные проливы во время войны, придает практике государств особое значение при решении практических проблем, связанных с судоходством по этим водным путям» [Camino, Cogliati-Bantz, 2014: 15–16]. Соответственно, в теории нейтральная Дания не имеет права закрывать проливы для военных кораблей воюющих сторон. Идентичная точка зрения существует в отношении Швеции. В состоянии войны обе страны не будут связаны международными обязательствами, касающимися гарантий свободного прохода через проливы.

* * *

Некоторые страны балтийского региона допускают расширительное толкование норм и положений международного морского права, в т. ч. кодифицированных в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., прежде всего в угоду интересам в области обеспечения национальной безопасности. Основным оппонентом ре-

https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/DNK_1999_Ordinance.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

¹ The Commander's Handbook on The Law of Naval Operations. 03.2022. NWP 1-14M. URL: https://stjceccmsdsusgva001.blob.core.usgovcloudapi.net/public/documents/NWP_1-14M.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

² Commander's Handbook.

³ Ordinance Governing the Admission of Foreign Warships and Military Aircraft to Danish Territory in Time of Peace, 1999. URL:

https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/DNK_1999_Ordinance.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

жима, который явно противоречит Конвенции 1982 г., являются США, выступающие за защиту принципа свободы судоходства.

Для России страновые ограничения касательно мирного прохода – скорее неприятный факт, нежели вызов ее интересам в области судоходства. Это нельзя сказать про реализацию права на ВМД в пределах зарубежных ИЭЗ. Еще одним вызовом выступают спекуляции относительно ограничения прохода российских судов и кораблей через Вирусский пролив. Любое изменение и формальное ужесточение существующего правового режима способно привести к ухудшению положения двух припроливных стран – Эстонии и Финляндии, т. к. этот пролив относится к категории международных. Ограничение режима прохода через Балтийские проливы не критичны для РФ в мирное время. Однако у припроливных стран появляются дополнительные полномочия в условиях военного времени, когда нормы международного морского права становятся в большей степени вспомогательными по отношению к нормам права международных вооруженных конфликтов.

Таким образом, сохранение за Балтикой статуса зоны мира и сотрудничества не приведет к ущемлению интересов РФ в области судоходства, если не считать растущее внимание стран региона к соблюдению все более жестких норм экологического законодательства. Развитие любых форм конфликта в регионе может создать трудности для Москвы, но многое будет зависеть от правовых трактовок и предшествующей практики балтийский государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анашкина И.А. (2001) Правовой режим территориального моря на примере законодательства ряда государств Балтийского и Черноморского регионов. *Московский журнал международного права*. № 4. С. 188–199. DOI: 10.24833/0869-0049-2001-4-188-199
- Вылегжанин А.Н. (ред.) (2012) *Международное право*. Издательство Юрайт, Москва. 904 с.
- Дайк Й.В. (2012) Транзитный проход через международные проливы. *Московский журнал международного права*. № 1. С. 160–183. DOI: 10.24833/0869-0049-2012-1-160-183
- Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. (2007) *Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы*. Статут, Москва. 637 с.
- Мелков Г.М. (ред.) (2011) *Международное право*. РИОР, Москва. 720 с.
- Овлащенко А.В. (2008) *Морская политика*. Институт морского права, Санкт-Петербург. 400 с.
- Овлащенко А.В. (2012) *Морской регионализм: международно-правовые аспекты институционализации*. Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, Germany. 124 с.
- Caminos H., Cogliati-Bantz V. (2014) *The Legal Regime of Straits: Contemporary Challenges and Solutions*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 515 p. DOI: 10.1017/CBO9780511777189.003
- Elferink Oude A.G. (2000). The Regime of Passage Through the Danish Straits. *The International Journal of Marine and Coastal Law*. No. 15(4). P. 555–566. DOI: <https://doi.org/10.1163/157180800X00244>
- Farrant J. (2014) Modern Maritime Neutrality Law. *International Law Studies*. Vol. 90. P. 198–307. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=ils> (дата обращения: 12.10.2023).
- Heintschel von Heinegg W. (1998) The Law of Naval Warfare and International Straits. *The Law of Armed Conflict: Into the Next Millennium*. Ed. by M.N. Schmitt, L.C. Green. International Law Studies. Vol. 71. Naval War College, Newport, USA. P. 263–292. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1627&context=ils> (дата обращения: 12.10.2023).

Kraska J, Pedrozo R. (2013) *International Maritime Security Law*. Martinus Nijhoff, Leiden, Germany. 940 p. DOI: 10.1163/9789004233577

Lott A. (2017) *The Estonian Straits: Exceptions to the Strait Regime of Innocent or Transit Passage*. PhD Thesis. University of Tartu, Tartu, Estonia. 259 p.

Lott A. (2018) *The Estonian Straits. Exceptions to the Strait Regime of Innocent or Transit Passage*. Brill. 308 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004365049>

Lott A. (2022) *Hybrid Threats and the Law of the Sea. Use of Force and Discriminatory Navigational Restrictions in Straits*. Brill. 302 p. DOI: 10.1163/9789004509368

Pedrozo R. (2021) China's Excessive Maritime Claims. *International Law Studies*. Vol. 97. P. 18–26 URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2941&context=ils> (дата обращения: 11.10.2023).

Roach J.A., Smith R.W. (2012) *Excessive Maritime Claims*. Martinus Nijhoff Publishers, Leiden, Netherlands. 926 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004217720>

Freedom of Navigation in the Baltic (Risks and Challenges for the Russian Federation)

P.A. Gudev

Candidate of Sciences (History)

Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: gudev@imemo.ru

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).)

Abstract. The Baltic Sea is an extremely important maritime region for Russia from the point of view of the realisation of interests in the field of maritime transportation. The Baltic Fleet bases are also located there. Civil vessels and warships of the Russian Federation enjoy here the relevant rights granted to them under international maritime law, and above all, the 1982 UN Convention on the Law of the Sea. The paper shows how some Baltic countries interpret its norms and provisions quite broadly in favor of their national interests in the field of national security. Special concerns, on their part, are raised with regard to various types of naval activities within their exclusive economic zones, where freedom of navigation must be respected. This right is now valid in the waters of the Viro Strait, as part of the Gulf of Finland. Recent statements by some countries about the need to tighten the shipping regime cannot lead to its closure. The study focuses on the legal status of the Baltic Straits. The analysis shows that the order of passage through them may differ fundamentally in peacetime and during international armed conflict. The article highlights the position of non-regional countries, primarily the United States, on freedom of navigation in the Baltic. The research reveals that this position does not always contradict Russia's interests, even in the conditions of the existing confrontation.

Keywords. freedom of navigation, innocent passage, transit passage, law of the Sea, humanitarian law, international armed conflicts, naval activities, Baltic Sea, Gulf of Finland, Baltic Straits.

DOI: 10.31857/S0201708323070082

EDN: ryxqlh

REFERENCES

- Anashkina I.A. (2001) Pravovoj rezhim territorial'nogo morya na primere zakonodatel'stva ryada gosudarstv Baltijskogo i Chernomorskogo regionov [The legal regime of the territorial sea on the example of the legislation of a number of States of the Baltic and Black Sea regions], *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 4, pp. 188–199. DOI: 10.24833/0869-0049-2001-4-188-199 (In Russian).
- Caminos H., Cogliati-Bantz V. (2014) *The Legal Regime of Straits: Contemporary Challenges and Solutions*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. DOI: 10.1017/CBO9780511777189.003
- Dajk J.V. (2012) Tranzitnyj prohod cherez mezhdunarodnye prolivy [Transit passage through international straits], *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1, pp. 160–183. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-1-160-183> (In Russian).
- Elferink Oude A.G. (2000) The Regime of Passage Through the Danish Straits, *The International Journal of Marine and Coastal Law*, 15(4), pp. 555–566. DOI: <https://doi.org/10.1163/157180800X00244>
- Farrant J. (2014) Modern Maritime Neutrality Law, *International Law Studies*, 90, pp. 198–307. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=ils> (accessed: 12.10.2023).
- Heintschel von Heinegg W. (1998) The Law of Naval Warfare and International Straits, in Schmitt M.N., Green L.C. (ed.) *The Law of Armed Conflict: Into the Next Millennium*, International Law Studies, 71, Naval War College, Newport, USA, pp. 263–292. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1627&context=ils> (accessed: 12.10.2023).
- Kolodkin A.L., Guculyak V.N. Bobrova Yu.V. (2007) *Mirovoj okean. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim. Osnovnye problem* [The world ocean. The international legal regime. The main problems]. Statut, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kraska J, Pedrozo R. (2013) *International Maritime Security Law*, Martinus Nijhoff, Leiden, Germany. DOI: 10.1163/9789004233577
- Lott A. (2017) *The Estonian Straits: Exceptions to the Strait Regime of Innocent or Transit Passage*, PhD Thesis, University of Tartu, Tartu, Estonia.
- Lott A. (2018) *The Estonian Straits. Exceptions to the Strait Regime of Innocent or Transit Passage*, Brill. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004365049>
- Lott A. (2022) *Hybrid Threats and the Law of the Sea. Use of Force and Discriminatory Navigational Restrictions in Straits*, Brill. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004509368>
- Melkov G.M. (red.) (2011) *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [International law: textbook for universities], RIOR, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ovlashchenko A.V. (2008) *Morskaya politika: mezhdisciplinarnyj kurs* [Maritime policy: an interdisciplinary course. Educational and scientific-practical manual], Institut morskogo prava, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).
- Ovlashchenko A.V. (2012) *Morskoj regionalism: mezhdunarodno-pravovye aspekty institucionalizacii* [Maritime regionalism. International legal aspects of institutionalization], Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, Germany. (In Russian).
- Pedrozo R. (2021) China's Excessive Maritime Claims, *International Law Studies*, 97, pp. 18–26. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2941&context=ils> (accessed: 11.10.2023).
- Roach J.A., Smith R.W. (2012) *Excessive Maritime Claims*, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden, Netherlands. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004217720>
- Vylegzhanin A.N. (ed.) (2012) *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov* [International Law: Textbook for bachelors], Izdatel'stvo Yurajt, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 328.1, 329.1

германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов

© 2023 **БЕЛОВ Владислав Борисович**

Кандидат экономических наук

Заместитель директора по научной работе Института Европы РАН,

руководитель Отдела страновых исследований

и Центра германских исследований ИЕ РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: *belov@instituteofeurope.ru*

Поступила в редакцию 03.10.2023

После доработки 18.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В июле 2023 г. Германия приняла давно обещанную стратегию по отношению к Китаю – её важнейшего (наряду с США) неевропейского партнёра. Одно из основных мест в документе уделено хозяйственно-политической сфере – внешней торговле и прямым инвестициям. Правящая коалиция, в первую очередь в лице представителей партии «Союз 90 / Зелёные», поставила задачу снизить зависимость немецкого экономического штандорта¹ от китайской экономики, что совпадает и со стратегическим целеполаганием руководства ЕС. В ослаблении кооперации ФРГ и ЕС с КНР также заинтересована администрация Соединённых Штатов. Однако такой подход политиков противоречит рыночным интересам германского бизнеса, по-прежнему ориентированного на комплексное взаимодействие с компаниями Китая. Автор проанализировал актуальное состояние немецко-китайской экономической кооперации в сферах внешней торговли и прямых инвестиций, а также оценил перспективы её развития в условиях актуальных геополитических вызовов.

¹ Под экономическим штандортом (Wirtschaftsstandort) в немецкой экономгеографической науке понимается целенаправленно сформированное хозяйственно-политическое пространство, обладающее набором конкурентных преимуществ, позволяющих привлекать и удерживать основные производственные факторы.

Ключевые слова. Германия, ФРГ, Китай, КНР, США, Европейский союз, ЕС, стратегия, внешняя торговля, иностранные прямые инвестиции

DOI: 10.31857/S0201708323070094

EDN: rzadwi

Пришедшее к власти в конце 2021 г. правительство в составе представителей партий социал-демократов, зелёных и либералов в коалиционном договоре согласовало триединый подход к своему основному партнёру в рамках Глобального Юга – Китаю. В соответствии со стратегией, определённой Европейским союзом в 2019 г., на первое место был поставлен партнёр, на второе – экономический конкурент и на третье – системно-ценностный соперник. Соответственно, по этим векторам сложилось содержательное партийное трёхцветие – красно-жёлто-зелёное: представители СДПГ в основном определили направления внешнеполитического взаимодействия, СвДП – экономического, а «Союза 90 / Зелёные» сформулировали ценностный подход к китайской демократии. Одновременно участники коалиции договорились о подготовке к концу 2022 г. стратегии будущих отношений с КНР.

Однако процесс наполнения одного из определяющих для внешней политики ФРГ документов конкретным содержанием затянулся. С одной стороны, это было обусловлено необходимостью разработки другой стратегии – по комплексной безопасности, в которой Китаю отводилось важное место. С другой – конкретные детали вызвали сложности, связанные с их согласованием между авторами, экспертами и представителями немецких групп интересов. Одновременно в ходе подготовки надо было учитывать реакцию китайской стороны. В итоге в середине июня 2023 г. коалиция сначала опубликовала стратегический документ по комплексной безопасности и через месяц представила первую в полувековой истории официальных отношений с Пекином Стратегию федерального правительства по Китаю [China-Strategie, 2023], в целом позитивно принятой немецким политическим и экспертным сообществом¹. Одно из приоритетных мест в ней заняли хозяйственно-политические вопросы взаимодействия с Поднебесной, которой принадлежит ведущее место во внешнеторговой сфере Германии и одно из основных в её инвестиционной. Именно этим аспектам в данной статье уделяется основное внимание².

Внешнеторговая и инвестиционная кооперация ФРГ и Китая

Китайская Народная Республика – основной партнёр Германии в сфере внешней торговли товарами. В 2022 г. она с существенным отрывом от других стран занимала

¹ Более подробно об анализе обеих стратегий см.: [Белов, 2023а; Белов, 2023b]. В Стратегии национальной безопасности Германии подробно освещены вопросы защиты критически важных отраслей и сфер от иностранного влияния. В первую очередь, это относится к рискам, связанным с Китаем.

² Вопросы экономического сотрудничества ФРГ и Китая (в т.ч. с учётом европейского вектора) в предыдущие годы проанализированы в ряде работ отечественных учёных [см., например: Зарицкий, 2021; Мельникова, 2022; Супян, 2015; Цвык, 2019 и др.]

первое место по торговому обороту с показателем в 298,9 млрд евро (9,6% от совокупного)¹. Отставание США составило более 50 млрд евро, но при этом они оставались основной страной назначения экспорта немецкой продукции. Лидерство Китая по общему объёму товаропотоков обеспечил ввоз из неё товаров, достигший в том же году рекордных 192 млрд евро (12,8% всего импорта), что более чем на 70 млрд было больше поставок из Нидерландов и на 100 млрд из Соединённых Штатов. Этим двум государствам, а также Франции КНР уступала как рынок сбыта немецких товаров, занимая с 106,9 млрд евро только четвёртое место (6,7% всего экспорта ФРГ)².

Основные статьи немецкого товарного экспорта в Китай формируют автомобили и автозапчасти, машиностроительные изделия, электротехническая, электронная, оптическая и фармацевтическая продукция. В импорте из КНР преобладает продукция электротехники, электроники, машиностроения и органической химии³. По отдельным товарам Поднебесная уверенно опережает все другие страны. Например, в 1 квартале 2023 г. в стоимостном выражении на ввоз китайских портативных компьютеров пришлось 86,0% этой позиции, смартфонов и телефонов – 67,8%, литий-ионных аккумуляторов – 39,2% и электромобилей – 28,2%⁴.

В 2023 г. двусторонние внешнеторговые потоки товаров в течение января – сентября последовательно сокращались. При этом объёмы импортных поставок по сравнению с 2022 г. снижались более быстрыми темпами по сравнению с экспортными, что за первые девять месяцев текущего года обусловило уменьшение традиционного высокого отрицательного сальдо ФРГ во взаимной торговле.

С 2010 по 2021 гг. Китай был одним из основных объектов немецких прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Объём накопленных ПИИ ФРГ в КНР увеличился за этот период в 3,5 раза, в Люксембург – в 2,7, в США – в 1,8, во Францию – в 1,4 раза, в Британию почти не изменился. В 2021 г. Поднебесная с 112,3 млрд евро заняла второе место по этому показателю, обогнав Люксембург (108,6 млрд), и уступая Соединённым Штатам (409 млрд), которые остаются самым привлекательным инвестиционным пространством для немецких компаний (Табл. 2). Доля Китая в

¹ КНР – внешнеторговый партнёр Германии номер один с 2016 г.

² Рассчитано на основе данных Федерального ведомства по статистике (www.destatis.de).

³ 78% стоимости немецкого экспорта в КНР в 2022 г. формировали следующие пять товарных позиций: «транспортные средства, кроме железнодорожных и трамвайных» – 27,1%; «оборудование, ядерные реакторы, котлы» – 19,6%; «электрическое и электронное оборудование» – 17,7%; «оптическая, фото, техническая, медицинская аппаратура» – 8,9%; «фармацевтическая продукция» – 4,6%. Соответственно, 66,4% импорта из Китая приходилось на «электрическое и электронное оборудование» (31,0%); «оборудование, ядерные реакторы, котлы» (19,0%); «органическая химия» (10,1%); «мебель, световые вывески, быстровозводимые здания» (3,3%); «транспортные средства, кроме железнодорожных и трамвайных» (3,0%). Рассчитано по данным статистической базы ООН *Comtrade*, размещённых на интернет-портале *tradingeconomics.com*.

⁴ Außenhandel mit China im 1. Quartal 2023 um 10,5 % gegenüber dem Vorjahresquartal gesunken. Statistisches Bundesamt. 12.05.2023. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/05/PD23_182_51.html (дата обращения: 30.10.2023).

общем объёме прямых зарубежных капиталовложений ФРГ в 2021 г. составила 7,9% (3,8% в 2010 г.). Среди стран-инвесторов в немецкую экономику КНР – явный аутсайдер, инвестировавший в ФРГ по состоянию на начало 2022 г. всего 7,2 млрд евро (1,2% от всех ПИИ, 0,13% в 2010 г.). Это было существенно меньше по сравнению с лидерами – Люксембургом (в 17,6 раз), Нидерландами (15 раз), США (9,2 раза), Швейцарией – (6,6 раза), Британией (5,6 раза)^{1 2}.

Объём немецких ПИИ в Поднебесной (112,3 млрд евро) – в 15,7 раза выше аналогичных китайских в Германии (7,2 млрд), по обороту предприятий – в 29,8 раза (411,2 млрд против 13,8 млрд), их количеству – в 8,5 раза (2888 / 339 единиц), а по численности занятых на них – гораздо больше: почти в 20 раз (797 тыс. / 40 тыс. человек). Важно, что прирост китайских капиталовложений в ФРГ с 2010 г. по 2021 г. был более динамичным по сравнению с немецкими в КНР – в 4,3 раза против 3,5.

Около двух третей немецких ПИИ (69,5 млрд евро) вложено в обрабатывающую промышленность Поднебесной. В свою очередь 66,9% из них – это три отрасли: автомобилестроение (28,3 млрд), химия (10,2 млрд) и машиностроение (8 млрд евро). 17,2% всех капиталовложений (19,3 млрд) направлены в торговлю/сбыт и техническое обслуживание автомобилей.

Согласно оценкам группы немецких экспертов, в период с 2017 по 2021 гг. годовая прибыль немецких прямых инвесторов в Китае составила от 11 до 15 млрд евро, из которых от 2 до 7 млрд евро были реинвестированы, а от 7 до 11 млрд переведены материнским компаниям в ФРГ, у многих из которых есть иностранные акционеры. Указанная величина прибыли сравнима с той, которую немецкие фирмы получили в США, но значительно меньше аналогичной совокупной величины в ЕС и Британии. Проведённые экспертами опросы среди крупнейших инвесторов Германии выявили тенденцию к росту уровня локализации в Китае, соответственно, к снижению экспорта комплектующих из ФРГ [Gewinne deutscher Investoren in China..., 2023].

¹ Здесь и далее в немецких данных и расчётах автора по прямым инвестициям ФРГ в Китай и из КНР в Германию учтён Гонконг (статистика Бундесбанка (<https://www.bundesbank.de>)).

² Относительно подробную статистику по ПИИ Китая предоставляет исследовательская группа из США *Rhodium Group*, с которой сотрудничает ведущий в Германии китаеведческий Институт *Mercator*. Их данные существенно отличаются от официальных немецких. Например, величина накопленных китайских ПИИ в экономике ФРГ (без Гонконга) за период 2000–2022 гг. оценивалась экспертами этих структур в 32 млрд евро. По этому показателю Германия уступала только Британии (81 млрд), опережая Францию (17 млрд) и Италию (16 млрд) [EV Battery Investments, 2023]. Немецкая консалтинговая компания *Statista* летом 2023 г. на основе своих данных (учитывались только инвестиции свыше 100 млн долл.) опубликовала собственные оценки текущих и накопленных ПИИ Китая в Германии (также без Гонконга). За период с 2007 по 2022 гг. накопленная величина составила примерно 49,5 млрд евро (Muschter R. Kapitalfluss und Kapitalbestand von chinesischen Direktinvestitionen in Deutschland von 2007 bis 2023. Statista. 26.07.2023. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1301465/umfrage/kapitalfluss-und-kapitalbestand-von-chinesischen-direktinvestitionen-in-deutschland/>). Разница с данными германского Федерального банка и *Rhodium Group* – существенная.

Официальная статистика Германии по ПИИ, где основное место занимает база данных Бундесбанка, не отражает всей взаимной инвестиционной активности немецких и китайских инвесторов. По данным торгово-промышленных палат и других групп интересов, количество немецких фирм в КНР и китайских в ФРГ существенно выше. Разница в основном объясняется пороговыми величинами учёта как объёма ПИИ, так и доли участия в капитале компаний¹.

К важнейшим проектам немецких компаний в КНР последних лет в первую очередь относятся инвестиции в производство электромобилей. Китайский рынок считается самым перспективным в мире не только по производству и потреблению электрокаров, но и по их технологическому и инновационному уровню. Ф. Дуденхёффер, директор германского Центра автомобильных исследований (*Center Automotive Research*), убеждён, что Поднебесная в выпуске электромобилей с уникальным программным обеспечением уже стала мировым лидером, который «бесконечно далеко впереди», а немецкие автопроизводители и поставщики «больше не учителя, а студенты Китая»². В китайском автомобильном центре Чанчунь немецкая *Audi* и китайский *FAW* строят завод по производству передовых электрокаров. Инвестиции в проект составляют около 4,53 млрд евро. Эта площадка будет для немецкого партнёра самой продвинутой среди всех его предприятий в мире. К концу 2023 г. начнётся предсерийное производство. В конце 2024 г. будет выпускаться три электрические модели, а годовая мощность составит 150 тыс. автомобилей в год. *BMW* строит фабрику по производству аккумуляторов в городе Шэньян на северо-востоке Китая. Производитель автозапчастей *Hella* объявил в июле 2022 г., что открывает новый завод по производству осветительных приборов в Чанчжоу. В июле 2023 г. *Volkswagen* приобрел 4,99% акций китайского производителя электромобилей *Xpeng* за 700 млн долл. В октябре 2023 г. *Mercedes-Benz Group* (до февраля 2022 г. – *Daimler AG*)³ подписала меморандум о сотрудничестве с *Jinqiao Group* в области автономного вождения и интеллектуального транспорта⁴.

Электромобильная сфера Германии также является одной из самых привлекательных для китайских компаний, особенно в производстве аккумуляторов. Лидерами по строительству крупнейших заводов по их выпуску в ФРГ и миллиардным капиталовложениям являются *CATL* и *Svolt* [*EV Battery Investments*, 2023].

¹ См.: Грачева М.В. Прямые инвестиции развитых стран в ФРГ: анализ статистики германского Федерального банка // Финансы и кредит. № 9, 2014. С. 34–44.

² Prof. Dr. Ferdinand Dudenhöffer: WIN-WIN für Zukunft der deutsch-chinesischen Zusammenarbeit. German people online. 27.10.2023. URL: <http://german.people.com.cn/n3/2023/1027/c209053-20090090.html> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Одними из основных акционеров немецкого концерна в 2022 г. являлись два инвестора из Китая – *BAIC Automotive Group* и частный инвестор, основатель *Geely Holding Group* Ли Шуфу (*Li Shufu*, через *Tenacious Prospect Investment Ltd.*), каждому из которых принадлежало чуть менее 10% его капитала (*China Now Owns 20% of Daimler AG*. 16.12.2021. URL: <https://carspiritpk.com/china-owns-20-of-daimler-ag/> (дата обращения: 30.10.2023)). Весной 2023 г. Ли Шуфу продал свою долю.

⁴ *Deutsche Automobilunternehmen stärken ihre Investitionen in Chinas NEV-Markt*. German people online. 02.11.2023. URL: <http://german.people.com.cn/n3/2023/1102/c209053-20092155.html> (дата обращения: 30.10.2023).

Как в автомобилестроении, так и в других китайских отраслях основными немецкими инвесторами в последние годы стали компании, входящие в биржевой список *DAX*. В условиях снижения инвестиционной активности фирм из других стран ТНК Германии стали одними из главных субъектов ПИИ в экономику КНР. После минимальных (с 2009 г.) вложений в пандемийном 2020 г. (2,5 млрд евро) экспорт германских прямых капиталов в 2021 г. составил 11,0 млрд евро, 9,5 млрд в 2022 г. и 12,0 млрд в период с января по сентябрь 2023 г.¹ Благодаря крупным игрокам, ФРГ вместе с Великобританией и Францией в последние годы уверенно входит в первую тройку прямых инвесторов в народное хозяйство Китая – в 2021 г. на Германию пришлось 15% годового притока ПИИ, в 2022 г. – 24% [EV Battery Investments, 2023]. Немецкие концерны инвестируют не только в производство своей продукции в Поднебесной, но и в торгово-бытовую сеть, которая служит одним из важных каналов продвижения их экспортных товаров. Например, несмотря на рост конкуренции со стороны местных компаний, китайский рынок сбыта остаётся крупнейшим в мире для ведущих автомобильных производителей Германии – *Mercedes-Benz*, *BMW*, *Volkswagen*².

Отдельные немецкие эксперты указывают на необходимость диверсификации не только германского товарного экспорта в Китай, но и немецких прямых капиталовложений, однако не дают рецептов как повлиять на стратегию частных хозяйствующих субъектов³.

Взаимная зависимость экономик

Прежнее руководство немецкого государства осторожно относилось к рискам размежевания и разрыва экономических связей с Китаем. Оно старалось избегать сценария, когда под давлением трансатлантической солидарности (в лице официального Вашингтона) оказалось бы связанным «жесткой блоковой дисциплиной» с неминуемой «расстыковкой» в отношениях с КНР, которая нанесла бы «тяжелый удар по германской экономике» [Зарицкий, 2021]. Аналогичную позицию занял и нынешний кабинет министров, вынужденный учитывать, что в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости за последние десятилетия произошло тесное переплетение ведущих промышленных отраслей Германии с китайскими. Одновременно он принял решение о необходимости снижать экономическую зависимость от КНР и минимизировать связанные с ней народнохозяйственные риски. Делать это официальный Берлин пытается так, чтобы не создавать у Пекина впечатление, что он отказывается от стратегического курса на взаимодействие. Эту задачу в основном решает федеральный канцлер и его Ведомство. Именно они демонстрируют, что Германия не стремится отделяться и отдаляться от Китая, вынужденно сглаживая зачастую не согласованные с ними дипломатические высказывания А. Бербок в адрес китайского руководства.

¹ Китайские ПИИ в ФРГ в этот период составили: 1,6 млрд евро в 2020 г, 2,5 млрд – в 2021 г., 7,8 млрд в 2022 г. и минус 3,8 млрд за первые три квартала 2023 г.

² На эти три концерна, а также *BASF* в период с 2018 по 2021 гг. пришлось 34% стоимостного объёма всех европейских ПИИ в Китай [Schmucker, Wolff, 2022].

³ См., например: Matthes J. (2023) Deutsche Direktinvestitionen in China. Kaum Diversifizierung, IW-Kurzbericht, Nr. 35, Köln. 3 S.

Обе экономики в значительной мере зависят друг от друга в сфере поставок товаров, в первую очередь промежуточных – изделий, узлов, компонентов и т. д. Согласно расчётам научных сотрудников Кёльнского Института германской экономики, доля экспортно-импортных операций в данной товарной группе особенно высока в отраслях по выпуску оборудования для обработки данных, электронной и оптической продукции; электрооборудования; текстиля, одежды и изделий из кожи; производству автомобилей и запчастей к ним; прочего транспортного оборудования; мебели; стекла и керамики; в машиностроении. Средний показатель по немецкой промышленности по доле отраслевого импорта из КНР в общем ввозе товаров этой группы составлял в 2020 г. 6,6%, в общем внутреннем потреблении этих изделий – 2,2%. Средняя доля немецкого отраслевого экспорта промежуточных изделий в КНР в общем объёме вывоза этих товаров в том же году составила более высокую величину – 16,1%, в общем отраслевом экспорте и поставках внутри ФРГ – 7,2% (Табл. 1)¹.

Таблица 1

Переплетение внешнеторговых потоков промежуточных товаров между ФРГ и Китаем в отдельных отраслях немецкой промышленности в 2020 г., %*

Отрасли	Импорт из Китая		Экспорт в Китай	
	1	2	3	4
Оборудование для обработки данных, электронная и оптическая продукция	19,4	6,6	34,4	23,0
Электрооборудование	16,1	5,3	21,7	11,1
Текстиль, одежда, изделия из кожи	13,8	4,6	6,0	2,5
Ремонт и монтаж машин и оборудования	12,4	3,1	4,7	0,5
Мебель и прочие товары	12,2	3,8	16,2	9,1
Машиностроение	10,7	2,8	20,9	10,0
Древесина, пробка и плетёные товары	8,9	1,5	9,0	2,7
Прочее транспортное оборудование	7,4	2,1	20,9	7,3
Стекло, керамика и прочие подобные товары	7,0	1,3	12,4	3,2
Среднеотраслевой показатель	6,6	2,2	16,1	7,2
Автомобили и автозапчасти	6,0	1,6	21,8	8,3
Производство металлоизделий	5,6	1,5	12,9	3,4
Изделия из резины и искусственных материалов	5,5	2,5	10,9	4,5
Печатная продукция	4,5	1,2	6,0	0,5
Химическая продукция	4,1	2,0	13,0	9,8
Производство и обработка металлов	3,2	1,4	12,1	5,6
Бумага и картон	3,0	1,1	4,4	2,0
Продукты питания, напитки, табак	2,7	0,6	9,0	2,8
Фармацевтическая продукция	2,6	1,1	11,4	8,5
Коксование и нефтепереработка	1,8	1,3	6,8	2,7

*Примечания: 1 – доля импорта промежуточных товаров из КНР отрасли в её общем импорте этих изделий; 2 – доля ввезённых из КНР промежуточных товаров отрасли в её общем внутреннем потреблении этих изделий; 3 – доля немецкого экспорта промежуточных изделий отрасли в КНР в её общем вывозе этих изделий; 4 – доля вывоза промежуточных изделий отрасли в КНР в её общем отраслевом экспорте и поставках внутри ФРГ.

Составлено автором по: [Busch, Matthes, Sultan, 2023]

¹ Дополнительные материалы к статье таблицы 2, 3, 4 размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

Взаимозависимость германской и китайской экономик носит ассиметричный характер – Германия в большей степени зависит от рынков сбыта в Китае, нежели он от немецких. Доли КНР в совокупном германском товарном экспорте и импорте (6,7 и 12,8%) существенно выше аналогичных немецких показателей для Поднебесной, равных 3,2 и 4,1%¹. Для Пекина роль ФРГ с точки зрения внешнего спроса на продукцию китайских отраслей и внутреннего спроса на немецкие товары менее значительна. Основным для него является хозяйственное пространство ЕС, объединяющее 27 государств, и с которым в среднесрочной перспективе, с его точки зрения, будет развиваться сбалансированное экономическое взаимодействие. В Германии поставки товаров в Китай обеспечивают работой примерно 1,1 млн человек (в ЕС – 3,5 млн). В КНР благодаря поставкам её продукции в ФРГ занято 4,1 млн работников (в ЕС – 15,7 млн) [Jürgen, 2022].

Берлин особое внимание уделяет импортным товарам группы «критически зависимых от Китая». Он их определяет по трём критериям: актуальность / востребованность для соответствующего производства внутри страны; высокая степень ориентации поставщиков на КНР, соответственно низкая степень их диверсификации по другим странам; наличие / отсутствие возможности замещения отечественными аналогами. Доля таких товаров особенно высока в немецкой химической промышленности – она составляет около 27% всех «критических поставок» в Германию. На электротехническую отрасль приходится примерно 21%, производство транспортного оборудования – 14%, изделий из металла, пластика и электроники – около 8, 7 и 6% соответственно. Среди них выделяются магниты, проекторы, а также аминокислоты и гетероциклические соединения, без которых невозможно производство активных фармацевтических ингредиентов. В целом на промышленные критически важные товары с высокой степенью зависимости от них экономики Германии приходится около 5% всего немецкого импорта. Но даже незначительный дефицит одного из них может оказать негативное влияние на всю цепочку поставок [Baur, Flach, 2022; Sandkamp, 2022; Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft? 2023].

В особой степени это относится к ряду сырьевых продуктов из Китая, зависимость от которых существенно выше по сравнению с промышленными. Например, содержащиеся в постоянных магнитах металлы, включая диспрозий, неодим и празеодим, незаменимы при производстве ветряных генераторов и двигателей для электромобилей. Эти три металла входят в самую высокую группу риска – их закупки возможны только в Поднебесной. Другим примером является лидерство КНР по поставкам сырья и компонентов для производства фотоэлектрических элементов, а также самих солнечных батарей и модулей. Министр Р. Хабек в начале 2023 г. заявил о необходимости восстановления в Германии мощностей по их производству, а также диверсификации поставщиков сырья из других стран. Но, в отличие от промышленных товаров, сделать это в отношении редкоземельных и других дефицитных сырьевых групп достаточно сложно [Germany as a business location, 2023]. Поэтому важная роль отводится вопросам циркулярной экономики и переработке отходов. Берлин поставил задачу содействовать завершению текущих пере-

¹ Annual International Trade Statistics by Country (www.trendeconomy.com)

говоров и ратификации уже подготовленных соглашений ЕС о свободной торговле с рядом государств и их группировками, в т. ч. с МЕРКОСУР, Австралией, Мексикой, Чили, Кенией, Новой Зеландией, Индией, Индонезией и Таиландом, а также возобновить переговоры с Малайзией и Филиппинами [China-Strategie, 2023].

Согласно опросу Мюнхенского *ifo*-Института, проведённого в конце 2021 г. – начале 2022 г. среди 4 тыс. респондентов в обрабатывающей промышленности, импортировали промежуточную продукцию из Китая 46% из них, в т. ч. 11% – со своих предприятий в КНР. У крупных компаний эти показатели составляли 54 и 16%, у средних фирм 38 и 5%, малых – 28 и 2%, соответственно. Результаты опроса отразили субъективную точку зрения руководства компаний, которая отличается от объективных статистических данных. Итоги показали, что особенно высокая зависимость от китайских поставщиков была, по мнению респондентов, у следующих отраслей: автомобильной (75,8%), приборов обработки данных (71,6%), электротехники (70,6%), готовой одежды (64,8%), мебели (64%), текстиля (55,3%), машиностроения (55,2%), фармацевтики (51,8%), химии (41,4%). При этом 45% опрошенных фирм планировали сократить её, 52% сохранить и только 4% увеличить. В снижении преимущественно были заинтересованы химические компании (64%), производители изделий из резины и искусственных материалов (54%), а также машиностроители (47,9%). Среди основных причин предприниматели указали на необходимость диверсификации / снижения рисков зависимости (79,1%), выросшие цены на фрахт (66,3%) и рост проблем с транспортной доставкой (53,7%), политические риски (40,9%), рост производственных издержек (31,5%) и проблемы с качеством (8,9%) [Baur, Flach, 2022].

Альтернативу Китаю немецкие компании видят в первую очередь в европейских странах. Речь также идёт о решоринге и френдшоринге, которые, не исключено, станут вытеснять прежний приоритетный аутсорсинг в Китай. Предприниматели подчёркивают важную роль сферы транспорта и в этом контексте инициативы Евросоюза «Глобальные врата» (*Global Gateway*), в т. ч. направленной на создание своей сухопутной и морской инфраструктурной сети в мире, способной конкурировать с китайским проектом «Пояс и путь» (*Belt and Road Initiative*), особенно в сфере контейнерных перевозок¹. Среди прочего, эксперты считают целесообразным создавать крупные европейские консорциумы судоходных компаний, конкурентоспособных по отношению к уже действующим мировым альянсам. Они также составили список стран, поставки из которых могут содействовать диверсификации импорта из Китая [Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft, 2023].

Мюнхенский *ifo*-Институт по заказу Баварской промышленной ассоциации в 2022 г. провёл исследование о возможных потерях ФРГ в случае экономического конфликта / двусторонних ограничений Евросоюза с Китаем. Оказалось, что в этом случае реальный ВВП ФРГ снизится на 0,81%, т. е. на величину почти в шесть раз превышающую народнохозяйственный ущерб Германии от выхода Великобрита-

¹ Не участвуя в *BRI*, Германия активно взаимодействует с Китаем в его транспортно-логистической поддержке, прежде всего в железнодорожных и морских перевозках. Анализ состояния и перспектив кооперации ФРГ и КНР в рамках этой китайской стратегической инициативы будет рассмотрен автором в отдельной статье.

нии из ЕС, составившей 0,14%. Больше всех пострадают немецкое автомобилестроение (-8,306 млрд долл. добавленной стоимости), машиностроение (-5,201 млрд), производители транспортного оборудования (-1,529 млрд) [Geopolitische Herausforderungen..., 2022]. Результаты других немецких исследований также свидетельствуют о существенных потерях немецкой экономики в случае взаимной «расстыковки» ЕС и КНР [Sandkamp, 2022].

Усиление государственного контроля за прямыми инвестициями в ФРГ

Предыдущий кабинет министров под руководством А. Меркель (2018–2021 гг.) последовательно ужесточал правила проверки иностранных инвестиций, в первую очередь за счёт расширения списка подлежащих контролю секторов и изменения пороговых значений объёма капиталовложений. В середине 2021 г. была принята 17-я поправка к Положению о внешнеэкономическом регулировании (*AWV*), распространившая процедуру контроля на многие гражданские сферы¹.

Новое Федеральное министерство экономики и защиты климата (*BMWK*) под руководством Р. Хабека в 2022 г. провело экспертизу 306 иностранных инвестиционных проектов, из них 37 китайских. Такое же количество / соотношение было в 2021 г. – 306/37 (78/27 в 2018 г., 106/22 в 2019 и 160/27 в 2020 гг.). Наибольший интерес зарубежные компании проявили к сфере информационно-коммуникационных технологий, за которыми с большим отрывом следовали здравоохранение и биотехнология, машиностроение, энергетика, транспорт и логистика, производство автокомпонентов, авиакосмическая отрасль, СМИ, металлургия и продукты питания. Основная часть ежегодных проверок в 2019–2022 гг. приходилась на инвесторов из США – от 30 до 40%. Доля введённых ограничений в общем количестве контролируемых проектов постоянно снижалась – с 12% в 2018 г. до 2% в 2022 г.²

По состоянию на начало осени 2023 г. *BMWK* проверяло 40 заявок инвесторов из других стран, в т. ч. 12 из Китая, 10 из США и пять из ОАЭ. Четыре китайских компании проявили интерес к фирмам машиностроения, две – к сфере ИКТ, столько же – к авиакосмической отрасли, остальные – к секторам здравоохранения, металлургии, СМИ и энергетики. По девяти случаям после предварительного расследования организовано т. н. «углубленное», которое проводится при подозрении на

¹ Межотраслевому инвестиционному скринингу со стороны *BMWK* подлежат все проекты в отраслях, перечисленные в разделах 55-59 *AWV*, и направленные на приобретение пакетов акций / долей в капитале, дающих право на частичный или полный контроль над компанией. Речь идёт об иностранных инвесторах, штаб-квартиры материнских компаний которых зарегистрированы за пределами Евросоюза. См.: Schätzler R. BMWK veröffentlicht Zahlen und Fakten zur Investitionsprüfung in Deutschland. Fieldfisher. 24.01.2023. URL: <https://www.fieldfisher.com/de-de/insights/bmwk-veroeffentlicht-zahlen-und-fakten-zur-investit> (дата обращения: 30.10.2023).

² Investitionsprüfung in Deutschland: Zahlen und Fakten. BMWK. 09.01.2023. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Aussenwirtschaft/investitionspruefung-in-deutschland-zahlen-und-fakten.pdf?__blob=publicationFile&v=18 (дата обращения: 30.10.2023).

наличие возможных рисков и угроз для экономической безопасности. По его итогам министерство имеет право наложить вето на инвестиционную сделку и решением правительства она может быть отменена¹.

Не все попытки министра Р. Хабека и его команды запретить китайские прямые инвестиции в критически важные сферы оказались успешны. В 2021 г. китайская государственная судоходная компания *Cosco* заявила о готовности приобрести 35% капитала компании *Containerterminal Tollerort (CTT)* – одной из важнейшей структур логистического терминала Гамбургского порта, но *BMWK* осенью 2022 г. отклонило заявку. С таким решением не согласился федеральный канцлер и его Ведомство. В итоге был найден компромисс: инвестор из Китая, несмотря на отнесение этого объекта к критически важному, в мае 2023 г. получил право на покупку 24,99% капитала *CTT*. Тем самым, О. Шольц укрепил свои позиции в Пекине как конструктивного партнёра и переговорщика (их основы были заложены в период его работы бургомистром Гамбурга и затем министром финансов в последнем правительстве А. Меркель).

Визит главы Кабинета министров в Пекин в начале ноября 2022 г. стал важным этапом в согласовании спорных позиций в сфере экономической кооперации, которые затем были учтены при подготовке китайской Стратегии и проведении седьмых межправительственных консультаций в Берлине в июне 2023 г. Руководство Китая уделило им особое внимание, понимая, что на фоне происходящих изменений в мире Вашингтон заинтересован не столько в формально заявляемом им «снижении рисков» в европейско-германо-китайских отношениях, сколько в их реальной «расстыковке», которая должна ослабить и геополитического конкурента – КНР, и основного геополитического партнёра – Евросоюз. Такие оценки китайского руководства были вполне обоснованы. Минимум, на что рассчитывала (и по-прежнему рассчитывает) американская администрация – это побуждение руководства Евросоюза и ФРГ к введению более жестких мер против Китая (торговых тарифов, инвестиционных ограничений и усиления экспортного контроля).

Состоявшиеся в очном формате после пандемийного перерыва июньские переговоры на уровне глав правительств, во многом благодаря О. Шольцу, прошли в контексте сближения хозяйственно-политических позиций двух государств, а не расхождения². Тем не менее глава Кабинета министров был подвергнут критике основных немецких СМИ и ряда групп интересов. И для этого есть основания. В Китае по-прежнему сохраняются давно критикуемые немецкими политиками и упоминаемые в Стратегии барьеры для германского бизнеса, в т. ч. нарушения прав интеллектуальной

¹ В середине сентября 2023 г. кабинет министров показательно утвердил решение *BMWK* о запрете поглощения немецкой спутниковой компании *Kleo Connect GmbH* её китайским мажоритарным акционером *Shanghai Spacecom Satellite Technology (SSST)*. Дополнительно к 53% капитала она подала заявку на приобретение у другой немецкой фирмы *EightyLeo* ещё 45%, но разрешения не получила. В том же месяце на обсуждении в бундестаге Стратегии Германии по отношению к Китаю А. Бербок привела этот пример в качестве «лучшей практики» эффективного контроля за инвестициями КНР.

² Помимо консультаций в период с 18 по 23 июня состоялась встреча премьера Госсвета Ли Цяня с президентом ФРГ В.-Ф. Штайнмайером, проведены Форум экономического и технического сотрудничества и круглый стол для предпринимателей.

собственности, патентное пиратство и промышленный шпионаж. Берлин также вынужден учитывать риски для технологического суверенитета Германии, связанные с реализуемой Китаем с 2015 г. стратегией *Made in China 2025*, среди прочего направленной на сокращение зависимости от внешних поставок [Супян, 2015, China-Strategie, 2023]. Министр финансов ФРГ К. Линднер во время очередного Германо-Китайского финансового диалога, очное заседание которого прошло во Франкфурте-на-Майне в начале октября 2023 г., в очередной раз потребовал от китайской стороны снять ограничения для инвестиций немецких кредитно-финансовых институтов в экономику КНР. И в очередной раз такая просьба осталась без ответа.

Что касается упомянутого поражения Р. Хабека в отношении порта Гамбурга, то он решил взять реванш, инициировав ускорение разработки в конце лета 2023 г. законопроекта о защите отечественной инвестиционной сферы (*Investitionsschutzgesetz*). Он призван значительно расширить инструментарий по регулированию прямых капиталовложений фирм, материнские компании которых зарегистрированы за пределами ЕС, а также расширить их отраслевой список. Соответственно, по рекомендации министерства Хабека правительство сможет в большем количестве случаев запрещать сделки с иностранными инвесторами в случае «наличия угрозы общественному порядку или безопасности», особенно в сферах искусственного интеллекта, инфраструктуры, производства и использования чипов.

* * *

При подготовке китайской Стратегии Кабинет министров Германии учёл мнение экспертного сообщества относительно дилеммы «расстыковка – минимизация рисков», подтвердив готовность к сохранению и развитию «вынужденного» штандортного взаимодействия двух стран. Одновременно руководство минэкономики заняло особую позицию, заявив, что при таком курсе следует более внимательно следить за бизнесом отдельных немецких хозяйствующих субъектов, оказавшихся в высокой односторонней зависимости от Поднебесной. Они должны сокращать её и уделять больше внимания своей комплексной экономической безопасности для того, чтобы не подвергать опасности других отечественных игроков, вовлечённых в кооперационные связи с ними. *BMW* готово уменьшать государственную поддержку таких компаний, указывая, что в будущем они будут должны брать на себя всё большую часть рисков, в первую очередь финансовых. Так же считает глава германского внешнеполитического ведомства. Бербок полагает, что собственники бизнеса должны нести полную ответственность за рискованные деловые решения в отношении китайских партнёров.

Очевидно, что именно министр экономики в последующие два года будет заинтересован в усилении личного контроля над китайским внешнеэкономическим вектором ФРГ. С одной стороны, Хабек гарантирует бизнесу, что федеральное правительство продолжит информировать компании о рисках взаимодействия с КНР и даже усилит обмен информацией в этой сфере с руководством наиболее активных из них на китайских рынках, в т. ч. на доверительном уровне. С другой, в целях уменьшения рисков потери отечественных технологических ноу-хау, министр будет после-

довательно усиливать госконтроль за выдачей гарантий на поставки немецких товаров и услуг. Подконтрольные министерству ведомства станут внимательнее изучать наличие в экспортных операциях отечественных чувствительных технологий. Расширится перечень товаров, подлежащих проверке при их экспорте с учётом повышенных требований к кибербезопасности. *BMW* приложит все усилия для скорейшего принятия вышеуказанного Закона о защите инвестиций и станет строже относиться к проверке инвестиционных заявок фирм Китая.

Свой «посильный» вклад в «обеспечение справедливой конкуренции» с китайскими компаниями продолжит вносить А. Бербок. Например, летом 2023 г. в целях снижения внешнеторговых рисков она предложила вводить таможенные пошлины и ограничения против товаров и услуг из КНР. В принципе это совпадает с позицией руководства Еврокомиссии, особенно У. фон дер Ляйен¹.

Нынешний Кабинет министров ФРГ, как и последующие коалиционные правительства, будет придерживаться курса на сохранение стратегических экономических отношений с Китаем. В их основе лежит задача «расстыковки» взаимовыгодной кооперации между Сциллой и Харибдой рисков односторонней зависимости от партнёра, особенно в сфере критически важных товаров и технологий. Берлин (в первую очередь, в лице федерального канцлера и его Ведомства) продолжит учитывать неминуемое противодействие Пекина любым попыткам оказания на него давления, в первую очередь со стороны ЕС. Немецкие политики, включая представителей партии «Союз 90 / Зелёные», будут вынуждены принимать во внимание геополитическое значение нынешнего уровня сотрудничества, сформировавшихся на предпринимательском уровне глобальных производственных цепочек с Китаем и связанные с этим риски негативных последствий возможного расхождения хозяйственных пространств и минимизации кооперации их основных субъектов. Большинство из них осознаёт, что такое развитие событий чревато большими потерями в условиях многоуровневой экономической взаимозависимости.

Согласованная с позицией ЕС китайская Стратегия ФРГ, с одной стороны, учитывает существующую германо-китайскую асимметрию с точки зрения экономической значимости для каждого из штандортов, в рамках которой КНР в качестве хозяйственного партнёра играет для Федеративной Республики более важную роль, чем она для Китая. С другой – Германия наряду с прочими государствами Евросоюза является значимым поставщиком готовых и промежуточных товаров и рынком сбыта

¹ В середине июня 2023 г. ЕК объявила о мерах против использования технологий китайских компаний *Huawei* и *ZTE*. Речь шла о готовности Еврокомиссии внедрять набор инструментов кибербезопасности *5G Toolbox* в свои собственные закупки телекоммуникационных услуг, а также использовать его при распределении финансирования по всем европейским программам. Еврочиновники также призвали применять этот инструментарий в национальных телекоммуникационных сетях. В начале октября Брюссель начал расследование (во многом по инициативе Франции) государственного субсидирования производства китайских электромобилей, что сразу вызвало негативный отклик у Пекина, назвавшего такой шаг неправомерным и предупредившего об адекватной реакции в случае их введения. Немецкие автомобилестроители, принимая во внимание риски ответных мер, встали на сторону китайских партнёров.

для китайской продукции. Это позволит Берлину при поддержке Брюсселя и дальше занимать относительно самостоятельную позицию по отношению к КНР даже в том случае, если Пекин попытается оказывать экономическое давление на государства-члены ЕС с помощью мер торговой политики. При этом федеральному канцлеру и его Ведомству придётся сдерживать стремление зелёных сдвигать сложившийся баланс двусторонней кооперации в сторону конфронтации, включая поддержку анти-китайских инициатив У. фон дер Ляйен и её команды.

В последующие годы немецкое государство усилит внимание к критически важным китайским товарам, особенно сырью. Немецкий бизнес, особенно крупный и средний, продолжит внешнеторговую и инвестиционную кооперацию с китайскими партнёрами, постепенно оптимизируя отношения с ними: укрепляя их с наиболее надёжными и перестраивая с прочими, в т. ч. с помощью компаний из других стран. Рынок Китая останется для экспортно-ориентированных промышленных отраслей Германии одним из основных за пределами Европы. Одновременно будет увеличиваться доля локально ориентированных немецких производств в КНР, что создаёт предпосылки для превращения китайского штандорта в экспортный хаб Германии в Юго-Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б. (2023а) О новой стратегии Германии по отношению к Китаю. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 3(35). С. 16–24. DOI: 10.15211/analytics31620231624
- Белов В.Б. (2023b) Первая в истории Германии комплексная Стратегия национальной безопасности. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 2(34). С. 44–53. DOI: 10.15211/analytics21320234453
- Зарицкий Б. (2021) Германия-Китай: партнеры, конкуренты или системные соперники? *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 2. С. 16–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2021- 65-2-16-28
- Мельникова Ю. (2022) Отношения ЕС и КНР и будущее многополярности. Что выберет Германия? Аналитические статьи РСМД. 30.09. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-es-i-kr-i-budushchee-mnogopolyarnosti-cto-vyberet-germaniya/> (дата обращения: 30.10.2023).
- Супян Н. (2015) Германо-китайские экономические отношения: риски и перспективы. *Современная Германия. Экономика и политика*. Под общ. ред. В.Б. Белова. Издательство «Весь Мир», Москва. С. 370–391.
- Цык А.В. (2019) Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: Актуальные проблемы и новые возможности. *Актуальные проблемы Европы*, № 4. С. 210–228. DOI: 10.31249/ape/2019.04.12
- Baur A., Flach L. (2022) Deutsch-chinesische Handelsbeziehungen: Wie abhängig ist Deutschland vom Reich der Mitte? ifo Schnelldienst, 4, 75. Jahrgang 13. April 2022. P. 56–65.
- Busch B., Matthes J., Sultan S. (2023) Zur Abhängigkeit einzelner Industriezweige von China. IW-Report, No. 5. 37 p.
- China-Strategie der Bundesregierung. Auswärtiges Amt. Berlin. 2023. 64 p.
- EV Battery Investments Cushion Drop to Decade low Chinese FDI in Europe: 2022 Update (2023). Rhodium Group, MERICS. May. 27 p.
- Geopolitische Herausforderungen und ihre Folgen für das deutsche Wirtschaftsmodell (2022) VBW Studie, erstellt vom ifo-Institut. August 2022. 39 p.

Germany as a business location: selected aspects of current dependencies and medium-term challenges (2023). Deutsche Bundesbank. Monthly Report, September 2023. P. 15–35.

Gewinne deutscher Investoren in China – eine erste empirische Bestandsaufnahme (2023). Bertelsmann Stiftung, IW Köln, MERICS, BDI. April. 84 p. DOI 10.11586/2023024

Jürgen M. (2022) Gegenseitige Abhängigkeit im Handel zwischen China, der EU und Deutschland, IW-Report, Nr. 35, Köln. 34 p.

Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft (2023). Verband der bayerischen Wirtschaft. Studie, Oktober.

Sandkamp A. (2022) Reshoring by Decree? The Effects of Decoupling Europe from Global Value Chains. *Intereconomics*. 57(6). P. 359–362. DOI: 10.1007/s10272-022-1087-9

Schmucker C., Wolff G. (2022) Risikomanagement in den europäisch-chinesischen Wirtschaftsbeziehungen. DGAP Policy Brief, 34.

German-Chinese Economic Relations in the Context of Current Geopolitical Challenges

V.B. Belov

Candidate of Sciences (Economics)

Research Director of IE RAS, Chief of Department for countries researches and of Center for German studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Abstract. In July 2023, Germany adopted a long-expected strategy towards China, its most important (along with the United States) non-European partner. One of the main places in the document is dedicated to the economic and political sphere – foreign trade and direct investment. The ruling coalition has set the task of reducing the dependence of the German economic space from the Chinese economy, which coincides with the strategic goal of the European Union. The U.S. administration is also interested in weakening cooperation between Germany and the EU with China. However, this approach of national, European and American politicians contradicts the market interests of German business, which remains focused on comprehensive interaction with companies in China. The author analyzes the current state of German-Chinese economic cooperation and assesses the prospects for its development in the context of current geopolitical challenges.

Key words: Germany, China, USA, European Union, EU, strategy, derisking, decoupling, foreign trade, direct investment

DOI: 10.31857/S0201708323070094

EDN: rzadwi

REFERENCES

Baur A., Flach L. (2022) Deutsch-chinesische Handelsbeziehungen: Wie abhängig ist Deutschland vom Reich der Mitte? *ifo Schnelldienst*, № 4, 75. Jahrgang 13. April 2022, pp. 56–65.

Belov V.B. (2023a) O novoy strategii Germanii po otnosheniyu k Kitayu [On Germany's new strategy towards China]. *Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN*, 3(35), pp. 16–24. DOI: 10.15211/analytics31620231624 (In Russian).

Belov V.B. (2023b) Pervaya v istorii Germanii kompleksnaya Strategiya natsional'noy bezopasnosti [The first comprehensive National Security Strategy in the history of Germany]. *Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN*, 2(34), pp. 44–53. DOI: 10.15211/analytics21320234453 (In Russian).

Busch B., Matthes J., Sultan S. (2023) Zur Abhängigkeit einzelner Industriezweige von China. IW-Report, Nr. 5.

China-Strategie der Bundesregierung. Auswärtiges Amt. Berlin. 2023.

EV Battery Investments Cushion Drop to Decade low Chinese FDI in Europe: 2022 Update (2023). Rhodium Group, MERICS. May.

Geopolitische Herausforderungen und ihre Folgen für das deutsche Wirtschaftsmodell (2022) VBW Studie, erstellt vom ifo-Institut. August 2022.

Germany as a business location: selected aspects of current dependencies and medium-term challenges (2023). Deutsche Bundesbank. Monthly Report, September 2023. pp. 15–35.

Gewinne deutscher Investoren in China – eine erste empirische Bestandsaufnahme (2023). Bertelsmann Stiftung, IW Köln, MERICS, BDI. April. – 84 S. DOI 10.11586/2023024

Jürgen M. (2022) Gegenseitige Abhängigkeit im Handel zwischen China, der EU und Deutschland, IW-Report, Nr. 35, Köln.

Mel'nikova Yu. (2022) Otnosheniya YES i KNR i budushcheye mnogopolyarnosti. Chto vyberet Germaniya? [EU-China relations and the future of multipolarity. What will Germany choose?]. *Analiticheskiye stat'i RSMD*. 30.09. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-es-i-knr-i-budushchee-mnogopolyarnosti-chto-vyberet-germaniya/> (accessed: 30.10.2023). (In Russian).

Neue Beschaffungsmärkte für die bayerische Wirtschaft (2023). Verband der bayerischen Wirtschaft. Studie, Oktober.

Sandkamp A. (2022) Reshoring by Decree? The Effects of Decoupling Europe from Global Value Chains. *Intereconomics*. 57, 2022 · Number 6, pp. 359–362. DOI: 10.1007/s10272-022-1087-9

Schmucker C., Wolff G. (2022) Risikomanagement in den europäisch-chinesischen Wirtschaftsbeziehungen. DGAP Policy Brief, 34.

Supyan N. (2015) *Germano-kitayskiye ekonomicheskkiye otnosheniya: riski i perspektivy* [German-Chinese economic relations: risks and prospects]. *Sovremennaya Germaniya. Ekonomika i politika*. Ed. by V.B. Belov. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, pp. 370–391. (In Russian).

Tsvyk A.V. (2019) Strategicheskoye partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: Aktual'nyye problemy i novyye vozmozhnosti [Strategic partnership between Germany and China at the present stage: Current problems and new opportunities]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*, 4, pp. 210–228. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.04.12

Zaritskiy B. (2021) Germaniya-Kitay: partnery, konkurenty ili sistemnyye soperniki? [Germany-China: partners, competitors or systemic rivals?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 65(2), pp. 16–28. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021- 65-2-16-28

УДК 339.972, 339.977

СБЛИЖЕНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СТРАН ЕС В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

© 2023 **КОНДРАТЬЕВА** Наталья Борисовна

Кандидат экономических наук, доцент

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3

E-mail: nkondratieva@inbox.ru

Поступила в редакцию 15.10.2023

После доработки 24.11.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье проведен анализ межстрановых диспропорций социально-экономического развития в Евросоюзе. Предмет исследования – проверка состоятельности гипотезы о конвергенции (сближении уровней) развития в условиях интеграции. Используются методы графической визуализации данных и статистических расчетов с применением формулы сложных процентов, преобразованной для цели уточнения гипотезы. Это позволяет повысить прогностическую ценность исследований территориальной конвергенции. Графически показано стабильное отставание догоняющих стран от среднего по ЕС уровня благосостояния (ВВП в расчете на душу населения) с незначительным сокращением разрыва в периоды кризисов. Подсчитано количество лет, которое требуется догоняющим странам для достижения среднего уровня, исходя из реальных темпов наращивания благосостояния в период 2004–2022 гг. В целом вероятный период конвергенции догоняющих стран ЕС превышает 25 лет. Большинство из них не способны достичь среднего уровня благосостояния Евросоюза в обозримом будущем даже при гипотетическом дополнительном увеличении финансовой помощи развитию из бюджета ЕС на величину, эквивалентную 1–3% национального ВВП в расчете на душу населения.

Ключевые слова: конвергенция, рост благосостояния, расширение ЕС, формула сложных процентов, страны Центральной и Восточной Европы, страны Южной Европы, Европейский союз

DOI: 10.31857/S0201708323070100

EDN: rzakto

Одна из центральных гипотез в исследованиях европейской интеграции – конвергенция социально-экономического развития стран/регионов. Под конвергенцией понимается сглаживание диспропорций в изучаемой совокупности территорий, или приближение догоняющих территорий к уровню развития благополучных. Для кандидатов и вступивших в Евросоюз стран, по большей части представляющих догоняющий тип экономик, привлекательна перспектива достижения благополучия. Государства – основатели объединения, рассчитывают на повышение устойчивости за счет расширения рыночного пространства. Отсюда востребована идея материальной поддержки догоняющих стран, приверженных интеграционному курсу. Множество эмпирических работ посвящены поиску стимулирующего влияния интеграции. Ряд исследований, выполненных нередко по заказам институтов ЕС [WIIW, 2002; European Commission, 2004], в которых конвергенция рассматривается как привлекательная перспектива членства и как предпосылка устойчивости Союза, проведен на этапах последних волн расширения ЕС и валютной интеграции.

В российской европеистике закрепился взвешенный подход [Кондратьева, 2003; Шишелина, 2017; Бажан, 2019], согласно которому интеграция представляет дополнительные шансы для роста, но порождает значительные риски. Обострение конкуренции участников, в которой проигрывают слабейшие, становится препятствием в сближении уровней развития. «Итоги конвергенции душевого дохода новых членов с основным составом Евросоюза не дают оснований для однозначных положительных выводов. Темп сближения западной и восточной частей ЕС невелик. Создавая возможность для относительной конвергенции, выраженной в процентах, он не обеспечивает сокращения абсолютного разрыва, выраженного в денежных единицах. Методы стимулирования экономического роста работают с гораздо меньшей отдачей в странах догоняющего развития. Влияние региональной интеграции на конвергенцию на практике оказывается более слабым, чем предполагалось при расширении ЕС на восток» [Буторина, 2017: 41–42].

Сейчас тематика представляет интерес в силу возможности проследить интеграционные эффекты на солидных временных отрезках [Žuk, Savelin, 2018; Копуа, 2023]. Приближающееся двадцатилетие вступления в Евросоюз стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) –пятое, или восточное¹, расширение – повод для постановки исследовательских вопросов: сбылись ли прогнозы двадцатилетней давности, в какой мере оправдались надежды стран на повышение благополучия от членства в ЕС, близится ли завершение процесса конвергенции государств третьего, или южного², расширения, способна ли финансовая помощь из фондов региональной политики Евросоюза в обозримой перспективе поднять развитие догоняющих государств–членов до уровня преуспевающих. В статье с помощью визуализации данных и расчетов с применением формулы сложных процентов дополнена гипотеза о конвергенции в ЕС.

¹ Под восточным расширением в статье понимается вступление 13 стран (ЕС-13): в 2004 г. – восьми стран ЦВЕ, Кипра и Мальты, в 2007 г. – Болгарии и Румынии, в 2013 г. – Хорватии.

² Под южным расширением в статье понимается вступление Греции, Испании и Португалии в 1981–1986 гг. (ЕС-3).

Методы оценки

Известны простые методы выявления конвергенции, например анализ дисперсии – снижения разброса показателей относительно среднего значения. Существуют также сложные подходы с построением линий тренда, фильтрацией нежелательных или случайных данных, как правило преследующие прикладные цели. Исследования, проведенные с помощью нестандартных методов, служат основой принятия политических решений и оправдания выбора тех или иных стимулов роста.

Комплексную оценку конвергенции предложил испанский экономист Х. Сала-и-Мартин в 1990-е гг. [Sala-i-Martin, 1996]. Этот метод остается самым распространенным [WIIW, 2002; Yin et al., 2003; Цыркунов, 2010; Захаров, Серединская, 2016]. Он включает тестирование территориальных дисбалансов на наличие так называемых сигма-конвергенции (уменьшение с течением времени отклонения от среднего уровня развития в тестируемой группе стран) и бета-конвергенции (опережающие темпы роста догоняющих стран). Для выявления сигма-конвергенции используют такие показатели, как среднеквадратичное отклонение, индексы Джини, Герфиндаля-Хиршмана, Тейла. Недостаток этих показателей состоит в низкой прогностической ценности громоздких вычислений. Это же касается бета-конвергенции. Проблема заключается в том, что не любые опережающие темпы способствуют конвергенции. Во-первых, в догоняющих экономиках они должны быть достаточными для подтягивания абсолютных показателей (тогда наблюдается безусловная абсолютная сходимость). Во-вторых, в рассматриваемой группе не должно быть стран с чрезвычайно удачными и неудачными траекториями развития. Если индивидуальные траектории сильно различаются, то не исключен рост разброса доходов, внутри группы может произойти поляризация или локальная конвергенция. Эти доводы позволяют авторам [Глущенко, 2012] отнести расчет сигма-конвергенции к несостоятельному инструменту эмпирического исследования.

Для анализа конвергенции наряду со статистическими используют графические методы. Первичный анализ конвергенции в статье проведен с использованием простых графиков. Затем предложен вариант комбинации графического и статистического методов представления данных. Он позволяет ясно оценить влияние темпов роста и региональной политики ЕС на территориальные диспропорции. Комбинация статистических и графических методов – способ приблизить к объективности прогнозные суждения о достижимости догоняющими экономиками относительного благополучия в ЕС и преодолении отставания.

Визуализация данных

Восточное расширение не было самым весомым с точки зрения увеличения территории и населения ЕС, но было самым масштабным по количеству вступивших стран и приумножения территориальных социально-экономических диспропорций. Ускорение темпов роста новых государств–членов благодаря облегчению трансфера капиталов и технологий, наблюдавшееся в годы до и после вступления, вселяло надежду на быстрое сокращение неравенства, укрепляло энтузиазм элит в

выполнении задач, которые ставили интеграционные институты. Согласно прогнозам того времени, новые государства-члены должны были догнать средний по ЕС уровень благосостояния примерно через 25 лет.

Для тестирования межстрановой конвергенции в Евросоюзе используются данные о благосостоянии в базе Евростат за 2004–2022 гг., выраженные показателем реального валового внутреннего продукта в расчете на душу населения (представлены в ценах 2010 г.). В качестве догоняющих рассмотрены 16 стран Центральной, Восточной и Южной Европы, ВВП которых в расчете на душу населения – ниже среднего по ЕС-27.

Графическая визуализация данных не свидетельствует о сближении благосостояния в ЕС в рассматриваемый период, т. е. не обнаруживает сходимости траекторий развития. Основные диспропорции на внушительном временном отрезке остаются примерно прежними, и траектории благосостояния стран примерно параллельны.

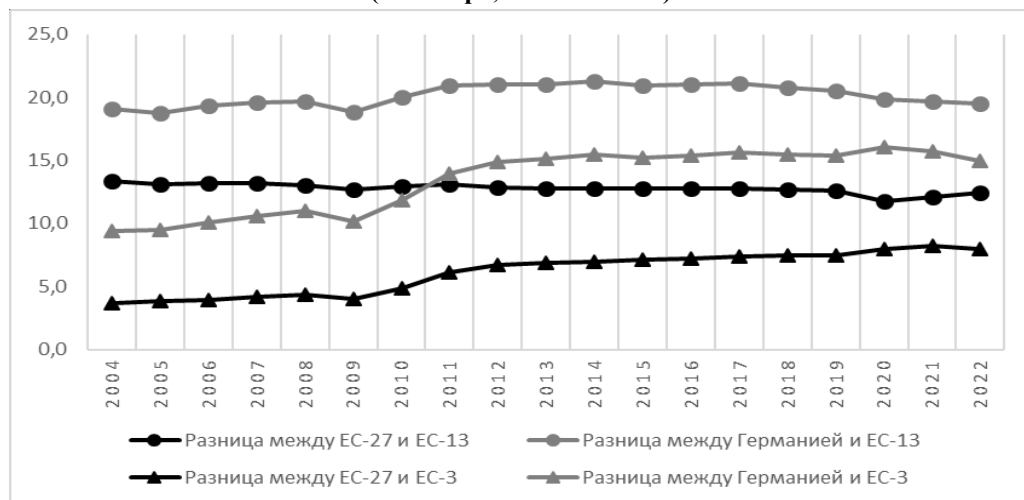
Детальное прослеживание позволяет выявить подъем уровня одних стран и снижение других. Средний по ЕС-27 уровень благосостояния и уровень Германии (использован как пример благополучной страны) поднялись примерно одинаково на 6 тыс. евро. Разрыв между средним по ЕС-27 и нижним уровнем благосостояния (Болгария) за 19 лет увеличился с 19,8 до 21,5 тыс. евро. Немного выросли диспропорции внутри группы догоняющих стран: если в 2004 г. отрыв Испании от Болгарии составил 19,1 тыс. евро, то в 2022 г. лидером стал Кипр, а отставание Болгарии – 19,3 тыс. евро. Кипр и Греция испытали значительные провалы в процессе наращивания ВВП на душу населения. Однако Кипр успел восстановить показатель и, обогнав ближайшего конкурента Испанию, вышел на первое место в группе догоняющих стран. Греция переместилась с третьей позиции на шестую. Мальта, наоборот, – с шестой позиции на третью. Польша – третья с конца в рейтинге благосостояния ЕС (вероятно, самая амбициозная догоняющая страна, которая постоянно привлекает внимание своими проблемами или действиями, идущими в разрез с линией Брюсселя) – поднялась на две позиции, незначительно обогнав Литву и Венгрию. В целом данные показывают стабильность диспропорций в ЕС.

О постоянстве разрыва среднего уровня благосостояния ЕС-13 и ЕС-27 свидетельствует практически горизонтальная траектория на Рисунке 1. Очевидно сокращение несоответствия 13 стран и Германии в кризисные годы, объяснимое сокращением ее доходов от торговли внутри ЕС. Заметно увеличение разрыва между средним по ЕС и уровнем развития стран южного расширения, что говорит о дивергенции.

В гипотезе о конвергенции от догоняющих стран ожидается постоянство высоких темпов роста в условиях интеграции. Однако показатели, опережающие Германию и средние по ЕС-27, продемонстрировали далеко не все догоняющие страны и не во все годы (Рисунок 2). В 2009 г. значительные потери благосостояния понесли страны Балтии, а в 2020 г. – страны южного расширения. Только в 9 из 19 лет рассматриваемого периода темпы роста Греции, Испании и Португалии были выше, чем Германии и средние по ЕС. Темпы роста 13 стран восточного расширения год от года замедляются. Они выше, чем средние по ЕС, за исключением 2009–2010 гг.

Рисунок 1

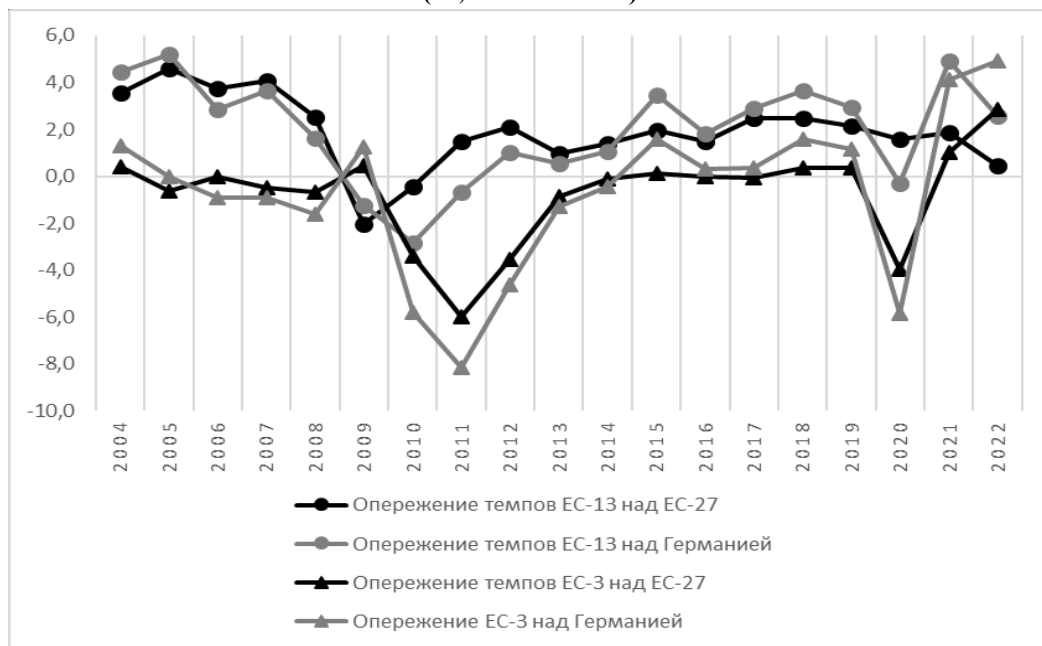
**Диспропорции ВВП в расчете на душу населения в ЕС
(тыс. евро, 2004–2022 гг.)**

Рассчитано автором по: Real GDP per capita. EUROSTAT. Data Browser – Electronic resource. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_08_10/default/table?lang=en (дата обращения: 28.10.2023).

Рисунок 2

**Диспропорции темпов роста ВВП в расчете на душу населения ЕС
(%, 2004–2022 гг.)**

Рассчитано автором по: Real GDP per capita. EUROSTAT. Data Browser – Electronic resource.

Однако благополучные страны (например, Германия) даже при малых процентах роста, как правило, сохраняют абсолютное превосходство. При этом нельзя оценить, смогут ли отстающие догнать преуспевающие только на основании ускоренных темпов роста. Успешным для догоняющей страны можно назвать темп, который позволяет преодолеть отставание на приемлемом временном отрезке. Бессмысленно говорить о возможности успеха, если процесс его достижения превышает 1–2 поколения, т. к. это слишком далекая перспектива.

Скорость и время как ключевые параметры

Для оценки периода достижения догоняющими странам среднего по ЕС уровня используется методика тестирования процесса наращивания прибыли, которая применяется в смежной экономической специальности – финансы и кредит. В долгосрочных финансово-кредитных операциях доход (процентная ставка) часто не выплачивается сразу после начисления, а присоединяется к начальной инвестиции (вкладу или долгу), увеличивая базу для получения новых доходов, т. е. капитализируется. Такое начисление процентов именуется «сложным», а проценты – «сложными процентами». Для выбора приемлемой стратегии размещения денежных средств на депозитах (или взятия денег в кредит) инвесторы используют формулу сложных процентов. Она позволяет сравнить интенсивность наращивания вклада (кредита) при разных значениях базового вложения, процентной ставки, срока вложения и периодичности капитализации. Наращивание дохода географической территории подобно наращиванию банковского депозита. Созданный в течение года доход дополняет базовую величину благосостояния. В конце первого года наращенная величина благосостояния составит сумму базовой величины и его прироста:

$$GDP + GDP \times P = GDP(1 + P), \quad (1)$$

где GDP – начальный уровень благосостояния (ВВП на душу населения), а P – процент прироста благосостояния.

В конце второго года наращивание составит величину:

$$GDP(1 + P) + GDP(1 + P)P = GDP(1 + P)^2, \quad (2)$$

а в конце n года благосостояние достигнет следующей величины:

$$GDP(1 + P)^n \quad (3)$$

Это формула сложных процентов. Для упрощения считаем, что капитализация происходит раз в год (в реальности она происходит ежедневно). Такое допущение приемлемо, т. к. далее в расчетах используется действительный свершившийся процент роста благосостояния, который показала страна за тот или иной год.

Например, по формуле можно узнать, когда страна достигнет целевого уровня благосостояния при определенных темпах роста. Однако о целевом уровне известно только то, с какой скоростью он растет. Отсюда необходимо преобразование формулы, которое может учитывать изменения целевого уровня.

Искомый для цели статьи параметр в исходной формуле – количество лет, которое потребуется для достижения среднего уровня благосостояния. Допустим, что Эстония удерживает высокий темп прироста благосостояния P_{EE} , а ЕС-27 – постоянно низкий P_{EU} . Ситуация, в которой страна достигнет среднего по ЕС-27 уровня, математически записывается следующим равенством:

$$GDP_{EE}(1 + P_{EE})^n = GDP_{EU}(1 + P_{EU})^n \quad (4)$$

Упрощаем его и выводим n :

$$\left(\frac{1 + P_{EU}}{1 + P_{EE}}\right)^n = \frac{GDP_{EE}}{GDP_{EU}} \quad (5)$$

$$n = \log\left(\frac{1 + P_{EU}}{1 + P_{EE}}\right) \frac{GDP_{EE}}{GDP_{EU}} = \frac{\ln\left(\frac{GDP_{EE}}{GDP_{EU}}\right)}{\ln\left(\frac{1 + P_{EU}}{1 + P_{EE}}\right)} \quad (6)$$

Приведенное преобразование формулы сложных процентов подсказано задачами финансовой математики [Четыркин, 1995: 23, 196]. В формуле фигурируют доли, а не проценты прироста. При использовании процентов в расчетах (статистические данные прироста ВВП публикуют в процентах), вместо 1 следует писать 100.

Узнать, когда уровень благосостояния Эстонии достигнет уровня ЕС-27, можно только приблизительно, поскольку темпы роста меняются от года к году. Если страна удерживала бы темп на уровне 10,1%, а средний по ЕС-27 темп оставался бы равен 1,5%, как в 2005 г., то Эстонии понадобилось бы 10 лет для достижения среднего уровня даже с учетом того, что в 2004 г. ее благосостояние было в 2,4 раза ниже среднего. Однако с точки зрения наращивания благосостояния у Эстонии было только два таких года за рассмотренный период.

В Таблице 1 представлены итоги вычислений расчетного времени конвергенции (количество лет) с учетом сочетаний четырех параметров, имевших место в тот или иной год: размера благосостояния догоняющей страны, среднего по ЕС размера благосостояния и темпов их наращивания по отношению к предыдущему году. Для наглядности результаты представлены в виде тепловой карты, где более насыщенным цветом отмечены значения, превышающие 25 лет (75% результатов за рассмотренный период). Неудачные годы (25% результатов), в которых темп роста страны отставал от среднего по ЕС-27, отмечены значением «Н/Д» (т. е. «не догонит» среднестатистический показатель). При условии сохранения темпов 2022 г. вероятный период конвергенции 8 догоняющих стран ЕС превышает 25 лет.

Конвергенция для большинства догоняющих стран ЕС – слишком далекая перспектива. Болгарии, Польше, Португалии и другим догоняющим странам, скорее всего, не суждено достичь среднего уровня благополучия, т. к. за предшествующие 19 лет они не смогли показать достаточных и устойчивых темпов наращивания ВВП. Даже Испания пока не может достичь среднего уровня развития ЕС. Страна

близка к показателю, но с учетом нынешних низких темпов роста может остаться на своем месте¹.

Таблица 1

Вероятный период конвергенции ВВП в расчете на душу населения догоняющих государств–членов со средним по ЕС-27 уровнем с учетом реальных темпов прироста в конкретный год, количество лет

Страна	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Болгария	39	30	42	40	26	90	811	54	70	768	Н/Д	78	73	192	101	47	59	53	143
Чехия	24	12	17	24	39	Н/Д	258	171	Н/Д	502	84	16	78	21	44	43	Н/Д	Н/Д	Н/Д
Эстония	17	10	10	13	Н/Д	Н/Д	138	13	16	35	36	Н/Д	52	21	40	36	11	26	Н/Д
Греция	5	Н/Д	6	65	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	116	Н/Д	15	14
Испания	Н/Д	14	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	69	7	9	107	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	10
Хорватия	47	32	48	38	47	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	873	Н/Д	82	33	48	44	34	Н/Д	8	16
Кипр	5	2	Н/Д	45	5	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	11	4	7	5	4	29	Н/Д	9
Латвия	17	11	11	12	Н/Д	Н/Д	Н/Д	38	11	28	66	34	55	55	29	49	18	Н/Д	Н/Д
Литва	22	15	19	11	28	Н/Д	58	15	15	18	29	92	38	25	24	22	11	Н/Д	Н/Д
Венгрия	32	30	91	Н/Д	99	Н/Д	Н/Д	186	451	39	29	45	106	47	22	23	50	40	43
Мальта	Н/Д	43	Н/Д	32	17	16	14	Н/Д	10	9	8	6	Н/Д	5	27	19	Н/Д	4	13
Польша	44	57	38	27	28	15	126	30	39	84	38	37	67	35	20	27	18	42	25
Португалия	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	26	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	456	75	40	39	38	Н/Д	Н/Д	12
Румыния	19	42	28	25	13	Н/Д	Н/Д	42	40	162	44	81	70	20	25	42	40	126	55
Словения	19	18	16	9	9	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д	31	Н/Д	26	16	15	31	35	13	12
Словакия	32	18	17	10	14	Н/Д	16	42	31	91	58	20	604	608	29	72	23	Н/Д	Н/Д

Насыщенный цвет ячейки: значения превышают 25 лет. Значение «Н/Д» в ячейке: нет данных, т. е. вероятный период отсутствует.

Рассчитано автором по: Real GDP per capita. EUROSTAT. Data Browser – Electronic resource.

Использование формулы сложных процентов демонстрирует, что задача конвергенции требует от догоняющих стран титанических усилий в течение десятилетий. Гипотеза о конвергенции исходит из двух заведомо несбыточных предпосылок: устойчивости роста и феноменального роста. Конвергенция, таким образом, выступает уникальным стечением обстоятельств, а не общим правилом развития.

Эффект политики сплочения ЕС

Брюссель всегда ответственно относился к задаче сокращения разрыва в показателях благосостояния государств–членов, используя для ее решения не только

¹ Феномен замедления темпов, характерный для большинства догоняющих стран мира, был назван «ловушкой среднего дохода» экспертами Всемирного банка в 2007 г.

полномочия в деле обеспечения торгово-экономических ресурсно-сбытовых связей, но и оказывая финансовую и техническую помощь. Цель политики сплочения – связать догоняющие государства-члены с ЕС. Объемы финансовой помощи неуклонно увеличиваются в абсолютном выражении, обеспечивая постоянную дополнительную прибавку к ВВП реципиентов в размере 3%. Без нее темпы роста благосостояния догоняющих экономик были бы еще слабее.

Однако остается вопрос, можно ли ускорить конвергенцию за счет увеличения размера трансфертов в пользу догоняющих стран. Для упрощения будем учитывать средние темпы прироста благосостояния стран в рассматриваемый период как наиболее вероятные и которые можно ожидать в будущем. Расчеты показывают бесперспективность конвергенции (Таблица 2).

Таблица 2

Вероятный период конвергенции ВВП в расчете на душу населения догоняющих государств-членов со средним по ЕС-27 уровнем с учетом среднегодовых темпов прироста в 2004–2022 гг. и гипотетической дополнительной поддержкой из бюджета ЕС

Страна	ВВП/душу, 2004 г., тыс. евро	Среднегодовой прирост благосостояния, %	Период конвергенции, лет	Период конвергенции с учетом доп. поддержки в 1% нац. ВВП/душу, лет	Период конвергенции с учетом доп. поддержки в 2% нац. ВВП/душу, лет	Период конвергенции с учетом доп. поддержки в 3% нац. ВВП/душу, лет
ЕС 27	23,7	1,2	-	-	-	-
Болгария	3,9	3,8	72	52	41	34
Чехия	12,8	2,2	60	31	21	16
Эстония	10,1	3,1	46	30	23	18
Греция	20,7	-0,1	Н/Д	Н/Д	20	8
Испания	23,0	0,5	Н/Д	10	2	1
Хорватия	9,9	2,4	75	41	28	22
Кипр	22,3	1,2	Н/Д	6	3	2
Латвия	7,3	3,9	45	33	26	21
Литва	7,3	4,4	38	29	23	20
Венгрия	9,5	2,5	70	40	28	22
Мальта	14,1	2,8	32	20	15	12
Польша	7,3	4,1	42	32	25	21
Португалия	16,5	1,0	Н/Д	48	21	13
Румыния	5,0	4,5	49	38	31	26
Словения	16,0	2,1	43	21	14	10
Словакия	9,4	3,3	45	31	23	19

Значение «Н/Д» в ячейке: вероятный период конвергенции отсутствует, т. е. страна «не догонит» среднедушевой показатель, т. к. ее усредненные темпы роста в исследуемом периоде отставали от темпа роста ЕС-27.

Рассчитано автором по: Real GDP per capita. EUROSTAT. Data Browser – Electronic resource.

Увеличение размеров трансфертов на столько, чтобы ежегодно обеспечивать дополнительный прирост благосостояния на 1%, не хватит для конвергенции. Если трансферты увеличить на величину, эквивалентную 3% прироста благосостояния, то только 2 страны из 16 – Испания и Кипр – получают шанс достичь среднего уровня благосостояния ЕС-27.

Однако такой масштабный рост трансфертов невозможен. С одной стороны, большее перераспределение обернется для Брюсселя финансовой ловушкой, ведь размер помощи должен будет расти пропорционально росту благосостояния догоняющих стран. С другой – может спровоцировать иждивенчество догоняющих стран и должно сопровождаться дополнительными техническими мерами, направленными на эффективное использование помощи.

Выводы

Анализ показал устойчивость территориальных социально-экономических диспропорций в ЕС. Неоднородность развития – непреодолимая проблема ЕС в перспективе 1–2 поколений из-за недостаточно высоких темпов прироста благосостояния догоняющих стран. Конвергенция останется весьма далекой перспективой даже при увеличении финансовой помощи развитию.

Множество исследований, в которых не найдено убедительного подтверждения сближения уровней развития стран в условиях интеграции, приводит к необходимости дополнить гипотезу о конвергенции догоняющих экономик. Конвергенция – это иллюзия, а не реальная перспектива, т. к. шансы преодолеть отставание крайне низкие. Благополучные страны рассматривают интеграцию в качестве пространства возможностей и инструмента повышения устойчивости и развиваются успешнее не в последнюю очередь за счет догоняющих стран. Популисты, взявшие в расчет примеры первых успешных лет членства в Евросоюзе стран ЦВЕ, исходили из неверной предпосылки о возможности удержания темпов наращивания благосостояния. Спустя почти двадцать лет надежды стран региона на достижение среднедушевого уровня благосостояния ЕС остались несбыточными.

Взвешенный осторожный подход предшествующих исследований территориальной конвергенции в Евросоюзе – дань уважения теориям интеграции, ратующим за ее преимущества для государств-членов, и свидетельство трудностей в восприятии процесса конвергенции и противоречий интерпретации одних и тех же показателей. Часть экспертов считают развитие догоняющих стран быстрым, однако игнорируют падение темпов в кризисы, другая – концентрируется на неустойчивости и потерях и считает развитие медленным. Для оценки удовлетворительности результатов развития догоняющих стран данная статья предлагает рассматривать процесс конвергенции с точки зрения сегодняшнего поколения. Это попытка показать, что темпы роста догоняющих стран ЕС не достаточны для подтягивания к среднему уровню в обозримом будущем.

Вместе с тем иллюзия конвергенции выступает движущей силой развития в ЕС. Стимулом для догоняющих стран являются амбиции экономически активной части общества и финансовая поддержка из бюджета Евросоюза, выплачиваемая в обмен

на приверженность европейской интеграции. Без этого сближение в развитии территорий ЕС было бы менее выраженным. Финансовая помощь удерживает интерес догоняющих стран к объединению, не допускает разрастания диспропорций. Однако ее размер не так велик, чтобы позволить догоняющим странам обрести больше конкурентных преимуществ и ресурсов развития. Таким образом, сохраняется постоянство разрыва уровня развития благополучных и догоняющих членов ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (2019) Экономический рост в ЕС и странах Вишеградской группы. *Современная Европа*. № 7(93). С. 72–81. DOI 10.15211/soveurope720197281.
- Буторина О.В. (2017) Экономическая интеграция и конвергенция. *Европа XXI века. Новые вызовы и риски*. Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. «Нестор-История», Москва. С. 25–42.
- Шишелина Л.Н. (ред.) (2017) *Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. ИЕ РАН, Москва. 138 с.
- Глущенко К.П. (2012) Мифы о бета-конвергенции. *Журнал Новой экономической ассоциации*. Т. 4. № 16. С. 26–44.
- Кондратьева Н. Б. (2003) Сближение социально-экономического развития европейских стран в условиях интеграции – иллюзия или реальность? *Экономическая наука современной России*. № 1. С. 90–98.
- Цыркунов Д. (2010) Тенденции конвергенции и дивергенции в социально-экономическом развитии стран Центральной и Восточной Европы: эмпирический анализ. *Журнал международного права и международных отношений*. № 4. С. 87–94.
- Четыркин Е.М. (1995) *Методы финансовых и коммерческих расчётов*. Дело, Москва. 320 с.
- European Commission (2004) Catching-up, growth and convergence of the new Member States. *European Economy*. No. 4. P. 87–164.
- Konya I. (2023) Catching up or getting stuck: convergence in Eastern European economies. *Eurasian Econ Rev*. No. 13. P. 237–258. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40822-023-00230-2>
- Sala-i-Martin X.X. (1996) The Classical Approach to Convergence Analysis. *The Economic Journal*. Vol. 106. No. 437. P. 1019–1036.
- WIIW (2002) *Transition Countries Face Up to Global Stagnation: Is it Catching?* Research Reports. No. 283. 106 p.
- Yin L., Zestos G.K., Michelis, L. (2003) Economic Convergence in the European Union. *Journal of Economic Integration*. No. 18(1). P. 188–213.
- Žuk P., Savelin L. (2018) Real convergence in Central, Eastern and South-Eastern Europe. *ECB Economic Bulletin*. Issue 3. P. 36–65.

Convergence of the Welfare of EU Countries in the Context of Integration: Hypothesis Testing

N.B. Kondratieva

Candidate of Sciences (Economics)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: nkondratieva@inbox.ru

Abstract. The article analyses intercountry imbalances of socio-economic development in the European Union. The subject of the study is to check the validity of the hypothesis of convergence (rapprochement of levels) of development in the conditions of integration. Methods applied include graphical visualisation of data and statistical calculations using the compound interest formula transformed for the purpose of clarifying the hypothesis.

The proposed method makes it possible to increase the predictive value of the study. The graph shows a stable gap between the catching-up countries and the average level of EU welfare (GDP per capita), with an insignificant reduction during periods of crisis. The number of years required for catching-up countries to pull up to the average level is calculated, taking into account the real growth rates of well-being in the period 2004-2022. The average convergence period exceeds 25 years, which proves its low probability. Most of the catching-up countries are unable to reach the average level of EU welfare in the foreseeable future, even with a hypothetical additional withdrawal of financial development assistance from the EU budget by an amount equivalent to one or two percent of national GDP per capita.

Key words: convergence, welfare growth, EU enlargement, compound interest formula, Central and Eastern European countries, Southern European countries, European Union

DOI: 10.31857/S0201708323070100

EDN: rzakto

REFERENCES

- Bazhan A.I. (2019) Ekonomicheskij rost v ES i stranah Vishegradskoj gruppy [Economic growth in the EU and the Visegrad Group countries], *Sovremennaya Evropa*, 7(93), pp. 72–81. DOI 10.15211/soveurope720197281 (In Russian).
- Butorina O.V. (2017) Ekonomicheskaya integraciya i konvergenciya [Economic integration and convergence], in Gromyko A.I., Fedorova V.P. (ed.) *Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski*. [Europe of the XXI century. New challenges and risks], “Nestor-Istoriya”, Moscow, Russia, pp. 25–42. (In Russian).
- European Commission (2004) Catching-up, growth and convergence of the new Member States, *European Economy*, 4, pp. 87–164.
- Chetyrkin E.M. (1995) *Metody finansovyh i kommercheskih raschyotov* [Methods of financial and commercial calculations.], Delo, Moscow, Russia. (In Russian).
- Glushchenko K.P. (2012) Mify o beta-konvergencii [Myths About Beta-Convergence], *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii*, 4(16), pp. 26–44. (In Russian).
- Kondratieva N.B. (2003) Sblizhenie social'no-ekonomicheskogo razvitiya evropejskih stran v usloviyah integracii – illyuziya ili real'nost'? [Convergence of socio-economic development of European countries in the context of integration – illusion or reality?], *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, 1, pp. 90–98. (In Russian).
- Konya I. (2023) Catching up or getting stuck: convergence in Eastern European economies, *Eurasian Econ Rev*, 13, pp. 237–258. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40822-023-00230-2>
- WIIW (2002) *Transition Countries Face Up to Global Stagnation: Is it Catching?* Research Reports, 283.
- Žuk P., Savelin L. (2018) Real convergence in Central, Eastern and South-Eastern Europe, *ECB Economic Bulletin*, 3, pp. 36–65.
- Sala-i-Martin X.X. (1996) The Classical Approach to Convergence Analysis, *The Economic Journal*, 106(437), pp. 1019–1036.
- Tsyrkunov, D. (2010) Tendencii konvergencii i divergencii v social'no-ekonomicheskom razvitii stran Central'noj i Vostochnoj Evropy: empiricheskij analiz [Trends of convergence and divergence in the socio-economic development of countries of Central and Eastern Europe: an empirical analysis.], *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij*, 4, pp. 87–94. (In Russian).
- Shishelina L.N. (ed.) (2017) *Vishegradskaya chetyorka v Evropejskom soyuze: dilemmy konvergencii* [Visegrad Four in the European Union: Dilemmas of Convergence], IE RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Yin L., Zestos G.K., Michelis L. (2003) Economic Convergence in the European Union, *Journal of Economic Integration*, 18(1), pp. 188–213.

УДК 339.97

РОЛЬ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РАЗВИТИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В ЕС¹

© 2023 **РОГИНКО Сергей Анатольевич**

Кандидат экономических наук

Руководитель Центра экологии и развития, ведущий научный сотрудник

Отдела экономических исследований, Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

Профессор Департамента международного бизнеса

Факультета международных экономических отношений

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2

E-mail: roginko@bk.ru

© 2023 **АБАНИНА Ирина Николаевна**

Кандидат экономических наук, доцент

Департамент международного бизнеса

Факультета международных экономических отношений

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2

E-mail: inabanina@fa.ru

© 2023 **ОГЛОБЛИНА Елизавета Валентиновна**

Кандидат экономических наук, доцент

Департамент мировой экономики и мировых финансов

Факультета международных экономических отношений

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167 Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2

E-mail: eogloblina@fa.ru

Поступила в редакцию 12.09.2023

После доработки 24.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Аннотация. В статье приведены результаты исследования сектора высокотехнологичных малых и средних предприятий (МСП) в Евросоюзе. Цели исследования – выявить особенности динамики их ключевых показателей в периоды нестабильности экономики (2008 – 2023 гг.) и определить позиция стран ЕС по уровню развития сектора высокотехнологичных МСП. В результате разработана методика рейтинговой оценки стран-членов Евросоюза по уровню развития высокотехнологического сектора МСП, которая позволила выявить страны-лидеры и связи масштабов сектора высокотехнологичных малых и средних предприятий и темпов роста предприятий, численности занятых, добавленной стоимости и производительности. Разработан индекс вклада МСП в развитие высокотехнологичных производств и проведена его оценка как для ЕС в целом, так и в страновом разрезе в частности. Индекс позволяет осуществлять мониторинг секторов высокотехнологичных малых и средних предприятий и их способности создавать добавленную стоимость и рабочие места, отслеживать динамику вклада высокотехнологичных МСП в экономику.

Ключевые слова: Европейский союз, малые и средние предприятия, высокотехнологичные производства, рейтинговая оценка, индекс вклада малых и средних предприятий в развитие высокотехнологичных производств.

DOI: 10.31857/S0201708323070112

EDN: rzapbk

Малые и средние предприятия (МСП) вносят значительный вклад в экономику Евросоюза. По итогам 2022 г. 99,8% всех хозяйственных организаций в ЕС составляли компании, классифицируемые как МСП. Общее число малых и средних предприятий – около 24,5 млн компаний, из них 8,5% сосредоточено в промышленности, 15,4% – в строительстве, 23,6% – в торговле, 51,3% – в сфере услуг¹. Большинство МСП являются микропредприятиями (93,5% от всего количества), в то время как доля малых и средних предприятий составляет 5,5 и 0,8% соответственно. На долю всех МСП приходятся 51,8% добавленной стоимости и 66,4% занятых в ЕС². МСП играют важную роль и в развитии высокотехнологического сектора промышленности ЕС. Они являются ключевыми звеньями экономики знаний и Индустрии 4.0. В связи с этим научный интерес представляет динамика развития и поведение предприятий в контексте экономической турбулентности в Евросоюзе с 2008 по 2023 гг.

Объект исследования – высокотехнологичные МСП стран ЕС, относящиеся по методологии Еврокомиссии к отраслям промышленности с высокой и выше средней технологической интенсивностью. Предметом выступают экономические параметры развития высокотехнологичных малых и средних предприятий стран ЕС,

¹ SME Performance Review. EU countries in 2023. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/smes/sme-strategy/sme-performance-review_en (дата обращения: 25.09.2023).

² Там же.

такие как количество компаний, численность занятых, объем добавленной стоимости (по факторным затратам), объем добавленной стоимости в расчете на одного занятого. Цели исследования состоят в определении позиций стран Евросоюза по уровню развития сектора высокотехнологичных МСП и выявлении тенденций их функционирования в периоды нестабильности экономики ЕС.

В ходе исследования применены экономико-статистический анализ, рейтинговая оценка, индексный метод. В статье представлены результаты анализа базы данных Евростат о состоянии малых и средних предприятий в ЕС (*SME Performance Review 2023*), предложена методика рейтинговой оценки стран-членов ЕС по уровню развития высокотехнологического сектора МСП, определены ключевые тенденции экономической динамики высокотехнологичных МСП в 2008–2023 гг. как в Евросоюзе в целом, так и в 27 государствах–членах. Оценен вклад МСП в развитие высокотехнологичных производств на основе индексного метода.

Теоретические основы исследования

МСП в ЕС определяются как предприятия в любой разрешенной организационно-правовой форме, осуществляющие экономическую деятельность и отвечающие определенным критериям по численности персонала, размеру годового дохода или годового баланса. В зависимости от величины малые и средние предприятия разделяют на три категории: средние (до 250 чел., годовой доход – менее 50 млн евро, годовой баланс – менее 43 млн евро), малые (менее 50 чел., менее 10 млн евро, менее 10 млн евро) и микропредприятия (менее 10 чел., менее 2 млн евро, менее 2 млн евро)¹.

Особенностям функционирования МСП в ЕС посвящен широкий спектр научных исследований. Вместе с тем в литературе мало освещены вопросы их участия в развитии высокотехнологичных производств. Кроме того, нет единого определения высокотехнологичных МСП. В научных исследованиях представлены два подхода: по отраслевому признаку и по объему затрат на НИОКР². Например, О. Бюргель, А. Фаер, Г. Лайт и Г. Мюррей определяют высокотехнологичную компанию (стартап) «как юридически независимую компанию не старше десяти лет, работающую в секторах высоких технологий» [Bürgel et al., 2004]. По определению, представленному в работе Х. Хирш-Крайнсена, К. Хана, Д. Якобсена, к высокотехнологичным относятся фирмы, инвестирующие более чем 5% годового оборота в НИОКР [Hirsch-Kreinsen et al., 2008].

¹ Article 2 Commission Recommendation of 6 May 2003 concerning the definition of micro, small and medium-sized enterprises (Text with EEA relevance) (notified under document number C (2003) 1422). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32003H0361> (дата обращения: 15.04.2022).

² Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. – *Прим. ред.*

Настоящее исследование базируется на методологии Еврокомиссии (*European Classification of Economic Activities (NACE Rev. 2)*¹), которая используется Евростатом для агрегирования статистических данных о МСП, относящихся к отраслям промышленности с высокой, выше средней, ниже средней и низкой технологической интенсивностью².

Научные исследования европейских МСП, действующих в высокотехнологичных отраслях, изучают в первую очередь факторы, влияющие на инновационное развитие и становление такого бизнеса [Herte et al., 2021; Hervas-Oliver et al., 2021]. Политика в области инновационного и технологического развития малого и среднего бизнеса в странах ЕС рассматривается в исследованиях как русскоязычных, так и зарубежных авторов [Давыденко, Меречко, 2020; Camagni, Capello, 2013; Capello, Lenzi, 2019; Costantiello et al., 2021]. Представители научного сообщества подробно разбирают состояние инновационной среды и участие в ней МСП в отдельных странах Европы: Германии [Белов, 2016; Ходов, 2017; Зарицкий, 2020], Швейцарии [Белозеров, Заболоцкая, 2021; Mercandetti et al., 2017], странах Скандинавии [Такмашева, Тяглов, 2019; Andersson, L f, 2012], Франции [Кальчук, Ромашкина, 2021].

Из-за важности поддержки МСП и наукоемких фирм исследователи обращают внимание на вопросы государственной поддержки МСП и их инновационной деятельности [Цигелкова и др., 2019]. В работах С. Ребу, С. Де Марко, А. Пустоврха изучается поведение европейских инновационных МСП, анализируются факторы, отличающие высокотехнологичные бизнес-единицы от низкотехнологичных, факторы вовлеченности в открытые инновации, рыночные факторы, влияющие на работу МСП [De Marco et al., 2020; Pustovrh et al., 2017; Reboud et al., 2014].

Для выявления современных позиций и тенденций функционирования высокотехнологичных МСП в странах ЕС в статье предложена методика, основанная на ранжировании стран по показателям развития предприятий в абсолютном выражении, а также по темпам роста этих показателей на основе статистических данных Евростата за период с 2008 по 2023 гг. (в качестве данных 2023 г. использованы прогнозные значения Еврокомиссии). Для нивелирования отклонений, выбывающих из общих трендов, проведено ранжирование по среднегодовым значениям показателей. Анализ проводился в четыре этапа.

1. Составление временных рядов по следующим показателям развития: количество высокотехнологичных малых и средних предприятий, численность занятых в высокотехнологичных МСП, общий объем добавленной стоимости и объем добавленной стоимости в расчете на одного занятого в высокотехнологичных малых и

¹ *European Classification of Economic Activities* – Европейская классификация экономической деятельности. *NACE* - акроним от *Nomenclature statistique des activités économiques dans la Communauté européenne* (Статистическая классификация экономической деятельности в Европейском сообществе). *Rev. 2* – вторая пересмотренная версия. – *Прим. ред.*

² *European Classification of Economic Activities. NACE Rev. 2.1.* URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an3.pdf (дата обращения: 05.09.2022).

средних предприятиях. Эти показатели служат индикаторами развития МСП, поскольку их динамика выражает реакцию на воздействие как внутренних, так и внешних факторов, таких как глобальный финансовый кризис, экономический кризис в национальных экономиках европейских стран, пандемия, изменение конъюнктуры мировых товарных рынков и т. п.

2. Ранжирование стран ЕС по показателям развития МСП в абсолютном выражении.

3. Ранжирование стран ЕС по темпам роста показателей развития высокотехнологичных малых и средних предприятий.

4. Составление итогового рейтинга стран ЕС, учитывающего в совокупности как показатели развития высокотехнологичных МСП в абсолютном выражении, так и темпы их роста.

На каждом этапе были составлены рейтинги стран ЕС, рассчитано среднеквадратическое отклонение по формуле 1:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (\rho_i - \langle \rho \rangle)^2}{n-1}}, \quad (1)$$

где σ – среднеквадратическое отклонение; ρ – место страны в рейтинге по показателю развития i ; $\langle \rho \rangle$ – среднее арифметическое значение места страны в рейтинге по всем рассматриваемым показателям; n – количество показателей, используемых в расчете.

Для выявления степени однородности показателей, входящих в рейтинги, был рассчитан коэффициент вариации по формуле 2:

$$V = \frac{\sigma}{\langle \rho \rangle} * 100 \quad (2)$$

где σ – среднеквадратическое отклонение; $\langle \rho \rangle$ – среднее арифметическое значение места страны в рейтинге по всем рассматриваемым показателям.

При этом коэффициент вариации, превышающий 33%, свидетельствует о проявлении разнонаправленных тенденций в динамике исследуемых показателей, что позволяет сделать выводы об особенностях развития сектора высокотехнологичных МСП в странах ЕС в периоды экономической турбулентности.

Выявление роли высокотехнологичных малых и средних предприятий в странах ЕС проводилось на основе разработанного авторами Индекса вклада МСП в развитие высокотехнологических производств, рассчитываемого по формуле 3:

$$I_{HTSMES} = \frac{\left(\frac{Q_{HTSMES}}{Q_{ENT}} + \frac{E_{HTSMES}}{E_{ENT}} + \frac{VA_{HTSMES}}{VA_{ENT}} \right)}{3} * 100\%, \quad (3)$$

где
– индекс вклада МСП в развитие высокотехнологических производств,
– количество МСП в секторе высокотехнологичных производств,

– общее количество предприятий в секторе высокотехнологичных производств,
– численность занятых в МСП в секторе высокотехнологичных производств,
– численность занятых во всех предприятиях в секторе высокотехнологичных производств,
– добавленная стоимость МСП в секторе высокотехнологичных производств,
– добавленная стоимость всех предприятий в секторе высокотехнологичных производств.

Данный индекс позволяет осуществлять мониторинг как текущего состояния сектора высокотехнологических МСП, так и анализировать его в динамике.

Результаты исследования

МСП представляют значительный сегмент высокотехнологического сектора в европейских странах. В 2022 г. их доля составила 97% от общего количества предприятий в высокотехнологичных отраслях. Доля занятых и доля добавленной стоимости МСП составили 31 и 20% соответственно.

Наибольший удельный вес МСП имеют в сфере производства машин, оборудования, компьютерной, электронной, оптической и химической продукции. Высокотехнологичные малые и средние предприятия составляют более 10% от общего количества всех производственных МСП, на их долю приходится 20% занятых и около 30% добавленной стоимости¹.

Однако после мирового финансового кризиса 2008 г. обозначилась тенденция к стагнации сектора высокотехнологичных МСП. В течение 2008–2023 гг. не отмечается роста количества высокотехнологичных МСП, наблюдается устойчивая тенденция к снижению численности занятых в этом секторе.

Объем добавленной стоимости в целом имеет слабую позитивную динамику, складывающуюся в основном за счет малых и средних предприятий, которые функционируют в отраслях с технологической интенсивностью выше средней. Динамика показателей МСП в этих отраслях отличается волатильностью. Следовательно, предприятия наиболее уязвимы в периоды экономических кризисов, а в условиях стабилизации экономической обстановки восстанавливаются более быстрыми темпами и становятся точками роста производительности. Динамика показателей МСП в отраслях с высокой технологической интенсивностью имеет другую особенность – незначительные колебания и отсутствие роста в рассматриваемом периоде.

Помимо этого, наблюдается разноуровневое развитие сектора высокотехнологичных малых и средних предприятий в страновом разрезе. Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что страны ЕС, отличающиеся большими масштабами сектора высокотехнологичных малых и средних предприятий, уступают по темпам его роста странам с меньшими значениями соответствующих показателей в абсолютном выражении. Результаты ранжирования в отраслях с технологической интенсивностью выше средней позволили выявить схожие тенденции.

¹ SME Performance Review.

Таблица 1

**Ранжирование стран ЕС по показателям развития МСП в отраслях
с высокой технологической интенсивностью**

Страны	Место в рейтинге										Среднеквадратическое отклонение	Коэффициент вариации
	По количеству высокотехнологичных МСП	По среднегодовым темпам роста количества высокотехнологичных МСП	По численности занятых в высокотехнологичных МСП	По среднегодовым темпам роста численности занятых в высокотехнологичных МСП	По объему произведенной добавленной стоимости	По среднегодовым темпам роста объема произведенной добавленной стоимости	По объему произведенной добавленной стоимости в расчете на одного занятого	По среднегодовым темпам роста добавленной стоимости в расчете на одного занятого	Среднеарифметическое значение места в рейтинге	Место в рейтинге на основе ранжирования по среднеарифметическому значению		
Австрия	13	11	11	14	9	9	9	14	11,3	7	2,0	18
Бельгия	15	25	13	12	10	21	10	19	15,6	18	5,1	33
Болгария	20	13	14	18	18	3	27	5	14,8	17	7,4	50
Венгрия	9	27	8	19	15	7	16	10	13,9	14	6,4	46
Германия	1	7	1	9	1	12	12	8	6,4	1	4,5	70
Греция	17	20	19	20	16	20	20	9	17,6	22	3,6	20
Дания	12	8	12	11	8	13	11	15	11,3	8	2,2	20
Ирландия	18	4	17	13	4	25	2	1	10,5	4	8,4	80
Испания	6	17	4	22	5	23	7	21	13,1	11	7,8	60
Италия	2	21	2	23	2	18	5	13	10,8	6	8,5	79
Кипр	26	26	26	1	26	1	21	24	18,9	24	10,4	55
Латвия	22	2	25	10	24	11	23	17	16,8	21	7,8	46
Литва	23	12	20	8	21	2	18	6	13,8	13	7,3	53
Люксембург	27	15	27	27	27	27	1	27	22,3	27	8,9	40
Мальта	25	6	24	2	23	4	22	22	16,0	19	9,4	59
Нидерланды	7	5	7	5	6	17	3	4	6,7	2	4,1	61
Польша	3	3	5	6	11	19	4	3	6,8	3	5,3	78
Португалия	19	18	15	17	14	26	15	25	18,6	23	4,3	23
Румыния	11	22	9	21	17	15	19	16	16,3	20	4,3	26
Словакия	10	1	18	4	19	6	25	26	13,6	12	9,0	66
Словения	21	9	21	7	20	5	17	11	13,9	15	6,2	45
Финляндия	16	14	16	3	12	14	8	20	12,9	10	4,9	38
Франция	5	24	3	27	3	24	6	2	11,8	9	10,4	88
Хорватия	14	23	22	24	22	22	26	12	20,6	26	4,6	22
Чехия	4	16	6	15	13	10	13	7	10,5	5	4,2	40
Швеция	8	19	10	25	7	16	14	18	14,6	16	5,7	39
Эстония	24	10	23	16	25	8	24	23	19,1	25	6,4	34

Составлено по: SME Performance Review.

Итоговое ранжирование стран ЕС проводилось в совокупности по показателям и темпам развития высокотехнологичных МСП на основе среднеарифметического значения места в рейтинге. Результаты расчетов позволили сгруппировать страны ЕС по уровню развития сектора высокотехнологичных МСП, как показано в таблице 2.

Таблица 2

Рейтинг стран ЕС по уровню развития высокотехнологичных МСП

Позиции в рейтинге	В отраслях с высокой технологической интенсивностью	В отраслях с технологической интенсивностью выше средней
Высокие	Германия (1) Нидерланды (2) Польша (3) Ирландия (4) Чехия (5)	Нидерланды (1) Германия (2) Польша (3) Италия (4) Австрия (5)
Выше среднего	Италия (6) Австрия (7) Дания (8) Франция (9) Финляндия (10)	Дания (6) Словакия (7) Франция (8) Литва (9) Ирландия (10)
Ниже среднего	Испания (11) Словакия (12) Литва (13) Венгрия (14) Словения (15)	Испания (11) Швеция (12) Финляндия (13) Чехия (14) Болгария (15)
Низкие	Швеция (16) Болгария (17) Бельгия (18) Мальта (19) Румыния (20) Латвия (21) Греция (22) Португалия (23) Кипр (24) Эстония (25) Хорватия (26) Люксембург (27)	Латвия (16) Словения (17) Эстония (18) Португалия (19) Румыния (20) Венгрия (21) Бельгия (22) Мальта (23) Греция (24) Люксембург (25) Хорватия (26) Кипр (27)

Источник: составлено авторами.

Результаты рейтинговой оценки показывают, что в отраслях с высокой технологической интенсивностью устойчиво лидируют МСП таких стран, как: Германия, Нидерланды, Польша, Ирландия, Чехия, Италия, Австрия, Дания, Франция, Финляндия. В отраслях с технологической интенсивностью выше средней ведущими являются: Нидерланды, Германия, Польша, Италия, Австрия, Дания, Словакия, Франция, Литва, Ирландия.

Индекс вклада МСП в развитие высокотехнологичных производств (рассчитанный по формуле 3) охватывает показатели производств с технологической

интенсивностью высокой и выше средней. Составляющие индекса по странам рассчитывались как доля МСП соответствующей страны в количестве предприятий, численности занятых и добавленной стоимости высокотехнологичных производств в ЕС в целом. Основные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Индекс вклада МСП в развитие высокотехнологичных
производств в 2008–2023 гг., %**

Страны	2008	2012	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЕС (27)	55,18	53,74	52,43	51,08	49,23	48,92	49,02	48,97	48,87	48,87
Австрия	0,93	0,95	0,98	0,96	0,88	0,87	0,87	0,86	0,86	0,88
Бельгия	1,16	1,01	0,95	0,99	0,84	0,99	0,98	0,99	1,02	1,01
Болгария	0,56	0,54	0,59	0,61	0,60	0,59	0,59	0,59	0,59	0,59
Венгрия	1,74	1,27	1,22	1,22	1,19	1,19	1,16	1,17	1,16	1,17
Германия	10,70	11,29	10,87	10,56	10,07	9,97	10,39	10,28	10,16	9,95
Греция	1,16	0,91	0,93	0,91	0,90	0,89	0,88	0,92	0,96	0,97
Дания	0,88	0,91	0,90	0,90	0,87	0,93	0,90	0,89	0,89	0,87
Ирландия	0,72	0,61	0,52	0,57	0,49	0,59	0,59	0,60	0,58	0,61
Испания	4,52	3,98	3,82	3,85	3,64	3,56	3,61	3,57	3,62	3,68
Италия	11,39	11,30	10,83	10,42	9,73	9,58	9,37	9,39	9,34	9,25
Кипр	0,06	0,06	0,06	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05
Латвия	0,11	0,15	0,19	0,19	0,18	0,18	0,18	0,18	0,18	0,19
Литва	0,14	0,15	0,17	0,18	0,18	0,19	0,20	0,21	0,21	0,21
Люксембург	0,04	0,04	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03
Мальта	0,04	0,04	0,04	0,04	0,04	0,04	0,05	0,06	0,06	0,06
Нидерланды	1,95	2,24	2,26	2,28	2,37	2,41	2,40	2,40	2,42	2,46
Польша	2,86	3,06	3,40	3,49	3,90	3,85	3,82	3,80	3,77	3,84
Португалия	1,06	0,93	0,92	0,94	0,92	0,91	0,90	0,93	0,92	0,93
Румыния	1,08	0,97	0,99	0,99	0,96	0,94	0,95	0,94	0,97	0,99
Словакия	0,38	0,82	1,00	1,03	1,17	1,14	1,18	1,16	1,16	1,16
Словения	0,42	0,40	0,42	0,43	0,42	0,42	0,42	0,44	0,44	0,44
Финляндия	0,87	0,85	0,79	0,79	0,76	0,76	0,77	0,78	0,78	0,78
Франция	5,13	4,47	4,27	3,50	3,42	3,33	3,37	3,33	3,30	3,31
Хорватия	0,54	0,04	0,04	0,04	0,04	0,03	0,04	0,04	0,04	0,04
Чехия	4,69	4,81	4,36	4,25	4,14	4,04	3,90	3,94	3,94	3,99
Швеция	1,92	1,92	1,88	1,84	1,44	1,39	1,38	1,39	1,42	1,39
Эстония	0,13	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,03	0,03

Составлено по: SME Performance Review.

Расчеты показали снижение роли МСП в развитии высокотехнологичных производств в ЕС в целом. Об этом свидетельствует убывающая динамика индекса с 55% в 2008 г. до 48% в 2023 г. Эта тенденция характерна для стран, отличающихся наиболее крупным сектором высокотехнологичных МСП в ЕС. К ним можно отнести Германию, Италию, Чехию, Испанию, Францию. Вместе с тем в ряде стран индекс поступательно растет. Этот тренд характерен для стран с относительно крупным сектором МСП, таких как Польша и Нидерланды. В остальных странах индекс вклада МСП в развитие высокотехнологичных производств в Евросоюзе имеет малое значение, а его положительная динамика практически отсутствует.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что сектор европейских малых и средних предприятий в отраслях с технологической интенсивностью выше средней по своим масштабам и темпам роста превалирует над сектором МСП в отраслях с высокой технологической интенсивностью. При этом МСП в отраслях с высокой технологической интенсивностью более устойчивы к проявлениям экономической нестабильности.

Оба сектора в период с 2008 по 2023 гг. находятся в стадии стагнации с точки зрения ключевых экономических параметров: количества активных предприятий, численности занятых, объема произведенной добавленной стоимости. Вместе с тем общая для всего ЕС динамика показателей высокотехнологичных МСП не находит полного отражения в отдельных странах-членах. Применение авторской методики рейтинговой оценки позволило установить позиции стран ЕС по уровню развития высокотехнологичных МСП и выделить страны-лидеры. К ним правомерно отнести следующие: Германия, Нидерланды, Польша, Ирландия, Чехия, Италия, Австрия.

В ходе исследования выявлена следующая закономерность: чем больше масштабы сектора высокотехнологичных МСП, тем ниже темпы роста количества предприятий, численности занятых, добавленной стоимости и производительности. Такая особенность характерна для передовых стран ЕС – Германии, Франции, Италии и др. В странах Центральной и Восточной Европы исследуемые показатели демонстрируют более высокие темпы роста. Оценка вклада МСП в развитие высокотехнологичных производств проводилась путём расчета сводного индекса, значение которого для всего ЕС снизилось с 55% в 2008 г. до 48% в 2023 г. в ЕС в целом. Следовательно, несмотря на значительные масштабы сектора МСП, его вклад в развитие высокотехнологичных производств в ЕС постепенно снижается.

Преимуществом представленного в статье индекса вклада МСП в развитие высокотехнологичных производств в ЕС является простота его расчета, возможность использовать данные государственной статистики. Индекс позволяет осуществлять мониторинг секторов высокотехнологичных МСП, а также их способности создавать добавленную стоимость и рабочие места как по отдельным странам, так и по группам стран. В России индекс может применяться в аналитических целях в качестве дополнения к Индексу роста МСП, разработанного Институтом экономики

роста им. П.А. Столыпина, а также для анализа текущего состояния сектора МСП с целью разработки мер государственной поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б. (2016) Новая парадигма промышленного развития Германии – стратегия «Индустрия 4.0». *Современная Европа*. № 5. С. 11–22. DOI: 10.15211/soveurope520164146
- Белозеров С.А., Заболоцкая В.В. (2021) Государственное стимулирование инновационной деятельности в Швейцарии и России. *Современная Европа*. № 1. С. 108–120. DOI: 10.15211/soveurope12021108120
- Давыденко Е.Л., Меречко Е.С. (2020) Инновационная деятельность европейских стран с малой экономикой. *Белорусский экономический журнал*. № 1. С. 56–66.
- Зарицкий Б.Е. (2020) Проблемы и перспективы малого и среднего бизнеса в Германии. *Вестник МГИМО-Университета*. № 13. С. 133–152. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-133-152
- Кальчук А.Ю., Ромашкина В.А. (2021) Особенности развития малого и среднего предпринимательства во Франции. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. № 1. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-4
- Такмашева И., Тяглов С. (2019) Инновационное развитие предпринимательского сектора: опыт скандинавских стран. *Современная Европа*. № 4. С. 60–73. DOI: 10.15211/soveurope420196072
- Ходов Л.Г. (2017) Как финансируются стартапы в Германии? *Современная Европа*. № 5. С. 86–92.
- Цигелкова Е., Платонова И.Н., Фролова Е.Д. (2019) Компаративный анализ поддержки малых и средних предприятий ЕС и Китая в целях повышения создаваемой ими добавленной стоимости. *Экономика региона*. Т. 15. № 1. С. 256–269. DOI: 10.17059/2019-1-20
- Andersson M., L f H. (2012) Small business innovation: firm level evidence from Sweden. *The Journal of Technology Transfer*. No. 37. P. 732–754.
- Bürgel O., Fier A., Licht G., Murray G. (2004) *The Internationalisation of Young High-Tech Firms: An empirical analysis*. Physica Heidelberg, Heidelberg, Germany. 292 p. DOI: 10.1007/978-3-7908-2702-6
- Camagni R., Capello, R. (2013) Regional innovation patterns and the EU regional policy reform: toward smart innovation policies. *Growth and Change*. No. 44. DOI: 10.1111/grow.12012
- Capello R., Lenzi C. (2019) Structural dynamics of regional innovation patterns in Europe: the role of inventor's mobility. *Regional Studies*. Vol. 53(1). DOI: 10.1080/00343404.2017.1379600
- Costantiello A., Laureti L., Leogrande A. (2021) The SMEs Innovation in Europe. *Proceedings of the 3rd International Conference on Finance, Economics, Management and IT Business (FEMIB 2021)*. DOI: 10.13140/RG.2.2.26543.87209
- De Marco C.E., Martelli I., Di Minin A. (2020) European SMEs' engagement in open innovation. When the important thing is to win and not just to participate, what should innovation policy do? *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 152. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.119843.
- Herte D.A., Dianu D., Ciucos M., Badulescu D., Badulescu A. (2021) SMEs and Innovation in The European Context. *Journal of Innovation Management in Small & Medium Enterprises*. Vol. 2021. DOI: 10.5171/2021.238722
- Hervas-Oliver J.L., Parrilli M.D., Rodriguez-Pose A., Sempere-Ripoll F. (2021) The drivers of SME innovation in the regions of the EU. *Research Policy*. Vol. 50. Issue. 9. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104316

Hirsch-Kreinsen H., Hahn K., Jacobsen D. (2008) The Low-tech Issue. *Innovation in Low-Tech Firms and Industries*. Cheltenham. Ed. by H. Hirsch-Kreinsen, D. Jacobsen. Edward Elgar. P. 3–24.

Mercandetti F., Larbig C., Tuozzo V. (2017) Innovation by Collaboration between Startups and SMEs in Switzerland. *Technology Innovation Management Review*. Vol. 7. Issue. 12. DOI: 10.22215/timreview/1125.

Pustovrh A., Jakli M., Martin S.A., Ra kovi M. (2017) Antecedents and determinants of high-tech SMEs' commercialisation enablers: opening the black box of open innovation practices. *Economic Research – Ekonomika Istraživanja*. Vol. 30. Issue. 1. DOI: 10.1080/1331677X.2017.1305795.

Reboud S., Mazzarol T., Soutar G. (2014) Low-tech vs high-tech entrepreneurship: A study in France and Australia. *Journal of Innovation Economics & Management*. No. 14. P. 121–141. DOI: 10.3917/jie.014.0121.

The Role of Small and Medium Enterprises in the Development of High-Tech Production in the European Union

S.A. Roginko

Candidate of Sciences (Economics)

*Head of Centre for Environment and Development, Leading Researcher
of Economic Research Department, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

Professor, Department of International Business, Faculty of International Economic Relations

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993

E-mail: roginco@bk.ru

I.N. Abanina

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor

Department of International Business, Faculty of International Economic Relations

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993

E-mail: inabanina@fa.ru

E.V. Ogloblina

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor

Department of World Economy and World Finance, Faculty of International Economic Relations

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993

E-mail: eogloblina@fa.ru

Abstract. The article studies high-tech SME sector in the European Union with the aim to trace its dynamics over the period of macroeconomic instability (from 2008 to 2023) and to rank EU Member States by the economic progress of their high-tech SME sector. Scholars have written much about SMEs and their role in national economies. What they

have largely disregarded so far is the SMEs' contribution to the high-tech industries. In this paper with the help of qualitative methods we shed light on the relationship between the high-tech SME sector size and the dynamics of its key variables: number of enterprises and employees, added value and productivity. We have developed a composite index of SMEs' contribution to the economic development of high-tech industries and calculated it both for the whole EU and for its Member States. The proposed index has at least two useful qualities: it is easily calculated and it allows to employ public statistics data. This article finds that the sector of European SMEs in industries with above-average technological intensity surpasses by its scale and growth rates the similar sector in industries with high technological intensity. However, the latter demonstrates higher resilience in the times of economic instability.

Key words: European Union, small and medium-sized enterprises, industries with high technological intensity, rating score, index of the contribution of small and medium-sized enterprises to the development of high-tech industries

DOI: 10.31857/S0201708323070112

EDN: rzapbk

REFERENCES

- Belov V.B. (2016) Novaya paradigma promyshlennogo razvitiya Germanii – strategiya «Industriya 4.0» [A new paradigm of industrial development in Germany – the strategy "Industry 4.0"], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 11–22. DOI: 10.15211/soveurope520164146 (In Russian).
- Belozerov S.A., Zabolotskaya V.V. (2021) Gosudarstvennoe stimulirovanie innovatsionnoi deyatel'nosti v Shveitsarii i Rossii [State stimulation of innovation activity in Switzerland and Russia], *Sovremennaya Evropa*, 1, pp. 108–120. DOI: 10.15211/soveurope12021108120 (In Russian).
- Davydenko E.L., Merechko E.S. (2020) Innovatsionnaya deyatel'nost' evropeiskikh stran s maloi ekonomikoi [Innovative activity of European countries with small economies], *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, 1, pp. 56–66 (In Russian).
- Zaritskii B.E. (2020) Problemy i perspektivy malogo i srednego biznesa v Germanii [Problems and prospects of small and medium-sized businesses in Germany], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 13, pp. 133–152. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-133-152 (In Russian).
- Kal'chuk A.Yu., Romashkina V.A. (2021) Osobennosti razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva vo Frantsii [Features of the development of small and medium-sized businesses in France], *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 1. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-4 (In Russian).
- Takmasheva I., Tyaglov S. (2019) Innovatsionnoe razvitie predprinimatel'skogo sektora: opyt skandinavskikh stran [Innovative development of the business sector: the experience of the Scandinavian countries], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 60–73. DOI: 10.15211/soveurope420196072. (In Russian).
- Khodov L.G. (2017) Kak finansiruyutsya startapy v Germanii? [How are startups funded in Germany?], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 86–92. (In Russian).
- Tsigelkova E., Platonova I.N., Frolova E.D. (2019) Komparativnyi analiz podderzhki malyykh i srednykh predpriyatii ES i Kitaya v tselyakh povysheniya sozdavaemoi imi dobavlennoi stoimosti [Comparative analysis of support for small and medium-sized enterprises The EU and China in order to increase the added value they create], *Ekonomika regiona*, 15(1), pp. 256–269. DOI: 10.17059/2019-1-20 (In Russian).

Andersson M., Lof H. (2012) Small business innovation: firm level evidence from Sweden, *The Journal of Technology Transfer*, 37, pp. 732–754.

Bürgel O., Fier A., Licht, G. and Murray G. (2004) *The Internationalisation of Young High-Tech Firms: An empirical analysis*, Physica Heidelberg, Heidelberg, Germany. DOI: 10.1007/978-3-7908-2702-6

Camagni R., Capello R. (2013) Regional innovation patterns and the EU regional policy reform: toward smart innovation policies, *Growth and Change*, 44. DOI: 10.1111/grow.12012

Capello R., Lenzi C. (2019) Structural dynamics of regional innovation patterns in Europe: the role of inventor's mobility, *Regional Studies*, 53(1). DOI: 10.1080/00343404.2017.1379600

Costantiello A., Laureti L., Leogrande A. (2021) *Proceedings of the 3rd International Conference on Finance, Economics, Management and IT Business (FEMIB 2021)*. DOI: 10.13140/RG.2.2.26543.87209

De Marco C.E., Martelli I., Di Minin A. (2020) European SMEs' engagement in open innovation. When the important thing is to win and not just to participate, what should innovation policy do?, *Technological Forecasting and Social Change*, 152. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.119843.

Herte D.A., Dianu D., Ciucos M., Badulescu D., Badulescu A. (2021) SMEs and Innovation in The European Context, *Journal of Innovation Management in Small & Medium Enterprises*, 2021. DOI: 10.5171/2021.238722

Hervas-Oliver J.L., Parrilli M.D., Rodriguez-Pose A., Sempere-Ripoll F. (2021) The drivers of SME innovation in the regions of the EU, *Research Policy*, 50(9). DOI: 10.1016/j.respol.2021.104316

Hirsch-Kreinsen H., Hahn K., Jacobsen D. (2008) The Low-tech Issue, in Hirsch-Kreinsen H., Jacobsen D. (ed.) *Innovation in Low-Tech Firms and Industries*. Cheltenham, Edward Elgar, pp. 3–24.

Mercandetti F., Larbig C., Tuozzo V. (2017) Innovation by Collaboration between Startups and SMEs in Switzerland, *Technology Innovation Management Review*, 7(12). DOI: 10.22215/timreview/1125

Pustovrh A., Jakli M., Martin S.A., Rakovi M. (2017) Antecedents and determinants of high-tech SMEs' commercialisation enablers: opening the black box of open innovation practices, *Economic Research - Ekonomska Istraživanja*, 30(1). DOI: 10.1080/1331677X.2017.1305795.

Reboud S., Mazzarol T., Soutar G. (2014) Low-tech vs high-tech entrepreneurship: A study in France and Australia, *Journal of Innovation Economics & Management*, 14, pp. 121–141. DOI: 10.3917/jie.014.0121.

УДК 327

ИНТЕРЕСЫ ЕС В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ И АРКТИКЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ¹

© 2023 ПЛЮСНИН Роман Михайлович

Кандидат экономических наук

Научный сотрудник Отдела страновых исследований Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

E-mail: senterix@yandex.ru

© 2023 СКРИПКА Иван Романович

Младший научный сотрудник Отдела страновых исследований

Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

E-mail: iv.skripka@yandex.ru

© 2023 ЛЕСНОЙ Денис Станиславович

Младший научный сотрудник Отдела страновых исследований

Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

E-mail: dlesnoygorbachev@gmail.com

Поступила в редакцию 03.10.2023

После доработки 10.11.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье рассмотрены действия Евросоюза в Арктике и Северной Европе с точки зрения невоенных угроз безопасности для России. Основные источники информации о потенциальных угрозах – Арктическая стратегия ЕС и аналогичные документы отдельных стран Северной Европы. Проанализированы заявления политиков и общественных деятелей, а также действия в отношении России. Сделан вывод, что уже предпринятые ЕС шаги в Арктике и Северной Европе не представляют серьезной угрозы для безопасности России. Большинство способов давления на Москву уже было использовано, а новые санкции окажут негативное воздействие на предпринимающие их государства и территории региона. Тем не менее распространение и признание на мировом уровне ев-

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

ропейских нормативов в сфере охраны природы, добычи полезных ископаемых и зеленой энергетики могут негативно повлиять на российскую экономику. Кроме того, существуют риски в случае введения санкций со стороны Фарерских островов и блокады Норвегией архипелага Шпицберген.

Ключевые слова: Россия, ЕС, Арктика, Северная Европа, безопасность

DOI: 10.31857/S0201708323070124

EDN: rzczyx

С началом специальной военной операции на Украине (СВО) обострились отношения России с европейскими государствами. Страны Северной Европы не стали исключением. Наряду с вводом санкций правительства государств Северной Европы стали экстренно сворачивать взаимоотношения с Россией во всех сферах. Действия этих стран были синхронизированы независимо от членства в ЕС¹. Исключением стали Фарерские острова, которые ограничено включились в санкционную политику только в мае 2022 г. [Плюснин, 2023].

Государства-члены ЕС и Россия участвуют в ряде региональных и международных платформ для диалога и сотрудничества. Однако после событий февраля 2022 г. западные страны осудили Москву и разорвали или приостановили значительную часть контактов в Арктическом регионе. На Западе сформировался альянс, направленный на исключение России из всех возможных институциональных структур или ограничение ее участия в них. В связи с этим важно проанализировать, насколько действия европейских стран создают невоенные угрозы безопасности для России в Арктике и Северной Европе.

Интересы России и ЕС в Арктике

Евросоюз присутствует в Арктике за счет входящих в объединение арктических государств – Финляндии и Швеции. Норвегия и Исландия являются частью Европейской экономической зоны (ЕЭЗ). Дания через Гренландию и Фарерские острова также считается арктическим государством, однако эти территории не входят в ЕС и ЕЭЗ. Шесть государств-членов Евросоюза – наблюдатели в Арктическом совете (АС) и проводят независимую арктическую стратегию/политику.

Последняя редакция Арктической стратегии ЕС «Совместное сообщение о более активном участии ЕС в создании мирной, устойчивой и процветающей Арктики» вышла в 2021 г.² В документе перечислены основные интересы и цели объединения в регионе: многостороннее сотрудничество, устойчивое развитие и решение экологических проблем. Евросоюз считает изменение климата наиболее серьезной угрозой для Арктики и признает 2020-е гг. решающими для достижения целей в борьбе с

¹ Государствами-членами ЕС являются Дания, Швеция, Финляндия.

² A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic. European Commission. 13.10.21. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

климатическим кризисом и кризисом биоразнообразия. Для решения этих проблем Брюссель использует два ключевых курса: «Европейский зеленый курс» и «Устойчивая синяя экономика». Однако экологические вызовы выходят за пределы национальных границ и требуют эффективного регионального и многостороннего сотрудничества, что признано в программном документе. В документах по арктической политике 2021 г. ЕС определяет себя как геополитическую державу и крупного экономического игрока в Арктике. Интересы России – крупнейшей арктической державы – пересекаются с интересами Евросоюза в регионе, что может выступать почвой для противоречий и конфликтов.

В рамках европейского регионального сотрудничества в Арктике и Северной Европе прекращена деятельность с участием России, несмотря на то что соответствующие структуры не были демонтированы. К таким площадкам относятся Конференция парламентариев Арктического региона, Северное измерение, Университет Арктики, Совет государств Балтийского моря, Арктический форум береговой охраны, Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). В структурах, где приостановка или замораживание деятельности были невозможны из-за формата организации, например в Арктическом экономическом совете, было опубликовано заявление с осуждением России. В организациях, членом которых был СССР, таких как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Северный форум, Всемирная ассоциация мэров зимних городов, РФ продолжает участвовать.

11 сентября 2023 г. Россия вышла из СБЕР, поскольку Финляндия не подтвердила запланированную на октябрь того же года передачу председательства России¹. Лидеры стран Северной Европы находят в прекращении сотрудничества не только негативные последствия, но и поводы для умеренного оптимизма. По словам бывшего министра иностранных дел Финляндии Пекки Хаависто, «украинский кризис привел к остановке всей деятельности по сотрудничеству с государственными учреждениями в России и очень затруднил сотрудничество между людьми. Однако он не положил конец сотрудничеству между Финляндией, Норвегией, Швецией, Данией, Исландией и другими членами ЕС». Более того, он подчеркнул, что «Баренцево сотрудничество пережило период возрождения, который активизировал деятельность остальных членов, которые стали в большей степени, чем раньше, привержены углублению и укреплению сотрудничества в регионе»².

В то же время звучат слова о том, что диалог с Россией рано или поздно продолжится. Например, Томас Винклер, представитель Дании в АС, во время пресс-конференции, посвященной членству РФ в организации, сказал следующее: «Мы держим дверь приоткрытой, потому что Россия по-прежнему является членом Совета. Даже если мы не сможем с ней сотрудничать. Так что все зависит от России.

¹ Лавров С.В. Россия выходит из Совета Баренцева/Евроарктического региона. ТАСС. 18.09.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18776737> (дата обращения: 16.10.23).

² Ebvarlsen A. Finland's MFA: The Barents Cooperation Has Had a Renaissance. High North News. 06.03.2023. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/finlands-mfa-barents-cooperation-has-had-renaissance> (дата обращения: 05.11.2023).

Когда Россия изменит свое поведение, первый пункт, где мы возобновим сотрудничество с ней, – это Арктика»¹.

В Северной Европе создаются значительные риски для всех сторон, поскольку на Крайнем Севере пересекаются интересы разных стран. Такие вопросы, как климатические и экологические проблемы, морские маршруты и права коренных народов, являются трансграничными.

Основной пункт разногласий с РФ в Арктике – позиция ЕС в отношении разработки углеводородов. Для решения проблем, возникающих в связи с изменением климата, Брюссель с помощью экологического законодательства стремится сохранить углеводороды в земле, среди прочего в арктических регионах². В сочетании с Европейским зеленым курсом ЕС намерено включить Арктику с помощью «мягкой силы» в сферу регулирования объединения под предлогом экологической политики. Евросоюз стремится ограничить возможности стран по разработке ресурсов, которых у ЕС нет, поскольку ни один из его членов не имеет значительных перспектив разработки углеводородов в регионе. При этом Брюссель не призывает останавливать другие отрасли промышленности, сильно загрязняющие окружающую среду, такие как горнодобывающая (минеральные ресурсы в арктической Швеции значительны), а также не упоминает План действий ЕС по критическому сырью, который «направлен на обеспечение устойчивого и надежного снабжения промышленности ЕС критическим сырьем» и считается необходимым для энергетического перехода³.

Как отмечает Д.С. Тимошенко, проблема изменения климата играет в документе центральную роль, а борьба за экологию – это способ реализации геополитических амбиций ЕС в Арктическом регионе. Характер применяемых мер будет определять основные вызовы для интересов России [Тимошенко, 2021]. Такие механизмы, как трансграничный налог на выбросы углерода, который Евросоюз намерен внедрить, окажет прямое влияние на коммерческую привлекательность российских природных ресурсов для европейского рынка [Бажан, Рогинко, 2020]. В сочетании с нынешним санкционным режимом ЕС сделает их полностью недоступными для стран-членов.

Фокус Евросоюза на климатической повестке и ограничительные рекомендации для арктических стран вызвали реакцию официальных представителей российской стороны. 21 октября на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин заявил, что Арктическая стратегия ЕС ограничивает суверенное право распоряжаться своей территорией, и назвал попытку обойти международно-признанные документы покушением «с негодными сред-

¹ Krog A. Ambassadør: Rusland er uundværlig i det arktiske samarbejde. Altinget. 06.06.2022. URL: <https://www.altinget.dk/artikel/ambassadoer-rusland-er-uundvaerlig-i-det-arktiske-samarbejde> (дата обращения: 06.11.2023).

² A stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic. European Commission. 13.10.21. P. 10. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

³ Там же. P. 9-10.

ствами»¹. Он также отметил, что «в вопросе развития Арктики Россия выражает готовность выстраивать отношения со всеми государствами мира, в том числе и с ЕС, на базе международно-признанных документов и норм международного права. Что касается угрозы ЕС запретить своим странам покупать арктические углеводороды, то это может привести лишь к очередным спекуляциям на энергетических рынках Европы». Заместитель председателя правительства РФ А.В. Новак выразил уверенность, что именно наука – это сфера беспристрастного, конструктивного и эффективного содействия задачам декарбонизации мировой экономики и энергетики. Он отметил, что РФ всегда выступала за развитие многостороннего и двустороннего взаимовыгодного энергетического сотрудничества. Член комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета В.В. Полетаев заявил, что планы ЕС – это неприкрытая попытка вмешательства во внутреннюю политику арктических государств. Евросоюз, как политическое объединение, не имеет права диктовать, как действовать странам региона на собственной территории².

С критикой идеи «закопать ресурсы в землю» выступил посол по особым поручениям МИД РФ, председатель комитета старших должностных лиц Арктического совета Николай Корчунов. По его словам, отказ от добываемых в Арктике нефти и газа в целом чреват подрывом устойчивости глобального энергетического рынка. Это может привести к гораздо более серьезным потрясениям по сравнению с теми, которые мы наблюдаем в настоящее время в европейской энергетической сфере. «Очевидно, что надо идти не по пути искусственных ограничений нефте- и газодобычи, а по пути обеспечения ее устойчивого характера», – подчеркнул он на пленарной сессии «Энергия Арктики: новые вызовы – новые решения и технологии»³. Н. Корчунов обратил внимание на то, что в Арктической стратегии ЕС «под природоохранным предлогом» закреплено намерение добиваться запрета на добычу углеводородов в Арктике и прилегающих территориях и на покупку таких энергоносителей, что может негативно отразиться на местном населении Арктики, для которых устойчивая экономическая деятельность – залог благосостояния.

Региональный директор Конфедерации норвежского бизнеса и промышленности в Нурланне (*NHO Nordland*)⁴ Даниэль Бьярманн-Симонсен также скептически отнесся к решениям, предлагаемым ЕС. По его мнению, Норвегия и весь остальной мир стоят на плечах имеющихся отраслей (газовой и нефтяной). Он подчеркнул, что главная задача – создать новые, экологически чистые отрасли промышленности в Арктике. Д. Бьярманн-Симонсен отметил, что несколько нефтегазовых компаний,

¹ Владимир Путин принял участие в XVIII Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Официальный сайт Президента России. 21.10.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 06.11.2023).

² В Совфеде назвали планы Евросоюза в Арктике вмешательством в дела России. РИА Новости. 15.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211015/arktika-1754749962.html> (дата обращения: 06.11.2023).

³ МИД РФ: отказ от нефти и газа из Арктики может привести к потрясениям на рынке энергетики. ТАСС. 28.11.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16440119> (дата обращения: 06.11.2023).

⁴ Ведущая организация работодателей Норвегии.

работающих в настоящее время на шельфе Северной Норвегии, участвуют в качестве партнеров в новых экологических проектах региона. Они уже начали трансформироваться в энергетические компании. Поиск более чистых ресурсов и способов их добычи проходили до указаний ЕС. Новая ситуация может привести к тому, что компании будут вынуждены осуществлять резкий переход к зеленой энергетике, к которому индустрия не готова¹.

Политика стран региона в контексте кризиса

Страны Северной Европы резко ограничили взаимную торговлю с Россией. За 2022 г. и первую половину 2023 г. общий объем торговли сократился у всех стран и территорий региона за исключением Фарерских островов за первую половину 2023 г. (Табл. 1). Темпы сокращения также выросли в течение года.

Таблица 1

Темпы прироста объемов торговли России со странами и территориями Северной Европы в 2022 – первой половине 2023 гг.

Страна	Темп прироста с 2021 по 2022 гг.	Темп прироста с 1 половины 2022 г. по первую половину 2023 г.
Швеция	-58,8%	-63,9%
Финляндия	-33,1%	-82,6%
Норвегия	-22,9%	-77,4%
Дания	-53,9%	-61,4%
Исландия	-60,4%	-82,7%
Фарерские острова	-54,0%	+24,9%
Гренландия	-53,2%	-92,5%

Составлено авторами на основе данных Finnish Customs², Statistiska centralbyrån³, Statistics Norway⁴, Danmarks Statistik⁵, Hagstofa Íslands¹, Hagstova Føroya², Grønlands Statistik³.

¹ Danilov P.B. Argues that the Arctic Cannot Mitigate the EU's Black Environmental Conscience. High North News. 14.10.2021. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/argues-arctic-cannot-mitigate-eus-black-environmental-conscience> (дата обращения: 06.11.2023).

² Finnish Customs. ULJAS Database. URL: <https://uljas.tulli.fi/v3rti/db/0> (дата обращения: 12.10.2023).

³ Statistiska centralbyrån. URL: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴ Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/08804> (дата обращения: 15.10.2023).

⁵ Danmarks Statistik. URL: <https://www.dst.dk/en/Statistik/emner/oekonomi/betalingsbalance-og-udenrigshandel/detaljeret-import-og-eksport> (дата обращения: 10.10.2023).

Больше всего пострадала Финляндия, которая, отказавшись от российских энергоносителей, перешла на более дорогие аналоги из США и Норвегии. Остальных стран эти изменения коснулись в малой степени, т. к. РФ не была для них важным внешнеторговым партнером. Норвегия уже в 2014 г. ограничила экспорт рыбы и морепродуктов в Россию. Структура внешней торговли Швеции, Дании и Исландии значительно не изменилась в силу отсутствия тесных торговых связей с Москвой. Фарерские острова, напротив, нарастили объемы взаимной торговли.

Таким образом, с точки зрения внешнеторговых отношений единственный риск остается со стороны Фарерских островов, которые заменили для России Норвегию в сфере импорта рыбы и морепродуктов. Однако торговля и обслуживание судов для экономики автономной территории значат гораздо больше [Плюснин, 2023]. Потеря российского рынка может стать для Фарерских островов причиной кризиса. Остальные страны и территории Северной Европы максимально сократили экономические взаимоотношения с РФ, поэтому дальнейшие действия не станут существенным риском для экономики России. Доля Фарерских островов во внешней торговле страны находится в районе 0,05%. В импорте рыбы и морепродуктов территория занимает долю около 16,5%⁴. Это означает, что для России потеря торгового партнера не станет критичной.

В других сферах наибольшее количество практических мер, направленных против России, приняли Финляндия и Норвегия. Первая спровоцировала закрытие консульств на своей территории, начала строительство заграждения на границе, значительно ограничила въезд россиян и подтвердила применение всех директив ЕС (в частности, касательно конфискации имущества). 29 сентября Хельсинки объявил о закрытии границы для российских туристов, в т. ч. для владельцев недвижимости. Бывший министр иностранных дел Пекка Хаависто подчеркнул, что «решение направлено на полное предотвращение российского туризма в Финляндии и связанного с ним транзита через Финляндию». Правительство заявило, что этот шаг приведет к значительному сокращению трансграничного движения, которое значительно выросло, когда Финляндия осталась единственной приграничной страной-членом ЕС, которая пускала россиян. Решение обосновано соображениями безопасности, связанными с украинским кризисом, референдумами в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Херсонской и Запорож-

¹ Hagstofa Íslands. URL: https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/Efnahagur/Efnahagur__utanrikisverslun__1_voruvidskipti__01_voruskripti/UTA06003.px (дата обращения: 12.10.2023).

² Hagstova Føroya. URL: https://statbank.hagstova.fo/pxweb/en/H2/H2__AM__AM02/ (дата обращения: 12.10.2023).

³ Grønlands Statistik. Statbank. URL: <https://bank.stat.gl/pxweb/en/Greenland/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴ Итоги внешней торговли со странами дальнего зарубежья. Федеральная таможенная служба. 01.2022. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_statistics_file/2022-03/14/tDX9/WEB_UTSA_05.xlsx (дата обращения: 06.11.2023).

ской областях и саботажем газопровода «Северный поток»¹. Норвегия попыталась организовать блокаду архипелага Шпицберген. Кроме того, Осло в 2014 г. закрыл почти все порты для захода российских рыболовецких судов. Только два остались доступными, и то же самое сделала Исландия.

Исторически Финляндия играла важную роль в формировании Арктики как международного региона. Хельсинки использует свой опыт для продвижения арктической повестки в Евросоюзе. Основной интерес Финляндии к участию объединения в Арктике заключается в получении финансирования арктических территорий и проектов [Middleton, 2023]. В арктической стратегии Финляндии 2021 г. основное внимание уделено повышению благосостояния и защите прав саамского народа, диверсификации экономики, смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним, а также развитию инфраструктуры и логистики². Однако Швеция не приняла бренд «Арктики в ЕС» в той же степени, что и Финляндия [Canova, 2023]. Приоритеты Стокгольма в обновленной арктической стратегии 2020 г. носят более общий характер и включают международное сотрудничество, безопасность и стабильность, климат и окружающая среда, полярные исследования и экологический мониторинг, устойчивое экономическое развитие, обеспечение хороших условий жизни³. Швеция стремится дистанцировать разработку редкоземельных металлов от арктической тематики и связать первую в большей степени с идеей Северной Швеции. Позиция Дании в отношении региона и Евросоюза более сложная в связи со статусом ее арктических территорий. Последний раз она обновляла свою стратегию в 2011 г. и не занимает, согласно документу, какую-либо значимую позицию в отношении ЕС. Основными приоритетами Дании в стратегии 2011–2020 гг. выступают безопасность, суверенитет, устойчивое развитие новых экономических возможностей, изменение климата, международное сотрудничество⁴.

Вышеперечисленные государства-члены Евросоюза поддерживают расширение участия объединения в Арктике, поскольку Брюссель учитывает их политику. Основные нормативные акты ЕС вступают в силу в его арктических странах-членах. Однако к внешней политике в регионе государства Северной Европы относятся более сдержанно.

В последней опубликованной арктической стратегии Норвегии 2021 г. поставлены три основные цели: безопасность, стабильность и сотрудничество на основе

¹ Hivert A.F. Finland closes its border to Russian tourists. Le Monde. 30.09.2022. URL: https://www.lemonde.fr/en/europe/article/2022/09/30/finland-closes-its-border-to-russian-tourists_5998655_143.html (дата обращения: 06.11.2023).

² Finland's Strategy for Arctic Policy. Finish Government. 18.06.2021. P. 11. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163247/VN_2021_55.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 12.10.2023).

³ Sweden's strategy for the Arctic region. Swedish Government. 29.09.2020. P. 5–6. URL: <https://www.government.se/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

⁴ Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011-2020. Danish Ministry of Foreign Affairs. 24.08.2011. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> (дата обращения: 10.10.2023)

интересов¹. Норвегия достаточно прагматично подходит к регулированию отношений с Россией. В 2010 г. страны определили границы исключительных экономических зон. После ввода санкций Норвегия сделала ряд исключений из них: разрешила рыболовным судам заходить в некоторые порты. Кроме того, было сделано исключение для Шпицбергена, учитывающее принцип равного обращения в договоре о статусе архипелага. Продолжается сотрудничество в области управления морскими ресурсами. Например, государства достигли соглашения о рыболовстве на 2023 г. [Østhagen, 2023].

В июне 2022 г. Норвегия не пропустила грузы из РФ (около 20 т товаров, в т. ч. 7 т продуктов питания) через контрольно-пропускной пункт Стурскут для российских поселений на Шпицбергене. Однако уже 6 июля российские и норвежские официальные лица заявили, что они урегулировали спор по поводу поставок на архипелаг². Тем не менее подобная ситуация подняла вопрос о способности России противодействовать политике Норвегии в будущем. Генеральный консул РФ на Шпицбергене Сергей Гушин пояснил, что горнодобывающая компания «Арктикуголь» сразу начала прорабатывать возможность обойти запрет Норвегии, перегрузив контейнеры на норвежского автоперевозчика, чтобы он доехал легально до порта Тромсё³. С. Гушин также отметил, что можно доставлять грузы морским путем из Европы, в частности из Норвегии, Эстонии и Германии, а также из Архангельска и Мурманска⁴. Таким образом, ужесточение политики Норвегии в вопросе Шпицбергена вызовет логистические и финансовые трудности у российской стороны. В то же время сохраняется возможность осуществлять поставки на архипелаг без участия Норвегии.

Ключевые пункты документа об арктической политике Исландии 2021 г. – интересы международного сотрудничества, устойчивого развития, защиты окружающей среды и изменения климата, благополучия жителей, экономического развития, образования, научных исследований, средств поиска и спасения, безопасности, образования, укрепления имиджа Исландии и ее международного авторитета как арк-

¹ The Norwegian Government's Arctic Policy. Norwegian Ministries. 26.01.2021. P. 6–7. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/ud/vedlegg/nord/arctic_strategy.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

² Russia and Norway agree to resolve Svalbard transit dispute. Euronews. 06.07.2022. URL: <https://www.euronews.com/2022/07/06/russia-and-norway-agree-to-resolve-svalbard-transit-dispute> (дата обращения: 08.11.2023).

³ Хитров А. Генконсул назвал способ обойти запрет по доставке грузов на Шпицберген. Пятый канал. 29.06.2022. URL: <https://www.5-tv.ru/news/392194/genkonsul-nazval-sposob-obojti-zapret-podostavke-gruzov-naspicbergen/?ysclid=lopslb6oev696447269> (дата обращения: 08.11.2023).

⁴ Логинова К., Быкадорова Н. Блокада Шпицбергенграда: к чему может привести сложившаяся ситуация. Известия. 30.06.2022. URL: <https://iz.ru/1357311/kseniiia-loginova-nataliia-bykadorova/blokada-shpitsbergengrada-k-chemu-mozhet-privesti-slozhivshaiasia-situatciia> (дата обращения: 08.11.2023).

тической страны¹. Евросоюз в документе не упоминается. Россия фигурирует в связи с соглашением об ответственном управлении рыболовством. Эта отрасль очень важна для Исландии. Рейкьявик также рассматривает интересы России как легитимные в отношении ее безопасности и обороны в Арктике с учетом происходящих климатических изменений². Вышеперечисленные стратегии были опубликованы до СВО. Диалог заморожен в ожидании разрешения украинского конфликта [Журавель, 2023]. Одним из последствий стало решение Международного совета саамов, представляющего саамское руководство в странах Евро-Арктического региона, приостановить официальные отношения с российскими национальными организациями – Ассоциацией кольских саамов и Ассоциацией саамов Мурманской области³. Эйрик Ларсен, представитель Саамского парламента в Норвегии, обвинил Россию в прекращении сотрудничества. Однако он отметил, что отсутствие взаимодействия с саамами беспокоит весь народ⁴.

* * *

Почти все страны и территории, связанные с Евросоюзом, в 2022–2023 гг. максимально ограничили сотрудничество с Россией на всех возможных уровнях взаимодействия: в международных организациях, экономической сфере, сфере трансграничного сотрудничества, научной сфере и т. д. В данных сферах угрозы для России либо предсказуемы, либо уже в значительной степени реализованы и не достигли желаемого эффекта. Исключением стали Фарерские острова. Риски ограничительных мер со стороны Фарер в сфере рыболовства и использования морских портов, как и со стороны Норвегии в сочетании с попытками блокады архипелага Шпицберген не выглядят реалистичными. В случае реализации этих угроз Россия способна избежать значительных проблем. Тем не менее потенциальным вызовом для РФ со стороны ЕС в Арктике и Северной Европе может быть распространение и признание на мировом уровне европейских нормативов и требований в сфере охраны природы и зеленой энергетики.

¹ Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region. Government of Iceland. 05.10.2021. URL: https://www.government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Arctic%20Policy_WEB.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

² Там же. Р. 21.

³ Дягилева С. Раскол в большой Арктике: скандинавские саамы приостановили отношения с российскими национальными организациями. Петербургский дневник. 04.07.2022. URL: <https://spbdtnevnik.ru/news/2022-07-04/raskol-v-bolshoy-arktike-skandinavskie-saamy-priostanovili-otnosheniya-s-rossiyskimi-natsionalnymi-organizatsiyami> (дата обращения: 06.11.2023).

⁴ Edvardsen A. Russland ute av Barentsrådet: Samarbeidet med samer på russisk side er hardt rammet av Russlands krig. High North News. 25.09.2023. URL: <https://www.highnorthnews.com/nb/samarbeidet-med-samer-pa-russisk-side-er-hardt-rammet-av-russlands-krig> (дата обращения: 06.11.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И., Рогинко С.А. (2020) Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС: статус, риски и возможный ответ. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 44. С. 1–14. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics442020>
- Жильцов С.С. (2022) Арктический вектор политики ЕС. *Современная Европа*. № 3. С. 49–61. DOI: [10.31857/S0201708322030044](https://doi.org/10.31857/S0201708322030044).
- Журавель В.П. (2023) Арктика в 2022 г.: итоги и перспективы. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 95–102. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran1202395102>
- Плюснин, Р.М. (2023) Внешняя торговля Фарерских островов в 2014–2022 гг.: разворот на Россию. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 114–122. DOI: [10.15211/vestnikieran12023114122](https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023114122)
- Тимошенко Д.С. (2021) Арктическая стратегия Еврокомиссии: вызов для России или мера вынужденной интеграции? *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 32. С. 32–39. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43220213239>
- Тимошенко Д.С. (2023) Программа председательства Норвегии в Арктическом совете. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 25. С. 18–25. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42520231825>
- Canova E. (2023) The European Union and its Member States in the Arctic: Official Complementarity but Underlying Rivalry? *The Arctic Institute*. 08.08. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/european-union-member-states-arctic-official-complementarity-underlying-rivalry/> (accessed: 14.10.2023).
- Middleton A. (2023) Navigating Uncertainties: Finland’s Evolving Arctic Policy and the Role of a Regionally Adaptive EU Arctic Policy. *The Arctic Institute*. 22.08. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/navigating-uncertainties-finland-evolving-arctic-policy-role-regionally-adaptive-eu-arctic-policy/> (accessed: 15.10.2023).
- Østhagen A. (2022) Norway’s Arctic Policy: High North, Low Tension? *Arctic Fever*. Ed. by A. Likhacheva. Palgrave Macmillan, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9616-9_11

EU Interests in Northern Europe and the Arctic: Challenges for Russia¹

R.M. Plyusnin

*Candidate of Sciences (Economic),
Scientific Researcher of the Institute of Europe
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
E-mail: senterix@yandex.ru*

I.R. Skripka

*Junior Scientific Researcher of the Institute of Europe
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
E-mail: iv.skripka@yandex.ru*

D.S. Lesnoy

*Junior Scientific Researcher of the Institute of Europe
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
E-mail: dlesnoygorbachev@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the interests of the European Union in the Arctic and Northern Europe from the point of view of threats to the secu-

¹ The article was prepared within the project «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation» supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

rity of the Russian Federation. The military sphere remains outside the scope of this study. As the main source of information about potential threats, the authors considered the EU Arctic strategy as a whole, and similar documents of individual Nordic countries. In addition, the statements of local politicians and public figures were analysed, as well as the real actions carried out by the leadership of these states and territories in relation to Russia. It was concluded that the interests of the European Union in the Arctic and Northern Europe do not pose any serious threat to Russia's security outside the military sphere. Most of the methods of pressure on our country have already been used, and further actions will potentially have a greater negative impact not on Russia, but on those states and territories of the region that will undertake them. Nevertheless, the spread and recognition at the world level of European standards and requirements in the field of nature protection, mining and green energy can lead to troubles for the Russian economy. In addition, there are risks in case of imposing sanctions by the Faroe Islands and of Norway's blockade of the Svalbard archipelago.

Keywords: Russia, EU, Arctic, Northern Europe, security

DOI: 10.31857/S0201708323070124

EDN: rzyzxx

REFERENCES

- Bajan A.I., Roginko S.A. (2020) Pogranichnyj korrektrirujuschij uglerodnyj mehanizm ES: status, riski i vozmozhnyj otvet [EU Carbon Border Adjustment Mechanism: status, risks and possible response], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 44, pp. 1–14. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics442020> (In Russian).
- Canova E. (2023) The European Union and its Member States in the Arctic: Official Complementarity but Underlying Rivalry?, *The Arctic Institute*, 08.08. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/european-union-member-states-arctic-official-complementarity-underlying-rivalry/> (accessed: 14.10.2023).
- Middleton A. (2023) Navigating Uncertainties: Finland's Evolving Arctic Policy and the Role of a Regionally Adaptive EU Arctic Policy, *The Arctic Institute*, 22.08. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/navigating-uncertainties-finland-evolving-arctic-policy-role-regionally-adaptive-eu-arctic-policy/> (accessed: 15.10.2023).
- Østhagen A. (2022) Norway's Arctic Policy: High North, Low Tension?, in Likhacheva A. (ed.) *Arctic Fever*, Palgrave Macmillan, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9616-9_11
- Plyusnin R.M. (2023) Vneshnyaya trgovlya Farerskikh ostrovov v 2014–2022 gg.: razvorot na Rossiju [Foreign trade of the Faroe Islands in 2014–2022: a turn to Russia], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 114–122. DOI: <http://doi.org/10.15211/vestnikieran12023114122> (In Russian).
- Timoshenko D.S. (2021) Arkticheskaja strategija Evrokomissii: vyzov dlja Rossii ili mera vynuzhdennoj integratsii? [The Arctic Strategy of the European Commission: a challenge for Russia or a measure of forced integration?], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 32, pp. 32–39. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43220213239> (In Russian).
- Timoshenko D.S. (2023) Programma predsedatel'stva Norvegii v Arkticheskom sovete. [Program of the Norway's Chairmanship in the Arctic Council], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 25, pp. 18–25. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42520231825> (In Russian).
- Zhil'cov S.S. (2022) Arkticheskij vektor politiki ES [Arctic vector of EU policy], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 49–61. DOI: 10.31857/S0201708322030044.
- Zhuravel V.P. (2023) Arktika v 2022 g.: itogi i perspektivy [The Arctic in 2022: results and perspectives], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 95–102. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran1202395102> (In Russian).

УДК 327

БРИТАНО-ЯПОНСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

© 2023 **НИКИПОРЕЦ-ТАКИГАВА Галина Юрьевна**

Доктор политических наук, профессор

*Департамент зарубежного регионоведения. Факультет мировой
экономики и мировой политики, НИУ Высшая школа экономики*

119017, Россия, Москва, М. Ордынка, 17, стр. 1

E-mail: gnikiporets-takigawa@hse.ru

Поступила в редакцию 10.05.2023

После доработки 10.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. С начала своей послевоенной истории Япония находится на развилке идентичностей, продвигая в Азии ценности западного мира и опираясь в вопросах обеспечения национальной безопасности на западных партнеров, прежде всего на США и Британию. Лондон тоже проявляет интерес к военно-политическому сотрудничеству с Японией, что объясняется, среди прочего историческим фактором (обе страны связывал оборонный Альянс в начале XX в.). Статья уточняет ключевые факторы, обусловившие попытку укрепить британо-японское стратегическое партнерство в области безопасности и обороны на современном этапе, при помощи сравнительного анализа стратегических документов и инициатив двух стран. Автор ставит задачу определить перспективы данного сотрудничества на основе анализа указанных факторов в парадигме неоклассического реализма. Выделен фактор США. Также рассмотрен фактор Китая, чья активность создает, по мнению союзников Вашингтона, риски для их безопасности. Сделан вывод об амбивалентном влиянии данных факторов на текущее состояние британо-японского партнерства и на его перспективы из-за конфликта подходов двух стран в обеспечении обороны и безопасности.

Ключевые слова: Британия, Япония, сотрудничество, альянс, безопасность, оборона, США, Китай, политика безопасности

DOI: 10.31857/S0201708323070136

EDN: ryjayw

Взаимный интерес Британии и Японии в вопросах обороны и безопасности исторически обусловлен союзническими отношениями в начале XX в. Как утверждает Чарльз Фишер, среди британцев его поколения (школьников 1920–1930-х гг.) было распространено представление о Японии как «Британии Азии» [Fisher, 1968: 343]. Метафору впервые предложили американцы в 1858 г., а в 1896 г. ее развили в Японии, назвав Британию «Японией Запада» в учебнике всеобщей региональной географии для средних школ¹. Сходство находили в островном положении, морском климате и национальном характере, малом размере территории при большой численности населения (в то время около 30 млн), рисках, исходящих от континентальных соседей и необходимости полагаться только на себя. В Британии стремились противопоставить себя континентальной Европе, в Японии не находили ничего общего между собой и материком².

Приступая к модернизации, Япония имела возможность опираться на опыт разных европейских стран, а также США и Китая. Британия оказалась самым подходящим примером не только из-за того, что японцам были понятны ключевые характеристики Британии и ее народа, но и потому, что были сходны и проблемы, стоящие перед обоими государствами. То, что Британии удавалось оставаться независимой морской державой, защищать свой остров от военного вторжения и достичь мирового признания как «владычице морей и мастерской мира», определило японский выбор Британии в качестве ролевой модели. Об этом свидетельствует тот факт, что среди 214 иностранных экспертов, нанятых японским правительством в 1872 г., было 119 британцев, 50 французов, 16 американцев, 9 китайцев, 8 выходцев из Пруссии, 2 голландца и по одному представителю из ряда других стран [Fisher, 1968: 353]. Именно Британия стала первым иностранным государством, с которым Япония заключила военный пакт – англо-японский альянс 1902 г. За ним последовал новый всплеск популярности разнообразных метафор и аналогий. Японию как «страну восходящего солнца» сравнивали с Британией как империей, над которой «солнце никогда не заходит». Успехи Британии в индустриальной революции сравнивали с успехами Японии в модернизации после открытия страны и первого знакомства с успехами европейцев. Находили и культурные параллели, в том числе довольно курьезные: между пабами и чайными домами [Katz, 1967: 34], театром кабуки в Токио и шекспировским театром «Глобус» в Лондоне, японскими городами Осака и Кобэ и британскими Манчестером и Ливерпулем. Оба народа называли прагматиками, умеющими находить практические ответы на те же вопросы [Fisher, 1968: 350].

«В послевоенной Японии ощущение “цивилизационной” дистанции с Западом уменьшилось еще более» [Панов, Того, 2016: 17]. Она постепенно заняла свое место в западном мире. Соответственно, Британия и Япония оказались еще теснее связаны в культурном, социальном, экономическом отношениях. Гораздо более существенными для развития послевоенных стратегических британо-японских от-

¹ Masanaga Y. Chugaku Bankoku Chishi. Tokyo. 1896.

² Впрочем, разительные отличия японцев от других азиатских народов отметили в первую очередь именно европейцы. См. об этом в: Murray H. An Encyclopaedia of Geography. London. 1834. P. 1102.

ношений в области безопасности и обороны являются, тем не менее, иные факторы, первый из которых – фактор США.

Фактор США

Обе страны утратили по итогам Второй мировой войны свое политическое значение. Япония, с точки зрения большинства стратегических вопросов и двусторонних связей, оказалась под значительным давлением США [Бае, 2022: 9]. Британия стала «средней державой с гипертрофированными амбициями, но с достаточными ресурсами, чтобы оставаться ближайшим союзником США в рамках “особых отношений” возрастающей асимметрии» [Громыко, 2022: 349]. Несколько послевоенных десятилетий до 1990-х гг. связи между Японией и европейскими странами, включая Британию, оставались преимущественно экономическими, за исключением иранского кризиса 1979 г. и ракетного кризиса в Европе 1980-х гг., когда Япония и европейские страны взаимодействовали в сфере безопасности.

Даже войдя в ООН в 1956 г., в ОЭСР в 1964 г., в G7 в 1975 г., выступив с идеей создания Азиатского Банка Развития в 1966 г., а в 1989 г. – АТЭС, Япония в международном сотрудничестве руководствовалась в первую очередь экономическими, а не военно-политическими мотивами. В связи с давлением в этом вопросе со стороны США [Щербинина, 2014: 183], а также чтобы не напоминать соседям о собственных попытках регионального доминирования в первых десятилетиях XX в. [Стрельцов, 2019: 39], Япония предпочитала позиционировать свою внешнюю политику как пацифистскую под защитой Вашингтона.

Гаагская декларация между Японией и Европейским сообществом в июле 1991 г.¹ стала шагом к политическому сотрудничеству [Owada, 2001: 12]. В 1990-х гг. Япония не рассчитывала на помощь европейских стран в усложнившейся архитектуре безопасности в Азии, по-прежнему полагаясь на своего основного партнера – США. Ситуация стала меняться после терактов 11 сентября 2001 г., которые уязвимость США и укрепили сомнения Токио в готовности Вашингтона обеспечивать безопасность Японии [Atanassova-Cornelis, Sato, 2022: 520].

Понадобилось более десятилетия, чтобы в 2013 г., во многом благодаря решимости премьер-министра Японии С. Абэ, заявить об амбициях Токио занять более значимое место среди союзников в военно-политической сфере. В «Стратегии национальной безопасности» Японии круг союзников ограничен странами, которые разделяют общие «для близких по духу демократий» «универсальные ценности» и уважают верховенство «порядка, основанного на правилах» [Tsuruoka, 2013; Kliman, Twining, 2014]. Этот тезис впоследствии был закреплён во всех стратегических документах².

¹ Joint Declaration on Relations between The European Community and its Member States and Japan. 18.07.1991. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/eu/overview/declar.html> (дата обращения: 10.06.2023).

² Например, в провозглашенной в 2016 г. концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific/FOIP), который надо развивать «в кооперации со странами единомышленниками». Diplomatic Bluebook 2022 // Ministry of

Япония также занялась диверсификацией двусторонних оборонных соглашений, чтобы с их помощью укрепить союз с США. Первым был подписан договор «между спицами» (inter-spokes)¹ – между Японией и Австралией². За ним последовал выбор внерегиональных партнеров, среди которых Британия виделась Японии одним из наиболее «естественных союзников» [Годованюк, 2019: 91]. Данный подход разделял и Лондон, с учетом его интересов в Индо-Тихоокеанском регионе. Для Британии в той же степени, как и для Японии, был важен выход на новые регионы для реализации своих политических амбиций и создания новых партнерств [Rogers, 2013; Stansfield, Kelly, 2013]. В 2013 г. были заключены Соглашение о сотрудничестве между Великобританией и Японией в области оборонной техники и Соглашение об информационной безопасности.

Продолжавшаяся с приходом С. Абэ «нормализация» политики безопасности Японии [Стрельцов, 2023: 177], подписание между НАТО и Японией Совместной политической декларации в апреле 2013 г. и Программы индивидуального партнерства и сотрудничества (ИПСР) в мае 2014 г. позволили расширить военное взаимодействие Британии и Японии. Уже в 2014 г. на американскую военно-морскую базу и базу морских сил самообороны Японии, расположенную в 65 км. к югу от Токио, в Йокосука, для службы в 7 Флоте США и одновременно в Японских морских силах самообороны был командирован британский офицер связи³. В британской Национальной стратегии безопасности и Стратегическом обзоре по обороне и безопасности 2015 г. Япония названа «ближайшим партнером по безопасности в Азии»⁴. Осенью 2016 г. в Японии были проведены первые совместные боевые учения японских воздушных сил самообороны и Королевских воздушных сил Британии. Брекзит мог стать серьезным препятствием для развития британо-японского сотрудничества не только в торговой сфере, но и в области безопасности [Mulloy, 2022: 484]. Однако в ходе переговоров С. Абэ и Т. Мэй в августе–сентябре 2017 г. Япония получила дополнительные заверения в надежности Британии как партнера

Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100387219.pdf> (дата обращения: 27.11.2022).

¹ Архитектура безопасности в АТР, установленная США после Второй мировой войны, известна как Сан-Францисская система и метафорически именуется 'hub-and-spokes', с США в центре и Японией, Южной Кореей, Тайванем, Филиппинами, Тайландом, Австралией, Новой Зеландией в виде «спиц», каждая из которых связана с США билатеральными соглашениями.

² UK/Australia: Treaty for Defence and Security Cooperation. 18.01.2013. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/627986/TS_14.2017_Cm9482_Aus_Def_Sec_WEB.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

³ Karsten, Joshua. US-UK Navies Build Alliance in the 7th Fleet. US. Navy. Release NNS141215-01. December 15.12.2014. URL: http://www.navy.mil/submit/display.asp?story_id=84884. https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a81a100e5274a2e8ab5504e/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRINT_only.pdf (дата обращения: 19.04.2023).

⁴ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. P. 57. URL: (дата обращения: 19.04.2023).

с подписанием британо-японской Декларации сотрудничества в сфере безопасности. Впоследствии договоренности были дополнены в ходе совещаний в форматах «два плюс два» о совместных исследовательских проектах по разработке ракет «воздух-воздух», то есть показали Японии, что Британия готова к сотрудничеству в области военных учений на двусторонней основе после выхода из ЕС. В сентябре 2018 г. прошли совместные учения британских и японских ВМС в Индийском океане, в октябре – первые в британо-японской истории учения сухопутных сил, которые продолжались 13 дней в Японии вблизи горы Фудзи¹. 8 июля 2021 г. состоялись совместные учения японских морских сил самообороны и британской ударной авианосной группы (UKCSG) во главе с новым авианосцем «Куин Элизабет» в Аденском заливе², а 24 августа 2021 г. – масштабные учения в Тихом океане к югу от острова Окинава с участием той же UKCSG, эсминца японских Сил самообороны «Исэ», а также самолетов японских и американских ВВС³.

Несмотря на некоторую активность в совместных учениях, закрепления британо-японского партнерства в сфере обороны и безопасности на уровне региональных институтов безопасности не произошло. Британия входит в инициированный Вашингтоном альянс по обмену разведанными «Пять глаз» с участием Австралии, Канады, Новой Зеландии, Британии и США. Еще одним инструментом британского регионального сотрудничества в сфере безопасности стал трехсторонний пакт по безопасности Австралия–Британия–США AUKUS, образованный 15 сентября 2021 г. Япония вместе с США, а также Индией и Австралией в 2007 г. начала Четырехсторонний диалог по безопасности (the Quadripartite Security Dialogue). Все названные структуры либо инициированы, либо поддержаны США и предполагают их активное участие. Фактор США одновременно влияет на сближение Британии и Японии и препятствует британо-японскому партнерству, которое является для обеих стран вторичным по отношению к партнерству каждой из них с Вашингтоном. Более того, обе стороны зависимы от США на внешнеполитическом направлении. Такое же амбивалентное влияние на британо-японские отношения оказывает и фактор Китая.

¹ Япония и Британия организовали первые в истории совместные учения. РБК Новости. 2.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bb30e8c9a79474b21fc822b> (дата обращения: 19.04.2023).

² Japan, Britain to hold joint naval drill in Gulf of Aden. KYODO. 08.07.2021. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/d319181a0a24-japan-britain-to-hold-joint-drill-in-gulf-of-aden.html#:~:text=Japan%20and%20Britain%20will%20hold,according%20to%20Japanese%20government%20sources>. (дата обращения: 19.04.2023).

³ Japan, Britain hold joint naval drill south of Okinawa Island. KYODO. 26.08.2021. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/08/d4ee393c3cd8-japan-britain-hold-joint-naval-drill-south-of-okinawa-is-land.html#:~:text=Japan%20and%20Britain%20have%20held,amid%20China's%20growing%20military%20clout>. (дата обращения: 19.04.2023).

Китайский фактор

В 2015 г. Британия объявила о своем решении стать первой европейской страной, присоединившейся к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИ), основанному Китаем. При премьер-министре Д. Кэмероне в отношениях с Китаем начался период небывалого потепления [Кистанов, 2021: 11]. Несмотря на то что КНР привлекает Британию потенциалом экономических связей, политические отношения с Поднебесной встречают ряд препятствий. Британский ключевой документ в сфере безопасности и обороны «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики» за 2021 г. назвал проект закона «об экстрадиции» в Гонконге 2019 г., вызвавший массовые волнения и столкновения с полицией, «нарушением Китаем юридически обязывающего соглашения и введением репрессивного закона о национальной безопасности в Гонконге»¹. Разделяющая «универсальные демократические ценности» и считающая Китай серьезной военной угрозой Япония оказалась более «естественным союзником» для Британии².

В 2022 г. Британия и Япония договорились объединить свои программы Tempest (британо-итальянская) и F-X (японская), чтобы к 2035 г. произвести истребители нового поколения. Б. Джонсон и Ф. Кисида в мае 2022 г. форсировали подписание договора в сфере оборонного сотрудничества. Соглашение о взаимном доступе разрабатывалось три года усилиями сменяющихся лидеров в обеих странах и наконец было подписано 12 января 2023 г. Данный документ упростил организацию совместных учений и переброску Сил самообороны Японии и ВС Британии³, став самым значительным оборонным соглашением между странами более, чем за сто лет. Британия стала первой европейской страной, с которой Япония заключила подобный договор, что подчеркивает особый статус двусторонних отношений.

Впрочем, на этом сходства в понимании сторонами значения и мотивов подписания соглашения заканчиваются и начинаются принципиальные различия. Р. Сунак оценил его важность как демонстрацию приверженности Британии ее интересам в ИТР, а также как важный шаг в укреплении экономической безопасности, ускорении сотрудничества с Японией в области обороны и создании новых рабочих мест для высококвалифицированных специалистов. Данные проекты и программы сотрудничества в сфере обороны и безопасности решают британские экономические и политические задачи и соответствуют реализации интересов Лондона в Восточной Азии и ИТР в целом⁴. Японская сторона интерпретирует цели соглашения, а также все совместные с Британией оборонные инициативы

¹ Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Updated 02.07.2021.

² Koshino Yuka. How Japan can help the U.K. meet its China challenge. The Japan Times. 21.01.2021. URL: <https://www.fondapol.org/en/in-media/how-japan-can-help-the-u-k-meet-its-china-challenge/> (дата обращения: 19.04.2023)

³ Britain and Japan sign major defence agreement in London. UK Defence Journal. 17.01.2023. URL: ukdefencejournal.org.uk (дата обращения: 19.04.2023).

⁴ Там же.

исключительно как демонстрацию коллективной солидарности в ответ на возрастающую военную активность Китая¹. Так, учения наземных сил самообороны Японии 9 января 2023 г., к которым присоединились британские и австралийские подразделения, отрабатывали действия в ответ на захват условным противником острова, недвусмысленно имея в виду возможность вторжения Китая на оспариваемый японский остров Сэнкаку².

При этом Британия старается в ходе таких учений проявлять сдержанность в отношении Китая³. В упомянутом британском «Комплексном обзоре», уточненном в 2023 г., КНР названа не только главной угрозой для экономической безопасности Британии, но и важнейшим потенциальным партнером в торговле и инвестициях, при этом более серьезной, чем Китай, «прямой» и «острой» угрозой безопасности называется Россия [Ананьева, 2023: 50]. В похожем японском документе – Голубой книге обороны Японии – принятом в декабре 2022 г., главной угрозой японской безопасности назван Китай, и затем риски, исходящие от Северной Кореи и России.

Таким образом, фактор китайской угрозы объясняет стремление Британии и Японии к военно-политическому сотрудничеству, однако разница в восприятии этой угрозы создает затруднения.

Амбивалентное влияние факторов и конфликт подходов

Фактор общей угрозы может способствовать эффективному развитию двусторонних отношений в сфере обороны и безопасности в случае единого восприятия уровня угрозы. Однако Британии не свойственно ощущение китайской угрозы, которое десятилетиями культивируется в Японии. Британия не является региональным игроком в ИТР, не имеет общих границ и территориальных споров с Китаем, Северной Кореей, и руководствуется в своем повороте на восток и выстраивании прочных британо-японских отношений иной мотивацией, чем Токио. В свою очередь, Япония иначе ощущает риски обострения украинского кризиса. Несмотря на то что сконструированное официальным дискурсом общественное мнение в обеих странах более жестко, чем в других западных странах, настроено против России [Громыко, 2023: 219], реакция Токио показывает и несамостоятельность его позиции, а также ощущение возрастания китайской угрозы [Никипорец-Такигава, 2023]. В то же время украинский конфликт отвлекает ресурсы Лондона, которые могли бы направляться на задачи «Глобальной Британии» на Востоке.

С точки зрения реалистского подхода в международных отношениях, для которого важна география и, соответственно, непосредственное окружение, восприятия угроз, равно как и мотивации и интересы Британии и Японии в двустороннем страте-

¹ U.K.-Japan defense cooperation to intensify following landmark agreement. 12.01.2023. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2023011100691/> (дата обращения: 19.04.2023).

² British and Australian Units join GSDF paratroopers in training for first time. The Japan Times. 9.01.2023. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/01/09/national/uk-australia-japan-paratroopers-training/> (дата обращения: 19.04.2023).

³ Shaping the Indo-Pacific? Japan and Europeanisation Yee-Kuang Heng LSE IDEAS (2021). P. 13. Stable. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep45309> (дата обращения: 19.04.2023).

гическом партнерстве в области обороны и безопасности, не могут быть сближены. Данное партнерство формировалось на ином основании – идентификационном, ценностном – из-за которого весь американоцентричный мир западных демократий рассматривает в вопросах безопасности друг на друга как единомышленников.

Конфликт данных подходов очевиден, обуславливает амбивалентное влияние фактора США и фактора Китая на стратегическое партнерство Британии и Японии в области обороны и безопасности, а также ставит под сомнение перспективы его расширения дальше спорадических учений и антироссийской риторики.

Заключение

Современная активизация британо-японских стратегических отношений в области обороны и безопасности обоснована исторически. В течение века обе страны строили отношения самостоятельно, основываясь на общности в характере нации, умении и способах быстро адаптироваться к меняющимся вызовам, островной психологии и прочих особенностях национальной идентичности. Наличие опыта союзнических отношений можно считать одним из значимых факторов, определяющих выбор Британией в ближайшие партнеры в ИТР именно Японии, а также встречной заинтересованности Токио сотрудничать с Лондоном в военной сфере.

В послевоенный период возникли новые детерминанты современного британо-японского партнерства, оказывающие на них более комплексное влияние. Так как Япония видит себя ближайшим союзником США в Азии, а Британия – в Европе, эта близость и сегодня стимулирует желание при помощи двусторонних отношений укреплять союз с Вашингтоном. В то же время политическая зависимость от США препятствует развитию самостоятельного стратегического партнерства, тем более проблематичного в свете современного состояния оборонного потенциала обеих стран.

Важнейшей целью укрепления британо-японского стратегического альянса является ответ на угрозы, связанные с укреплением мощи и влияния Китая в АТР. С одной стороны, обострение отношений Британии с КНР в связи с событиями в Гонконге в 2019–2020 гг. сблизили Лондон и Токио. С другой – Япония острее воспринимает риски, связанные с Китаем, в силу географической близости.

Первый опыт Британии в «повороте» к Японии протекал в других международно-политических условиях. Заклучая Альянс 1902 г., навстречу друг другу двигались две независимые островные державы с великим прошлым и настоящим, рассчитывающие на совместное будущее. Современные политические роли Британии и Японии изменились. Теперь они зависят от более могущественных держав и их взаимоотношений. Несмотря на общие западные ценности, географическое положение вместе с отсутствием независимой политической субъектности и достаточной военной мощи являются препятствием для успешного развития британо-японского партнерства в области обороны и безопасности. В связи с этим вторая за последние полтора века попытка создания британо-японского оборонного альянса не имеет большого потенциала, а совместные военные учения и соглашения выглядят как демонстрация намерений, а не попытки наладить качественное и плодотворное стратегическое сотрудничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева Е.В. (2023) Внутриполитическая борьба в Британии по вопросам формирования внешнеполитического курса после Брекзита. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. № 16(1). С. 40–66. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.103>
- Годованюк К.А. (2019) Британо-японское стратегическое партнерство в условиях брексита. *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*, № 3. С. 89–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320198994>
- Громыко А. (2023) Мировая пересборка: эмпирические данные в концептуальном поиске. Европейский ракурс. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, № 16(3). С. 209–225. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.301>
- Громыко Ал.А. (ред.) (2022) *Европа в кризисном мире*. Весь Мир, Москва. 376 с. DOI 10.55604/9785777708953
- Кистанов В.О. (2021) «Глобальная Британия»: курс на АТР с антикитайским уклоном. *Восточная Азия: факты и аналитика*. № 3. С. 6–18. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-6-18
- Никипорец-Такигава Г.Ю. (2023) Немеинстримный японский политический дискурс в контексте новейших российско-японских отношений. *Общественные науки и современность*. No 5. С. 87–97. DOI: 10.31857/S0869049923050076, EDN: MQJJPX.
- Панов А. и Того К. (ред.) (2016) *Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие)*. Международные отношения, Москва. 264 с.
- Стрельцов Д.В. (2023) Станет ли Япония «нормальной» страной? *Россия в глобальной политике*. № 21(3). С. 174–191. DOI:10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191
- Стрельцов Д.В. (2019) Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода. *Мировая экономика и международные отношения*, № 63(9). С. 38–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49.
- Щербинина Ю.В. (2014) *Три вектора сотрудничества Японии и США. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе*. Сборник научных трудов. ИНИОН РАН. Москва. С. 172–189.
- Atanassova-Cornelis E. and Sato Y. (2022) Asia and Europe in Japan's Alignment Policies: Drivers, Strategic Expectations and Future Outlook, *Asian Affairs*. No. 53:3. P. 520–541, DOI: 10.1080/03068374.2022.2093049
- Bae Bumki (2022) Japan's trial to strengthen tension evoked by the territorial disputes. *East Asia: Facts and Analytics*. No. 3. P. 6–20. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-6-20.
- Fisher, Ch. A. (1968) The Britain of the East? A Study in the Geography of Imitation. *Modern Asian Studies*. No. 2(4). P. 343–376.
- Katz J. (1967) Britain and Japan: Twins of Time and Tradition. *The Journal of Educational Thought*. No. 1. P. 31–37.
- Kliman D. and Twining D. (2014) *Japan's Democracy Diplomacy*. Washington, D.C.: German Marshall Fund of the United States.
- Mulloy G. (2022) The UK-Japan Security Partnership Century Alliance, Animosity, Amity and Strategic Partnership *The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. P. 484–494. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.056>
- Owada H. (2001) The Japan-EU Joint Declaration and its Significance toward the Future. *Studia Diplomatica*. No. 54. P. 11–26.
- Rogers J. (2013) European (British and French) Geostrategy in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*. No. 9(1). P. 69–89.

Stansfield G. and Kelly S. (2013) A Return to East of Suez? UK Military Deployment to the Gulf. *Royal United Services Institute. Briefing Paper*. URL: https://www.rusi.org/downloads/assets/East_of_Suez_Re-turn_042013.pdf (accessed: 10.06.2023).

Tsuruoka M. (2013) The UK, Europe and Japan: Forging a New Security Partnership. *RUSI Journal*. No. 158(6). P. 58–59.

UK-Japan Strategic Partnership in Defence and Security

G.Yu. Nikiporets-Takigawa

Doctor of Sciences (Politics), Professor

School of International Regional Studies, Faculty of World Economy

& International Affairs, HSE University

17, bld. 1, M. Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

E-mail: gnikiporets-takigawa@hse.ru

Abstract. Since the beginning of its post-war history, Japan has been at a crossroads of identities, sharing and promoting the values of the Western world in Asia and relying on Western partners, primarily the US and the UK, to ensure Japanese national security. Britain is also showing interest in military-political cooperation with Japan as both countries were linked by a defense alliance at the beginning of the XX century. The paper explores the leading factors using comparative analysis of strategic documents and initiatives in both countries aimed at defense and security cooperation. The author addresses the prospects for this cooperation based on the analysis of the correlation of the selected factors in the paradigmatic framework of neoclassical realism. The main factors of the development of strategic UK-Japan relations in the field of defense and security in the recent period are identified as the “US factor”, since the US is the main strategic partner for both Japan and Britain. Moreover, the “China factor” is analyzed, as Beijing’s activity creates, in the opinion of US allies, risks to their security. An ambivalent impact on the current state of the partnership and its prospects is revealed due to the conflict of approaches that explain the choice of partners in defense and security. Since the “value” approach contradicts the realist and geopolitical approach, due to the difference in perception of security threats caused, in particular, by geography.

Key words: UK, Japan, cooperation, alliance, security, defense, US, China, security policy

DOI: 10.31857/S0201708323070136

EDN: ryjayw

REFERENCES

Ananieva E.V. (2023) Vnutripoliticheskaya bor'ba v Britanii po voprosam formirovaniya vneshnepoliticheskogo kursa posle Brekzita [Political struggle in the UK on the formation of foreign policy in the wake of Brexit]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 16(1), pp. 40–66. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.103>

Godovanjuk K. (2019) Britano-yaponskoe strategicheskoe partnerstvo v usloviyah brekzita [UK-Japan Strategic Partnership in Light of Brexit]. *Nauchno-analiticheskij Vestnik Russian Academy of Sciences*. 3, pp. 89–94. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320198994>

Gromyko A. (2023) Mirovaya peresborka: empiricheskie dannye v konceptual'nom poiske. Evropejskij rakurs [Global reassembly: Empirical data in conceptual pursuit. European perspective]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 16(3), pp. 209–225. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.301>

Gromyko A.I.A. (ed.) (2022) *Evropa v krizisnom mire* [Europe in the crisis world], Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian). DOI 10.55604/9785777708953

Kistanov V.O. (2021) "Global'naya Britaniya": kurs na ATR s antikitajskim uklonom. ["Global Britain": a course for the Asia-Pacific Region with anti-Chinese bias]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 3, pp. 6–18. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-6-18

Nikiporets-Takigawa G. (2023). Nemejstrimnyj yaponskij politicheskij diskurs v kontekste novejshih rossijsko-yaponskih otnoshenij. [Japanese Non-Mainstream Political Discourse in the Context of the Latest Russia-Japan Relations]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5. pp. 87–97 (In Russian). DOI: 10.31857/S0869049923050076, EDN: MQJXP.

Panov A. and Togo K. (eds.) (2016) *Russkaya i yaponskaya tsivilizatsii. Istoricheskiy analiz stanovleniya i razvitiya natsional'nykh identichnostei (shodstvo i razlichie)* [Russian and Japanese civilizations. Historical analysis of the national identities construction and development (similarity and differences)], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia. (In Russian).

Streletsov D.V. (2023) Stanet li Yaponiya "normal'noj" stranoy? [Will Japan Become a "Normal" Country?]. *Rossiya v global'noj politike*, 21(3), pp. 174–191. (In Russian). DOI:10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191

Streletsov D.V. (2019) Yaponskij regionalizm epohi Shindzo Abe cherez prizmu tsennostnogo podhoda [Japanese Regionalism in the Era of Shinzo Abe Through the Prism of Value Approach], *World Economy and International Relations*, 63, 9, pp. 38–49. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49

Shcherbinina Yu.V. (2014) Tri vektora sotrudnichestva Yaponii i SShA [Tee vectors of Japan-US cooperation], *Politika SShA v Aziatsko-Tihookeanskom regione, Sbornik nauchnykh trudov INION RAN*, pp. 172–189. (In Russian).

Atanassova-Cornelis E. and Sato Y. (2022) Asia and Europe in Japan's Alignment Policies: Drivers, Strategic Expectations and Future Outlook, *Asian Affairs*, 53:3, pp. 520–541, DOI: 10.1080/03068374.2022.2093049

Bae Bumki (2022) Japan's trial to strengthen tension evoked by the territorial disputes. *East Asia: Facts and Analytics*, 3, pp. 6–20. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-6-20.

Fisher, Ch. A. (1968) The Britain of the East? A Study in the Geography of Imitation. *Modern Asian Studies*. 2(4), pp. 343–376.

Katz J. (1967) Britain and Japan: Twins of Time and Tradition. *The Journal of Educational Thought*. 1, pp. 31–37.

Kliman D. and Twining D. (2014) *Japan's Democracy Diplomacy*. Washington, D.C.: German Marshall Fund of the United States.

Mulloy G. (2022) The UK-Japan Security Partnership Century Alliance, Animosity, Amity and Strategic Partnership. *The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*, pp. 484–494. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.056>

Owada H. (2001) The Japan-EU Joint Declaration and its Significance toward the Future. *Studia Diplomatica*. 54, pp. 11–26.

Rogers J. (2013) European (British and French) Geostrategy in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*, 9(1), pp. 69–89.

Stansfield G. and Kelly S. (2013) A Return to East of Suez? UK Military Deployment to the Gulf. *Royal United Services Institute. Briefing Paper*. URL: https://www.rusi.org/downloads/assets/East_of_Suez_Re-turn_042013.pdf (accessed: 10.06.2023).

Tsuruoka M. (2013) The UK, Europe and Japan: Forging a New Security Partnership. *RUSI Journal*. 158(6), pp. 58–59.

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

УДК 331.105.44

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА¹

© 2023 ЛУНКИН Роман Николаевич

*Доктор политических наук, профессор РАН
Заместитель директора Института Европы РАН
Главный научный сотрудник Отдела
социальных и политических исследований ИЕ РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3
E-mail: romanlunkinn@yandex.ru*

Поступила в редакцию 21.09.2023

После доработки 26.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье проанализирована проблема социального неравенства в современном обществе на примере стран ЕС. Основные вызовы социальных трансформаций рассмотрены с помощью концепции общества риска. Обладание тем или иным видом капитала в социальном поле (не только и не столько финансово-го, сколько связанного с талантами и навыками) порождает отличия и в конечном счете экзистенциальное неравенство, когда одни имеют возможность жить в инклюзивном обществе, а другие нет. В связи с этим перед современными государствами встает вопрос о том, какие вызовы воссоздадут прежние формы социального неравенства в условиях технологических сдвигов. Сделан вывод, что сочетание новых и старых неравенств с технологическим переходом привело к возникновению нового риска, связанного с тем, что можно назвать гражданским отторжением по аналогии с социальным отторжением (эксклюзией). Этот риск связан с оттеснением части населения от производства общественного блага или продукта. Основным социальным риском современного общества стало формирование глубоко разделенного общества, где граждане отличаются не только по уровню доходов, но и по своим умениям, навыкам, возможностям самореализации в профессиональном, творческом, технологическом смыслах. Гражданское

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

отторжение приводит также к корректировке демократических механизмов, в рамках которых недовольные новым укладом маргинализируются.

Ключевые слова: социальная политика, неравенство, бедность, Европейский союз, общество риска

DOI: 10.31857/S0201708323070148

EDN: rwwthd

В современном обществе существует целый ряд видов неравенств, часть из которых носят постоянный характер, как, например, неравенство в доходах, гендерное, связанное с инвалидностью, доступом к образованию и медицинским услугам (витальное), а часть возникает на базе социальных и технологических трансформаций (цифровое, экологическое, пространственное неравенства и т.п.). Неравенство заложено в универсальном определении социального пространства П. Бурдьё. Оно помогает представить, как привычные различия между отдельными общественными слоями, группами, самими индивидами, как правило, связываемые с их благосостоянием, превращаются в нечто более значимое и стабильное. Распределение в физическом пространстве множества видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее существенных благ и услуг [Бурдьё, 1993: 40]. Обладание тем или иным видом капитала в социальном поле (не только и не столько финансового, сколько связанного с талантами и навыками) порождает отличия и в конечном счете экзистенциальное неравенство, когда одни имеют возможность жить в инклюзивном обществе, а другие нет. Перед современными государствами встает вопрос о том, какие вызовы воссоздают прежние формы социального неравенства и новые угрозы.

Риски неравенства

Рассмотрение темы социального неравенства с точки зрения концепции общества риска У. Бека и ее современных интерпретаций дает возможность анализа имеющихся данных в более широком контексте, в рамках футурологического или прогностического подхода. Бек подчеркивал, что современное индустриальное общество, раскрывая новые технологические возможности, создает риски, основанные на плюрализации конфликтов и множественности цивилизационных рисков, политизации практически любых возникающих опасностей. Борьба с социальным неравенством в мире привела к «эволюции лифтов» и общему повышению благосостояния. Неравенство не только сохранило старые формы, но и стало более глубоким на межстрановом уровне. Основными чертами неравенства в обществе риска У. Бек называет слом традиционных форм жизни и статусов (в том числе форм занятости и «смысла работы»), формирование внеклассового общества и отношений, и, как следствие, индивидуализацию неравенства, когда все зависит от самого человека, а не от класса, сословия, слоя, к которому он принадлежит [Бек, 2000]. Переход от остроты экономического неравенства к новым его типам подтверждают ис-

следования Р.И. Капелюшникова. По его мнению, индекс Джини в мире планомерно снижается с 1980-х – 1990-х гг., и ни один из индикаторов глобального неравенства не демонстрировал в последние годы признаков роста. Более того, сокращается разрыв в пожизненных доходах между жителями развитых и развивающихся стран [Капелюшников, 2019: 14–15]. Вместе с тем растет неравенство, основанное, как отмечал Т. Пикетти, на лицемерии меритократической системы понятий, связанной с привилегированным доступом к культурному и символическому капиталу, бесконтрольности топ-менеджмента корпораций. Возникновение социального в течение XX в. разрушало логику капиталистической системы, но это не значит, что этот процесс необратим. Новая модель неравенства может соединить возврат к «патримониальному и капиталистическому неравенству прошлого с его крайними формами доминирования, базирующимися на культурном и символическом капитале, на внушении проигравшим чувства вины» [Пикетти, 2015].

Все большее число исследователей обращает внимание на связь неравенства с когнитивными процессами, с феноменом социального признания и отчуждения человека от результатов своего труда по К. Марксу. Следствием этого становятся снижение социальной связности, дезинтеграция, маргинализация больших социальных групп [Куракин, 2020]. Преодоление неравенства напрямую связано также с тем, насколько граждане будут включены в цифровые системы государственного управления [Удовенко, 2023]. Российские исследователи критикуют западную индивидуалистско-конструктивистскую методологию за сведение неравенства к формально-техническим показателям и делают акцент на экзистенциальном неравенстве (концепция Г. Терборна), которое формирует систему иерархий, основанных на категориях включения/исключения (социальной инклюзии/эксклюзии) [Социальное неравенство, 2021: 47–48].

Общее определение социального неравенства дано Н.Г. Осиповой. Это отражение сложной социальной структуры общества и специфическая форма социальной стратификации, когда индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей. Источником такого рода неравенства является рыночный фундаментализм как абсолютизация свободной рыночной конкуренции и значительное ослабление роли государства. Одним из ключевых неравенств становится экзистенциальное, в рамках которого люди производят и воспроизводят социальное неравенство в рамках заново переосмысленных практик стигматизации: «Бедность, бездомность, делинквентность (отклонения от социального поведения – авт.), болезни станут стигмами, на основе которых будут спонтанным образом формироваться в рамках повседневности практики установления неравенства» [Осипова, 2019: 147].

В социальной сфере идея общества риска напрямую соотносится с концепцией разделенных обществ, которая описывает современные государства и разного рода сообщества через призму существующих в них размежеваний, отмечая старые и находя новые конфликты (по сути, риски развития обществ). Концепция позволяет выявлять деструктивный конфликтный потенциал политизации социальных размежеваний в новом глобальном экстратерриториальном сообществе. В нем постепен-

но снижается пространство конкурентного отбора и время для адаптации человека к изменению социального окружения [Семененко, Лапкин, Пантин, 2021: 62, 70].

Социальное измерение Евросоюза – идеальный полигон для верификации гипотез об общественном развитии и будущем государства благосостояния, так как именно эта сфера в ЕС является наиболее регламентированной и дифференцированной, если сравнивать с другими регионами мира. Диспропорции в Евросоюзе связаны с разницей в экономическом росте ведущих локомотивов объединения (Германии и Франции) с другими странами, с различиями в интеграционных процессах в старых и новых членах ЕС, с различными социальными моделями государств-членов [Европа в кризисном мире, 2022].

Экономический кризис 2008 г., иммиграция, пандемия и украинский кризис поставили страны ЕС перед угрозой роста социального неравенства, о чем говорят и общие показатели развития Союза. Согласно экономическому прогнозу Еврокомиссии до 2025 г., в целом ЕС демонстрирует очень скромный рост по показателям ВВП и по снижению инфляции, а сферой, которая в наибольшей степени страдает стал рынок труда. Безработица по ЕС останется на уровне 5,9%, а в еврозоне – 6,3% в 2025 г., и будет расти в таких странах как Франция (до 7,5%), Швеция (до 8,6%), а в Германии останется на прежнем уровне (3,2%)¹.

Падение уровня доходов населения в ЕС стало происходить относительно ускоренными темпами с 2020 г. Показатели неравенства в Евросоюзе значительно не меняются в лучшую сторону, оставаясь в целом на прежнем уровне. Определенный позитивный рост наблюдался только в самых неблагополучных странах, которые демонстрировали наибольший разрыв с общеевропейскими цифрами – в них, соответственно, произошло относительное выравнивание показателей. Как отмечается в докладе о достижении целей устойчивого развития в ЕС, соотношение квинтиля доходов² падало с 2014 г. по 2020 г. с 5,22 до 4,89, но в 2021 г. выросло до 4,97. Доля самых бедных 40% населения также стала снижаться в эквивалентном располагаемом доходе с 2020 г.

Постпандемийный период усилил неравенство в отношении доступа детей к образованию, а также возможностей по уходу за маленькими детьми, которые резко снизились у домохозяйств с низким доходом. Несмотря на то что в целом по Евросоюзу разрыв между благосостоянием сельского и городского населения снижается, риск бедности в сельской местности все равно достаточно высок, особенно, в таких странах как Румыния и Болгария, где почти половина жителей находится на грани бедности. В ряде стран при этом доля бедных выше именно в городах (в Австрии, Франции и Бельгии). Сохраняется также и различие между отдельными регионами ЕС – западные и северные страны имеют больший уровень валового располагаемого до-

¹ Autumn 2023 Economic Forecast: A modest recovery ahead after a challenging year. 15.11.23. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/autumn-2023-economic-forecast-modest-recovery-ahead-after-challenging-year_en

² Отношение общего дохода, получаемого 20% населения с самым высоким доходом (верхний квинтиль), к доходу, получаемому 20% населения с самым низким доходом (самый низкий квинтиль).

хода на душу населения и располагаемого дохода домохозяйств, чем страны на востоке и юге. Авторы доклада о целях устойчивого развития подчеркивают, что технологические инновации и финансовая глобализация усилили неравенство внутри стран. В новой социально-экономической системе координат приоритет отдается людям с определенными навыками или накопленным богатством, тогда как остальные беднеют. В данном контексте переход к цифровизации и климатически нейтральному обществу еще предстоит организовать так, чтобы предотвратить растущее неравенство¹.

Для разрешения растущих еще с конца 2010-х гг. в Евросоюзе социальных проблем была разработана Европейская опора социальных прав. Для преодоления крайней степени бедности на уровне ЕС обсуждаются инициативы введения общеевропейской минимальной оплаты труда (уже используется на национальном уровне в 21 стране) и минимального дохода, повышения роли социального диалога.

Определенным вызовом для выполнения социальных обязательств служат цели, которые Евросоюз ставит перед собой для укрепления конкурентоспособности своей экономики в мире. Это, в свою очередь должно стать основанием для стратегической автономии Союза в глобальном контексте. Цифровая и зеленые повестки. Они призваны оздоровить общество и трансформировать экономику с помощью высоких технологий и экологических инноваций, могут осуществляться за счет части социальных обязательств, усиливая поляризованность общества. Это подрывает подход, заложенный основателями Европейских сообществ, – сочетание экономического роста с социальной справедливостью. Именно он долгое время легитимизировал Евросоюз в глазах европейцев и обязывал его руководство к соответствующим действиям.

Уровни неравенства

Основные параметры неравенства – уровень дохода, обеспеченности жильем, цифровых навыков, образования, доступ к здравоохранению и стабильной работе. По всем этим показателям в Евросоюзе имеются проблемы, иногда достаточно острые и долговременные. Большинство стран, вошедших в ЕС в 2000-е гг., приближались к общеевропейскому среднему уровню, однако существенный разрыв между богатыми и бедными государствами сохранился.

Одним из ярких показателей растущих диспропорций и неблагополучия беднейших слоев является численность людей на грани бедности и социального отторжения. Согласно Стратегии «Европа 2020», планировалось сократить данную категорию бедных со 115,9 млн чел. в 2008 г. до 95,9 млн чел. в 2020 г., и в целом это сделать удалось. Вплоть до 2019 г. процент беднейших слоев падал, но затем

¹ Sustainable development in the European Union – Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context – 2023 edition. 24 May 2023. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-flagship-publications/w/ks-04-23-184> (дата обращения: 20.10.2023).

вырос до 21,6% в 2022 г. (то есть 97 млн чел. в ЕС-27 уже без Британии)¹. В 2022 г. более 25% людей находились на грани бедности и социального отторжения в Болгарии, Эстонии, Греции, Испании, Латвии, Румынии (самый высокий уровень – 34,4%)². В целом по ЕС 31,5% не справлялись с непредвиденными финансовыми расходами. При этом разброс по странам по этому показателю значителен – от 14% в Нидерландах до 48% в Румынии³.

В бедственных жилищных условиях находятся 4,5% жителей от 18 до 64 лет, от 6 до 14% жителей Венгрии, Италии, Греции и Болгарии⁴. Долгосрочные последствия экономического кризиса 2008 г. привели к увеличению числа тех, кто потерял жилье или стал жить в непригодном жилье. Пандемия лишь усилила эту тенденцию. Более 700 тыс. бездомных спят на улицах европейских городов и пригородов, и еще сотни тысяч живут в социальном жилье⁵. Число бездомных значительно выросло в последние годы в Бельгии, Ирландии, Германии Венгрии, Нидерландах, Словении. К примеру, за последние 12 лет в число бездомных взрослых и детей в Брюсселе утроилось (около 133 тыс. чел. ежегодно ждут предоставления социального жилья в Бельгии)⁶. Самое большое количество людей, нуждающихся в предоставлении социального жилья и живущих в таком жилье – в Вене и Берлине (около 300 тыс. чел.), в Барселоне и Лионе⁷ более 100 тыс.

Доступ к медицинским услугам имеют далеко не все европейцы, и разброс по странам также достаточно велик. С неудовлетворенным медицинским обслуживани-

¹ European pillar of social rights. URL: Scoreboard <https://ec.europa.eu/eurostat/web/european-pillar-of-social-rights/scoreboard> (дата обращения: 20.10.2023).

² People at risk of poverty or social exclusion by sex. last update: 17/11/2023. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TEPSR_LM410__custom_6228304/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=ce778cb0-de32-4f37-81d2-a56d95bf18ab&highlight=EU27_2020 (дата обращения: 20.10.2023).

³ Inability to face unexpected financial expenses - EU-SILC survey. last update: 17/11/2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_mdcs04__custom_8436284/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Severe housing deprivation rate by tenure status. last update: 09/09/2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tepsr_lm440/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

⁵ Van Heerden, S.C., Proietti, P., Iodice, S. Homelessness in EU cities and towns before and during the Covid-19 pandemic. Main challenges and ways forward, EUR 31099 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022, ISBN 978-92-76-53233-0, doi:10.2760/223202, JRC129384 (дата обращения: 20.10.2023).

⁶ EU 2022 Poverty Watch: Unequal Times of Crises. URL: https://www.eapn.eu/wp-content/uploads/2023/06/eapn-EAPN-Report_EU-2022-Poverty-Watch_Unequal-Times-of-Crisis-5677.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

⁷ Access to affordable and social housing and support to homeless people 24 November 2020. URL: <https://eurocities.eu/latest/access-to-affordable-and-social-housing-and-support-to-homeless-people/> (дата обращения: 20.10.2023).

ем сталкиваются 3,6% жителей, родившихся в ЕС, от 10 до 20% таких граждан – в Латвии, Эстонии, Греции, Дании (8 и 9% в Венгрии и Финляндии)¹.

Отдельной драматичной темой является детская бедность в ЕС: 24,4% несовершеннолетних находится на грани бедности и социального отторжения, что выше, чем процент бедного взрослого населения (21,1%). В Австрии, например, каждый четвертый бедняк – ребенок, чьи родители не работают, являются одиночками или имеют низкооплачиваемую работу.

Безработные жители стран ЕС являются группой, в наибольшей степени подверженной риску крайней нищеты. Среди безработных людей больше всего тех, кто находится на грани нищеты и социального отторжения, в частности, в Германии (78,2%), Австрии (52%), Литве (50,4%), Хорватии (46,6%) и Бельгии (37,7%)².

Наличие цифровых навыков в современном мире определяет включенность граждан в самые разные процессы, помимо того, что без этих навыков нельзя получить высоко или даже среднеоплачиваемую работу. В 2021 г. в Евросоюзе почти 54% обладали базовыми цифровыми навыками, однако в Нидерландах, Исландии или Финляндии таких людей было более 70%, а в Румынии и Болгарии менее 30%, в Польше – 42%³. Доклад Европейской сети по борьбе с бедностью прямо указывает на цифровую бедность (неспособность правильно взаимодействовать с цифровыми инструментами и пространствами из-за отсутствия навыков, ресурсов или подключения к сети Интернет) как на новое явление, лишаящее наиболее уязвимые группы населения доступа к услугам. Например, в Испании только 58,1% домохозяйств с доходом менее 900 евро в месяц имеют компьютер, а 45% населения Португалии не имеют базовых цифровых навыков. В Греции 53,8% не знают или не могут использовать Интернет для получения социальных услуг⁴. Особенно серьезной данная проблема становится в странах, где все государственные услуги, в том числе получение минимального дохода и пособий, требуют цифровых навыков.

Уровень образования в значительной степени определяет возможность получить высокооплачиваемую работу и продвижение по карьерной лестнице. В 2022 г. в Евросоюзе 42,8% жителей в возрасте от 30 до 34 лет имели законченное высшее образование. В Германии, Хорватии, Италии, Венгрии, Румынии, Словакии таковых

¹ Self-reported unmet needs for medical examination by sex, age, main reason declared and groups of country of birth. last update: 17/11/2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/hlth_silc_29/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

² EU 2022 Poverty Watch: Unequal Times of Crises. URL: https://www.eapn.eu/wp-content/uploads/2023/06/eapn-EAPN-Report_EU-2022-Poverty-Watch_Unequal-Times-of-Crisis-5677.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

³ Individuals who have basic or above basic overall digital skills by sex. last update: 19/09/2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tepsr_sp410/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ EU 2022 Poverty Watch: Unequal Times of Crises. URL: https://www.eapn.eu/wp-content/uploads/2023/06/eapn-EAPN-Report_EU-2022-Poverty-Watch_Unequal-Times-of-Crisis-5677.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

менее 40%. Наименее образованные страны по этому показателю – Италия и Румыния (по 26–27%)¹. В целом по Евросоюзу 25% жителей от 15 до 64 лет имеют образование не выше среднего или не имеют даже начального. Таких более 30% в Испании, Италии, Мальте, Португалии (самый высокий уровень – 39,6%)².

Одновременным вызовом является иммиграция, которая создает различные уровни неравенства в обществе. В Евросоюз прибывают выходцы из Ближнего Востока и Африки, других регионов мира и стран, и у многих из них нет ни образования, ни тем более продвинутых цифровых навыков. При этом иммигранты теснят беднейшие слои местного населения, претендуя на низкооплачиваемую работу и пособия. Их поток будет только расти. Например, в 2022 г. в ЕС было получено почти 880 тыс. заявлений от первоначально просящих убежище, что на 64% выше, чем в 2021 г.³ Кроме того, 310 тыс. чел. получили право на защиту в ЕС⁴. В связи с украинским кризисом по состоянию на сентябрь 2023 г. временную защиту на территории ЕС получили 4,2 млн перемещенных лиц (в основном, в Польше, Германии и Чехии)⁵.

Иммиграция углубляет неравенство среди тех, кто фактически живет в европейских странах. Это доказывает статистика благосостояния по тем жителям, которые не являются гражданами ЕС и родились за пределами Союза. Рискун монетарной бедности в 2021 г. были подвержены 38,7% неграждан на территории ЕС по сравнению с 14,8% граждан. На грани бедности и социального отторжения находятся 46,2% неграждан ЕС, и более 50% – в Испании, Греции и Франции⁶. Уровень нера-

¹ Tertiary educational attainment, age group 30-34. last update: 15/09/2023. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tesem030/default/table?lang=en> (дата обращения: 20.10.2023).

² Population by educational attainment level, sex and age (%) - main indicators. last update: 15/09/2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/edat_lfse_03__custom_8557145/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

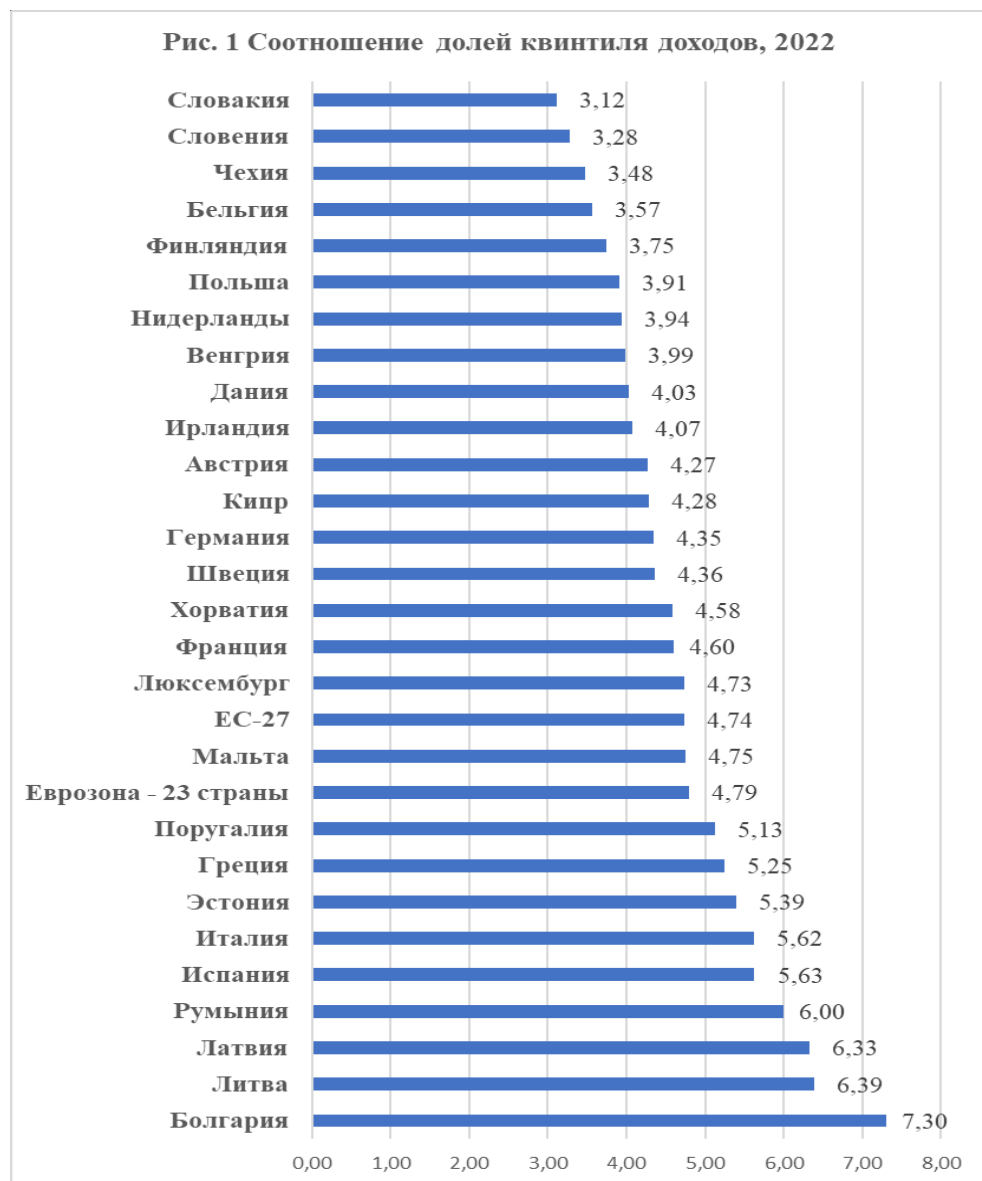
³ Asylum applicants by type of applicant, citizenship, age and sex - annual aggregated data. last update: 28/10/2023. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_ASYAPPCTZA/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ First instance decisions on applications by citizenship, age and sex - annual aggregated data. last update: 18/10/2023. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_ASYDCFSTA/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

⁵ Temporary protection for persons fleeing Ukraine - monthly statistics. Data extracted on 8 November 2023. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Temporary_protection_for_persons_fleeing_Ukraine_-_monthly_statistics#Who_are_the_people_fleeing_Ukraine_and_receiving_temporary_protection.3F (дата обращения: 20.10.2023).

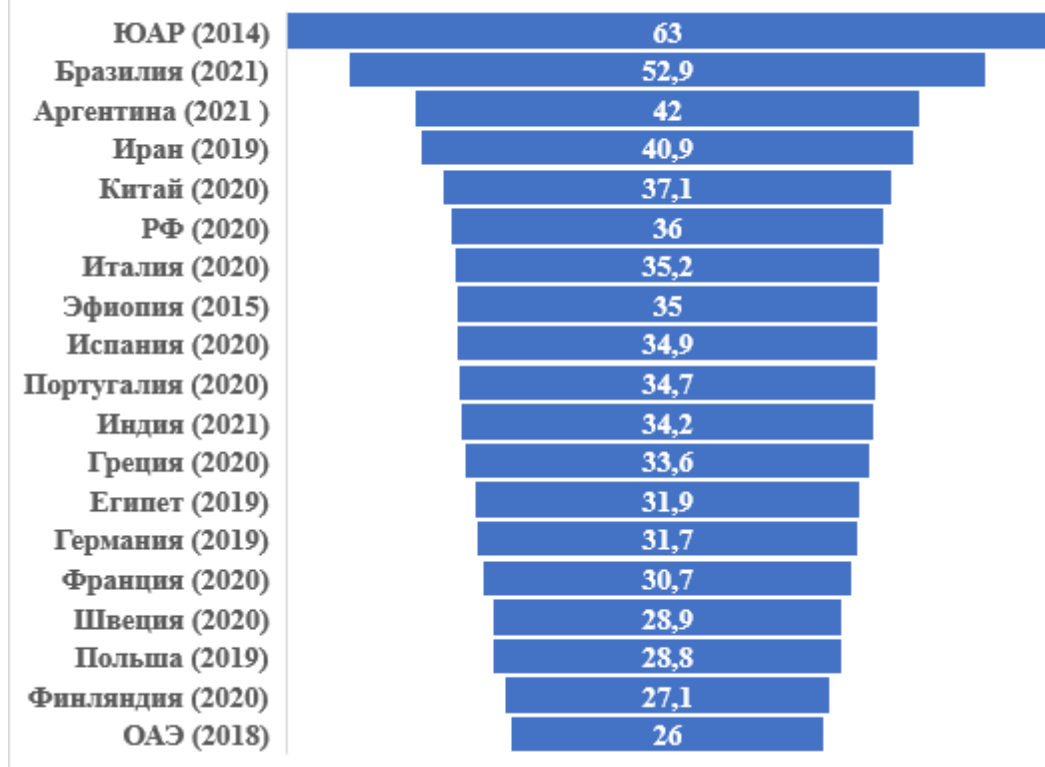
⁶ Persons at risk of poverty or social exclusion by group of citizenship (population aged 18 and over). last update: 17/11/2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_peps05n/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

ботающих среди неграждан составил почти 40% в 2022 г. по сравнению с 25%. Численность молодых людей вне обучения и образования среди неграждан – в два раза больше, чем среди граждан (22,3 и 10,9% в 2022 г.). Почти треть неграждан в возрасте с 18 до 24 лет отказываются от дальнейшего обучения и образования (26,1% в 2022 г. по сравнению с 8,3% среди граждан), что сказывается на их дальнейших возможностях.

Источник: Income quintile share ratio. last update: 17/11/2023. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tessi180/default/table?lang=en>

Рис. 2 Индекс Джини (данные Всемирного банка)

Источник: World Bank, Poverty and Inequality Platform. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2021&locations=IN-BR-CN-DE-FR-IT-ZA-IR-PL-SE-ES-PT-GR-RU-AR-EG-SA-ET-AE-FI&most_recent_value_desc=true&start=2003 (дата обращения: 20.10.2023).

Различные степени неравенства можно оценить по индексу соотношения квинтилей доходов населения, который демонстрирует разрыв между богатыми и бедными в обществе, и индексу Джинни, показывающему равномерность распределения общественного богатства, доходов населения. На Рисунке 1 представлены страны ЕС по соотношению квинтилей доходов. Наименьший разрыв в Словении, Словакии, Чехии, а наибольший – в Болгарии, Латвии, Литве, Румынии, Португалии, Испании, Греции, Эстонии.

Список лидеров и аутсайдеров практически совпадает с данными по соотношению квинтилей. В целом по Евросоюзу в последние десять лет индекс Джинни находился на уровне 30 пунктов¹. На Рисунке 2 представлены для сравнения индексы

¹ Gini coefficient of equivalised disposable income - EU-SILC survey. last update: 17/11/2023. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_di12/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2023).

Джинни ряда ведущих европейских стран, а также членов расширенного БРИКС (данные по Саудовской Аравии, которая стала частью БРИКС+, отсутствуют). По данным Всемирного банка, индекс Джинни у Португалии, Испании, Испании и Италии выше, чем в Индии (34,2), а у Греции находится примерно на уровне Индии (33,6). Безусловно, ситуации в разных странах буквально сравнивать нельзя, но эти данные показывают относительность представлений о справедливом распределении общественного богатства в мире.

Тренды неравенства

Недовольство значительных слоев населения, подвергшихся социальному отторжению, отражено в поддержке популистских партий и движений в ЕС. Многочисленные исследования социальной базы популистов показывают устойчивую связь возмущения политикой господствующих европейских элит со стороны неимущих, обедневшего среднего класса, тех, кто в той или иной степени пострадал от процесса модернизации общества и экономики в процессе глобализации труда и ценностей [Биссон, Лункин, 2021], а также тех, кто не ожидает (или не связывает) увеличения своего благосостояния от зеленой политики и цифрового перехода. «Аргумент неравенства» использовался многими экономистами для объяснения роста популистских партий как последствий глобализации и концентрации богатства¹.

Обострение неравенства в разных сферах европейской жизни сформировало поле социальной эксклюзии. Вследствие этого часть населения деполитизируется, часть уходит в политический экстремизм. При этом средний класс сокращается и теряет доходы. В то время как неквалифицированные работники выбывают с рынка труда, их неквалифицированные рабочие места занимают квалифицированные специалисты из среднего класса. «Если средний класс сократится и испытает нисходящую мобильность, то поддержка наших традиционных демократических правительств, вероятно, снизится из-за растущей политической изоляции и апатии среди широких слоев общества, с одной стороны, и из-за усиления политического и потенциально антидемократического радикализма среди граждан, которые не принимают такие изменения – с другой» [Allmendinger, Driesch, 2014].

Экономист и социолог Б. Миланович отмечает, что долгое время средний класс в США и в меньшей степени в Западной Европе жил благополучно, имел возможность брать займы и «быть не хуже других». Однако доходы среднего класса не росли, и в ходе кризисов его представители вдруг обнаружили, что помимо растущих цен необходимо платить и по долговым обязательствам. Отсутствие межпоколенческой мобильности привело к тому, что появилось много людей, которые не

¹ Inequality in Europe. January 2018. Authors: Rocco L. Bubbico (ECON), Leon Freytag (CEPS). European Investment Bank. URL: https://www.eib.org/attachments/efs/econ_inequality_in_europe_en.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

способны внести свой вклад в жизнь общества, работая на высококвалифицированной работе и участь, потому что у них просто нет денег, чтобы заниматься этим.

Последствия изменений на рынке труда для формирования новых неравенств отмечает социолог Дж. Лопес. Это прежде всего появление атипичных форм занятости, ослабление социального диалога, рост временных типов работы. Рынок труда по существу перестал быть стабильным источником процветания для многих людей¹.

Размывание рынка труда отражают дискуссии вокруг прекариата как нового класса людей с неполной и нерегулярной занятостью. Прекариат имеет не только экономическое значение, но и политическое для понимания социальной базы политических партий и источника трудовых конфликтов нового типа в условиях роста протестных настроений и социального неравенства. В разных сферах экономической жизни в современном обществе от 30 до 70% занятых являются в той или иной степени прекариатом².

Поле социальной эксклюзии активно формируют малообразованные граждане. Следует говорить даже не об отсутствии базового образования, а скорее о несоответствии людей рынку труда, требующего высококвалифицированных навыков, которых не может заменить искусственный интеллект. Плохо образованные европейцы почти в три раза чаще подвергаются риску бедности или социальной изоляции, чем люди с высшим образованием. Существует тесная связь между более высоким уровнем образования и показателями здоровья, снижения заболеваемости и доступа к здравоохранению и ожидаемой продолжительностью жизни. Европейцы с высшим образованием живут на 5,5 лет дольше, чем европейцы с образованием ниже среднего. Образование является решающим фактором для социальной интеграции иммигрантов и профилактики экстремизма в их среде³.

По данным ООН обозначенные вызовы соотносятся с факторами, углубляющими неравенство. Это технологическая революция, изменения климата, урбанизация, международная миграция⁴. Экономическое неравенство имеет огромное влияние на изменение климата.

При всем многообразии возникающих в рамках социальных трансформаций угроз источником нового неравенства является не только имущественное расслоение

¹ Inequality in Europe. Social Europe dossier. 2018. Friedrich Ebert Stiftung, Hans Böckler Stiftung, Social Europe. URL: <https://www.socialeurope.eu/wp-content/uploads/2018/01/Inequality-in-Europe-final.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

² Report 2023. The New Normal. Elements of a New structural and widespread Precariousness S.U.P.I. Network, international research group on Precariousness and Social Uncertainty, in collaboration with the Italian Institute EURISPES Berlin-Rome, March 24 2023.

³ The role of education for social inequality in modern societies (with a special perspective on EU Member States). NESET II ad hoc question No. 5/2017. By Dovydas Caturianas, PPMI; Laima Užpelkienė, PPMI; Valentina Migliarini, R. URL: <https://nesetweb.eu/wp-content/uploads/2019/06/The-role-of-education-for-social-inequality.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ World Social Report 2020: Inequality in a Rapidly Changing World. Voorkant Department of Economic and Social Affairs United Nations, 14 feb 2020.

ние. Меняется характер получать благосостояние в современном обществе, и он сильно отличается от прежнего вознаграждения за честный, как правило, физический труд. Новый трансформационный контекст помогает понять концепция «эпохи доступа» Дж. Рифкина, как глобального сетевого постисторического общества, главным фактором в котором выступает рост технологий. Рынки заменяются сетевыми отношениями; отношения владения собственностью заменяются доступом к информации, доминирует этика игры, доступ. Социальное неравенство в таком обществе связано прежде всего с масштабным вытеснением человека из сферы производства [Rifkin, 2000; Мартыненко, 2018].

Технологические сдвиги, новая промышленная революция изменяют не только рынок труда, но и создают новые типы неравенства. Если использование роботов в производстве качественно не оказало влияние на зарплаты и занятость, то внедрение искусственного интеллекта ставит под удар целый ряд профессий и рабочих специальностей. Как отмечают эксперты Европейского инвестиционного банка, неравенство возможностей с некоторым временным запаздыванием влияет на неравенство в распределении доходов. Неравенство возможностей влияет на рост и эффективность экономики, так как возникают препятствия для реализации индивидуального экономического потенциала (отсутствие доступа к возможностям получения дохода). Неэффективные государственные институты плохо регулирующие экономику и нормы справедливости, не успевают за реальностью; растет политическая напряженность и конфликты¹. В рамках социальных трансформаций увеличивается значение инновационного потенциала бизнеса и социальной экономики² как сочетания усилий социального предпринимательства и организаций третьего сектора.

* * *

Сочетание новых и старых форм неравенства с технологическим переходом привело к возникновению риска, связанного с тем, что можно назвать гражданским отторжением по аналогии с социальным отторжением (эксклюзией). Этот риск связан, с одной стороны, с оттеснением части общества от производства общественно-го блага или продукта, так как для новой инновационной экономики вполне достаточно (и даже необходимо) иметь человека-потребителя, но не человека-

¹ Inequality in Europe. January 2018. Authors: Rocco L. Bubbico (ECON), Leon Freytag (CEPS). European Investment Bank. URL: https://www.eib.org/attachments/efs/econ_inequality_in_europe_en.pdf

² Европейский Союз целенаправленно сделал приоритетом развитие социальной экономики и поддержку ее субъектов, в особенности, это касается участия данных субъектов, по крайней мере, в решении двух проблем: социального отторжения и участия в профессиональном обучении и переподготовке кадров для нужд цифрового общества и зеленой экономики. См.: Social economy: Commission proposes ways to harness its full potential for jobs, innovation and social inclusion. 13 June 2023 Brussels. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3188

производителя. Такого рода экономический субъект может ничего не создавать, либо может работать в рамках прекарной занятости, но своим существованием он легитимирует систему управления и тратит средства минимальных зарплат, дохода, пособий, которые ему достаются. С другой стороны, в контексте данного вида риска создается новое неравенство возможностей, когда человек без должных цифровых навыков и высокопрофессиональной квалификации (то есть лишенный «доступа») будет в значительной степени отделен от социальных и общественно-политических процессов, в том числе он не сможет адаптироваться к новым формам занятости, а значит и получать достойный доход, образование и т.п.

Высокие технологии и усложнение систем образования и профессиональной подготовки создают намного больший, чем ранее, разрыв между теми, кто может влиться в новые алгоритмы и теми, кто от них оказался отделен (а такие будут всегда, масштаб отторжения зависит от социокультурных особенностей каждой страны, региона). Основным социальным риском современного общества стало формирование глубоко разделенного социума, где граждане отличаются не только по уровню доходов, но и по умениям, навыкам, возможностям самореализации в профессиональном, творческом, технологическом смысле. Гражданское отторжение приведет к корректировке демократических механизмов, в рамках которых недовольные новым укладом могут быть маргинализированы.

Новизна этого процесса состоит не только в цифровом и экологическом обрамлении неравенства, но и в противоречивом идеологическом контексте, сопровождающем это явление. В XX в. одним из значимых вопросов было достижение социального благополучия через гражданское участие и осознание социальных и иных прав человека. При общем подъеме уровня жизни и наличия минимального уровня благ, XXI в. может стать эпохой сворачивания программы всеобщего демократического участия в управлении государством и формирования новых форм социального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек У. (2000) *Общество риска: На пути к другому модерну*. Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. Прогресс-Традиция, Москва. 383 с.

Биссон Л.С., Лункин Р.Н. (2021) Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС. *Общественные науки и современность*. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1

Европа в кризисном мире (2022) Отв. ред. Ал.А. Громыко. ИЕ РАН, Издательство «Весь Мир», Москва. С. 192–249.

Бурдьё П. (1993) *Социология политики*: Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. Socio-Logos, Москва. 336 с.

Капелюшников Р.И. (2019) Экономическое неравенство – вселенское зло? [Текст] : препринт WP3/2019/01; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Изд. Дом Высшей школы экономики, Москва. 28 с.

Куракин Д. (2020) Трагедия неравенства: расчеловечивая "тотального человека". *Социологическое обозрение*. Т. 19. № 3. С. 167–231. DOI 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231. EDN HFUIZM.

Мартыненко Т.С. (2018) «Трансформация социального неравенства в "эпоху доступа"» *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* № 43. С. 161–170.

Осипова Н.Г. (2019) Социальное неравенство в современном мире. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* № 25(4). С. 124–153. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153>

Пикетти Т. (2015) «К политической и исторической экономии. Размышления о капитале в XXI веке». *Экономическая история.* № 4(31). С. 7–19.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. (2021) Социальные размежевания и политические противостояния в современном научном дискурсе. *Полис. Политические исследования.* № 5. С. 56–77. DOI 10.17976/jpps/2021.05.05.

Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. (2021) Под ред. Н.Г. Осиповой. Перспектива, Москва. 276 с.

Удовенко И. (2023) Социальная политика и экосистемы государственного управления. *Мировая экономика и международные отношения.* Т. 67. № 9. С. 129–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-129-138> EDN: SJOMYP

Allmendinger, Jutta; von den Driesch, Ellen (2014) Social inequalities in Europe: Facing the challenge, WZB Discussion Paper, No. P 2014-005, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), Berlin. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/103956/1/800451910.pdf>

Rifkin J. (2000) *The Age of Access : the New Culture of Hypercapitalism, Where All of Life is a Paid-for Experience.* New York : J.P. Tarcher/Putnam.

Social Inequality: The Modern Risk Society¹

R.N. Lunkin

Doctor of Sciences (Politics), Professor RAS

Deputy Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,

Deputy Chief Editor of „Sovremennaya Evropa“

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: romanlunkinn@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problem of social inequality in modern society on the example of the countries of the European Union. The main challenges of social transformations are considered using the concept of risk society. The possession of one or another type of capital in the social field (mostly related to talents and skills) generates differences and, ultimately, existential inequality, when some people have the opportunity to live in an inclusive society, while others do not. In this regard, modern states face the question of what new challenges are created by the previous forms of social inequality in the context of technological shifts. It is concluded that the combination of new and old inequalities with technological transition has led to the emergence of a new risk associated with what can be called civil exclusion by analogy with social exclusion. This risk is associated partially with the displacement of a part of society from the production of a common goods or products. The main challenge of modern society has become the for-

¹ The article was prepared within the project «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation» supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

mation of a deeply divided society, where citizens differ not only in terms of income, but also in their skills, abilities, opportunities for self-realization in professional, creative, technological senses. Civil rejection also leads to the correction of democratic mechanisms, within which those dissatisfied with the new way of life are marginalized.

Key words: European Union, social partnership, social legitimacy

DOI: 10.31857/S0201708323070148

EDN: rwwthd

REFERENCES

- Bek U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modern*. Per. s nem. V. Sedelnika. N. Fedorovoy. Progress-Traditsiya, Moscow. (In Russian).
- Bisson L.S., Lunkin R.N. (2021) Kontury novykh sotsialno-politicheskikh klivazhey v stranakh ES. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, 6, pp. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1
- Gromyko A.I.A. (ed.) (2022) *Evropa v krizisnom mire*. IE RAN, Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 192–249. (In Russian).
- Burdye P. (1993) *Sotsiologiya politiki*. Per. s fr. sost.. obshch. red. i predisl. N.A. Shmatko, Socio-Logos, Moscow, Russia.
- Kapelyushnikov R.I. (2019) *Ekonomicheskoye neravenstvo – vselenskoye zlo?* (Preprint WP3/2019/01), Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki. HSE, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kurakin. D. (2020) Tragediya neravenstva: raschelovechivaya "totalnogo cheloveka, *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 19(3), pp. 167–231. DOI 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231. EDN HFUIZM. (In Russian).
- Martynenko T.S. (2018) Transformatsiya sotsialnogo neravenstva v "epokhu dostupa", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 43, pp. 161–170. (In Russian).
- Osipova N.G. (2019) Sotsialnoye neravenstvo v sovremennom mire. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya.*, 25(4), pp. 124–153. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153> (In Russian).
- Piketti T. (2015) "K politicheskoy i istoricheskoy ekonomii. Razmyshleniya o kapitale v XXI veke" *Ekonomicheskaya istoriya*, 4(31), pp. 7–19. (In Russian).
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. (2021) Sotsialnyye razmezhevaniya i politicheskiye protivostoyaniya v sovremennom nauchnom diskurse, *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 5, pp. 56–77. DOI 10.17976/jpps/2021.05.05. (In Russian).
- Osipova N.G. (ed.) (2021) *Sotsialnoye neravenstvo v sovremennom mire: novyye formy i osobennosti ikh proyavleniya v Rossii*. Perspektiva, Moscow, Russia. (In Russian).
- Udoenko I. (2023) Sotsialnaya politika i ekosistemy gosudarstvennogo upravleniya. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 67(9), pp. 129–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-129-138> EDN: SJOMYP (In Russian).
- Allmendinger, Jutta; von den Driesch, Ellen (2014) Social inequalities in Europe: Facing the challenge, WZB Discussion Paper, No. P. 2014-005, *Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung* (WZB), Berlin. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/103956/1/800451910.pdf>
- Rifkin J. (2000) *The Age of Access: the New Culture of Hypercapitalism, Where All of Life is a Paid-for Experience*. New York: J.P. Tarcher/Putnam/

УДК 0304.4

ПОДХОДЫ К НЕРАВЕНСТВУ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС¹

© 2023 КОЛЕСОВ Денис Иванович

Младший научный сотрудник

Отдел социальных и политических исследований Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: deniskolesov@gmail.com

Поступила в редакцию 12.10.2023

После доработки 07.11.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье проанализированы существующие подходы к социальному неравенству на современном этапе развития Европейской социальной модели. В исследовании уделено внимание различиям между вертикальным и горизонтальным, или групповым, неравенством, компенсационной политике и социальному инвестированию, а также представленности различных групп как объектов социальной политики. Подходы к пониманию неравенства рассмотрены на примере Европейского фонда улучшения условий жизни и труда (Еврофонд) и Европейского социального фонда «плюс». Сделан вывод, что ЕС уделяет наибольшее внимание групповому неравенству, проблеме включенности различных уязвимых групп и противодействию социальному отчуждению. За счет борьбы с горизонтальным неравенством Евросоюз пытается решить ряд проблем, включая безработицу, бедность, профессиональное и экономическое расслоение и разочарование части населения в европейской интеграции. Направленность на горизонтальное неравенство приводит к конструированию уязвимых групп, а значит и к их различной представленности в социальных и исследовательских программах ЕС. Фокус на включенности в рынок труда ставит вопрос об игнорировании групп, неспособных внести вклад в построение Социальной Европы.

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная политика, государство всеобщего благосостояния, Европейский союз, Европейский фонд улучшения условий жизни и труда, Европейский социальный фонд плюс, риски

DOI: 10.31857/S020170832307015X

EDN: rlezec

Проблема социального неравенства остается одной из наиболее острых для международного сообщества. Согласно докладу Всемирной лаборатории неравенства, 10% самых богатых людей получают 52% мирового дохода и владеют 76% всех активов. В отношении гендерного неравенства в 1990 г. доля дохода женщин в общих трудовых доходах приближалась к 30%, а сегодня все еще составляет менее 35%¹. Заместитель генерального директора Международной организации труда М. Томей на 61-й сессии Комиссии по социальному развитию в 2023 г. заявила, что 214 млн трудящихся живут в условиях крайней нищеты, получая менее 1,9 долл. в день, 290 млн молодых людей не работают и не учатся, а 2 млрд работают в неформальном секторе².

В прошлом предлагались разные проекты решения проблемы социального неравенства. Одним из них стала европейская социальная модель, в рамках которой существуют представления об универсальной справедливости и универсальной системе социальной защиты. Она стала важной частью европейской интеграции, хотя изначально социальная политика рассматривалась как внутреннее дело каждого государства. После Второй мировой войны западноевропейские политические элиты взяли курс на решение социальных проблем на основе общественных потребностей и компромиссов [Каргалова, Егорова, 2010: 52–53]. «Поставленная в 50–60-е годы задача строительства Европы, обеспечивающей благосостояние и социальные гарантии всем гражданам, в дальнейшем была дополнена разработкой социальной политики..., проводимой на общеевропейском уровне» [Каргалова, 1999: 80]. В XXI в. Европейская социальная модель (ЕСМ) столкнулась со множеством вызовов, связанных с трансформацией общества. Цель статьи – рассмотреть изменения в подходах к социальному неравенству в европейской социальной политике на современном этапе.

Европейская социальная политика и управление рисками

Социальную политику можно рассматривать исходя из двух целей: обеспечение основных потребностей и управление рисками [De Neubourg, Weigand, 2000]. Модель государства всеобщего благосостояния основывалась на императиве обеспечения человека достойным уровнем жизни: работой, образованием, медицинским обслуживанием, пенсией, различными пособиями. К рискам, на которые должна

¹ Доклад о неравенстве в мире 2022. World Inequality Lab. URL: <https://wir2022.wid.world/> (дата обращения: 07.11.2023).

² 52 процента глобальных доходов получают лишь 10 процентов населения планеты. Новости ООН. 07.02.2023. URL: clck.ru/36oUpF (дата обращения: 07.11.2023).

быть направлена социальная политика, также относятся риски для баланса работы и личной жизни, наличие невостребованных навыков и невозможность их усовершенствования, использование механизмов частного страхования [Taylor-Gooby, 2004].

К современным рискам для Европейской социальной модели (ЕСМ) можно также отнести нестабильность рабочей силы, кризисы пенсионной системы, рождаемость ниже уровня воспроизводства [Cook, Titterton, 2023]. Неспособность справиться с ними привела к дерегулированию рынка труда, приватизации социального обеспечения и выходу государства из секторов социальной сферы [Esping-Andersen, 2010].

Социальная политика, исходя из вертикальной и горизонтальной стратификации, направлена на создание и поддержку институтов социальной мобильности (борьба с вертикальным неравенством) или на включенность в общество (борьба с горизонтальным неравенством, или групповым, и противодействие дискриминации). Результатом выступает интеграция в средний класс как воображаемое онтологическое большинство, социальную норму достижимости, политическое самовыражение которого «связано с идентификацией с доминирующей идеологией как нормой» [Мартьянов, 2016: 56]. Однако трансформация структуры общества привела к эрозии среднего класса – основной опоры государства всеобщего благосостояния. Вместо устойчивого солидарного социального слоя, обеспечивающего стабильность общественного и государственного устройства, его место занял прекариат [Бауман, 2015: 18], характеризующийся нестандартной занятостью, незащищенностью труда и дохода, отсутствием профессиональной самоидентификации [Стэндинг, 2014]. Отсюда происходит формирование новых объектов социальной политики: исключенных групп и групп риска как «кандидатов в прекариат».

В таком случае в рамках борьбы с горизонтальным неравенством размывается общество, в которое уязвимые группы должны быть включены в контексте реализации социальной политики. В рамках вертикального неравенства происходит все большее расслоение, а институты социальной мобильности теряют эффективность. В исследовательских дискуссиях обсуждается проблема вертикального экономического неравенства [Аткинсон, 2018; Пикетти, 2023]. Одной из форм вертикального неравенства также выступает профессиональное расслоение. Раздел пролегает между теми, «кто в основном занят физическим трудом и работает офлайн», и теми, «кто работает в виртуальном пространстве...» [Лункин, 2022: 246]. В связи с этим современная европейская социальная политика направлена на преодоление разрыва навыков¹, который обладает не только социо-экономическим, но и политическим измерением. Вместе с тем необходимость труда высококвалифицированных работников привела к эксплуатации и самоэксплуатации [Давыдов, 2021], что ведет к неравенству в условиях труда между «синими» и «белыми» воротничками и в последнем случае к прекарным условиям. В итоге вертикальное неравенство работников с низкими и высокими навыками переходит в русло группового неравенства.

¹ European Year of Skills. URL: https://year-of-skills.europa.eu/about_en (дата обращения: 10.10.2023).

Расширение адресной помощи уязвимым группам соответствует тенденции расширения сферы социальной политики ЕС и охвату все новых аспектов: повышение занятости, социальное партнерство, социальный диалог, социальное обеспечение и страхование, защита социальных прав молодёжи, социальная экология и социальная безопасность [Егорова, Каргалова, 2010: 6]. К новым неравенствам, на противодействие которым направлена европейская социальная политика, можно отнести цифровой разрыв [van Dijk, 2020], временное неравенство [Giurge et al., 2020], климатическое неравенство¹.

Принятие Европейской опоры социальных прав (ЕОСП)² в 2017 г. стало новым этапом в формировании ЕСМ и возвращением социального измерения в фокус наднационального регулирования после политики жесткой экономии. Причиной, в частности, стало осознание, что неспособность Евросоюза решать социальные вопросы может вызвать разочарование в интеграционном проекте [Борко, Биссон, 2019: 12]. В ЕОСП и Плате действий по ее реализации внимание уделяется в первую очередь горизонтальному равенству, равенству возможностей и равенству обращения в виде выделения различных уязвимых групп. Кроме традиционных групп, подверженных риску исключенности (молодежь, бедные, пожилые, бездомные, родители, люди с ограниченными возможностями, безработные, женщины), новыми группами риска становятся прекарные занятые, низкоквалифицированные работники, работающие бедные. ЕОСП содержит и универсальные принципы (например, «Образование, обучение, в том числе в течение всей жизни» и «Доступ к основным услугам»). Важная часть ЕОСП – это борьба с бедностью, затронутая в 6-м принципе в отношении работающих бедных и 11-ом в отношении детей. Несмотря на то что борьба с бедностью связана с экономическим расслоением, проблема бедности может быть отнесена к горизонтальному неравенству, т. к. бедные являются уязвимой группой [Fukuda-Parr, 2019].

В Плате действий³ в рамках первой цели «К 2030 году как минимум 78% населения в возрасте от 20 до 64 лет должны иметь работу», обладающей универсалистским пониманием, предполагается также сосредоточиться на уязвимых группах. Такой подход предполагает, что проблема безработицы решается на основе включения в рынок труда групп за счет обеспечения равенства возможностей. Несмотря на широкую представленность групп в Плате действий, ключевые – молодежь и неквалифицированные рабочие. Кроме того, проблема работающих бедных связана с этническим происхождением, инвалидностью, религией, возрастом и сексуальной ориентацией. Вместе с тем в Плате действий упоминается проблема соотношения неравенства и бедности: «Хотя уровень бедности снизился за последнее десятиле-

¹ Доклад о неравенстве в мире 2022.

² Interinstitutional Proclamation on the European Pillar of Social Rights. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017C1213\(01\)&rid=2](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017C1213(01)&rid=2) (дата обращения: 10.10.2023).

³ The European Pillar of Social Rights Action Plan. URL: <https://op.europa.eu/webpub/empl/european-pillar-of-social-rights/en/> (дата обращения: 30.10.2023).

тие, неравенство не последовало той же тенденции»¹. Однако проблема социального расслоения может быть решена за счет роста доходов наиболее уязвимых слоев населения и расширения охвата социальной защиты.

В феврале 2023 г. сформированная Еврокомиссией Группа высокого уровня по будущему социальной защиты и государства всеобщего благосостояния в ЕС представила доклад, в котором в качестве основной цели государства всеобщего благосостояния выступает защита от вызовов, сопровождающих человека на протяжении всей жизни². Такой подход формирует цикл жизни, на протяжении которого человек сталкивается с различными рисками и предполагает внимание к возрастному неравенству как ключевому. При этом все возрастные группы оцениваются как уязвимые (дети, молодые люди, люди трудоспособного возраста, пенсионеры). С точки зрения авторов доклада, традиционная компенсационная политика, направленная на удовлетворение основных потребностей, должна дополняться социальным инвестированием, которое предполагает формирование способности граждан самостоятельно справляться с рисками. Другой ключевой вопрос доклада – это борьба с климатическим неравенством исходя из проблемы множественной дискриминации (в докладе используется термин «тройная несправедливость» – *triple injustice*). Негативные последствия изменения климата в первую очередь затрагивают наиболее уязвимые группы. При этом чрезмерные выбросы углекислого газа тесно коррелируют с доходом. Зеленый переход также может добавить третий тип несправедливости, поскольку связанные с ним политические меры рискуют привести к более высоким затратам для тех, у кого самые низкие доходы. Несмотря на то что в докладе климатическое неравенство рассмотрено как вертикальное, предлагается вычленять наиболее уязвимые группы и территории.

Концептуальные подходы к социальному неравенству на примере Еврофонда

Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (Еврофонд) – агентство ЕС, целью которого является экспертное сопровождение социальной политики ЕС и государств-членов³. В рамках программных документов основными темами исследований Еврофонда выступают трудовые отношения, условия труда и условия жизни. Тема неравенства выделяется или как отдельный приоритет исследований, или как дополнительная сквозная тема.

¹ Там же.

² The Future of Social Protection and of the Welfare State in the EU. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2023. 98 p. DOI: 10.2767/35425

³ Regulation (EU) 2019/127 of the European Parliament and of the Council of 16 January 2019 establishing the European Foundation for the improvement of living and working conditions (Eurofound), and repealing Council Regulation (EEC) No 1365/75. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R0127#ntc8-L_2019030EN.01007401-E0008 (дата обращения: 30.10.2023).

В программе на 1997–2001 гг. в качестве приоритета выделено равенство возможностей дискриминируемых групп, в первую очередь женщин¹. При этом само неравенство не выступает риском или угрозой, а связано с идеей справедливости и свободы в демократическом сообществе. В рамках данного направления внимание уделяется вовлечению женщин в процесс принятия решений, а также продвижению практик равных возможностей на рабочем месте. Это направление исследований тесно связано с темами «Социальная сплоченность» и «Участие». Программа не выделяет уязвимые группы (за исключением женщин), предполагая включенность всех ключевых агентов. Приоритет «Участие» предполагает развитие гражданского общества и поощрение активного участия граждан. Именно это направление – одно из ключевых в исследованиях. В годовых программах 1999 и 2000 гг. «Участие» было вторым приоритетом после занятости по количеству реализованных проектов и первым по количеству основных проектов и сосредоточено на компаниях и гражданском обществе, т. е. не содержит вопросов включенности и социального неравенства². В рамках приоритета «Равные возможности» все проекты посвящены проблеме гендерного неравенства.

Программа 2001–2004 гг. не включает тему социального неравенства, но относит ее к сквозным темам в рамках основных областей экспертизы³. В нее входят расширение равных возможностей для мужчин и женщин, управление разнообразием и поддержка социальной интеграции. Еврофонд рассматривает управление многообразием и содействие недискриминации с точки зрения конкурентоспособности и производительности. В программе на 2005–2008 гг.⁴ социальная сплоченность вновь выделена в качестве приоритета наряду с занятостью, балансом между работой и личной жизнью, производственными отношениями и партнерством. Вместе с тем тема неравенства также остается сквозной. В рамках занятости речь идет о равенстве возможностей, наиме уязвимых групп, в рамках баланса между работой и личной жизнью – проблемы для конкретных категорий работников (например, родителей, опекунов и попечителей, пожилых людей и мигрантов). В 2007 г. в качестве темы для исследований выделены самозанятые, но не как уязвимая группа⁵.

¹ A programme for 1997–2000. Facing up to the challenges of European society. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2012/programme-1997-2000-facing-challenges-european-society> (дата обращения: 30.10.2023).

² Programme of Work for 1999. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2012/programme-work-1999>; Programme of Work for 2000. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2016-07/ef0001en.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Analysing and anticipating change to support socio-economic progress. Four-year programme 2001–2004. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2012/analysing-and-anticipating-change-support-socio-economic-progress-0> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Changing Europe: Better work, better life - Four-year work programme 2005–2008. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2016-07/ef04103en.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Programme of work for 2007. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2007/programme-work-2007> (дата обращения: 30.10.2023).

Программа 2013–2016 гг., посвященная восстановлению после экономического кризиса, наиболее социально ориентирована¹. Социальная проблематика включена в каждый приоритет исследований. Расширение участия на рынке труда и борьба с безработицей, в частности, путем содействия интеграции также является приоритетом. В этой программе Еврофонд обращал внимание на выделении наиболее пострадавших групп и наиболее эффективных мер для борьбы с социальным отчуждением. В программе 2017–2020 гг.² социальная проблематика перестала быть ключевой. Вместе с тем были выделены качество жизни и общественных услуг и возможности и риски цифровых технологий. Социальное отчуждение рассматривалось исходя из этих двух приоритетов. Программный документ 2021–2024 гг. вернулся к кризисному нарративу³. Проблемы неравенства и исключенности есть почти в каждом основном приоритете. Они также выделены в качестве дополнительного направления, которое предполагает изучение различных групп, включая средний класс. Уязвимой группой также стали самозанятые. В фокусе появляются не только материальные и экономические условия существования групп, а также их доверие к институтам ЕС. Программный документ предполагает рассмотрение вопросов многомерного неравенства.

Постоянными темами в исследовательских отчетах и аналитических записках Еврофонда стали вопросы гендерного неравенства, возрастного неравенства, опекунов и попечительства, нестандартной занятости, возможности доступа людей с ограниченными возможностями и хроническими заболеваниями (Табл. 1; Рис. 1)⁴. Безработице стало уделяться внимание с 2017 г., на что повлияло принятие ЕОСП и, как следствие, поворот к социальной политике, при этом с этого же года тематика беженцев и мигрантов потеряла прежнее значение. Проблеме работающих бедных стали больше уделять внимание с 2014 г. Постоянными темами выступают нестандартная и прекарная занятость, а также неформальная занятость, обман со стороны работодателя и командированные работники. Это разделение отражает стремление сохранить положительные стороны нестандартной занятости в результате их включения в программы социальной защиты. С 2020 г. в связи с пандемией *COVID-19* появились новые темы: телеработники и платформенные работники, в контексте которых стала рассматриваться неформальная занятость в цифровой сфере, возможные мошеннические практики со стороны работодателя, а также нестандартные усло-

¹ From crisis to recovery: Better informed policies for a competitive and fair Europe - Four-year work programme 2013–2016. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2012/crisis-recovery-better-informed-policies-competitive-and-fair-europe-four-year> (дата обращения: 30.10.2023).

² Programming document 2017–2020. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2016/programming-document-2017-2020>

³ Programming document 2021–2024: Towards recovery and resilience. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2020/programming-document-2021-2024-towards-recovery-and-resilience> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Дополнительные материалы к статье таблицы 1, 2 и рисунок 1 размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

вия труда. При этом телеработникам уделено больше внимания, чем работникам платформ, неформальной занятости и командированным работникам (Рис. 2), несмотря на более благоприятные условия труда. Ключевые темы Еврофонда ТИРЕ гендерное равенство, пожилые, беженцы и мигранты, нестандартная, прекарная и частичная занятость. При этом основной темой выступает гендерное неравенство, что обусловлено большим мобилизационным потенциалом уязвимой группы. Основные исследования Еврофонда направлены на содействие занятости и улучшение условий труда, однако наиболее непредставленными группами стали наиболее незащищенные (безработные, работающие бедные, люди с ограниченными возможностями и хроническими заболеваниями). Малая представленность платформенных работников объясняется новизной сферы занятости (первый доклад появился в 2015 г.). В 2016 и 2017 гг. данная группа исследовалась в рамках прекарности.

В целом тематика исследований горизонтального неравенства в исследованиях Еврофонда расширяется за счет включения новых групп. Однако, несмотря на улучшение ситуации в этой сфере, много тех, кто испытывает дефицит внимания к себе. К недостаточно представленному можно отнести неравенство, связанное с принадлежностью к религиозной конфессии (доклад 2017 г. «Религия на рабочем месте»), в рамках гендерного неравенства: мужчины (доклад 2018 г. «Дискриминация мужчин на работе: опыт пяти стран»), этническое и расовое неравенство (аналитическая записка 2019 г. «Как место вашего рождения влияет на вашу работу»). Новой уязвимой группой с 2014 г. стали дети, что предполагает переориентацию с вопроса опекунов и попечительства на образование детей и межпоколенческую мобильность (2014 – 1; 2015 – 1; 2020 – 1; 2021 – 1; 2023 – 1). В 2021 и 2023 гг. только эта тема была представлена в рамках опекунов и попечительства.

В 2023 г. Еврофонд выпустил доклад «Экономическое и социальное неравенство в Европе после пандемии *COVID-19*», в котором используется интерсекциональный¹ анализ². В отличие от мейнстримного понимания, которое обычно включает гендер, расу и класс, как основные категории, в исследовании внимание сосредоточено на четырех измерениях: доходы и материальные условия жизни; здоровье и доступ к здравоохранению; занятость и трудовая жизнь; образование, знания и навыки. Несмотря на заявление о попытке рассмотрения неравенства через призму интерсекциональности, исследование затрагивало и то, как пандемия повлияла на различные группы. Изначально заявленные измерения стали ключевыми для определения неравенства и структурировали группы, а пересечения строились на основе гендера, возраста, образования, навыков и разрыва между деревней и городом. В итоге было

¹ Понятие «интерсекциональность» (intersectionality) введено в научный оборот в 1989 г. Кимберли Креншоу для рассмотрения пересечений категорий расы и гендера [Crenshaw, 1989]. С точки зрения исследовательницы, идентичности, сформированные в результате этих пересечений, не учитываются обществом, что приводит к игнорированию и дискриминации.

² Economic and social inequalities in Europe in the aftermath of the COVID-19 pandemic. URL: https://www.eurofound.europa.eu/en/publications?search_api_fulltext=&f%5B0%5D=ef_publication_type%3A112&page=2 (дата обращения: 30.10.2023).

показано, какие «более мелкие» группы сильнее всего пострадали от пандемии. В качестве наиболее уязвимых выделены работающие матери, малообразованные женщины с маленькими детьми, а также жители городов.

Инструментальный подход к социальному неравенству на примере ESF+

Европейский социальный фонд «плюс» (*European Social Fund Plus, ESF+*) – ключевой финансовый инструмент реализации ЕОСП с бюджетом в 99,3 млрд евро на 2021–2027 гг. Он объединил Европейский социальный фонд (*European Social Fund, ESF*), Инициативу по трудоустройству молодежи (*Youth Employment Initiative*), Фонд европейской помощи наиболее обездоленным (*Fund for European Aid to the most Deprived, FEAD*), Программу ЕС по занятости и социальным инновациям (*European Programme for Employment and Social Innovation, EaSI*). К направлениям деятельности *ESF+* относятся обеспечение доступа к рынку труда, повышение квалификации и переквалификация, интеграция мигрантов и граждан третьих государств (включая лиц без гражданства и с неопределенным гражданством), рома (цыган) и других маргинализированных групп, борьба с материальной депривацией, безработицей молодежи, детской бедностью. В качестве отдельного направления, выходящего за рамки общих и конкретных целей фонда, выступает продвижение гендерного равенства и равенства возможностей¹. Основная деятельность фонда сосредоточена на социальном инвестировании. Вместе с тем борьба с материальной депривацией и обеспечение продуктами питания предполагает компенсационную социальную политику.

В рамках совместного управления (приоритеты распределения устанавливаются Еврокомиссией и государствами ТИРЕ членами) *ESF+* распоряжается суммой в 98,5 млрд евро. В зависимости от области инвестиций и уровня развития региона, в котором осуществляется деятельность, софинансирование варьируется от 50 до 95%. На период 2021–2027 гг. установлены следующие приоритеты: содействие социальной интеграции, борьба с бедностью и социальной депривацией, содействие занятости молодежи. В рамках первого направления государства ТИРЕ члены должны выделять не менее 25% полученных средств на содействие социальной включенности для борьбы с социальным неравенством и бедностью. 3% направлены на предоставление продуктов питания и базовой материальной помощи наиболее обездоленным лицам, т. е. лицам, семьям, домохозяйствам или группам лиц, включая детей, находящихся в уязвимом положении, и бездомным. Данное направление наиболее приоритетно, поэтому софинансирование должно составлять 90%. Кроме того, государства ТИРЕ члены с уровнем детской бедности выше среднего по ЕС должны выделить не менее 5% ресурсов *ESF+* на реализацию мер и реформ по ее сокращению. Государ-

¹ Regulation (EU) 2021/1057 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 establishing the European Social Fund Plus (ESF+) and repealing Regulation (EU) No 1296/2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R1057> (дата обращения: 30.10.2023).

ства-члены ЕС, в которых доля молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет вне образования и работы превышает средний показатель по ЕС, должны выделить не менее 12,5% на содействие молодежной занятости, профессиональному образованию и обучению.

Показатели результатов проектов, финансируемых *ESF+*, отражают понимание целевых уязвимых групп. Основные общие показатели проектов включают разбивку по гендеру, занятости (безработные, самозанятые), возрасту (дети, молодежь, пожилые), образованию (начальное образование и первый этап среднего образования, второй этап среднего образования и послесреднее нетретичное образование, третичное образование). Дополнительными показателями могут быть (в случае применимости) люди с ограниченными возможностями и с иностранным происхождением, граждане третьих стран, меньшинства (включая маргинализированные сообщества, такие как рома), бездомные, жители сельской местности. К показателям по итогам четырёх недель участия в программе относятся занимающиеся поиском работы; участвующие в обучении или стажировке; трудоустроенные, включая самозанятых, и др. В рамках программ по социальной включенности – наиболее приоритетного направления – основными показателями являются гендер и возраст, дополнительными – люди с ограниченными возможностями, граждане третьих стран, с иностранным происхождением, меньшинства (включая маргинализированные сообщества, такие как рома), бездомные.

ESF+ предполагает ориентацию на социальное инвестирование и долгосрочные результаты, однако акцент сделан на компенсационной политике, не предполагающей долгосрочных результатов в борьбе с бедностью и материальной депривацией. Тем самым, несмотря на ориентацию европейской социальной политики в первую очередь на «социальное инвестирование», проблема текущего удовлетворения потребностей населения стала приоритетной на 2021–2027 гг.

Заключение

Развитие ЕСМ на современном этапе предполагает большую ориентацию на решение проблемы горизонтального неравенства и включенности различных социальных групп. Главными задачами социальной политики выступает содействие занятости и борьба с бедностью, которые решаются за счет адресной помощи. Однако выделение уязвимых групп по этим направлениям может привести к тому, что без внимания останутся те категории, которые испытывают дискриминацию, но не относятся к трудоспособному населению. Ограниченность занятостью, переобучением и бедностью может привести к маргинализации тех слоев, которые обладают слабым потенциалом солидарности.

Социальная политика ЕС на концептуальном и инструментальном уровнях основана на равенстве возможностей и равенстве отношения (когда люди не подвергаются дискриминации на основании приписываемых им признаков), но не содержит равенство результатов (акцент на равенстве групп и лиц после принятия определенных мер социальной политики и на результате по прошествии времени). Универсальность социальной защиты является частью принципов ЕОСП, но достигает

ся за счет включенности множества разнообразных групп, при этом приоритет в представленности и социальной помощи отводится только некоторым из них (например, молодым людям), что может привести к адресности универсальных принципов. Интерес к интерсекциональности и многостороннему неравенству на концептуальном уровне приведет к еще большим проблемам для уязвимых групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аткинсон Э.Б. (2018) *Неравенство: как с ним быть*. Издательский дом «Дело», РАН-ХиГС, Москва. 536 с.
- Бауман З. (2015) *Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим?* Институт Гайдара, Москва. 162 с
- Борко Ю.А., Биссон Л.С. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы». *Современная Европа*. № 3. С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>
- Давыдов Д.А. (2021) От «власти достойных» к «власти» популярных: блески и нищета меритократии в новую технологическую эпоху. *Полития*. № 4(103). С. 100–114. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-100-114
- Каргалова М.В. (1999) *От социальной идеи к социальной интеграции*. Интердиалект+, Москва. 317 с.
- Каргалова М.В., Егорова Е.Н. (2010) *Социальное измерение европейской интеграции*. Аксиом, Москва. 288 с.
- Лункин Р.Н. (2022) *Стратификация общества и новые кливажи. Европа в кризисном мире*. Под ред. Ал.А. Громыко. Весь мир; Институт Европы РАН, Москва. С. 217–249.
- Мартыанов В.С. (2016) Прощай, средний класс. *Свободная мысль*. № 5. С. 53–70.
- Пикетти Т. (2023) *Краткая история равенства*. АСТ, Москва. 384 с.
- Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Ад Маргинем Пресс, Москва. 328 с.
- Cook L.J., Titterton M. (2023) Mapping Shifts in Russian and European Welfare Politics: Explaining Policy Responses to Shared New Social Risks. *Social Policy & Society*. No. 22(2). P. 321–337.
- Crenshaw K. (1989) Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics, *University of Chicago Legal Forum*. Issue. No. 1. P. 139–167.
- De Neubourg Ch., Weigand Ch. (2000) Social Policy as Social Risk Management. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. Vol. 13. Issue 4. P. 401–412. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610020017372>
- Esping-Andersen G. (2010) Prologue: What Does it Mean to Break with Bismarck? *A Long Goodbye to Bismarck? The Politics of Welfare Reform in Continental Europe*. Ed. by B. Palier. Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands. P. 11–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/9789048512454.001>
- Fakuda-Parr S. (2019) Keeping Out Extreme Inequality from the SDG Agenda – The Politics of Indicators. *Global Policy*. Vol. 10. Issue S1. P. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12602>
- Giurge L.M., Whillans A.V., West C. (2020) Why time poverty matters for individuals, organisations and nations. *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. P. 993–1003. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0920-z>

Kucharczyk M. (2021) Social Exclusion in Older-Age and the European Pillar of Social Rights. *Social Exclusion in Later Life*. Ed. by K. Walsh, Th. Scharf, S. Van Regenmortel, A. Wanka, Springer, Cham, Switzerland. P. 421–431. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51406-8_33

Taylor-Gooby P. (2004) New Risks and Social Change. *New Risks, New Welfare: The Transformation of the European Welfare State*. Ed. by P. Taylor-Gooby. Oxford University Press, Oxford, UK. P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1093/019926726X.003.0001>

van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Polity Press, Cambridge, UK. 208 p.

Approaches to Inequality in EU Social Policy

The article was prepared within the project «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation» supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

D.I. Kolesov

Junior Scientific Researcher of the Institute of Europe

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: deniskolesov@gmail.com

Abstract. The article examines existing approaches to inequality in social policy at the present stage of development of the European social model. The study focuses on the differences between vertical and horizontal, or group, inequality, inequality of opportunities and outcomes, compensation policy and social investment, as well as the representation of different groups as objects of policy. Approaches to understanding inequality are considered using the example of the European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound) and the European Social Fund Plus. It is concluded that at the present stage, European social policy pays a lot of attention to group inequality, the problem of inclusion of various vulnerable groups and countering social exclusion. By combating horizontal inequality, the European Union is trying to solve a number of problems, including unemployment, poverty, professional and economic stratification and disappointment in European integration. The focus on horizontal inequality leads to an increasing construction of vulnerable groups within the framework of social policy, and therefore to differences in their representation in the social and research programs of the European Union, and the focus on inclusion in the labor market raises the issue of ignoring groups that are unable to contribute to building of Social Europe.

Keywords: social inequality, social policy, welfare state, European Union, European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, European Social Fund Plus, risks

DOI: 10.31857/S020170832307015X

EDN: rlezec

REFERENCES

Atkinson A.B. (2018) *Neravenstvo: kak s nim byt'* [Inequality: What Can Be Done], Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, Moscow, Russia. (In Russian).

Bauman Z. (2015) *Idet li bogatstvo nemnogikh na pol'zu vsem prochim?* [Does the Richness of the Few Benefit Us All?], Institut Gaidara, Moscow, Russia. (In Russian).

Borko Y.A., Bisson L.S. (2019) Evropeiskaya integratsiya: perezapusk idei «Sotsial'noi Evropy» [European Integration: A Restart of the Idea of “Social Europe”], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>. (In Russian).

Cook L.J., Titterton M. (2023) Mapping Shifts in Russian and European Welfare Politics: Explaining Policy Responses to Shared New Social Risks, *Social Policy & Society*, 22(2), pp. 321–337.

Crenshaw K. (1989) Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics, *University of Chicago Legal Forum*. Issue. 1, pp. 139–167.

Davydov D.A. (2021) Ot «vlasti dostoinykh» k «vlasti» populyarnykh: bleski i nishcheta meritokratii v novuyu tekhnologicheskuyu epokhu [From “power of the worthy” to “power of the popular”: splendors and meseries of meritocracy in a new technological era], *Politiya*, 4(103), pp. 100–114. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-100-114 (In Russian).

De Neubourg Ch., Weigand Ch. (2000) Social Policy as Social Risk Management, *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 13(4), pp. 401–412. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610020017372>

Esping-Andersen G. (2010) Prologue: What Does it Mean to Break with Bismarck?, in Palier B. (ed.) *A Long Goodbye to Bismarck? The Politics of Welfare Reform in Continental Europe*, Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands, pp. 11–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/9789048512454.001>

Fakuda-Parr S. (2019) Keeping Out Extreme Inequality from the SDG Agenda – The Politics of Indicators, *Global Policy*, 10(S1), pp. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12602>

Giurge L.M., Whillans A.V., West C. (2020) Why time poverty matters for individuals, organisations and nations. *Nature Human Behaviour*, 4, pp. 993–1003. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0920-z>

Kargalova M.V. (1999) *Ot sotsial'noi idei k sotsial'noi integratsii* [From social idea to social integration], Interdialekt+, Moscow, Russia. (In Russian).

Kargalova M.V., Egorova E.N. (2010) *Sotsial'noe izmerenie evropeiskoi integratsii* [The social dimension of European integration], Axiom, Moscow, Russia. (In Russian).

Kucharczyk M. (2021) Social Exclusion in Older-Age and the European Pillar of Social Rights, in Walsh K., Scharf Th., Van Regenmortel S., Wanka A. (ed.) *Social Exclusion in Later Life*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 421–431. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51406-8_33

Lunkin R.N. (2022) Stratifikatsiya obshchestva i novye klivazhi [Stratification of society and new cleavages], in Gromyko A.A. (ed.) *Evropa v krizisnom mire. Ves' mir*; IE RAS, Moscow, Russia, pp. 217–249. (In Russian).

Mart'yanov V.S. (2016) Proshchai, srednii klass [Goodbye, middle class], *Svobodnaya mysl'*, 5, pp. 53–70. (In Russian).

Piketti Th. (2023) *Kratkaya istoriya ravenstva* [A Brief History of Equality], AST, Moscow, Russia. (In Russian).

Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Taylor-Gooby P. (2004) New Risks and Social Change. New Risks, in Taylor-Gooby P. (ed.) *New Welfare: The Transformation of the European Welfare State*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1093/019926726X.003.0001>

van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*, Polity Press, Cambridge, UK.

УДК 327.51; 327.57

А.А. ГРОМЫКО И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ: КОНТУРЫ ХЕЛЬСИНКИ

© 2023 СИНДЕЕВ Алексей Александрович

Доктор исторических наук, профессор РАН

Главный научный сотрудник Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3

E-mail: a_sin74@mail.ru

Поступила в редакцию 13.08.2023

После доработки 22.09.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье изучена роль министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в формировании, развитии и поддержании политики безопасности, ее принципов и структурных элементов. Актуальность статьи определяется значением стратегии и стратегического мышления в современной внешней политике и дипломатии, их влиянием на межгосударственное сотрудничество, эволюцию и управляемость международных отношений. Предмет статьи состоит в изучении участия А.А. Громыко в подготовке конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1972–1973 гг. Данный предмет определил хронологические рамки исследования. Они ограничены 1972 и 1973 гг. В некоторых случаях автор использует материалы 1974 и 1975 гг. Статья состоит из трех подразделов. В первом подразделе рассмотрены дискуссии о сроках проведения конференции и создании необходимых для обеспечения ее успешного функционирования организационных структур. Во втором подразделе проанализированы «красные линии» А.А. Громыко – условия, которые должны быть выполнены для участия СССР в конференции. В третьем подразделе охарактеризован подход А.А. Громыко, направленный на преодоление потенциальных конфликтов и недопущение расширенной трактовки безопасности, за которую выступали западные страны. Научная новизна статьи заключается в анализе представлений А.А. Громыко о соотношении концептов «мирное существование», «самостоятельные элементы разрядки», «суверенитет» и их включении в субстанцию европейской безопасности.

Ключевые слова: А.А. Громыко, политика безопасности, внешнеполитический континуитет, политическая стратегия, политическая тактика, дипломатическая стратегия, дипломатическая тактика, конференция по безопасности и сотрудничеству

DOI: 10.31857/S0201708323070161

EDN: rvtbum

В 1973 г. положение министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в партийно-государственной иерархии страны укрепилось. Решением апрельского 1973 г. Пленума ЦК КПСС он вместе с Ю.В. Андроповым и А.А. Гречко был избран членом Политбюро ЦК КПСС, что, по мнению западных дипломатов, подтвердило тогдашнюю политическую триаду советского государства: «общую политику разрядки, внимание к вооруженным силам и защиту изнутри»¹.

В решениях Пленума ЦК КПСС было подчеркнуто «принципиальное значение успешного проведения конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе»². СССР выступил за «активизацию внешнеэкономических отношений с западными странами при условии использования "новых возможностей"»³. Примечательно, что на Пленуме «не обсуждалась тема идеологических противоречий».

Внешняя политика Советского Союза, с точки зрения западных дипломатов, «в большей мере [стала] зависе[ть] от личности Брежнева со всеми вытекающими отсюда факторами нестабильности»⁴. Ошибочность данной оценки признал сам Л.И. Брежнев, который во время визита в Америку «пожаловался» Р. Никсону, «как тяжело быть генеральным секретарем, как ему приходится, в отличие от президента США, выслушивать "всякие глупости" от других членов Политбюро и учитывать все-таки их общее мнение»⁵.

Определение доли справедливости в суждениях Л.И. Брежнева не играет в контексте статьи никакой роли. Однако «признание» генерального секретаря позволяет установить, что возможностей влиять на конечный результат у министра стало значительно больше. Следовательно, возросли и шансы на реализацию «системы Громыко» – не только на «подведе[ние] черт[ы] под Второй мировой войной»⁶, но и на долгосрочную нормализацию отношений.

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973 / Schwarz H.-P. (Hg.). München: R. Oldenbourg Verlag, 2004. S. 605–606.

² Там же. С. 607.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 609.

⁵ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президента США, 1962–1986. М.: Центполиграф, 2016. С. 298.

⁶ Громыко А.А. Глава IX: Европа – старый и вечно новый дом // Громыко А.А. Памятное. Испытание временем. Книга 2. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/249667-2-andrej-gromyko-pamyatnoe-kniga-vtoraya.html#text> (дата обращения: 12.07. 2023).

Путь к конференции открыт

В 1972 г. стало ясно, что конференция состоится [подробнее см.: Загорский, 2005; Hildebrand, 2012; Staden, 1990]. Министр иностранных дел Франции М. Шуман объяснял А.А. Громыко: «[П]уть к конференции открыт благодаря двум событиям: завершению ратификации восточных договоров [и] встречи в верхах в Москве»¹. Французский президент Ж. Помпиду якобы «всегда верил в то, что конференция пройдет»².

В действительности интерес Франции и ФРГ, ее партнера по тандему, в Хельсинкском процессе был ограниченным. Для Западной Германии конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе была неизбежным шагом на пути реализации «восточной политики». Федеративная Республика опасалась потерять американские гарантии защиты. 1 мая 1973 г. президент Р. Никсон предостерегал В. Брандта, что необходимо не допустить «неоправданной эйфории разрядки», поскольку она воскресит в Соединённых Штатах идеи изоляционизма и активизирует деятельность сторонников одностороннего американского разоружения³.

Францию полностью устраивали двусторонние форматы. Даже 3 сентября 1974 г. президент В. Жиска д'Эстен считал, что в отношениях с СССР наиболее «важными инструментами есть и остаются двусторонние договоры о кооперации <...> и построенная на них работа и процессы»⁴.

Кроме того, Франция и Германия активно решали собственные экономические проблемы и согласовывали реформы Европейских сообществ. Жиска д'Эстен пытался модернизировать политику страны. В трактовке западногерманских дипломатов речь шла об отходе «от высокомерных, существенно националистических воззрений», о переориентации Франции на выгоды кооперации с партнерами и об учете «американских внешнеполитических концепций и потребностей»⁵. Одновременно с этим признавалось, что «Франция <...> навсегда останется требовательным, амбициозным и трудным партнером и соседом»⁶. В свою очередь Париж опасался усиления «политического и экономического веса Федеративной Республики» и ее «дрейфа на Восток»⁷.

В силу данных обстоятельств общеевропейское урегулирование не являлось приоритетным ни для Франции, ни для ФРГ. Созыв конференции сознательно затягивал-

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972 / Schwarz H.-P. (Hg.). München: R. Oldenbourg Verlag, 2003. S. 808. Имеются в виду договоры между социалистическими странами и ФРГ, прежде всего Московский договор 1970 г., Четырехстороннее соглашение по Берлину, а также визит президента Р. Никсона в мае 1972 г. в Москву.

² Там же. С. 895.

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 616.

⁴ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1974 / Schwarz H.-P. (Hg.). München: R. Oldenbourg Verlag, 2005. S. 1085.

⁵ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1975 / Möller H. (Hg.). München: R. Oldenbourg Verlag, 2006. S. 1507.

⁶ Там же. С. 1508.

⁷ Там же.

ся. Президент Ж. Помпиду не захотел, чтобы она собиралась осенью 1973 г. Он возражал и против Парижа как места встречи. М. Шуман убеждал своего западногерманского визами, что наличие «многих [постоянных] органов было бы <...> лучше, чем появление одного»¹. Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель соглашался с ним. С его точки зрения, размытая институциональная структура была «менее проблематичной» и не представляла «угрозы европейскому интеграционному процессу»².

9 февраля 1973 г. Э. Бар объяснял Г. Киссинджеру, что США смогут «обеспечить себе дополнительное институционально закрепленное право голоса в Европе»³. Бар рекомендовал «договориться о том, как следует вести внутренние обсуждения касательно выработки общей [западной] позиции», поскольку «многосторонними мероприятиями управлять намного труднее»⁴. А.А. Громыко, будучи в курсе намерений Запада, шутил: «Имеется целый ряд участников, которые почувствовали особый вкус к затягиванию дела»⁵.

Ж. Помпиду пытался убедить, что он поменял мнение: ранее он «верил в то, что Советский Союз сначала видел в конференции средство добиться признания ГДР и что за понятием безопасность скрывается безопасность границ. Развитие лишило Советский Союз большей части этих интересов»⁶, но СССР не отказался от конференции; значит – интерес Москвы искренний. Франция, заверял Помпиду, готова «немедленно вступить в многостороннюю подготовку», но ее сдерживают президентские выборы в Соединенных Штатах. «Главный для нас интерес, – аргументировал Ж. Помпиду, – состоит в том, чтобы все представленные <...> страны смогли бы высказаться открыто»⁷. Дать слово всем означало уравнивать позиции малых, средних и крупных государств.

Немцы также лавировали и французы не зря опасались «дрейфа на Восток» [ср.: Филитов, 2023; Selvage, 2019]. В середине сентября 1972 г. МИД ФРГ предложил МИД СССР провести двусторонние советско-западногерманские консультации по вопросам конференции, но А.А. Громыко сразу захотел узнать, «будет ли [консультации] ограничены только вопросами подготовки или [на них] будут затронуты предметные темы основной конференции»⁸.

Советский Союз планировал, что конференция начнет работу «в первой половине 1973 г.». А.А. Громыко даже призвал западных коллег «пожертвовать отпуском»⁹. Советская сторона предложила завершить в конце июля 1973 г. первый этап, в начале августа и в октябре провести второй этап и сразу приступить к третьему этапу (уточнению деталей и подписанию документов). В ходе многочисленных контактов с американцами А.А. Громыко убеждал их: «Важно не оттягивать пере-

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 95.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 221.

⁴ Там же. С. 222.

⁵ Там же. С. 279.

⁶ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 895.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 949.

⁹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 726.

говоры и не разворачивать дискуссии по сути дела. [Дискуссии] могут состояться только на конференции»¹.

Впрочем, консенсус с США тогда удалось достигнуть лишь по одному вопросу. Было решено «рассматривать сокращение войск отдельно или параллельно», т. е. за пределами конференции по безопасности². А.А. Громыко хотел «нацели[т] [переговоры] не только на количественное сокращение войск и вооружений, но и [на] все иные возможности сокращения напряжения и стабилизации военного и политического положения»³.

«Красные линии» А.А. Громыко

А.А. Громыко считал, что конференция по безопасности создаст «политические предпосылки» для последующего обсуждения военных вопросов. «Улучшение политической атмосферы, – утверждал он, – делает возможным практические решения в военной сфере»⁴. Успех Хельсинки определял успех переговоров по сокращению войск и разоружению.

Советский министр обращал внимание коллег на то, что «необходимо большее понимание советской позиции <...> относительно всех <...> пунктов повестки дня»⁵. Стороны смогут договориться, «если будет продемонстрировано конструктивное поведение, и участники не станут постоянно исходить из того, что нужно что-то получить от Советского Союза и нужно что-то все время откусывать от советской позиции»⁶.

А.А. Громыко своевременно дал понять Г. Киссинджеру, что на конференции «могут быть сделаны уступки, если Запад признает принцип невмешательства во

¹ Там же. С. 281.

² Позиция А.А. Громыко: «За конференцию по сокращению войск и вооружений можно приняться осенью с некоторым [двух/трехмесячным] <...> отставанием от конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Ради успеха обеих конференций она должна пройти самостоятельно, независимо от конференции по безопасности» (Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 1474-1475). Значение обычных вооружений А.А. Громыко пояснял следующим образом: «[О]бычные вооружения – наше традиционное оружие, и им военные <...> особенно дорожили <...>, военные считали, что еще при Хрущеве <...> были произведены столь крупные сокращения, что двигаться по этому пути дальше нельзя <...>, постоянно вставал вопрос, что нам нужны значительные силы для охраны наших южных границ <...>; как и у американцев, у нас быстрыми темпами развивались авиация и флот. Ни у кого из генеральных секретарей ЦК КПСС и тем более министров обороны не возникло и тени сомнений, что та или иная новая военная система нужна <...>, наша военная доктрина и стратегия тех времен основывались на наличии у нас сильной армии. А сильной считалась армия, у которой на вооружении много танков, самолетов и кораблей» [Громыко Ан., 2009: 87-88].

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 1719.

⁴ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 1475.

⁵ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 725.

⁶ Там же.

внутреннее законодательство»¹. Г. Киссинджер интерпретировал сказанное, как возможность «надавить на СССР».

Позднее А.А. Громыко «постоянно² <...> возвращался к принципу невмешательства, который он обозначал как очень важный»³. Министр иностранных дел СССР требовал закрепить этот принцип и формулу «в рамках законодательства отдельной страны» в заключительном документе конференции. «Есть государства различных организаций, – пояснял он, – как есть костюмы разного кроя»⁴. С его точки зрения, невмешательство означало и уважение национального института гражданства. «Нельзя, – говорил А.А. Громыко, – навязать другой стороне собственное толкование фактов»⁵.

В отношении «третьей корзины» советская позиция обосновывалась А.А. Громыко следующим образом: «Суверенитет должен уважаться как святая святых. Наступать СССР в этом вопросе на ноги смешно, поскольку это приведет лишь к соответствующей [словесной] гимнастике советской стороны [и] больше ни к чему»⁶.

Что касается организационных структур, то, по мнению А.А. Громыко, «Советский Союз не намерен извлекать из органа, [созданного на] конференции политический капитал»⁷. Москву устроит «консультативный орган», своего рода «мост к возможной второй конференции», поэтому «этот мост можно назвать, как угодно»⁸. Выдвинув идею второй конференции, А.А. Громыко уточнил план «Б»⁹, поскольку речь пошла о переносе нерешенного на вторую конференцию и расширении до ее созыва числа двусторонних контактов.

Западу было известно, что невмешательство и признание границ являются принципиальными для Советского Союза, поэтому, чтобы вынудить Москву пойти на уступки, там выбрали тактику максимальных и детальных требований к «третьей корзине». С этой целью была разработана особая концепция безопасности и разрядки, противоположная по целям и результату стратегическому проекту А.А. Громыко. Стороны готовились к первой серьезной пробе сил.

Первая проба сил

Запад, стремясь ускорить диффузные процессы в социалистических странах, интерпретировал «сотрудничество и контакты» между людьми как «самостоятель-

¹ Там же. С. 1662.

² По мнению западных дипломатов, «настойчиво».

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 1410.

⁴ Там же. С. 1411.

⁵ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 1468.

⁶ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 726.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Запад опасался обязательств. В. Шеель следующим образом сформулировал суть опасений: «Мы не хотим допустить <...>, чтобы подрывались бы существующие, эффективно работающие организации такие, как ЕЭС» (Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 727). Ср. с тезисами Бирманна и Бёкера: [Biermann, 2012; Böcker, 2010].

⁹ См. подробнее: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: настройка на Хельсинки // Современная Европа. 2023. № 4.

ные элементы разрядки». По мнению западных представителей, Советский Союз должен был представить «конкретные результаты» уважения гуманитарных прав. От Москвы потребовали признать, что «нерушимость границ <...> не должна лишать [население] права мирного изменения границ»¹. Страны Варшавского договора выступали за традиционное понимание безопасности и узкое толкование принципа нерушимости границ. Для СССР было важно начать обсуждение проекта «Общего заявления по основам безопасности в Европе».

Конфликты, ограничители и их негативные последствия стали очевидны. В июле 1973 г. на встрече министров иностранных дел 35 государств А.А. Громыко попытался повлиять на ход дискуссий. «Советский Союз, – заверил он, – заинтересован в разрядке. Он понимает ее как нормализацию (*Beruhigung*) политической обстановки. Для этого существующие в Европе границы *насколько возможно* (выделено мною. – А.С.) должны быть зафиксированы с помощью права»². Пока же акценты, констатировал министр иностранных дел, смещены в сторону «культурных связей» и «обмена информацией». СССР «готов принять все, что способствует расширению культурных связей, обмену информацией, регулированию гуманитарных вопросов различного характера. Для него приемлемо все, что не противоречит принципам невмешательства, уважения суверенитета, внутреннего законодательства»³. В очередной раз А.А. Громыко пришлось обозначать красные линии и контексты уступок.

Желание Запада расширить трактовку безопасности он считал нерациональным [см. также: Громыко Ал., 2020; Громыко Ал., 2019]. «[В]ерят ли серьезные политики, – спрашивал А.А. Громыко, – что с помощью рассмотрения [третьей корзины] и принятия неких бумаг возможно подорвать или изменить общественную структуру Советского Союза или других социалистических стран? На людей, которые в это верят, нужно смотреть как на вымерших животных (мастодонтов)»⁴. Социалистические страны, по словам министра, «не имеют намерения менять общественный порядок западных стран», поскольку это, с учетом «более важных политических вопросов, <...> полностью лишено смысла»⁵.

А.А. Громыко классифицировал гуманитарные вопросы с точки зрения вопросов самостоятельной предметности. Неслучайны его слова об искусственности их детализации в рамках дискуссий по безопасности: «[П]остоянно, иногда жестко, иногда гибко, звучат заявления, – заметил он, – в которых поднимаются вопросы, как быстро следует рассматривать заявления о выезде, какова должна быть величина выездного сбора, как быстро следует выдавать визы для воссоединения супругов, должны ли они выдаваться немедленно или спустя несколько дней, должен ли выездной сбор составлять 10 рублей или один рубль, должен ли кто-либо получать выездную визу в течение одного дня или одной недели, сколько денег выезжающий

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 1141.

² Там же. С. 1140.

³ Там же. С. 1715.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

может взять с собой и т.д. Эти тонкости ведут к абсурду», прежде всего, когда устанавливаются мнимые взаимосвязи: «если не будут решаться определенные вопросы, то не будет и европейской безопасности»¹. Надуманность подобных взаимосвязей А.А. Громыко объяснял просто: «[И]з-за выездного сбора, выездных виз и подобного еще не начиналась ни одна война».

Тем самым А.А. Громыко противопоставил «серьезны[х] политик[ов], [которые] не должны подчинять потребности европейской безопасности подобным размышлениям», – политикам, стремящимся затянуть конференцию и отвлечь «искусственны[ми] вопроса[ми] от проблем европейской безопасности».

* * *

А.А. Громыко оказался прав, что в международных отношениях «нужно, по-возможности, меньше полемизировать и начинать не с принципиального», хотя в них «все [и] зависит от субстанции»². Правда, субстанция иногда меняется очень быстро [Peter, 2012]. Если вначале идея конференции по безопасности «возникла как попытка вбить клин между Западной Европой и США и даже подрывать фундамент НАТО», как желание «показать, что Европа существует сама по себе, а Америка, она отдельно – там, за океаном»³, то затем фундаментальный интерес Москвы к разрядке и нормализации отношений перестал вызывать сомнения. Значительная заслуга в этой переориентации принадлежит министру иностранных дел СССР А.А. Громыко.

«Позиция Советского Союза и других социалистических стран <...> основывается на признании исключительной важности: сохранить и упрочить общеевропейский процесс», – читаем в воспоминаниях А.А. Громыко⁴. В 1973 г. большая часть пути к Хельсинки была еще впереди, как и борьба за приемлемый компромисс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (2020) Была ли альтернатива началу холодной войны? (К 75-летию Великой Победы и создания ООН). Статья вторая. *Современная Европа*. № 6. С. 5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620200514>

Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир, ИЕ РАН, Москва. С. 84–102.

Громыко Ал.А. (2009) *Андрей Громыко: Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына*. Научная книга, Москва. 444 с.

Загорский А.В. (2005) *Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991*, Москва. 447 с.

¹ Цит. до конца раздела: Там же. С. 1716.

² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 1445.

³ Суходрев В.М. Язык мой – друг мой. URL: <https://litlife.club/books/148733/read?page=72> (дата обращения: 21.07. 2023).

⁴ Громыко А.А. Указ. соч.

Филитов А.М. (2023) 1970–1972 и 1989–1990 гг. в советско-германских отношениях: сравнительный анализ. *Россия и современный мир*. № 1. С. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09

Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in: *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen. P. 143–162.

Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*. GRIN Verlag, München. 17 p.

Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*. Oldenbourg, München. 344 p.

Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s. *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen. P. 25–38.

Selva D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen. 757 p.

Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München. 66 p.

A.A. Gromyko and Security Policy: Contours of Helsinki

A.A. Sindeev

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

E-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract. The article continues the study of the role of the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.A. Gromyko in the formation, development and maintenance of security policy, its principles and structural elements. The relevance of the article is determined by the importance of strategy and strategic thinking in modern foreign policy and diplomacy, their influence on interstate cooperation, the evolution and manageability of international relations. The subject of the article is to study the participation of A.A. Gromyko in preparation for the conference on security and cooperation in Europe in 1972–1973. This circumstance determined the chronological framework of the study. They are limited to 1972 and 1973. In some cases, the author uses materials from 1974 and 1975. The article consists of three subsections. The first subsection deals with discussions about the timing of the conference and the creation of organizational structures necessary to ensure its successful functioning. The second subsection analyzes the «red lines» of A.A. Gromyko – the conditions that must be met for the participation of the USSR in the conference. The third subsection characterizes the approach of A.A. Gromyko, aimed at overcoming potential conflicts and preventing the expanded interpretation of security advocated by Western countries. The scientific novelty of the article lies in the analysis of the approach of A.A. Gromyko about the relationship between the concepts of «peaceful existence», «independent elements of détente», «sovereignty» and their inclusion in the substance of European security. The author confirmed his earlier hypothesis that A.A. Gromyko of plan «B» in case the conference on security and cooperation is postponed. The sources of the article are pub-

lished documents of the Foreign Office of the Federal Republic of Germany, the use of which can be explained methodologically. It was important for the author to conduct the analysis on the basis of the foreign partners' assessment of the statements made by the Soviet Foreign Minister during official negotiations (outer reflection). The author's reasoning should be understood in the context of his earlier article in the journal.

Key words: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tactics, conference on security and cooperation

DOI: 10.31857/S0201708323070161

EDN: rvtbum

REFERENCES

- Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in: *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, pp. 143–162.
- Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*. GRIN Verlag, München.
- Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990* (2012), ed. by M. Peter, H. Wentker. Oldenbourg, München.
- Filitov A.M. (2023) 1970–1972 i 1989–1990 gg. v sovetsko-germanskikh otnosheniyakh: sravnitel'nyi analiz [1970–1972 and 1989–1990 years in the Soviet-German relationships: comparative analysis]. *Russia and the modern world*, 1, pp. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09. (In Russian).
- Gromyko A.I. (2020) Byla li alternativa nachalu kholodnoi voiny? (K 75-letiyu Velikoi Pobedy i sozdaniya OON). Stat'ya vtoraya [Was there an alternative to the beginning of the Cold War? (To the 75th anniversary of the Great Victory and the creation of the UN). Article two], *Modern Europe*, 6, pp. 5–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620200514> (in Russian).
- Gromyko A.I. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy]. «Voina mezhdu gosudarstvami – velikoe zlo»: K 110-letiyu A.A. Gromyko [«War between states is a great evil»: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko], ed. A.I. Gromyko. Ves' mir; IE RAN, Moscow, pp. 84–102. (In Russian).
- Gromyko A.A. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son.]. Nauchnaya kniga, Moscow. (In Russian).
- Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s, in: *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, pp. 25–38.
- Selva D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen.
- Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München.
- Zagorskii A.V. (2005) *Khel'sinskii protsess: peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991* [Helsinki process: negotiations within the framework of Security meetings and cooperation in Europe, 1972–1991]. Moscow. (In Russian).

УДК 327.8

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ В АДРИАТИКО-ИОНИЧЕСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ¹

© 2023 **ЕРЁМИН Денис Павлович**

*М.н.с., Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований
Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
E-mail: eremindp1994@gmail.com*

Поступила в редакцию 17.09.2023

После доработки 28.10.2023

Принята к публикации 14.11.2023

Аннотация. В статье проанализировано военное присутствие Итальянской Республики в регионе Большого Средиземноморья и Адриатико-Ионическом макрорегионе. В рамках Ялтинско-Потсдамской системы Рим воздерживался от размещения вооруженных сил за рубежом, однако ситуация изменилась в конце XX в. В исследовании сделан анализ основных факторов, повлиявших на заинтересованность Италии в расширении военного присутствия в Средиземноморье, таких как необходимость укрепления собственных позиций внутри Евросоюза, миграционный вопрос, потребность в энергоресурсах, развитие инфраструктурных проектов. Ограниченность материальных ресурсов, а также членство в ЕС и НАТО определили характер региональной активности итальянских вооруженных сил: Италия в большинстве случаев не проводит собственных крупных зарубежных операций, ограничиваясь участием в международных миссиях. Рим обеспечивает защиту национальных интересов, выполняет международные обязательства перед ЕС и Североатлантическим альянсом, а также демонстрирует ценность в качестве члена международного сообщества. Тем не менее интегрированность Италии в ЕС и НАТО накладывает ограничения на внешнюю политику и последовательную защиту национальных интересов в регионе.

Ключевые слова: Италия, внешняя политика, ЕС, НАТО, Средиземноморье

DOI: 10.31857/S0201708323070173

EDN: rvygni

Государства Апеннинского полуострова всегда стремились обеспечить контроль над Средиземноморьем, и Итальянская Республика не стала исключением.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) № 23-28-01630 «Концепция Адриатико-Ионического макрорегиона во внешней политике Италии».

По европейским меркам Италия – относительно молодое государство. Его становление связано с событиями Рисорджименто, когда было провозглашено Королевство Италия со столицей в Турине¹. С момента объединения страна стремилась стать ведущей региональной державой, однако Италия не успела построить колониальную империю до начала Первой мировой войны. После распада Австро-Венгрии – основного регионального конкурента – Рим стремился обеспечить полный контроль над Адриатикой, однако его притязания отвергли державы Антанты. Только в 1920 г. в Рапалло был урегулирован вопрос принадлежности Адриатического побережья: Италия получила практически весь полуостров Истрия, город Задар и ряд островов на Адриатике [MacMillan, 2003: 279–305] – почти все, что обещали союзники в 1915 г. [Хобсбаум, 2004: 47]. Распространение мифа об «искалеченной победе» и попытка Габриеле д’Аннунцио вооруженным путем разрешить территориальный спор о принадлежности Фиуме (хорв. Риека) свидетельствовали о неудовлетворенности итальянского общества итогами Первой мировой войны. Фашистская Италия вновь попыталась установить полный контроль над бассейном Адриатического моря, т. к. при Б. Муссолини концепт «наше море» (*mare nostrum*) стал стержнем итальянской внешней политики и внутренней безопасности. Поражение стран Оси положило конец попыткам Рима военным путем утвердить доминирование на Адриатике. Из Второй мировой войны Италия вышла, подписав Парижский мирный договор, согласно которому она сохранила суверенитет ценой отказа от колониальных владений и восточной части средиземноморского побережья.

Итальянские военные миссии: общие сведения

Итоги Второй мировой войны значительно повлияли на итальянское общество и сформировали чувство неполноценности и переплетенный с ним дискурс о национальном достоинстве. Именно они легли в основу итальянской внешней политики [Маслова, Шебалина, 2022: 36]. По этой причине Италия, стоявшая у истоков евроатлантических структур, в скором времени после окончания войны стала искать возможности утвердиться в новой системе международных отношений в качестве самостоятельной державы средней величины. С конца 1950-х гг. итальянское правительство проводило политику «неоатлантизма» [Салаконе, 2014: 110–122], предполагавшую, что членство в НАТО и сотрудничество с США не исключают возможности взаимодействия с иными государствами, в т. ч. социалистического лагеря. Тем не менее Рим на протяжении послевоенного периода сохранял евроатлантическую ориентацию при устойчивой тенденции использовать преимущественно дипломатические средства для достижения внешнеполитических целей. Ситуация стала меняться в условиях трансформации системы международных отношений: в 1982 г. Италия приняла участие в международной миссии в Ливане, успех которой стимулировал более активную политику в Средиземноморье и на Среднем Востоке [Перевалова, 2018: 90]. С момента «падения Берлинской стены» произошло существенное изменение позиции Рима в части нежелания Италии размещать войска за

¹ См. подробнее: [Зонова, 2016].

рубежом» [Ignazi et al., 2012: 43]. После окончания холодной войны Итальянская Республика приняла участие в более ста миссиях, что объясняется стремлением укрепить собственные позиции как на европейском, так и на международном уровнях [Перевалова, 2018: 90].

Деятельность итальянских военных за рубежом регулируется рядом законодательных актов, важнейший из которых – рамочный закон «О международных миссиях» № 145, принятый в 2016 г. Согласно ему, итальянское военное присутствие за рубежом вне состояния войны возможно в случае участия итальянских военных и/или полицейских сил в миссиях ООН, ЕС, иных международных организаций, членом которых является Италия, а также в соответствии с выполнением обязательств по альянсам, международным соглашениям или для участия в гуманитарных мероприятиях¹.

Необходимо отметить непрерывный рост военных расходов Италии с 2015 г.² В бюджете 2023 г. увеличение военных расходов составило более 800 млн евро (общий объем военных расходов в 2022 г. – 28,758 млрд евро, а в 2023 г. – 29,718 млрд евро³). Для финансирования зарубежных военных миссий используются с одобрения парламента средства из отдельного фонда министерства экономики. В 2023 г. данные расходы составят около 1,5 млрд евро (что на несколько сот миллионов больше, чем в предыдущем году), 90% этих средств (т. е. почти 1,4 млрд) – расходы на зарубежные военные миссии⁴.

Итальянские вооруженные силы на текущий момент развернуты в 24 странах от Арктического региона и Балтики на юг через восточный фланг НАТО и от Персидского залива на запад через Африканский Рог и Ближний Восток, Средиземное море, Северную Африку, Сахель до Гвинейского залива и Антарктиды⁵. В 2023 г. запланированная численность итальянских военнослужащих за пределами страны для участия в 43 международных миссиях ООН, НАТО, ЕС или на основе двухсто-

¹ Legge 21 luglio 2016, n. 145. Disposizioni concernenti la partecipazione dell'Italia alle missioni internazionali. URL:

https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2016-08-01&atto.codiceRedazionale=16G00159&elenco30giorni=true (дата обращения: 18.09.2023).

² Италия увеличит военные расходы. Парламентская газета. 04.02.2018. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/italiya-uvlichit-voennye-raskhody.html>; La Stampa: Италия повысит военные расходы на €800 млн в 2023 году. ТАСС. 22.04.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17337843> (дата обращения: 18.09.2023).

³ Defence Expenditures of NATO Countries (2014–2023). URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/7/pdf/230707-def-exp-2023-en.pdf (дата обращения: 18.09.2023).

⁴ Italian military expenditure to rise in 2023. URL: <https://www.milex.org/2022/12/02/italian-military-expenditure-to-rise-in-2023/> (дата обращения: 18.09.2023).

⁵ Difesa: oltre 12mila militari impegnati in Italia e all'estero durante il periodo delle festività. URL: https://www.difesa.it/SMD/Comunicati/Pagine/Difesa_oltre_12mila_militari_impegnati_in_Italia_e_estero_durante_le_festivita.aspx (дата обращения: 18.09.2023).

ронных соглашений составит 7,5 тыс. чел., а общая численность итальянских контингентов – чуть менее 12 тыс. чел.¹

Италия попыталась воспользоваться снятием ограничений биполярного миропорядка и применить военные миссии для отстаивания собственных интересов, при этом выполняя обязательства в рамках НАТО и выстраивая многостороннее сотрудничество по линии ООН. Однако противоречия глобальных игроков во многом снижают возможности государства проводить собственную стратегическую линию как в глобальном, так и региональном масштабе. Рим вынужден координировать политику в сфере безопасности с Североатлантическим альянсом. Итальянские военные привлекаются для усиления восточного фланга НАТО, и итальянское военное присутствие переориентируется на страны Европы. Во многом это обусловлено новой стратегией альянса, отраженной в программе «Расширенное передовое присутствие» (*Enhanced Forward Presence*). На октябрь 2022 г. сформировано восемь боевых групп на восточном фланге. В трех из них (Болгария, Венгрия и Латвия) находятся итальянские военные подразделения². В настоящее время 55% итальянских военнослужащих за рубежом развернуты в Европе, что на 22% больше, чем в 2021 г. Численность увеличена за счет перераспределения сил из Африки и Азии и общего наращивания военного контингента за рубежом³.

В то же время Италия продолжает самостоятельно расширять военное присутствие. Ключевым регионом для нее является Большое Средиземноморье. Исторически стремление Италии к доминированию здесь было обусловлено намерением установить контроль над транспортно-логистической инфраструктурой, однако на современном этапе оно не исчерпывается данной целью. Итальянская внешняя политика представляет собой политику средней державы с глобальными интересами, которые Рим стремится отстаивать через многосторонние институты и посредством миротворческой деятельности [Маслова, Шебалина, 2022: 36].

Факторы военного присутствия Италии в Средиземноморье

С середины XX в. атлантизм и европеизм выступают основополагающими элементами итальянской внешней политики [Маслова, 2016: 107]. При этом вопрос места в ЕС и взаимоотношений с ведущими государствами-членами – предмет серьезной внутривластной дискуссии. Для Италии неприемлемо развитие событий, при котором Париж и Берлин становятся лидерским тандемом,

¹ Rossi E. Military missions abroad: Italy sets its priorities and new commitments in the Broader Mediterranean. The Med-Or Leonardo Foundation. 29.05.2023. URL: <https://www.med-or.org/en/news/decreto-missioni-priorita-C3%A0-e-nuovi-impegni-per-litalia-nel-mediterraneo-allargato> (дата обращения: 18.09.2023).

² NATO's military presence in the east of the Alliance. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 18.09.2023).

³ Freyre M. Le missioni italiane all'estero oltre il "focus europeo". Affarinternazionali. 22.07.2022. URL: <https://www.affarinternazionali.it/missioni-italiane-allestero-non-solo-fianco-est/> (дата обращения: 18.09.2023).

ограничивающим влияние Рима на общеевропейские вопросы. Кризис суверенного долга 2011 г., во время которого кабинет С. Берлускони был вынужден действовать под давлением Франции, Германии и Европейского центрального банка (ЕЦБ), способствовал формированию в Италии комплекса страны с «ущемленным суверенитетом», находящейся под внешним управлением Брюсселя [Алексеевкова, 2019а: 38].

Отдельно стоит упомянуть проблему нелегальной миграции, которая для Италии в силу географических причин стояла более остро, чем для ЕС в целом. Правительство С. Берлускони поддерживало партнерские отношения с Ливией, помогавшей сдерживать миграционные потоки. Инициативные действия Франции в рамках интервенции НАТО в Ливии осложнили итало-французские взаимоотношения, а также усугубили миграционную проблему. Таким образом, необходимость купировать угрозы национальной безопасности в виде неконтролируемой миграции, страх оказаться заложником взаимодействия Франции и Германии, конкуренция в Средиземноморье, прежде всего в Африке, а также иное видение будущего ЕС [Алексеевкова, 2019а: 40–41] стимулировали итальянское правительство в середине 2010-х гг. к проведению независимой от Евросоюза политической линии. Тем не менее угроза изоляции и риск лишиться представительства в ключевых структурах объединения после выборов в Европарламент (А. Таяни покидал пост председателя Европарламента, М. Драги – председателя ЕЦБ, Ф. Могерини – Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности; при этом в Брюсселе с «Лигой Севера» и с «Движением пяти звезд» сотрудничать не хотели) [Алексеевкова, 2019b: 13] привели к тому, что Рим был вынужден вернуться к проведению единой общеевропейской политики совместно с Парижем и Берлином в качестве младшего партнера в обмен на содействие в решении проблем экономики и миграции. В то же время правительство Дж. Мелони стало активнее разыгрывать «средиземноморскую карту» во внешней политике как для укрепления собственных позиций внутри ЕС, так и для решения проблем в сфере энергобезопасности [Маслова, Шебалина, 2023: 25–33], обострившихся в связи с началом специальной военной операции на Украине.

Для того чтобы занять наряду с Германией и Францией равноценное положение в рамках европейской интеграции, Италия расширяет экономическое сотрудничество со странами Большого Средиземноморья и активно поддерживает расширение ЕС за счет государств Западных Балкан¹, закрепляя роль субрегионального лидера в рамках ЕС. Рим также активно развивает отношения с Вашингтоном. Регион Большого Средиземноморья имеет особое значение для данного сотрудничества. Показательны планы Италии покинуть китайский проект «Один пояс – один путь», альтернативой которому становится «Экономический коридор Индия – Ближний Восток – Европа» (*India-Middle East-Europe Economic Corridor, IMEC*), анонсиру-

¹ Tajani: “Italy’s commitment to the integration of the Balkans into the EU” (Il Messaggero). URL: https://www.esteri.it/en/sala_stampa/archivionotizie/interviste/2023/04/tajani-limpegno-italiano-per-lintegrazione-dei-balcani-nella-ue-il-messaggero/ (дата обращения: 18.09.2023).

ванный Дж. Байденом в рамках G20¹. В случае реализации проекта Италия станет одним из основных выгодоприобретателей.

Таким образом, Средиземноморье для Рима – главный источник возможностей и вызовов для внутренней и внешней политики [Colombo, Palm, 2019: 2]. Военное присутствие Италии в регионе обусловлено комплексом факторов: необходимостью укрепления собственных позиций внутри ЕС, миграционным вопросом, потребностью в энергоресурсах, а также стремлением защитить экономические интересы путем участия в инфраструктурных проектах.

Наиболее значимые итальянские военные миссии в Адриатико-Ионическом макрорегионе

Наличие постоянных интересов Италии в регионе обуславливает расширение ее присутствия, которое не зависит от частоты смены правительства. Характер вызовов и возможностей в регионе предопределил постоянство итальянских интересов и итальянских внешнеполитических устремлений на основе «проецирования стабильности». На Балканах трансформация системы международных отношений была сопряжена с рядом кризисов, на которые Рим вынужденно реагировал. Италия взяла на себя роль «экспортера стабильности» в Боснию и Герцеговину, Албанию (Операция «Альба» 1997 г.) и Косово [Pivovarenko, 2023: 95].

Преимущественно миротворческий характер итальянского военного присутствия за рубежом (до всплеска международной напряженности в связи с СВО) отражен в миссиях на Балканах, в Северной Африке и Сахеле. На Балканах итальянские военнослужащие принимают активное участие в миссиях НАТО («Силы для Косова» – *Kosovo Force, KFOR*; штаб-квартира НАТО в Сараево – *NATO HQ Sarajevo*², Управление военной связи НАТО в Белграде – *NATO Military Liaison Office Belgrade*³) и ЕС (ЕВЛЕКС в Косово – *EULEX*, Силы Европейского союза (СЕС) «Алфея» в БиГ – *EUFOR ALTHEA*).

В рамках миссии НАТО в Косово 12 из 26 предыдущих командующих контингентом являлись представителями Италии. Они возглавляли миссию 8 лет подряд (с 2013 по 2021 гг.)⁴. По оценкам 2022 г. в составе миссии из 3,6 тыс. чел. итальянский

¹ США и Индия построят коридор в Европу. Ведомости. 11.09.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/11/994386-ssha-i-indiya-postroyat-koridor-v-evropu> (дата обращения: 18.09.2023).

² Report to the European Parliament by the OHR and EU Special Representative for BiH, January – June 2004. URL: <https://www.ohr.int/report-to-the-european-parliament-by-the-ohr-and-eu-special-representative-for-bih-january-june-2004/> (дата обращения: 18.09.2023).

³ Serbia – NATO Military Liaison Office Belgrade. URL: https://www.difesa.it/OperazioniMilitari/op_intern_corso/Serbia_NATO_MLO/Pagine/default.aspx (дата обращения: 18.09.2023).

⁴ NATO's role in Kosovo. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_48818.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 18.09.2023).

контингент был самым значительным и насчитывал 638 чел.¹ По последними данным он был расширен до 715 чел. [Pivovarenko, 2023: 97]. В состав миссии *EULEX* входят 23 карабинера². С июня 2023 г. ее возглавил итальянский генерал корпуса карабинеров³. Итальянский бригадный генерал также руководит Управлением военной связи НАТО в Белграде, в зону ответственности которого входит подготовка сербских военнослужащих для участия в миротворческих миссиях⁴. Таким образом, на сегодняшний день Италия играет активную роль в изменении баланса сил на Балканах, вовлекая Сербию в евро-атлантическую интеграцию на жестких условиях ЕС и НАТО.

Иная ситуация сложилась с итальянским представительством в *EUFOR*, значительным до конца 2000-х гг. Сокращение участия Италии было связано с общим снижением численности контингента и изменением приоритетов миссии [Trineke, 2017: 67–86]. Силы ЕС на момент развертывания в 2004 г. составляли 7 тыс. чел., но в 2007 г. под предлогом улучшения ситуации в области безопасности⁵ (в 2006 г. БиГ присоединилась к программе «Партнерство ради мира»⁶) произошло их первое значительное сокращение (до 2,5 тыс.). В 2012 г. в рамках процесса реструктуризации численность интернационального контингента была уменьшена до 600⁷. Только в марте 2022 г. миссия ЕС в Боснии увеличилась до почти 1,2 тыс. чел.⁸, а в октябре – ноябре 2022 г. проведены учения СЕС «Быстрый ответ» 2022 (*EUFOR Quick Response 2022*), участие в которых приняли 250 итальянских военнослужащих⁹.

¹ The Kosovo-Serbia flare-up: as tension heightens, Italy patrols. Decode39. 01.08.2022. URL: <https://decode39.com/3878/kosovo-serbia-kfor-italy-carabinieri/> (дата обращения: 18.09.2023).

² Italy to oversee rule-of-law EULEX mission in Kosovo. Decode39. 28.04.2023. URL: <https://decode39.com/6606/italy-to-oversee-rule-of-law-eulex-mission-in-kosovo/> (дата обращения: 18.09.2023).

³ New Head of Mission appointed for EULEX Kosovo. Council of the European Union. 13.06.2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/06/13/new-head-of-mission-appointed-for-eulex-kosovo/> (дата обращения: 18.09.2023).

⁴ Interview of Chief MLO Belgrade Brigadier General G. Romano for EWB. URL: <https://jfcnaples.nato.int/mlo/news/news-archive-m/2023/chief-mlo-belgrade-interview-for-european-western-balkans> (дата обращения: 18.09.2023).

⁵ Peacekeeping in Bosnia. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/germany-hands-bosnian-peacekeeping-reins-to-spain/a-2987909> (дата обращения: 18.09.2023). Издание Deutsche Welle (Германия, KurtSchumacher-Strasse 3, 53113 Bonn) внесено в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

⁶ Relations with Bosnia and Herzegovina. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49127.htm (дата обращения: 18.09.2023).

⁷ European Union Force in BiH Operation Althea. URL: <https://www.euforbih.org/index.php/stock-photos/itemlist/user/2-jasminzeherovic> (дата обращения: 18.09.2023).

⁸ UN Extends EU Peacekeeping Force's Mandate in Bosnia. BalkanInsight. 03.11.2022. URL: <https://balkaninsight.com/2022/11/03/un-extends-eu-peacekeeping-forces-mandate-in-bosnia/> (дата обращения: 18.09.2023).

⁹ Italian military personnel who have arrived by sea to participate in Exercise EUFOR Quick Response 2022. European Union Force in BiH Operation Althea. 16.10.2022. URL:

Для присутствия Италии в Адриатико-Ионическом регионе большое значение имеет ситуация в Африке. До 2011 г. сотрудничество с Ливией способствовало решению этой задачи без привлечения военных, однако Италия приняла участие в интервенции НАТО. Сохранение режима М. Каддафи отвечало итальянским региональным интересам в большей степени, однако Риму пришлось адаптироваться к международной обстановке. С сентября 2018 г. по настоящее время в Ливии действует итальянская военная миссия (*Missione militare italiana in Libia, MIL*), насчитывающая 400 итальянских военных. Она оказывает прямую военную поддержку Переходному национальному совету¹. Впоследствии глава итальянского МИД А. Таяни признал, что решение об интервенции было ошибкой, способствовавшей дестабилизации региона². Одним из последствий стал рост влияния Турции в Северной Африке³.

Нельзя не согласиться с утверждением Роберто Менотти, старшего советника по международной деятельности Института Аспена в Италии, что «если Средиземноморский диалог помещается в более широкий контекст внутренней и внешней адаптации НАТО (особенно процесса расширения), становится ясно, что у Италии есть особые интересы, которые она пытается отстаивать через Североатлантический альянс и внутри него» [Menotti, 1999: 30]. Однако интересы Италии и НАТО не всегда совпадают, что отразили события в Ливии. В таком случае, как правило, итальянские национальные интересы становятся жертвой евро-атлантической солидарности.

* * *

Италия осуществляет военное присутствие за рубежом, включая Адриатико-Ионический макрорегион, преимущественно⁴ через международные миротворческие миссии ЕС и НАТО. Это позволяет отстаивать интересы страны при сравнительно небольших финансовых издержках, однако ограничивает самостоятельность и возможности итальянской внешней политики. Италия не проводит собственных крупных военных операций за рубежом со времен Второй мировой войны, и, по всей видимости, основные усилия будут сосредоточены на участии в многонациональных миссиях, т. к. финансовые и технические ресурсы страны ограничены.

<https://euforbih.org/index.php/latest-news/2998-italian-military-personnel-who-have-arrived-by-sea-to-participate-in-exercise-eufor-quick-response-2022> (дата обращения: 18.09.2023).

¹ Esercito italiano: missioni all'estero 2023. Forze Italiane. 04.01.2023. URL: <https://www.forzeitaliane.it/Esercito-italiano-missioni-estero-2023> (дата обращения: 18.09.2023).

² Глава МИД Италии назвал убийство Каддафи серьезной ошибкой. РБК. 17.08.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2023/64dd5f909a79476c2b7a22be> (дата обращения: 18.09.2023).

³ Турция прибирает к рукам наследие Каддафи. Взгляд. 19.08.2023. URL: <https://vz.ru/world/2023/8/19/1226362.html> (дата обращения: 18.09.2023).

⁴ Италия на двусторонней основе сотрудничает с Мальтой. См. подробнее: Malta – MICCD. URL: <https://www.difesa.it/EN/Operations/InternationalOperations/MaltaMICCD/Pagine/default.aspx> (дата обращения: 18.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексееenkova E.C. (2019a) Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 36–42.
- Алексееenkova E.C. (2019b) Италия – ЕС: отказ от политики «суверенной изоляции»? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 5. С. 10–16.
- Зонова Т.В. (2016) *История внешней политики Италии*. Международные отношения, Москва. 352 с.
- Маслова Е.А. (2016) Европеизм и атлантизм во внешней политике Италии. *Международные процессы*. Т. 14. № 4. С. 106–115.
- Маслова Е.А., Шебалина Е.О. (2022) США как фактор итальянской политики. *Современная Европа*. № 1. С. 35–48.
- Маслова Е.А., Шебалина Е.О. (2023) «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 25–33.
- Перевалова А.А. (2018) Итальянская Республика в асимметричных конфликтах XXI в.: военные операции в Афганистане, Ираке и Ливане. *Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 3: Общественные науки*. Т. 13. №. 1(173). С. 88–102.
- Салаконе А. (2014) СССР и «нео-атлантическая» Италия в 1960-е гг. *Итальянская республика в меняющемся мире*. Под ред. А.А. Языковой. Институт Европы РАН, Москва. С. 110–122.
- Хобсбаум Э. (2004) *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991)*. Независимая газета, Москва. 632 с.
- Colombo S., Palm A. (2019) *Italy in the Mediterranean: Priorities and Perspectives of a EU Middle Power*. Foundation for Euroepan Progressive Studies, Brussels, Belgium. 35 p.
- Ignazi P., Giacomello G., Cotichchia F. (2012) *Italian Military Operations Abroad*. Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK. 265 p.
- MacMillan M. (2003) *Paris 1919: Six Months That Changed the World*. Random House, New York, USA. 624 p.
- Menotti R. (1999) *NATO's Mediterranean Dialogue initiative: Italian positions, interests, perceptions, and the implications for Italy-US relations*. NATO Institutional Fellowship, Brussels, Belgium. 42 p.
- Pivovarenko A. (2023) The return of the concept of the Adriatic and Ionian region in Italian foreign policy. *Serbian Review of European Studies*. Vol. II. No. 1. P. 72–104.
- Trineke P. (2017) The Changing Character of EUFOR Althea: Power Politics or Learning? *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 30. No. 1. P. 67–86.

Italian Military Presence in the Adriatic-Ionian Macregion

D.P. Eremin

*Department of the Black Sea Region and the Mediterranean Studies**Institute of Europe, Russian Academy of Science**11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009**E-mail: eremindp1994@gmail.com*

Abstract. The article examines the military presence of Italy in the Greater Mediterranean and the Adriatic-Ionian macregion as its part. Within the framework of the Yalta-Potsdam system, Italy refrained from deploying its armed forces abroad, but the situation at the end of the XX century has changed. The article scrutinises the main factors that have caused Italy's interest in expanding its military presence in the Mediterranean, such as the need to strengthen its own positions within the EU, the migration issue, the need for energy resources, and the development of infrastructure projects.

Limited material resources, as well as membership in the EU and NATO, determined the nature of the regional activity of the Italian forces: Italy in most cases does not conduct its own large operations. Rome commits to international missions thus protects its own interests, fulfills its international obligations to the EU and NATO, and demonstrates its value as a member of the international community. Nevertheless, Italy's integration into the EU and NATO also imposes certain limitations on Rome's ability to pursue an independent foreign policy and consistently defend its own national interests in the region: events in Libya in 2011 evidenced that Italy had to adapt.

Key words: Italy, foreign policy, EU, NATO, Mediterranean

DOI: 10.31857/S0201708323070173

EDN: rvyrni

REFERENCES

- Alekseenkova E.S. (2019a) Italiya i Franciya: konflikt po voprosu budushego ES [Italy and France: conflict over the future of the EU], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 36–42. (In Russian).
- Alekseenkova E.S. (2019b) Italiya – ES: otkaz ot politiki “suverennoj izolyacii”? [Italy – EU: rejection the policy of “sovereign isolation”], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 5, pp. 10–16. (In Russian).
- Colombo S., Palm A. (2019) *Italy in the Mediterranean: Priorities and Perspectives of a EU Middle Power*, Foundation for Euroepan Progressive Studies, Brussels, Belgium.
- Hobsbaum E. (2004) *Epoha krajnostej: korotkij dvadcatyj vek (1914–1991)* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)], Nezavisimaya gazeta, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ignazi P., Giacomello G., Cotichia F. (2012) *Italian Military Operations Abroad*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- MacMillan M. (2003) *Paris 1919: Six Months That Changed the World*, Random House, New York, USA.
- Maslova E.A. (2016) Evropeizm i atlantizm vo vneshnej politike Italii [Europeanism and Atlanticism in Italian Foreign Policy], *Mezhdunarodnye process*, 14(4), pp. 106–115. (In Russian).
- Maslova E.A., Shebalina E.O. (2022) SShA kak faktor italyanskoj politiki [USA as a Factor of Italian Politics], *Sovremennaya Evropa*, 1, pp. 35–48. (In Russian).
- Maslova E.A., Shebalina E.O. (2023) “Sredizemnomorskaya karta” v evropejskoj politike Italii [“Mediterranean card” in Italy’s European policy], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2, pp. 25–33. (In Russian).
- Menotti R. (1999) *NATO’s Mediterranean Dialogue initiative: Italian positions, interests, perceptions, and the implications for Italy–US relations*, NATO Institutional Fellowship, Brussels, Belgium.
- Perevalova A.A. (2018) Italiyskaya Respublika v asimmetrichnykh konfliktah XXI v.: voennye operacii v Afganistane, Irake i Livane [Italian Republic in asymmetric conflicts of the XXI century: military operations in Afghanistan, Iraq, Lebanon], *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta (UrFU). Seriya 3: Obshestvennye nauki*, 1(173), pp. 88–102. (In Russian).
- Pivovarenko A. (2023) The return of the concept of the Adriatic and Ionian region in Italian foreign policy, *Serbian Review of European Studies*, II(1), pp. 72–104.
- Salakone A. (2014) SSSR i “neo-atlanticheskaya” Italiya v 1960-e gg., in Yazykova A.A. (ed.) *Italiyskaya respublika v menyayushhemsya mire* [The USSR and “neo-atlantic” Italy in the 1960s], Institute of Europe RAS, Moscow, Russia, pp. 110–122. (In Russian).
- Trineke P. (2017) The Changing Character of EUFOR Althea: Power Politics or Learning? *Cambridge Review of International Affairs*, 30(1), pp. 67–86.
- Zonova T.V. (2016) *Istoriya vneshnej politiki Italii* [History of Italian foreign policy], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia. (In Russian).

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ США И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ 19–21 октября 2023 г., Томск

19–21 октября 2023 г. в Томском государственном университете прошла Всероссийская научная конференция «ЕС и США в меняющемся мире». На пленарном заседании и четырех секциях прозвучали 35 докладов исследователей из 13 академических центров России. Обсуждались вопросы внешней и внутренней политики ЕС, а также международного взаимодействия в исторической ретроспективе и современных условиях. В конференции приняли участие представители 7 региональных отделений Ассоциации европейских исследований.

Ключевые слова: Европейский союз, США, конференция, Томский государственный университет, АЕВИС

19–21 октября в Национальном исследовательском Томском государственном университете (НИ ТГУ) прошла всероссийская научная конференция «США и Европейский союз в меняющемся мире» при поддержке Ассоциации европейских исследований и профессиональных сообществ американистов и политологов России. На конференции прозвучало более 35 докладов представителей 13 научных центров и университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Волгограда, Саратова, Йошкар-Олы, Новосибирска, Тюмени, Томска, Барнаула и Иркутска.

Открывая конференцию, проректор по международным связям ТГУ А.Ю. Рыкун и декан факультета исторических и политических наук Ж.А. Рожнева подчеркнули значимость темы и необходимость сохранения и продолжения академических исследований стран Запада, включая США и ЕС. На пленарном заседании выступили Ф.А. Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», и Н.А. Цветкова, профессор Санкт-Петербургского университета, заведующая кафедрой американских исследований. Ф.А. Лукьянов представил проблемы международных отношений в постзападном мире. По мнению исследователя, разрыв отношений РФ и ЕС вредит обеим сторонам. Они ищут способы компенсировать ущерб, уходя от «естественно обусловленного» экономического сотрудничества. Н.А. Цветкова рассмотрела проблемы глобального цифрового пространства с учетом «конфликтного потенциала цифровизации». Эксперт отметила, что США поддерживали создание единой цифровой среды, однако в 2010-е гг. осознали необходимость защиты интернет-пространства от вредных влияний и действий извне. Сейчас усиливается фрагментация Интернета, его разделение на своих и чужих, создание блоков на основе определенных ценностей, при этом, по мнению Н.А. Цветковой, в области цифровизации ЕС является ведомым актором и не может конкурировать с США и Китаем.

В первой секции «Европейский союз в поисках глобальной роли» прозвучали 8 выступлений. Профессор Л.А. Фадеева, Пермский государственный университет, обратилась к проблеме политического лидерства в определении внешнеполитического курса ЕС. Н.Г. Заславская, доцент СПбГУ, проанализировала проблемы реализации климатической политики Евросоюза в условиях антироссийских санкций и прекращения сотрудничества с РФ,

что создало комплекс политических и экономических проблем, вынуждающих Брюссель корректировать цели «зеленого перехода» как локально, так и глобально. Профессора Г.А. Нелаева, Н.В. Дрожащих и доцент А.А. Андреева, Тюменский государственный университет, представили дискурс-анализ дипломатических извинений Нидерландов в отношении бывших колоний как пример поиска новой идентичности ЕС. Г.В. Коцур, к. полит. н., СПбГУ, рассмотрел изменение официального дискурса ЕС в отношении будущего через призму критической хронополитики как свидетельство усиления ранее нехарактерных для ЕС категорий стратегического суверенитета и автономии. Профессор Л.В. Дериглазова, Томский государственный университет, обратилась к теме изучения эмоций как фактора внешней политики на примере ЕС. Темой выступления доцента Е.А. Матвеевой, Иркутский государственный университет, стал неомедиевализм как способ нового осмысления европейской интеграции в XXI в. А.Д. Лисенкова, Северо-Западный институт управления РАН-ХиГС, представила развернутый анализ состояния и перспектив развития атомной энергетики в ЕС в условиях кризиса в отношениях с РФ. А.С. Горбачев, Томский государственный университет, представил обзор общей внешней политики безопасности и обороны Евросоюза в 2020–2023 гг. и основных инструментов ее реализации.

На второй секции «Инструменты влияния США и ЕС в XX–XXI вв.» были представлены 7 докладов. Доцент О.А. Аршинцева, Алтайский государственный университет, обратилась к теме англо-американских отношений, получивших развитие в период Второй мировой войны. Ю.П. Попов, Томский государственный университет, рассмотрел американско-германские отношения в период выработки «новой восточной политики» ФРГ, реализация которой была невозможна без согласования с США. Старший преподаватель РАНХиГС Е.Н. Рыжков представил американскую историографию Корейской войны (1950–1953 гг.), в частности взгляды американских историков на причины войны и позицию СССР. Доцент МарГУ А.Е. Фоминых осветил работу Информационного агентства США (*United States Information Agency, USIA*) на примере американских выставок в СССР в 1961–1979 гг. Реакция посетителей выставок использовалась для последующей коррекции программ публичной дипломатии США. Профессор СПбГУ Ю.Г. Акимов проанализировал особенности взаимодействия СССР, США и Канады в период холодной войны на основе документов МИД РСФСР в Государственном архиве РФ (ГАРФ), в частности контакты на уровне губернаторов штатов, канадских провинций и советских республиканских и региональных руководителей. Научный сотрудник НИУ ВШЭ А.Н. Марчуков рассмотрел программы публичной дипломатии ЕС в США для молодежи, которая рассматривается как наиболее перспективный реципиент ценностно-нормативного нарратива Евросоюза. Профессор ТГУ Е.Ф. Троицкий проанализировал образовательную дипломатию США, стран ЕС и Британии в Казахстане, что включает открытие филиалов университетов, программы двойных дипломов, поддержку казахстанской инициативы создания Центрально-азиатского пространства высшего образования и экспорта казахстанского образования.

На секции «Политика США в условиях современных вызовов» было представлено 7 докладов. Профессор ВолГУ И.А. Соков проанализировал способы реализации американской стратегии, реализуемой как через создание военных блоков, так и «альянсов демократий», что является способом сохранения мирового лидерства США. Доцент СГУ Е.С. Корнев рассмотрел политику расширения НАТО, начиная с 1990-х гг. по настоящее время для обоснования своего тезиса о подчиненности политики евроатлантической интеграции интересам США. Профессор ТГУ О.Г. Лекаренко проанализировала торгово-экономические отношения США с ЕС при президенте Дж. Байдене и отметила, что произошло укрепление отношений, был создан Совет по торговле и инвестициям для решения споров и развития технологического сотрудничества, однако это не исключает появления новых торговых

конфликтов. Доцент НГТУ Г.В. Торопчин рассмотрел политику США в АТР через концепции «оси и спиц» и сетевой архитектуры, обратив внимание на тенденцию создания мало-сторонних альянсов с участием США, и стремление делегировать ответственность за безопасность региональным партнерам. Доцент ТГУ Л. Н. Смолякова проанализировала энергетическую политику администрации Дж. Байдена, включая возвращение США в Парижское соглашение по климату, прекращение строительства нефтепровода «Кистоун Экс-Эл» (*Keystone XL*), введение временного запрета на выдачу новых лицензий на бурение и добычу на находящихся в федеральной собственности землях и водах, при сохранении приоритета энергетической безопасности страны. Соискатель СПбГУ А.В. Юрк рассмотрел отношения США и Израиля и выделил разногласия, которые могут свидетельствовать о серьезном кризисе в сотрудничестве двух стран. Студентка ТГУ А.В. Патрик проанализировала действия Вашингтона и Брюсселя, направленные против пропаганды «Исламского государства»¹ в 2010–2019 гг. в социальных сетях.

На четвертой секции «Страны Европы между интеграцией и национальными интересами» было представлено 9 докладов. Доцент ТГУ С.Н. Мирошников обратился к проблемам отношений стран так называемой старой и новой Европы, используя историческую аналогию фронды в качестве выражения противоречий по поводу политики институтов ЕС и отдельных стран-членов объединения. Доцент АлГУ А.М. Бетмакаев представил эволюцию оценок зарубежными исследователями отношений Евросоюза и правительства В. Орбана в Венгрии в 2010–2020-е гг. по вопросам миграционной политики, верховенства права, свободы СМИ и гражданских прав. А.К. Михеев, Пермский государственный университет, рассмотрел эволюцию «нишевых» партий, которые создаются вокруг решения специфических проблем, на примере Бельгии. К.В. Гостев, ТГУ, продолжил тему региональной политики в странах ЕС на примере языковой политики в Испании. В.О. Кривошеина, ТГУ, проанализировала антигендерную мобилизацию правых сил в Польше в противовес усилению ЕС в области гендерного равенства. Доцент А.М. Погорельская, ТГУ, рассмотрела деятельность образовательных фондов США и ЕС как инструмента «мягкой силы» для формирования определенных взглядов и ценностей у молодежи в странах Центральной Азии. М.В. Грабевник, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, представил проблему управления территориальной гетерогенностью в Боснии и Герцеговине в политике институтов ЕС и роли субнационального регионализма. К. ист. н. О.Ю. Смоленчук представила концепцию «3Д» (3D: Defense, Diplomacy and Development – «оборона, дипломатия и развитие») во внешней политике Нидерландов и ее трансформацию в политику устойчивого развития и экологической безопасности. Ю.А. Шемигаго, ТГУ, проанализировала роль ФРГ в начальный период Югославского кризиса в 1991–1992 гг.

Участники конференции выразили интерес к продолжению общения после ее завершения, ряд прозвучавших на конференции докладов будет опубликован в виде статей в журналах ТГУ по истории и политическим наукам, входящих в российские и международные базы цитирования. Студенты-волонтеры, помогавшие в организации и проведении конференции, получили благодарственные письма от факультета.

Лариса Валериевна Дериглазова, д.и.н., профессор, руководитель
Томского регионального отделения АЕВИС, НИ ТГУ

Оксана Геннадьевна Лекаренко, д.и.н., профессор, заведующая кафедрой
новой, новейшей истории и международных отношений, НИ ТГУ

¹ Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

